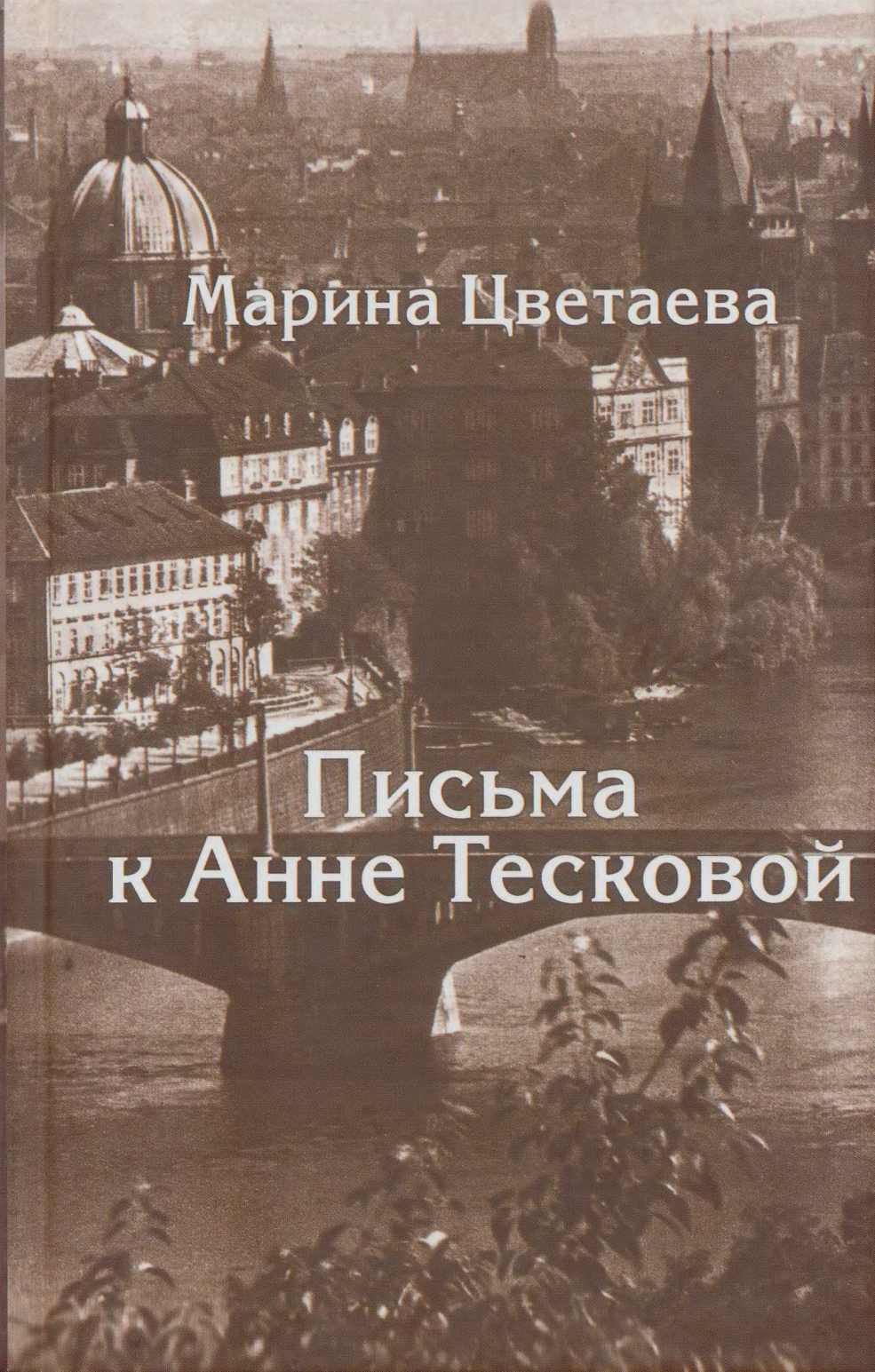

Письма к Анне Тесковой

Марина Цветаева

Марина Цветаева

Письма
к Анне Тесковой

Марина Цветаева
ПИСЬМА К АННЕ ТЕСКОВОЙ

Муниципальное учреждение культуры
«Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве»

2008

УДК 882.94
ББК 84Р7
Ц27

Издание осуществлено при содействии
Федерального агентства по печати и массовым коммуника-
циям (Руководитель *Михаил Вадимович Сеславинский*)
и финансовой поддержке ЗАО «Ретемп»
(Генеральный директор *Виталий Александрович Максецкий*)

Составление, подготовка текста, комментарии
Л. А. Мнухина

Вступительная статья
А. Главачека

Художник
А. Р. Сайфулин

Редакционный совет:
З. Н. Атрохина
(председатель, директор
Мемориального Дома-музея Марины Цветаевой в Болшеве)
А. Главачек
(профессор Карлова университета, Прага)
Т. А. Горькова
Л. А. Мнухин
Н. О. Осипова
(доктор филологических наук)

В письмах специальным шрифтом
выделены восстановленные купюры.

ISBN 978-5-88149-326-4

© МУК «Мемориальный Дом-музей
Марины Цветаевой в Болшеве», 2008

ВАШ ГОЛОС – НЕИЗМЕННАЯ РАДОСТЬ
(*Марина Цветаева и Анна Тескова*)

Эпистолярный роман

Марину Цветаеву связывала с Анной Тесковой многолетняя дружба – дружба «на расстоянии» (лично они встречались очень мало, в годы пребывания Цветаевой в Чехословакии в 1922–1925 гг.). Об их взаимном уважении, доверии и любви свидетельствует богатая переписка, которая длилась с небольшими перерывами с конца 1922 г. вплоть до июня 1939 г. Последнее – прощальное письмо Анне Антоновне, как она обычно обращалась к Тесковой, Цветаева пишет в Гавре, в стоящем поезде и отправляет его за несколько минут до своего отъезда из Франции.

Эпистолярный роман двух близких, но по своему характеру разных, а может быть и противоположных, личностей содержит большое число писем; из 138 сохранившихся цветаевских писем Анне Тесковой в Праге в 1969 г. по инициативе Вадима Морковина было опубликовано 122. До сих пор книга «Письма к А. Тесковой»¹ является содержательным источником не только фактов биографии Цветаевой – ее тяжелого эмигрантского быта, а также личных и эстетических взглядов, этого «самого искреннего в русской поэзии поэта» (И. Бродский).

¹ *Цветаева М.* Письма к А. Тесковой. Прага: ACADEMIA, 1969.

Однако, читая эту переписку, человек задумывается, почему в публикации исключены некоторые письма и пропущены большие отрывки текста, что вызывает целый ряд вопросов. Составитель Вадим Морковин в предисловии объясняет это своим стремлением не отягощать текст и соображениями такта по отношению к памяти поэтессы – *«исключены были некоторые места, касающиеся живущих особ, далее многое относящееся к личным или семейным делам поэтессы, ... малоинтересные или часто повторяющиеся бытовые подробности»*².

Однако по контексту и по сопоставлению некоторых обнаруженных в Литературном архиве пражского Музея национальной письменности (ЛА МНП) писем А. Тесковой к А. Бему ясно, что пропущены и некоторые важные и интересные места и письма по каким-то другим причинам. Доказательством этого может послужить письмо из богатой корреспонденции А. Тесковой к А. Л. Бему (ЛА МНП):

Письмо от 1 декабря 1937 г.

«...Цветаева прислала большое письмо, которое меня порадовало ее прекрасным и честным отношением к мужу; из письма ясно, что он не имеет ничего общего с этим безобразным делом и остается прежним добрым человеком, как мы привыкли видеть его (если он еще в живых, конечно!)...»

Но такого большого письма в изданной корреспонденции мы не найдем, – может быть, оно не сохранилось (А. Тескова по некоторым сведениям уже в первый день немецкой оккупации сожгла весь архив Чешско-русской едноты, а вместе с тем и большую часть своей корреспонденции) или, к этой версии мы склоняемся больше, это может быть письмо от 17 ноября 1937 г.³, которое в изданной книге имеет только номер с датой и примечанием, здесь пропущены 64 строки, его текст полностью отсутствует (из 13 полностью пропущенных писем оно является самым объемным).

² Цветаева М. Письма к А. Тесковой. С. 23.

³ Там же. С. 157.

«Безобразным делом» Тескова считает, по-видимому, скандал в связи с убийством Рейсса, в причастности к которому обвинили Сергея Эфрона. Цветаева подверглась обыску, и ей пришлось давать показания (октябрь и ноябрь 1937 г.) (см. письмо 120 и прилож. в наст. изд.).

В другом письме, от 7 июня 1936 г., пропущено 10 строк и им предшествуют такие слова: *«Оборот назад – вот закон моей жизни. Как я, при этом, могу быть коммунистом? И – достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! Мы – последние могикине)»*⁴.

В книге «Документы к истории русской и украинской эмиграции в ЧСР (1918–1939)»⁵ было опубликовано впервые и письмо М. Цветаевой к А. Тесковой из архива Министерства иностранных дел Чехословакии. Оказалось, что существуют два письма Цветаевой к Тесковой, помеченных одной и той же датой – 24/9 1926 г. Одно, чтобы помочь Тесковой в ходатайстве по обеспечению чешского пособия, и второе, действительно личное, начинающееся словами «ДЛЯ ВАС ОДНОЙ»:

*«Какая трудная задача! Письмо, долженствующее убедить человека, меня не знающего, что мне – внешне – плохо...»*⁶

На самом деле все ходатайства за Цветаеву в Праге (позже и стремление организовать ее литературный вечер) ухудшают собственное общественное положение Анны Тесковой (ведь С.Я. Эфрон считается большевиком), но она все же идет на это (см. коммент. к письмам 54, 57, 59 в наст. изд.).

Мы считаем, что сегодня наступило время напечатать «Письма к А. Тесковой» полностью, без сокращений и пропусков, в таком виде они помогут специалистам и читателям заполнить оставшиеся белые пятна. Весьма важное значение при этом имеет первая публикация 11 писем А. Тесковой к М. Цветаевой в книге «Где мой дом?», которую издал Дом-музей Марины Цветаевой в Москве в 2000 г.

⁴ Цветаева М. Письма к А. Тесковой. С. 141.

⁵ Документы к истории русской и украинской эмиграции в ЧСР (1918–1939). Славянский институт АН ЧР. Прага: ЕуроСлавица, 1998.

⁶ Цветаева М. Письма к А. Тесковой. С. 43.

«Мы с Вами люди одной породы»

Имя близкой подруги М. Цветаевой научной среде уже хорошо знакомо, но информация об А. Тесковой, как правило, пока еще ограничивается только констатацией самых известных фактов: «Чешская писательница и переводчица, организатор Чешско-русской едноты». Однако этого очень мало...

«...Вы человек, который исполнил все мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня никто не любил»¹.

Анна Тескова (1872–1954) была ровно на 20 лет старше Цветаевой; годовалым ребенком она уехала с семьей в Москву: отец – инженер-строитель – становится директором московского пивоваренного завода. Материальное положение семьи резко меняется после трагической смерти отца: Антонин Теска погиб в Москве при уличном происшествии (ему было 34 года). Анна с 12 лет растет в осиротевшей семье, в которой еще есть младшая сестра и брат (ср.: мать Цветаевой умирает, когда Марине было 13 лет, – в биографии Тесковой и Цветаевой мы находим некоторые внешние совпадения). Анна посещает русскую школу, мать Тесковой, пианистка, дает уроки музыки (ср.: мать Цветаевой тоже пианистка). Смерть 9-летнего брата Анны и нелегкие материальные условия стали причиной возвращения семьи в Прагу в 1884 г. Здесь мы тоже видим некоторые совпадения в жизни обеих женщин.

Анна и ее сестра Августа получили педагогическое образование и всю жизнь проработали учителями. Они жили вместе с матерью и ни разу не вышли замуж, следуя совету матери: «Девочки, никогда не выходите замуж, хотя это и великолепно всего, все равно не стоит ничего».

Воспитанные в патриотическом духе, семья и близкие родственники встречаются с видными чешскими писателями и общественными деятелями (например, с Палацким, Нерудой, Немцовой). Патриотизм и ненависть к австрийскому гнету,

¹ *Цветаева М.* Письма к А. Тесковой. С. 184.

русофильство семьи стали причиной того, что во время Первой мировой войны Тесковы находятся под полицейским надзором.

Журналистская и писательская работа Анны Тесковой начинается уже в начале XX века – статьи, воспоминания, очерки, фельетоны появляются во многих газетах и журналах («Май», «Народни листы», «Кветы» и др.) и имеют общую направленность – ориентацию на русскую культуру, русскую жизнь. Тескова иногда публикуется в женских журналах (например, «Календарь женщин и девушек») под псевдонимом Аким Сет. Материал новелл и рассказов тоже русский – «Нигилистка», «Мария Александровна», ею наиболее ценимый. Свои рецензии Тескова печатает в основном в журнале «Славянский обзор».

Хорошее знание русского языка позволило Тесковой перевести такие сложные и масштабные произведения русской классики, как «Войну и мир» Льва Толстого (в соавторстве с двумя переводчиками в 1909 г.), «Униженные и оскорбленные» Федора Достоевского (в 1920 г.), «Леонардо да Винчи» Дмитрия Мережковского (в 1926 г.), «Духовные основы жизни» Владимира Соловьёва (в 1915 г.) и др. Однако в наследии А. Тесковой мы бы напрасно стали искать переводы поэзии Цветаевой. Единственный дошедший до нас перевод, выполненный Тесковой, относится к прозе поэта. В письме от 29/11 1928 г. Цветаева пишет: «...перевод моего Рильке на чешский, – его второй родной язык – для меня огромная радость. (Меня (прозу) еще никто никогда ни на какой язык не переводил, Вы – первая) ...пришлите мне книжку с Вашим переводом?...»⁸ Перевод очерка «Твоя смерть» на чешский А.А. Тескова опубликовала в журнале «Lumir» (Прага. 1928. № 6/7).

Поэзию Тескова вообще не переводила. Ей ближе были Соловьёв, Мережковский и др., а новаторское, нетрадиционное по своей форме творчество Цветаевой воспринималось ею как несколько отдаленное.

⁸ Цветаева М. Письма к А. Тесковой. С. 69.

Цветаева высоко ценила мнение Тесковой, часто настаивала на том, чтобы она прочитала ее работы, высказанные критические замечания воспринимала с благодарностью.

После возникновения в 1919 г. Чешско-русской Едноты А. Тескова с энтузиазмом включается в ее работу, сначала как руководитель культурного отдела и секретарь, позднее возглавляет эту организацию.

В отличие от просоветского «Общества по экономическому и культурному сближению с Новой Россией» (возникшего в 1925 г. по инициативе Зденка Неедлого), Еднота старается занимать более сдержанную и объективную позицию по отношению ко всему советскому. Большое значение эта организация имеет для развития культурных контактов с Россией. Но все же основная роль – это благотворительная и просветительная деятельность, что проявилось в связи с помощью беженцам и русским эмигрантам (ср.: статья-апелляция Тесковой к чешской общественности – «Русские ученые умирают от голода»). Благодаря организаторской работе в Едноте, Тескова знакомится с Цветаевой (см. письмо 1). Здесь же, по всей вероятности, состоялась встреча Тесковой с еще одним человеком, сыгравшим огромную роль в ее жизни, – Альфредом Людвиговичем Бемом.

Бема Тескова очень ценила, что опять подтверждает богатая переписка между ними: «...никто другой не напишет так глубоко по-русски и одновременно на уровне Запада, как Вы...» (ЛА ПНП, ее письмо от 27/4 1927 г.)

И в других письмах можно заметить восхищенный тон, они стали близкими сотрудниками: их сближал интерес к Достоевскому – Тескова перевела несколько работ А. Бема о Достоевском на чешский язык⁹. Она сама уже в 1920 г., как отмечалось, опубликовала перевод романа «Униженные и оскорбленные», а также стала и членом общества Достоевского. С Цветаевой они по поводу Достоевского во взглядах не сошлись (см. письмо 63). И на стихи Маяковского у них были взгляды разные. После пражского вечера Маяковского Тескова напишет Бему:

⁹ Bubeniková M., Vachalovská L. A.L. Bém. BIBLIOGRAFIE. Praha, 1995.

«...вчера я слушала Маяковского (думала, что мы с Вами там встретимся), очень сильное впечатление произвел на меня его вечер, но не могу сказать, что благоприятное...» (ЛА ПНП, письмо от 27/4 1927 г.)

Надо подчеркнуть, что Тескова сумела постепенно отстраниться от первоначального «ура-славянства» и некритического русофильства, характерного для чешской культурной среды еще в начале Первой мировой войны, и трезво оценивать советскую действительность.

«...Потом разразилась мировая война, к нам пришли русские пленные, произошла чешская анабазия в России, Брест-литовский мир подстегнул ненемецкую Европу, началась вторая революция, большевизм поднял голову и русская эмиграция повернулась на Запад и к нам. Из всего этого вышла правда: Не знали мы до сих пор Россию...»¹⁰

В письме Бему Тескова выражается еще точнее и реалистически констатирует: «...Собственно говоря, это все должно рухнуть, если не сегодня, так завтра – я имею в виду чешское кокетство с советским духом. Это не вода на чешскую мельницу. Но трудности с этим еще будут...» (письмо от 27/3 1937 г., ЛА МНП)

Во время, когда многие видные личности мировой культуры поддались сталинской пропаганде, в Чехословакии продолжались споры и острейшая борьба писателей-интеллектуалов на страницах печати относительно сталинских репрессий и монстрпроцессов. Тескова – человек культурный и религиозный, разочарована и потрясена, она пишет Бему: «...Что творится в России? Тревога меня охватывает...» (ЛА МНП, письмо от 18/6 1937 г.) В полемику, по-видимому, сама не вступает.

Тескова, которой Цветаева посвятила цикл своих стихов «Деревья», не была незаурядным, чрезвычайно оригинальным художником, но роль ее в просветительной и благотвор-

¹⁰ *Testková A. Česko-ruská jednota. In: Slovanský přehled 1914–1924. Sborník statí. Praha 1925. S. 221.*

рительной деятельности – будничная, незаметная, ежедневная была незаменима. Еще эта женщина умела слушать другого и бескорыстно помогать. Цветаева нашла в доме Тесковых то, в чем она долго нуждалась – семейный очаг, хотя и ненадолго (1922–1925), и понимание – на все оставшиеся годы жизни на чужбине.

Антонин Главачек

ПИСЬМА

1

Мокропсы, 2 / 15-го ноября 1922 г.

Милостивая государыня,
Простите, что отвечаю Вам так поздно, но письмо Ваше от 2-го ноября получила только вчера – 14-го.

Выступать на вечере 21-го ноября я согласна¹. Хотелось бы знать программу вечера.

С уважением

Марина Цветаева

Адрес: Praha VIII

Libeň Svobodárna

Мonsieur Serge Efron (для Марины Цветаевой)²

2

Вишеноры, 5-го декабря 1924 г., пятница

Многоуважаемая госпожа Тешкова,
(Простите, не знаю имени-отчества).

Мне очень трудно ответить на Вашу просьбу (о лекции) утвердительно, – и по двум причинам: первая: для того, чтобы читать лекции, нужно быть уверенным, что в какой-нибудь области знаешь больше, чем другие, – я же такой обла-

сти не знаю. Тон с кафедры, силой вещей, – поучительный, я же могу гадать, утверждать, но не поучать.

Причина вторая и, объективно, более веская: в феврале я жду сына (неприменно сына!) – и совсем не могу загадывать о мае. Думаю, что я буду так связана, что навряд ли, даже переборов все внутренние препятствия, смогу 21-го мая, в 7 ч вечера, стоять на кафедре.

В Едноте¹ я была несколько раз, но Вас там не видела. Удастся ли 14-го² – не знаю, поездки по желез<ной> дороге мне уже трудны, и нет подходящего платья.

А вас повидаю с удовольствием. **Напишите какой у Вас ближайший свободный день и предупредите открыткой (приходит на второй – третий день) – буду ждать Вас, могу даже встретить.**

Если будет хорошая погода – погуляем (здесь чудесные окрестности), дождь и снег – посидим дома и побеседуем, почитаю Вам стихи.

Познакомитесь, кстати, с моей дочерью и мужем.

Думаю, что Вам всего удобнее в субботу или в воскресенье?

Буду ждать Вашей открытки.

Привет

М. Цветаева.

Мой адр<ес>: Všenory, č<islo> 23 (P.P. Dobřichovice) ехать до станции Вшеноры (вокзалы: Вильсонов, Виноград, Вышеград, Смихов) – наш дом (23) один из последних в деревне, направо от шоссе, на пригорке, с ярко-голубым забором,

Поезда (со Смихова):

1 ч. 29 м., 2 ч. 15 м., 2 ч. 57 м., – позже уже не стоит, ибо рано темнеет.

От нас очень много поездов.

Итак, не откладывайте! Следующая суббота – 14-ое, Вы заняты в Едноте, – хотите 15-го, в воскресенье?

3

Вшеноры, 11-го января 1925 г.

С Новым Годом, милая Анна Антоновна,

Давно окликнула бы Вас, если бы не с субботы на субботу поджидание Вашего приезда.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы разузнать среди знакомых, какая лечебница («болезнь» Вы знаете) в Праге считается лучшей, т. е. гигиенически наиболее удовлетворительной, считаясь с моей, сравнительно малой, платежеспособностью. Как отзываются об «Охране материнства»?¹ (сравнительно – дешевая). Срок у меня – месяц с небольшим, а у меня еще ничего не готово, кроме пассивного солдатского терпения, – добродетели иногда вредной.

Простите, что беспокою Вас столь не-светской просьбой, но у меня в Праге ни одной знакомой чешской семьи, – только литераторы, которые этих дел не ведают.

Шлю Вам привет и не теряю надежды в ближайшем будущем увидеть. – У нас прелестная елка, будет стоять до Крещения (6/19-го янв<аря>), приезжайте, зажжем.

Сердечный привет.

М.Ц.

4

Вшеноры, 2-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вам первой – письменная весть. Мой сын, опередив и медицину и лирику, оставив позади остров Штванице, решил родиться не 15-го, а 1-го, не на острове, а в ущелье¹.

Очень, очень рада буду, если навестите. Познакомитесь сразу и с дочерью и с сыном.

Спасибо за внимание и ласку.

М. Цветаева.

P.S. Мой сын родился в воскресенье, в полдень.

По-германски это – *Sonntagskind**, понимает язык зверей и птиц, открывает клады. Февральский камень – аметист. Родился он в снежную бурю.

5

Вшеноры, 10-го февраля 1925 г., вторник

Дорогая Анна Антоновна,

Пишу Вам ночью, при завешенной лампе, почти наугад, – С<ергей> Я<ковлевич> уезжает с утренним поездом, и в суматохе утра не успею.

Пакет до сих пор не найден, и письмо доктору не написано¹. Для последнего есть отговорка – лежание, но – как встану – что делать?! Думаю, что с пропажей – безнадежно, уж целая неделя прошла. Беда в том, что в отделении кроме молодого человека были только две барышни, а женщины на все тряпичное льстятся.

Хуже всего – это письмо! (Сломался карандаш!). Я в глупейшем положении невежи. Видали ли на Петре Ч<ирико>вых и не говорила ли она Вам чего-нибудь?²

Я уже сижу, – вчера первый день. С прислугой пока ничего, местные (поденные) очень дороги, 12–15 кр<он> в сутки, *жить* не идут. Ищем в Земгоре³. Моя угольщица (лесовичка) уходит в пятницу – в леса, очевидно. У С<ергея> Я<ковлевича> в ближайшие дни 3 экзамена (Нидерле, Кондаков и еще один)⁴, и он весь день в библиотеке. Весь дом остается на Але, ибо я даже если встану, недели две еще инвалид, т. е. долженствую им быть. Я не жалуясь, но повествую. И все это, конечно, минет.

Когда я встану, перепишу Вам кусочек прозы для чешского женского журнала⁵. У меня много прозы, – вроде

* Воскресное дитя (нем.).

дневника (Москва, 1917 г. – 1921 г.)⁶. Некоторые отрывки уже шли в «Воле России», «Совр<еменных> Записках» и «Днях». Дам Вам неизданное. Но хотелось бы наперед знать, примут ли. Для образца прочтите мой «Вольный проезд» в «Совр<еменных> Записках» (не то XIX, не то XX книга)⁷. Можно выбрать лирическое, есть юмор, есть быт. Напишите мне и приблизительный размер журнала. Есть у меня и маленькая пьеса «Метель» – новогодняя сценка в лесной харчевне 30-х годов – в стихах, ее бы, я думаю, отлично перевел Кубка⁸. Но экз<емпляр> у меня один (напечатана в 1922 г., в парижском «Звене»). Хотите ознакомиться – пришлю. Если Кубка заинтересуется, было бы очень приятно.

Большая просьба, м. б. нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму *жила* в одном, шерстяном, уже расплзшемся по швам. Хорошего мне не нужно, – все равно нигде не придется бывать – что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120–130 кр<он> угольщице за 10 дней, залог за детские весы (100 кр<он>), а лекарства, а санитария! – о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку. Змея иногда должна менять шкуру. Если большое – ничего, можно переделать домашними средствами.

Купила коляску за 50 кр<он> – почти новую, чудесную: одновременно и кровать и креслице. Продавали русские за отъездом. Постепенно мальчик обрастает собственностью, надеюсь, что она *не прирастет*.

А вчера я совершила подвиг: уступила С<ергею> Я<ковлевичу> имя Бориса, которого мне так хотелось (в честь моего любимого современника, Бориса Пастернака). Мальчик будет называться Георгий и праздновать свои именины в день георгиевских кавалеров. Георгий – покровитель Моск-

вы и, наравне с Михаилом Архистратигом⁹, верховный вождь войск. (Он же, в народе, покровитель *волков и стад*. Оцените широту русского народа!)

Половина четвертого утра. Кончаю. Все спят, это мой любимый час.

У нас весна, на орешнике сережки, скоро гулять! Тогда Вы к нам приедете и уже не будете плутать.

Спокойной ночи или веселого утра. Надеюсь, что здоровье Вашей мамы¹⁰ с весной поправится.

Простите за почерк

М.Ц.

6

Вшеноры, 15-го февраля 1925 г., воскресенье

Милая Анна Антоновна,

Посылаю Вам для женского журнала свой «Вольный проезд»¹. Прочтите и подумайте, подойдет ли для женского журнала. Если да и найдется переводчик, очень хотела бы хотя бы письменно с ним сообщить. Пусть бы мне прислал список не совсем ясных слов и выражений (язык народный) – я бы пояснила.

А не взялись ли Вы сами перевести? С Вами бы наверное столкнулись. Сейчас, после лежания, очень ослабли глаза, поэтому посылаю уже напечатанное. – Не играет роли?

Сегодня целый день в Вашем халате. Приятное ощущение простоты, чистоты и теплоты. Поблагодарите от меня еще раз Вашу милую маму и пожелайте ей здоровья и хорошего лета.

Детские вещи очаровательны, особенно рубашечки. Теперь нужен рост, чтобы их заполнить.

А пирожные – напрасное баловство, *никогда* не привозите, пусть это будет в последний раз, в честь Георгия.

Целую Вас нежно.

М.Ц.

PS. Как Вам понравилась статья С<ергея> Я<ковлевича> «Церковные люди и современность»?²

А чехи *тоже* забывают! В этом я убедилась тотчас после Вашего ухода: в углу на ящике серый чемодан. Или только побывавшие в России?

7

Вшenorы, 26-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Пе-лэнки на-шлись!!! (Извещение из Пильзена). Но я их еще не видела, — потребовали опись, никто не знал, M<ada>me Ч<ирико>ва нарочно ездила в Прагу к г<оспо>же Курц¹.

Теперь я смогу ответить доктору. Больше всего меня угнетало во всем этом злосключении — что я выгляжу невежей. Но, помимо лирического удовлетворения, очень радуюсь вещам, верней: вещественности.

Спасибо за заботу о моей рукописи, но к этому № женского журнала я уже все равно опоздала², — Вы говорили, к 8-му, — нужно выбрать, переписать, перевести. Пришлю, или — надеюсь — передам Вам для следующего №, может быть вместе выберем.

А если устроите «Вольный проезд» в Cest'y³ — большое спасибо, я знаю этот журнал, — производит прекрасное впечатление.

Георгий растет. Ведем с ним длительные беседы, причем говорю и за себя и за него, — и — уверяю Вас — не худший метод беседы! (Приучена к нему своими мужскими собеседниками.)

«Воля России» поднесла ему чудесную коляску — царскую! — (в моих устах наибóльшая похвала — *не* в их!). Если увидите Слонима⁴, передайте ему (сторонне, не от меня) мое

восхищение: я не умею благодарить в упор, так же, как не умею, чтобы меня благодарили, — боюсь, что они все сочтут меня бесчувственной.

До свидания, надеюсь — до скорого. Приезжайте — я всегда дома.

М.Ц.

P.S. Главное забыла: есть прислуга — приходящая — родом из Теплитца. Приходит ежедневно на три часа. Говорим с ней про Бетховена (Toeplitz, Beethovenhaus*⁵).

8

Вшеноры, 20-го апреля 1925 г.,

Второй День Пасхи

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Мое Христос Воскресе до Вас не дошло, — думая, что Вы будете в Едноте, передала через С<ергея> Я<ковлевича>, а Вас не было.

Писала Вам о нынешней (в 7 ч. в<ечера>, в Мещанской беседе) «Грозе», где С<ергей> Я<ковлевич> играет Бориса и куда я Вас приглашала¹.

— Жаль. — Впрочем, за смертью родственницы², Вы навряд ли бы пошли.

С<ергей> Я<ковлевич> сейчас в городе, поэтому не могу сказать точно, в какой из дней он будет у Вас. Только прошу — письма через него не передавайте, боюсь повторения чириковского случая с пленками, тем более, что он окончательно замотан «Грозой» и Пасхой и еле волочит ноги.

Приедете — привезете. Лучше так.

Очень жду Вас, у нас весна, гуляем с коляской.

Нынче мой первый выезд в Прагу за 3 месяца, — жаль, что не увидимся.

Целую Вас.

М.Ц.

В том письме была первая фиалка от Али. Сейчас нарезаны!

* Дом Бетховена (нем.).

Вшеноры, 3-го мая 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Давайте – отложим чтение до июня, очень прошу!¹ Как раз около 12-го будет в Праге Степун, мне очень хочется его послушать², а выехать два раза на одной неделе мне не удастся. (Можно ли не предпочесть другого – себе?!) К тому же я сейчас как-то очень устала, а такой вечер требует полного сосредоточения, ведь дело в выборе стихов, – я живу по стольким руслам! Кто мои слушатели? Не для себя же читаешь! (Для себя – пишешь.)

Словом, моя большая просьба: перенесем на июнь.

Я еще не поблагодарила Вас как следует за Вашу память, доброту, заботу – благодарить легко равнодушных – и, когда сам равнодушен. Некоторые слова, произнесенные, звучат холодно и грубо, совсем иначе, чем внутри. Вот эти внутренние слова мои к Вам – как бы я хотела, чтобы я бы их не произносила, а Вы бы их все-таки услышали!

Умилена Вашим вопросом о простуде: конечно нет: я болею только в хорошей жизни, а, может-быть – от нее*. Есть у меня, в одной неоконченной вещи – житии Егория Храброго – такое обращение к Егору – волка:

**«Ухитримся-ка, Егор, жить поплоче:
Удавиться нам от жизни хорошей!»³**

(Это я – тот волк!)

С большой радостью думаю о Вашем приезде как-нибудь на целый день, с Вами мне легко, – Вы не замечаете быта, поэтому мне не приходится ничего нарушать. Будем ходить и сидеть, а может быть – лежать даже! на траве, на горе – и говорить, и молчать.

* Оттого – так редки болезни! (*Сноска Цветаевой*).

А я Вас в прошлый раз даже не напоила чаем! Но это, отчасти Вы виноваты: когда мне с человеком интересно, я забываю еду: свою и его. Но, по-настоящему, г<оспожа> А<ндрее>ва⁴ виновата: в таком хорошем доме *должен* быть чай. (Иначе, для чего они – «хорошие дома»?!)

Аля в восхищении от Ваших тетрадей. Спасибо. Целуем Вас обе, С<ергей> Я<ковлевич> шлет привет.

М.Ц.

P.S. Госпоже Юрчиновой⁵ я уже написала.

10

<14-го мая 1925 г.>¹

Дорогая Анна Антоновна,

Бесконечное спасибо за посылку! Простите за позднюю благодарность, каждый день, каждый час хотела писать — и все некогда, некогда, некогда!

Пальму с бананами? Я удовлетворилась бы Иерусалимской стеной на солнце. (Можно ведь и не плакать?)²

Приходите завтра, в пятницу, на диспут о современной литературе, — буду. В 7 ч., в Земгоре³.

Целую Вас, — увидимся?

М.Ц.

Вшеноры, четверг.

11

Дорогая Анна Антоновна,

Очень рада, что окликнули, — я уже боялась, что Вы на меня в обиде за ту коротенькую записочку в ответ на чудесную объемистую посылку. И сто раз хотела Вам еще написать, — но роковое «некогда», ничего не успеваю.

Очень жду Вас во вторник с г<оспож>жей Юрчиновой, очень хочу, чтобы она мне понравилась (я — ей — на втором месте!)

О Pen Club'e¹ расскажу — непосредственно, как всегда. Очень жалела, что Вас там не было, сидели бы вместе.

А у нас грозы, — каждый день по две. И множество раз в саду, — грозы розам в пользу!

Жаль, что не знаю Вашего поезда, а то бы Аля встретила.

Итак, до скорого свидания!

М.Ц.

Вшеноры, 26 июня 1925 г.

12

Вшеноры, 12-го августа 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Не люблю открыток, да и Вы не любите, но письмо написать не соберешься, а открытка — все-таки — что-то¹.

Где Вы и что Вы? Всё ждала от Вас весточки. Как здоровье Вашей мамы и Ваше? Что делаете, что читаете?

О нас, вкратце: С<ергей> Я<ковлевич> вот уже месяц, как в санатории (Земгорской Здравнице)², за эту зиму потерял 18 кило<грамм>, сейчас весит 62 <килограмма>, вес костей. Аля и Георгий растут и цветут. Живем без прислуги (разбалованная мною, ушла со скандалом), с трудом, но пишу. Заканчиваю воспоминания о Брюсове³. Вот бы хорошо — отрывки в Pragerpresse⁴. Не знаете ли адреса Кубки?⁵ Если бы написали ему (о Брюсове для Pr<ager> Presse) была бы Вам очень благодарна.

Когда возвращаетесь? Как погода? У нас круглые грозы.

Целую нежно, привет Вашей матушке и сестре⁶. От Али также поцелуй.

М.Ц.

Вшеноры, 9-го сент<ября> 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Простите за поздний отклик, сердцем я откликнулась раньше.

Бесконечное спасибо Вам за заботу, рукопись Кубке отправлена, сказал, что раздаст ее частично¹. Вышло, как всегда, впятеро длинней, чем думала, вместо анекдотических записей о Брюсове-человеке – оценка его поэтической и человеческой фигуры с множеством сопутствующих мыслей. Любопытно, как Вам понравится. Задача была трудная: вопреки отталкиванию, которое он мне (не одной мне) внушал, дать идею его своеобразного величия. Судить, не осудив, хотя приговор – казалось – готов. Писала, увы, без источников, цитаты из памяти. Но, м. б. лучше, – мог бы выйти целый том.

Живем все – С<ергей> Я<ковлевич>, Аля, Георгий, я – хорошо. С<ергей> Я<ковлевич> полтора месяца пробыл в <Земгорской> санатории, поправился, но, увы, объявилась нервная астма, недуг неопасный, но трудно-переносимый. Аля вся в грибах и ежевике, – приедете, угостим вареньем и маринованными белыми, есть даже отдельная баночка для Вашей мамы, памятуя ее страсть к грибам.

А у меня план: проведем с Вами как-нибудь целый день – волшебный. В Праге, я приеду. Пойдем в старую часть города, в какие-нибудь места, где никто не бывает, потом в кафе, потом домой, к Вам, – музыка и стихи. Ваша мама любит Шопена? Если да, буду просить ее, – мой любимый.

Осуществим непременно. Попрошу С<ергея> Я<ковлевича> посидеть, вырвусь и дорвусь до настоящей себя.

Целую Вас. Сердечный привет маме и сестре. Не забываюте.

М.Ц.

Коричневый костюм переделала – отличное платье.

Фазанье перо – от Али. Весь лес усеян!

Вшеноры, 1-го октября 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вопрос и просьба: не могли бы Вы похранить у себя некоторое время нашу корзинку с вещами? Некоторое время, потому что: либо через три месяца – вернусь, либо, если устроюсь в Париже (в чем *очень сомневаюсь*) – С<ергей> Я<ковлевич> ее мне вышлет «petite vitesse»*.

Корзина большая, предупреждаю, – но, может быть, нашлось бы место в передней? Невозможно везти с собой *всё*, не зная, останешься ли. Очень попросила бы Вас поскорей сообщить мне ответ. Заграничный паспорт на днях будет, визу М<арк> Л<ьвович>¹ обещал достать, денег пока нет. Еду с Алей и Муром (самовольное уменьшение от Георгия) – два взрослых билета – и виза – и перевозка – и предотъездная уплата долгов... Но, раз нужно, – думаю, – уеду.

Неприменно хочу перед отъездом провести с Вами вечерок. Я у Вас ни разу не была, знаю, что буду жалеть об этом – не хочу жалеть *небывшего*, а радостно вспоминать *бывшее*. – Видите, как я сама к Вам в гости напрашиваюсь? –

Отъезд – предполагаемый – после двадцатого этого месяца. Как поеду – не знаю: ужасающе-неприспособлена. Не едет ли, случайно, кто-нибудь из Ваших знакомых? Не знаю, напр<имер>, как устроить с питанием Георгия? Ест он 4 раза в сутки, и ему все нужно греть. Как это делается? Спиртовку ведь жечь нельзя. Впервые я была в Париже шестнадцати лет – одна – влюбленная в Наполеона – и не нуждавшаяся ни в теплой, ни в холодной пище. – Сто лет назад². –

Приезжайте к нам на прощание. Я Вас нежно люблю. Вы из того мира, где только душа весит, – мира сна или сказки. Я бы очень хотела побродить с Вами по Праге, потому что Прага, *по существу*, тоже такой город – где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не

* «Малой скоростью» (фр.).

из-за «родного славянства», из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие. Из Парижа, думаю, напишу о Праге, – не в благодарность, а по влечению. Изда- лека все лучше вижу. И, может быть, Вы мне сообщите не- сколько *реальных* данных, чтобы все окончательно не уплы- ло в туман. Итак, мне *очень* хочется побродить с Вами по Праге, пока еще листья есть. Во мне говорит не любитель старины – это *тесно и местно*, просто – влекусь в тишину. *Очень* хотелось бы узнать происхождение: приблизительное время и символ — того пражского рыцаря *на* – вернее – под Карловым мостом – мальчика, сторожащего реку³. Для меня он – символ верности (себе! не другим). И до страсти хотелось бы изображение его – (где достать? Нигде нет) – гравюру на память. Расскажите мне о нем все, что знаете. Это не женщина, и спросить можно: «сколько тебе лет?» Ах, какую чудную повесть можно было бы написать – на фоне Праги! Без фабулы и без тел: *роман Душ*.

Никому не рассказывайте. Ведь не знаю, напишу ли, а будут знать другие – наверно не напишу.

Никому не рассказывайте также о моем отъезде, т. е. *о возможности* моего невозвращения. И, если вернусь, помогите мне устроиться в Праге, где-нибудь на окраине, хорошо бы – неподалеку от Вас. Мы бы вместе ходили и бродили. Жизнь *за*-городом не в меру тяжела – даже мне. Столько лишней работы и такая дороговизна на всё, кроме жилища. **Помните нашу квартиру? Сырость (уже течет!) тьма — и вот, хозяева, удостоверившись, что можно жить, раз мы прожили целый год, повышают плату на 100 кр<он>. Итак, уже не 200 кр<он>, а 300 кр<он>.**

— Сама жизнь выживает. —

А.И. А<ндрее>ва тоже уезжает, сначала в Берлин, потом в Париж. Ей тоже сложно: берет с собой пока только старшего⁴. Но с деньгами — легче.

Думаю, уедет раньше меня.

Дорогая Анна Антоновна, сообщите, пожалуйста, адрес г<оспо>жи Юрчиновой, она мне два раза писала открытки, но все без адреса. Кроме того, у нее или у ее знакомой переводчицы – все мои книги и вырезки из газет, хочу знать, что с ними случилось.

Целую Вас нежно и жду письма.

М.Ц.

15

Дорогая Анна Антоновна,

Радуюсь Вашему отклику.

Насчет Парижа: еду не в Париж (не люблю *залибленных* мест, как *залибленных* людей: всегда подозрительно!) а, вообще, еду, — надо же куда-нибудь! А в Париж — потому что там мне обещают устроить выступление (заработок) и — потому что там друзья¹. У меня их мало.

Здесь прожила не год, а целых полтора — безвыездно. Не забывайте, что это не Прага — и даже не деревня, а крохотное провинциальное местечко, душное, как долина, где расположено. И слишком много черной работы, — мысль не тупеет, но чувства — спят.

Завтра Муру прививают оспу, во Вшенорах, за исключением поездки к франц<узскому> консулу (виза), буду безвыездно. *Очень* жду Вас, напишите — когда...

Сердечный привет Вам и Вашим.

М.Ц.

6-го Окт <ября> 1925 г.

<Две строки зачеркнуты>.

Простите за грязный лист, — не в моих привычках, — но осознанная вина — пол-вины!

Ехать думаю по окончании Муркиной оспы, — в последних числах этого месяца.

Спасибо за усыновленную корзину.

Дорогая Анна Антоновна,

Ради Бога – сегодня же передайте это письмо г<оспо>же Юрчиновой. Денег из Парижа до сих пор нет, ехать мне 31-го, в субботу, необходимо. Иначе я остаюсь без квартиры (1-го уже въезжают) и без провожатых (31-го уезжают в Париж г<оспо>жа Андреева с сыном). Положение трагическое.

Я прошу г<оспо>жу Юрчинову одолжить мне эту тысячу крон. 15-го ноября, на Сокольской ул<ице>, в Земгоре, у г<осподи> на Заблоцкого¹ она их получит. Если парижские деньги придут – получит раньше. Объясните ей, что эти деньги – верные, мое ежемесячное чешское иждивение².

Просить мне не у кого, может быть она соберет среди знакомых. За день за два (в *крайнем* случае в пятницу) необходимо взять билеты. Поезд уходит в субботу, 31-го, в 10 ч. 45 мин<ут> с Вильсонова³.

Если ничего не изменилось, завтра у Вас будет Аля. Может быть через нее уже можно будет узнать ответ.

Спасибо Вам, и Вашей матушке, и сестре за чудесный день. Я Вашу матушку не поблагодарила тогда за игру, – это не значит, что я ее не почувствовала. Ей ведь тогда не хотелось играть Шопена, а она играла, – это меня вдвойне тронуло. Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд⁴.

Целую Вас нежно. Убедите г<оспо>жу Юрчинову, что я не аферист и к деньгам, а главное – к просьбам о них – отношусь с отвращением. (Потому их у меня никогда нет.)

До свидания – через Алю – до завтра.

Любящая Вас

М.Ц.

26-го Окт <ября> 1925 г., понедельник.

Дорогая Анна Антоновна,

Аля от Вас вернулась – как из сказки. Конечно, Ваш дом – зачарованный, жилище не трех душ¹, а – души. И душам в нем – «дóма». Остальные же пусть не ходят.

И – очаровательное внимание души к телу – спасибо за чудесный чай с таким чудесным названием и в такой чудесной обертке, за шоколад из времен Гомера², за напоминающие детство – сухари. Спасибо за всё.

Деньги беру и ими спасаюсь. Сегодня телеграмма из Парижа – раньше 12-го не могут. А ехать нужно – не все налажено, а все разлажено – разложено – жить в состоянии отъезда немислимо.

Мур вчера сильно испугал: сильный жар, сонливость. Сегодня был доктор, предписал диету, но сегодня ему (тьфу, тьфу не сглазить!) уже лучше – еще два дня на поправку – и авось –

Андрееву ждут, но ее все нет. Боюсь, что не дождемся.

Если в субботу *не* удастся – известим. Но пожелайте (верю в добрую волю) чтобы удалось. И приходите на вокзал – непременно. Если будут другие – все равно. Знайте, что Вы и Ваша семья – те полдня у Вас – лучшее, что я оставляю в Праге.

Целую нежно. Благодарность, привет и любовь всем.

М.Ц.

Вшеноры, 28-го Окт<ября> 1925 г.

Париж, 7-го дек<абр> 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Узнаю из письма С<ергея> Я<ковлевича>, что Вы до сих пор от нас ничего не получали. Мы написали Вам с Алей тотчас же по приезде, т. е. на второй день, с подробным описанием дороги, видов, чувств, спутников, разговоров¹. О последней Чехии – мимолетной Германии – первой Франции. Обо всем.

Потом ждали ответа, потом устраивались, потом я, не отрываясь, дописывала к сроку две последние главы своей поэмы «Крысолов» («Воля России»)². Вторично написать не собралась не по отсутствию желанья, но по *абсолютной* занятости: я в Париже месяц с неделей и еще не видела Notre-Dame!³

До 4-го декабря (нынче 7-ое) писала и переписывала поэму. Остальное – как во Вшенорах: варка Мурке каши, одеванье и раздеванье, гулянье, купанье – люди, большей частью не нужные – *бесплодные* хлопоты по устройству вечера⁴ (снять зал – 600 фр<анков> и треть дохода, есть даровые, частные, но никто не дает. Так, уже три отказа.) Дни летят.

Квартал, где мы живем, ужасен, – точно из бульварного романа «Лондонские трущобы»⁵. Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять *негде* – ни кустика. Есть парк, но 40 мин<ут> ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем – вдоль гниющего канала.

Отопление газовое (печка), т. е. 200 франков в месяц.

Как видите – мало радости.

Муру достали коляску (своей не взяли – и зря). Но он из нее уже вырос. Необходима кровать, а кроваток с сеткой, как в России и Чехии, здесь нет, – сплошь металлические. Обходили весь Париж – таких не делают. Мур о металлические брусья разобьет себе голову, не куплю ни за что. А коляска мала, мелка, он все время из нее вываливается.

Стоит только раз расстегнуться поясу (кожаных, как у кубковского мальчика⁶, здесь нет, — наш матерчатый, от платья) — и он кувыркнется.

И вот, просьба, дорогая Анна Антоновна, не могли бы Вы совместно с Серёжей, купить где-нибудь подержанную детскую кроватку от *здорового* ребенка. (Новую везти нельзя и, боюсь, дорого). Или, без матраса — новую, с сеткой, крепкую и не слишком маленькую. Матрас выдаст себя новизной и придется платить пошлину. С<ергей> Я<ковлевич> 15-го получает иждивение, если у него сейчас нет денег — одолжите ему. Думаю, не так дорого. Кроватку хотела бы *не шаткую, не поломанную*.

С<ергей> Я<ковлевич> в 20-х числах едет к нам, взял бы с собой в багаж. А то — прямо не знаю, как быть.

Еще: может быть можно было бы достать у г<оспо>жи Юрчиновой какое-нибудь *темное* платье мне, *для вечера*. Никуда не хожу, п. ч. нечего надеть, а купить не на что. М. б. у нее, как у богатой женщины, есть лишнее, которого она уже не носит. Мне бы здесь переделали. Если найдете возможным попросить — сделайте это. Меня приглашают в целый ряд мест, а показаться нельзя, п. ч. ни шелкового платья, ни чулок, ни лаковых туфель (здесьний — «uniforme»). Так и сижу дома, обвиняемая со всех сторон в «гордости». С<ергею> Я<ковлевичу> об этой просьбе не говорите, — пишу ему, что у меня всё есть. А платье, если достанете, передайте — «посылает такая-то».

Мур большой, — шесть зубов, веселый, тихий. Говорит «мама» (осмысленно) — и очень явственно: «ддда!» Ко мне очень привязан.

Целую нежно Вас, Вашу чудную маму и Августу Антоновну. Как Вы могли подумать, что мы Вам не разу не написали?!

М.Ц.

Париж, 19-го декабря 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Поздравляю Вас с наступающим Рождеством. Волшебный город – Прага: там все подарочно, все елочно. Здесь (нынче 19-ое) елкой и не пахнет, в самом настоящем смысле слова. Елка считается германским обычаем, большинство ограничивается сжиганием в (дымящем!) камине – «bûche de Noël»*. Подарки к Новому Году, в туфлю. – И всё –

Выставки великолепны и – потому – холодны. Жалею детей, соблазняемых всеми окнами. Не отсюда ли – раннее разочарование?

С моим вечером дело, пока, не двинулось. Живу на окраине, ни с кем не вижусь, у наших хозяев у самих забот по горло. Не Париж, а Смихов, только гораздо хуже: ни пригорка, ни деревца, сплошные трубы.

Есть мечта переехать в Версаль, но от меня *ничего* не зависит. Кроме того, одна из дочек моей приятельницы, у которой гощу, очень озлобленна и завистлива¹. Покупаю Але фартук, а она, под видом шутки: «Какие все счастливые! У всех все новое, только у меня одной...» и т.д. А у нее самой полный шкаф платьев. Просто завистливые глаза. (*Завидовать – мне!*)

Это, конечно, мелочь, но в такой стесненной, скученной жизни каждое лыко в строку. *Ненавижу гостить.*

Другое горе: нет своей комнаты². Человек приходит ко мне – должен сидеть со всеми. Так было недавно с одной моей знакомой, приехавшей из России.³ А на людях – я не я, то есть тоже я, но не *основная*. Врожденная воспитанность заставляет направлять разговор на общие темы, – не интересные никому. И человек *меня* не видит. Как я – его.

* «Рождественское полено» (фр.).

Но все это частность. Самое неудобное — жизнь вообще. Не продается. То есть то́, как, пока жила. Может — быть — на Востоке, но на Востоке мне не бывать.

Ах, как надоело каждое утро вставать — и еще так рано!

Муру — 10 мес<яцев>. Шесть зубов, волосы подросли. Немножко стоит, но не твердо, он вообще не торопится. (Аля говорит: «медленно, но верно!») Ходит в чудном белом вязаном платице и коричневых башмачках — подарки г<оспо>жи Кратохвиловой⁴. — Вы ее не знаете? — Получила вещи с оказией, страшно трогательно.

Очень много работаю. Только что сдала в «Дни» и «Последние новости» рождественскую прозу⁵. Просмотрите рождественские номера.

24-го ждем С<ергея> Я<ковлевича>. Хочу, чтобы по крайней мере ему Париж пошел впрок. Ведь есть, что поглядеть!

Не была даже в Notre-Dame, — не с кем (одна путаюсь) и нет времени. Вот с Вами бы пошла! А с какими-то барышнями — не хочется.

Читали ли отзыв в «Днях» о «Ковчеге»?⁶ И как встречен «Ковчег» чехами? Напишите. Интересно.

Вспоминаю Вас и Вашу милую семью с неизменной нежностью и любовью. Посылаю г<оспо>же Юрчиновой поздравительную открытку по Вашему адресу.

Целую нежно. Не забываюте.

М.Ц.

Париж, 30-го декабря 1925 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Мне живется очень плохо, нас в одну комнату набито четыре человека, и я совсем не могу писать. С горечью думаю о том, что у самого посредственного фельетониста, даже не перечитывающего – что писал, есть письменный стол и два часа тишины. У меня этого нет – ни минуты: вечно на людях, среди разговоров, неустанно отрываемая от тетради. Почти с радостью вспоминаю свою службу в советской Москве¹, – на ней написаны три моих пьесы: «Приключение», «Фортуна», «Феникс» – тысячи две стихотворных строк.

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т. е. обретать смысл и вес – только преображенная, т. е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана ирая. Мне вещь *сама по себе* не нужна.

Спасибо за привет и ласку. И чудное платье – чье? Читали ли в «Днях» мое «О Германии»?² и узнали ли меня в такой любви?

Здесь много людей, лиц, встреч, но все на поверхности, не затрагивая. С<ергей> Я<ковлевич> очарован Парижем, – я его еще не видела. И, пока, предпочитаю Прагу, ее – несмотря на шум, а может быть – сквозь шум – тишину.

Целую нежно Вас и Ваших. Страшно не нравится жить.

М.Ц.

– Пояс чудный, – настоящий спасательный круг!
Муру – 1-го 11 месяцев. Покупаю платья на 2 года – такой большой.

21

Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна! Привет Вам и Вашим из Лондона, где вот уже две недели¹. Это первые мои две свободные недели за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) – упиваюсь. Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья, чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные каминны и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лежала, не поднимая головы.) Написала здесь большую статью². Писала неделю, дома бы писала 1^{1/2} месяца. Сердечный привет Вам и Вашим. Люблю и помню.

М.Ц.

22

St. Gilles-sur-Vie, 9-го мая 1926 г.

Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Сейчас последний день нашей русской Пасхи.)

Я уже две недели как в Вандее, одна с детьми, С<ергей> Я<ковлевич> очень занят новым журналом «Вёрсты»¹.

Прочтите, пожалуйста, мою статью «Поэт о критике» во 2-ой книге «Благонамеренного» (только что вышла), за которую меня дружно травят: Адамович, Осоргин, А. Яблоновский и даже Петр Струве, которого, впрочем, еще не читала².

«Laisser dire»* – вот что написано над дверью одного из здешних рыбацких домиков. То же говорю и я.

Дорогая Анна Антоновна, мне очень нужен весь мой матерьял (книги и вырезки), взятый у Кубки г<оспо>жой Юрчиновой. Как ее адрес?

* «Пусть говорят» (фр.).

Мой: *St. Gilles-sur-Vie* (Vendée)
Avenue de la Plage
Кер: *Eduard*.

<Притиски на полях:>
Спасибо за рыцаря.
Такая радость.

Целую Вас и Ваших.
Всего доброго. Где будете летом?

М.Ц.

23

St. Gilles-sur-Vie, 8-го июня 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Ваше письмо было для меня большой радостью и поддержкой. Самая большая редкость – чистый подход к вещи, вещь и ты, – так Вы подошли к моему «Поэт о критике».

Статья написана *просто* (это не значит, что я над ней не работала, – простота дается не сразу, сложность (нагроможденность!) легче!), читалась она предвзято. Один из критиков отметил, что я свою внешность считаю прекрасной (помните о красоте и прекрасности) – я, которая вообще лишена подхода к какой-либо внешности, для которой просто внешности (поверхности, самого понятия ее!) нет.¹

Грызли меня: А. Яблоновский, Осоргин, Адамович (впрочем, умеренно, втайне сознавая мою правоту) и... Петр Струве², забыв на секунду и Кирилла <Владимировича> и Николая Николаевича³. *Ни одного голоса в защиту*⁴. Я вполне удовлетворена.

Но все это уже прошлое. Настоящее вещи – когда она пишется. Дописано – прошло. Самостоятельное существование вещи вне меня – вот цель и итог.

О нашей жизни. Приехал после парижских мытарств С<ергей> Я<ковлевич>, скелетоподобный, вечно голодный и сонный. Первые дни ел и спал попеременно, сейчас отошел, ходит, пишет.

Погода ужасная, смена дождя и ветра, ходим в зимнем. На этом побережье tous les vents se donnent rendez-vous*. Какие-то Норды, Осты, Весты, – и хоть бы один теплый!

Океан. Сознаю величие, но не люблю (никогда не любила моря, только раз, в первый раз – в детстве, под знаком пушкинского: «Прощай, свободная стихия!»⁵).

Она свободная, а я на ней – связанная. Свобода моря равна только моей несвободе на нем. Что мне с морем делать? Глядеть. Мне этого мало. Плавать? Не люблю горизонтального положения. Плавать, ведь это лежать, ехать. Я люблю вертикаль: ходьбу, гору. Равнодействующую сил: высоты и моей. На Океане я зритель: в театре: полулежа: в ложе. Пляж – партер. Люблю в театре только раёк (верх), т. е. горы, которых здесь нет.

Кроме того, море либо устрашает, либо разнеживает. Море слишком похоже на любовь. Не люблю любви. (Сидеть и ждать, что она со мной сделает.) Люблю дружбу: гору.

Мур почти ходит. С<ергей> Я<ковлевич> привез ему загон (Baby-Park), ставим в сад, где и пасется. Очень большой и толстый, красивый, волосы начинают виться. Больше всего любит животных. Много понимает, но говорит мало.

Аля знакомится с морем (Мур на него и не смотрит), но, думаю, тоже предпочитает земные волны: горы и листву. Здесь совсем нет деревьев и очень мало травы. Песок.

Но все-таки радуюсь, что в *Вандее*, давшей когда-то столь великолепную вспышку *воли*. В семи километрах от нас, возле фермы Mathieu, крест с надписью: здесь такого-то числа 1815 г. убит Henri de la Rochejaquelin⁶. – Вождь Вандеи. –

* Все ветры назначают друг другу свидание (фр.).

Народ очаровательный: вежливый, веселый, легко жить. Одежда и головные уборы как века назад. В нашем St. Gilles церковь XIII в.

Дорогая Анна Антоновна, у меня к Вам большая просьба, трудная, не знаю как приступить.

У Новэллы Чириковой⁷ на вилле Божénка во Вшенорах (где жила Андреева) осталась наша большая корзина. Если бы Вы забрали ее к себе, Вы бы нас спасли. Вещи там очень хорошие (всё Муркино приданое), много моих, письма, тетради, всё, что я не забрала с собой, уезжая. **За лето моль поест шерсть, и вообще, дольше держать корзинку у Ч<ирико>вых невозможно. Боюсь, что вещи уже сейчас заплесневели. А там напр<имер> чудесное Мурино пальто на четыре года, множество штанов и шерстяных чулок. Жаль.**

Нынче же пишу В.Ф. Булгакову и его жене⁸, живущим во Вшенорах. Они Вам во всем помогут, Только нужно списаться или сговориться. Všenory, č<islo> 33 (Булгаков).

Не знаю, где удобней перетрясти и переложить вещи, — у Ч<ирико>вых или у Вас. Необходимо пересыпать нафталином.

Вторая просьба: мне очень нужны два летних платья: одно переделка платья из подаренного Вами: *крэмовое с красными горошинками* и другое: *голубое в клетку* (голубое, черное, белое — клетчатое, тонкое, сразу узнаете). Думаю, их можно, как старые вещи, переслать по почте. Мне совсем нечего носить, уехала в апреле, когда еще о летнем не думалось.

Не выписываю всей корзинки сюда, п. ч. совсем не знаю, где будем осенью.

Булгаков найдет и лошадь (м. б. тачку) до вокзала, и сдаст в багаж, — во всем поможет. Он необыкновенно сердечный и деятельный в дружбе человек.

Внезапная мысль: земными тяжестями умеют (т.е. соглашаются) ворочать только души. Тела косны, — себя еле носят, — где уж — корзину!

Целую Вас нежно и бесконечно смущаюсь за просьбу. Сердечный привет Вашим.

М.Ц.

Деньги на расходы вышлю тотчас же как получу Ваше согласие.

Да! Последняя просьба! На дне корзины должна находиться толстая коричневая немецкая мифология, в переплете, с картинками.

Gustav Schwab — Die schönsten Sagen des klassischen Altertums*.

Эту книгу нужно отправить отдельно, *почтой*, заказной бандеролью, *не* багажом. Она мне крайне нужна в возможно скором времени для II ч<асти> Тезея⁹, которую пишу сейчас. Толстый, коричневатый, несколько разъехавшийся том. Там же имя с припиской:

книга на всю жизнь.

— Как Вам понравились Вёрсты?¹⁰

Жду письма. Сердечный привет от нас всех Вам и Вашим.

М.Ц.

24

St. Gilles<-sur-Vie>, 20-го июля 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Потеряла Вашу открытку с адресом, всё надеялась найти при тщательной уборке, она не осуществилась, пишу по старому в надежде, что дошлют.

* Густав Шваб — Прекраснейшие легенды классической древности (нем.).

К 15-му сентября возвращаюсь в Прагу¹, на оставшиеся здесь два месяца буду получать половинную стипендию, т. е. по 500 кр<он> вместо 1000 кр<он>. Бóльшего в мою пользу ни Булгаков, ни Завадский², ни другие хлопотавшие добиться не могли. Надеюсь, что прежнюю стипендию возобновят при моем приезде, на 500 кр<он> я с детьми никак не проживу. Выясню это к 15-му августа.

Теперь – в случае прежней тысячи в месяц — можно ли мне надеяться, дорогая Анна Антоновна, устроиться на эти деньги *в Праге*? Как бы хотелось возле Вас! Район (– думаю о детях, я фабрики и вокзалы, как самое печальное – люблю) должен быть непременно хороший, с близким садом для прогулки. Мне хочется в Прагу, а не за город, чтобы немножко побыть человеком, – не только душой и черно-рабочим. Но я связана детьми и деньгами. О квартире думать нечего? Квартира – свобода, но – дорого? недоступно? Нельзя ли было бы найти две комнаты у чехов, любящих русских и не слишком строгих к порядку? Самое лучшее было бы – с уборкой (платила бы прислуге), м. б. с обедом? (только не за общим столом!). В той же Чехии можно жить по-человечески, я жила не по-человечески и устала так жить, заранее устала. Прагу я люблю самым нежным образом, но, по чести, так мало от нее взяла – и не по своей вине. В Праге везде – музыка! Ни разу не была в концерте. Хотелось бы познакомиться с чехами, особенно с женщинами, все это было бы возможно в Праге, невозможно за городом. Я буду жить одна с детьми, как я могу на целый день уехать в Прагу, оставляя Мура одного с Алей. Аля – большая, но девочка, большая девочка. Мур промочит ноги, Мур упадет со стула и т. д. Заместительницы у меня нет, я ни разу не выеду в Прагу. Я знаю себя. В Праге я могу уйти на час – это другое дело, или вечером, уложив Мура, все это *другое*. Мне хочется *влюбиться* в этот город, для этого нужен досуг.

Одну комнату – трудно, мне дети не дадут писать, я курю, (Муру вредно) – много вещей и т. д.

Так вот, дорогая Анна Антоновна, обдумайте и ответьте, возможно ли? Если *нет* – что ж, буду искать за городом, жить где-нибудь же нужно.

Иногда по вечерам я буду приходить к Вам, читать Вам стихи, беседовать, слушать музыку Вашей мамы³. Не часто. Не бойтесь. Может быть – когда-нибудь – пойдем с Вами побродить по старым местам. Я люблю Прагу совсем особой любовью, вижу ее городом *âmes en reine**, – м. б. от тумана?

Я уже здесь не живу, оставшиеся полтора месяца *пролетят*, я не могу жить тем, что заведомо кончится. Моя Вандея уже кончилась. Вижу уже вечер укладки, утро отъезда. Передышка в Париже – рачьте дале!** (Безумно люблю этот крик кондукторов, жестокий и творческий, как сама жизнь. Это она кричит – кондукторами!)

Рачьте дале – но куда? У меня сейчас в Чехии ничего твердого нет, в устройстве я совершенно беспомощна. Вильсонов вокзал – куда? Боюсь, что просто сяду с Алей и Муром под фонарь – ждать судьбы (дождусь полицейского).

О здешней жизни уже не пишется, я уже еду, Вы это чувствуете. Больно (не очень, но все-таки) что эсеры, которых я считала друзьями: Сталинский⁴, Лебедев⁵, Слоним – ничего для меня не сделали, даже не попытались. Реально: вступись они – меня бы не сократили на половину, душевно – не понимаю такого платонизма в любви. Их поведение для меня слишком *лирично*.

Спасибо от всего сердца за участие, действуют в жизни сей только лирики. Проверьте: не парадокс.

– Знаете ли Вы, что редактор Благонамеренного, Шаховской (22 года)⁶ на днях принимает послух на Афоне. (Послух – послушник – идет в монастырь.) Чистое сердце. Это лучше, чем редакторство.

* Неприкаянных душ (*фр.*).

** Едем дальше! (*чешск.*)

Целую нежно Вас и Ваших. Сердечный привет от С<ергея> Я<ковлевича> и Али.

М.Ц.

Мур ходит, очень много понимает, но говорит очень мало.

25

St. Gilles-sur-Vie, (Vendée)
Av<енue> de la Plage, Ker-Edouard
<Около 1-го августа 1926 г.>¹

Дорогая Анна Антоновна,

Дошло ли до Вас мое первое письмо по старому адресу, с подробными вопросами и просьбами о зимнем устройстве.

Наши дела таковы: мне разрешено оставаться здесь до 15-го сентября, т. е. 15-го сентября я уже должна быть в Чехии. До этого срока я буду получать 500 кр<он> вместо тысячи (уже получила за июль) как все писатели, живущие за границей (Бальмонт, Тэффи, Зайцев и еще кто-то²). Буду ли я получать прежнюю тысячу в Чехии — не выяснено, выясняю. Ехать на 500 кр<он> невозможно, мне и так придется брать в долг на дорогу, далёкую и дорогую. Если 500 кр<он> — вещь решеная, буду хлопотать о предоставлении их мне во Франции. Не знаю чего желать. Очень жаль расставаться с С<ергеем> Я<ковлевичем>, оставлять его одного в Париже — не устроенного и не умеющего жить — с другой стороны страшно за детей. Париж без денег — очень мрачная вещь. Вопрос разрешится сам собой: дадут тысячу, еду, дадут 500 кр<он> — буду просить о высылке их мне во Францию. Во Франции я, будучи на глазах, нет, нет, да приработаю, в Чехии заработка, кроме «Воли России», нет.

Написала Завадскому с просьбой узнать. Времени у меня месяц с небольшим. Неизвестность — хуже всего.

Сердечное и растроганное спасибо за высланные сто кр<он>, никогда перевод (бланк) не вызывал во мне такого умиления. Я только боюсь, что Вы себя чего-нибудь насущного лишили. Это меня растрavляет.

Ваша открытка. Взглянув, я почувствовала странное волнение. В чем дело? Деревья. Деревья, которые я не видела в Париже (фабричный район), которых не вижу здесь (один песок). Деревья, которые люблю больше всего на свете. У моря я у моря, в лесу я – в лесу: mitten drinnen*. У моря я в гостях (ненавижу гостить, такой расход любезности!), в лесу я дома, одна, сама своя. Я, по чести, не люблю моря и не думаю, чтобы его можно было *любить*. Оно несоизмеримо больше меня, я им подавлена. И величие его – не родственное (оттого подавлена!). Всякое величие родственное, но иное величие исключает понятие родства. Таково море. Я охотно отказываюсь (м. б. неохотно, но... приходится!) от родственности в жизни, но с вещью (Ding) я роднюсь. Пусть меня не любят люди, но деревья пусть меня любят. Море меня не любит.

– Вот. –

На Вашей открытке деревья явственно протягивают мне руки, и открытка больше взволновала меня, чем море (даже Океан!), в котором я в тот день купалась. В море я *купаюсь*, в листве я *тону*.

Всякое не люблю сложно – как и люблю! – поэтому так пространно.

Как Вам живется, дорогая Анна Антоновна, Вам и Вашим? Какова погода — это главное действующее лицо в Вашей жизни? Есть ли знакомые?

Нас собирается навестить А.И. Андреева, стосковавшаяся среди своих великовозрастных — и именно по-

* В самой середине, внутри (нем.).

тому скучных — детей. Помните как мы вместе у нее были в гостях? Люблю ее всей нашей рознью.

Целую Вас нежно. Сердечный привет матушке и сестре. Я иногда вспоминаю Вашу бабушку, вязавшую при луне, и думаю, что она была счастливее меня.

Аля целуют, С<ергей> Я<ковлевич> всячески приветствует.

М.Ц.

1-го Муру полтора года, пришлю фотографию.

Если бы Вы, дорогая Анна Антоновна, со своей стороны навели справки о (500 или 1000?) в Чехии, было бы оч<ень> хорошо.

26

St. Gilles, 24-го сент<ября> 1926 г.

ДЛЯ ВАС ОДНОЙ.

Дорогая Анна Антоновна!

Какая трудная задача! Письмо, долженствующее убедить человека, меня не знающего¹, что мне — внешне — плохо. Мне внешне всегда плохо, потому что я не люблю его (внешнего), не считаюсь с ним, не отдаю ему должной важности и с него *ничего* не требую. Все, что я люблю, из внешнего становится внутренним, с секунды моей любви перестает быть внешним, и этим опять-таки, хотя бы в обратную сторону, теряет свою «объективную» ценность. Так, напр<имер>, у меня есть с моря, принесенный приливом или оставленный отливом, окаменелый каштан — талисман. Это не вещь. Это — знак. Чего? Да хотя бы приливов и отливов. Потеряв такой каштан, я буду горевать. Потеряв 100 царск<их> тысяч рублей, в Госуд<арственном> Банке (революция)², я не горевала ни минуты, ибо, не будучи с ними связана, не считала их своими, они в моей душе не числились, только в ухе (звук!) или в руке (чек), — на поверхности слуха и рук. Не имел, их не теряла.

Чешское иждивение. Я всегда удивлялась, за что мне дают. Если бы кто-нибудь из них любил мои стихи – да, как меня лично – да, но так, вообще, на веру... Таинственно. Я знаю себе цену: она высока у знатока и любящего, нуль – у других, ибо (высшая гордость) не «держу марки», предоставляю держать – мою – другим.

Для настойчивости в просьбах нужны – наивность, цинизм, бесстыдство: нужно поверить в то, что ты – для Чехии напр<имер> – *фигура*, поэт, для обществ<енных> деятелей – ценность, поверить в целый ряд несообразностей и внушить их другим. Или же: прикинуться дурачком, убогеньким, нищенским: «по-о-дайте, Христа ради!»

Для первого я слишком скромна, для второго – слишком я, в обоих случаях – трезва.

Поэтому, и днесь и впредь, мои просьбы неубедительны: застенчивы, юмористичны (чего не прощают!), иногда – прямолинейны (что отталкивает), всегда своеобразны, т. е. с печатью моего образа, который сильным мира сего не нравится. Начинаю прошение – просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что» или два раза «бы» – беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, *привычка слуха и руки*.

Мне бы нужно *списывать* свои прошения, тогда бы они удовлетворяли и – удовлетворялись.

«Умираю с голоду» – «голодная смерть» – «страдаю общим малокровием» – *не могу*. Безвкусно, преувеличенно, грубо, неправдоподобно, *не я*. Я: «Несколько стеснена»... «жизненные условия тяжелы – *как и полагается, впрочем*» – и дело уже провалено: обобщение, убивающее частный (мой) случай. – *Voilà** –

Если бы г<осподин> Г<ирса> был одной с Вами и со мной породы, это письмо было бы лучшим, ибо – вопль

* Ну вот (*фр.*).

сердца! Но... это неправдоподобно, посему прилагаю другое письмо... которое буду сочинять час.

О нас всех: Поездка С<ергея> Я<ковлевича> – сейчас – расстроилась. Поиски квартиры, устройство на зиму, II № Вёрст. Поедет, думаю, в начале декабря и к Вам не только «зайдет», но встречи с Вами и Вашими ждет и ей горячо радуется.

Квартира снята, – в 15 мин<утах> поездом от Парижа. Meudon. Лес. Отдельно садик для Мура. Жить мы будем с одной вшенорской семьей³, дом пополам. Так легче. Адрес пришло на днях. Нынче 24-ое, выезжаем, д<олжно> б<ыть>, 1-го – 2-го. Тотчас же по получении от С<ергея> Я<ковлевича> точного адреса, пришло Вам – еще отсюда.

Франц<узские> хозяйки не лучше чешских, *гораздо хуже*: уезжая надо *лакировать* шкафы и кровати, этого со мной в Чехии – да и нигде – не было. Грозят агентами и жандармами. *Неизвестно за что*. Очевидно, простое желание выжать из последних иностранцев (мы здесь последние, как были – первые) последнюю копейку.

Мур хорошо ходит и бегает, живой, ловкий, бесстрашный, лезет в море, как в ведро, и в ведро, как в море. Говорит мало, но понимает всё. Аля выросла, похудела, похорошела. В Париже будет учиться в школе рисования Добужинского и Билибина⁴. *Лучше чем гимназия*, – и призвание и будущий заработок.

В письме с адресом будет – милая Анна Антоновна, приходите в ужас! – просьба о корзине, которая нам очень нужна. Мур из всего вырос, а там и чулки, и штаны, и пальто, – все чешские подношения.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, давайте помечтаем. Вы непременно должны к нам приехать в Мёдон, погостить, посмотреть Париж. – Хорошо бы на Рождество. Я знаю, что

поездка дорога, но... раз в жизни! Вся устрашающая <?> Парижа отпадает – Вы будете за-городом, Париж только по желанию, но – совсем близко, рядом, поезда ходят через кажд<ые> полчаса.

Давайте осуществим. Побываем с Вами в Версале, и в Фонтенбло, и в Музеях, и на набережных Сены, – Чудно? – Могли бы приехать с С<ергеем> Я<ковлевичем> (думаю – в Прагу поедет в начале декабря), а обратно, в Прагу, – вторая мечта! – со мной.

Страшно хочу в Прагу. Устроили бы мой вечер в Едноте, Вы бы меня познакомили с чехами, которых я совсем не знаю, побродили бы по Праге, словом – было бы чудно. Погостила бы у Вас неделю – 10 дней. Наговорились бы.

Кроме того, я человек трудовой, мне – лишь бы стол. Вашей жизни бы я не мешала, меня «развлекать» не нужно.

Ах, как было бы чудно!

На поездку я бы заработала и, м. б. немножко заработала бы – вечером – в Праге. Притянуть чехов, а? Женские круги всегда отзывчивые?

Так оправдан был бы обратный билет. *Все русские* бы на меня пошли, а их у Вас ведь еще не мало?

Ответьте – что думаете.

Прага – в письме для Г<ирса> этого не напишу – мой любимый город. Недавно видела открытку с еврейской синагогой – сердце забилось. А мосты! А деревья? Вспоминаю как сон.

Денежные дела плохи. За лето ничего не печатала (написала три небольших поэмы: С моря, Попытка комнаты, Лестница, – последняя пойдет в Воле России)⁵, с Современными> Записками разошлась совсем, – просят стихов *прежней Марины Цветаевой*, т. е. 16 года. Недавно письмо от одного из редакторов: «Вы, поэт Божьей милостью, либо сознательно себя уродуете, либо морочите публику». Письмо это храню. Верх распушенности. Автор – Руднев⁶, бывший

московский городской голова. Вы наверно его знаете, бывает в Праге, правый эсер.

Кончаю, чтобы приняться за то письмо. Буду писать крупно и ясно, такого (т. е. моего) почерка Г<ирса> не поймет.

Целую Вас нежно и бесконечно благодарю за любовь и память.

М.Ц.

Посылаю Вам одну книгу Вёрст. Нынче же.

Только-что закончила второе письмо. Не перепутайте, давая!

Прочтите оба Вашим и напишите впечатление.

P.S. В письме для Г<ирса> ничего не врала.

27

St. Gilles, 24-го сент<ября> 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна¹,

Простите, что так долго Вам не писала. Виной — переписка большой драматической поэмы Тезей, 1-ой части трилогии, написанной в Чехии, в <19>24 г.²

Переписываю на всякий случай, потому что еще не знаю, где пойдет. А поместить надо — с прекращением чешской стипендии совсем обнищали. Летом ничего не печатала, — все журналы отдыхали. На обратный путь придется занимать по 20 фр<анков> у знакомых. Дадут, как всегда, самые бедные. Так, в августе, когда нам было так плохо (прекращение стипендии) нам сразу прислали по 100 фр<анков> двое Сережиных приятелей, бывших чешских студентов, один — маляр, другой — шофер на грузовике. От богатых ждать нечего, им самим нужно.

В нынешней нищете своей я неповинна, — работала как никогда. Три поэмы за лето и переписанный, т. е. подготовленный и местами заново написанный, Тезей. Кроме того — вся работа по дому на мне: кухня, стирка,

починка, заботы о Георгии, который не только ходит, но бегаёт — и бегаёт всюду, нужно непрестанно следить. В меня, очень живой.

С ужасом думаю о долгах лавочникам. Здесь манера — приходите на дом за заказом и предлагать, даже навязывать. Сколько раз просила: «нет денег, не приходите!» — «Vous payerez après!»* (Чем?!). Впрочем, кредит нас в свое время спас, был месяц полного нищества, все наличное уходило на молоко и хлеб.

Последние известия из Чехии печальные. Сергей Ив<анович> Варшавский³ сообщил мне, что, по словам Мих<аила> Лаз<аревича> Заблоцкого⁴, мне и в половинной (500 кр<он>) стипендии отказано. Во многих письмах из Чехии намеки, что вернись я, мне бы возобновили ссуду *полностью*, но как я могу вернуться, когда С<ергей> Я<ковлевич> связан редактированием «Вёрст» (высылаю № 1); кстати, дающих ему 1.000 фр<анков> с номера, а № выходит раз в 4—5 мес<яцев>. Издание идейное, деньги случайные, больше платить не могут.

Я уже столько просила в Чехии похлопотать за меня — что отчаялась. Я убеждена, что увидь г<осподин> Гирса мой рабочий день, — хотя бы стол! — он первый постоял бы за меня, т. е. за 500 кр<он> ссуды. Кроме труда у меня в жизни нет ничего, да, в конце концов, — и не нужно ничего: возможности работать. Трёх спокойных часов в день.

Отнимите у меня писанье — просто не буду жить, не захочу, не смогу. Только писаньем уцелела в Сов<етской> России. Только тетрадью живу все эти годы за границей. Это — моя судьба. Труда для себя и здоровья для своих — больше мне, в чистоте сердца, не нужно ничего.

Самое растроганное и умиленное спасибо за Ваши 100 кр<он>, они нас спасли. Верну *при первой возможности*, этот долг свят.

* «Вы заплатите потом!» (фр.)

Страшно хотелось бы, хоть бы на месяц, в Прагу, но — не говоря уже о приезде! — не могу оставить детей и С<ергея> Я<ковлевича>, который *постоянно хворает*. Легкие и общий упадок сил.

Нежно целую Вас и Ваших. Скоро пришлю фотографии Георгия. Что скажете о «Вёрстах»?

М.Ц.

P.S. Посоветуйте, к кому еще мне обратиться с просьбой о ПОЛОВИННОЙ ССУДЕ? Своих знакомых просила всех.

28

*Париж, 12-го Октября 1926 г.
Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
(près Paris)*

Дорогая Анна Антоновна!

Простите, что только сейчас собралась написать и поблагодарить, — первая неделя устройства. Устроились мы чудесно, под Парижем, в лесу — и каком! Огромном, старом, на много верст. Живем с одной русской (вшенорской) дамой и ее сыном¹. Ее нижний этаж, наш — верхний. Чешское иждивение как раз покроеет квартиру. При доме садик в 3 минутах ходьбы — большой пустынный парк с обсерваторией (соседство звезд). Город-сад, городок-садище, с редкими автомобилями. Холмы. Мы, по Алиному выражению, на берегу Парижа.

Расходы большие, нужно везде ставить печи (камины не греют).

Квартира с мебелью, но без посуды. Все — заново (все было в Чехии!) — тазы, сковороды, кастрюли и т. д. Часть нашего бывшего имущества еще в корзине — той. Теперь о корзине.

Она у Новеллы Чириковой, на даче Божénка, где Вы бывали у Андреевой. Там же — не в корзине, нужно спросить у няни — *примус*, белый овальный эмалированный *таз* с ручками — и, м. б., еще что-нибудь. Няня знает.

Другая часть наших вещей на чердаке у наших прежних хозяев: солдатский ранец с Сережиными рукописями, шинель, башмаки, холщовый мешок вроде портпледы (самодельный). Хозяева знают и, думаю, отдадут. Нужно будет им заплатить за хранение. Корзина полна на две-третьи, многое еще войдет. Думаю, необходимо ее переложить, она не была рассчитана на дальнюю дорогу и тихую скорость. Есть бьющиеся вещи, их бы хорошо заткнуть по бокам. У Брэя² еще книги С<ергея> Я<ковлевича>, их, думаю, лучше отправить отдельным пакетом. К делу укладки притягиваем также жену Брэя, пишу одновременно ей. По получении этого письма, дорогая Анна Антоновна, напишите открыточку Наталии Владимировне Брэй (на лавку Вейса. *Všepory, ran J. Vais* для такой-то), чтобы сговориться, когда и как осуществить укладку и отправку. Не знаю, принимают ли малой скоростью на вшенорском вокз<але>, если нет — багажом до Вильсонова вокз<ала>, а там сдать — *малой* скоростью, если можно, с таможенным осмотром. Если же нет — не беда, вещи всё старые, осмотрят здесь.

Корзина мне нужна крайне: в ней все Муркины теплые вещи, пальто, вязанные штаны, чулки, всё, что ему именно сейчас нужно.

Если можно, пусть с Вильсонова отправят прямо на нашу станцию *Bellevue* (Seine et Oise) 31, Boulevard Verd если нет — *Paris, gare Montparnasse*. Корзина должна быть хорошенько перевязана веревкой (Брэй!) и с билетиком: *Madame Marina Efron, 31, Boulevard Verd Bellevue* (Seine et Oise) près Paris.

Квитанцию, пожалуйста, заказным перешлите нам. Хорошо бы на Вильсоновом спросить о приблизительном сроке прибытия. М. б. багаж из Чехии в Париж принимают только на *Paris, Gare de l'Est*, тогда — пусть так. Лишь бы квитанция.

Расходы (перевозки, деньги за хранение Ванчуровым — (наши бывшие хозяева) — и т. д.) возместим тотчас же.

Спешу отправить письмо, нежно целую Вас и очень прошу прощения за, надеюсь, последнее дело.

М.Ц.

29

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

18-го дек<абря> 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Я так давно Вам не писала, что начинаю сразу:

Извещение о корзине получила, но корзина еще не пришла, придет на днях (одна корзина, два ящика). Придет наложенным платежом. Совсем не знаю что сказать Вам в ответ на Ваше уведомление о высылке денег. Такие вещи, как всё незаслуженное, *режут*, я их боюсь, ибо, режа, пробивают кору моего ожесточенного сердца. Мне было бы легче, если бы такого в моей жизни не бывало. Поймете ли Вы меня?

Я безоружна перед добротой, — совершенно беспомощна. Как старый морской волк, например, в цветнике. Поймете ли Вы меня?

Долг буду возвращать постепенно, самое большое — раза в три. Мне скоро предстоит получка за часть Тезея, которого смогу Вам выслать еще до выхода Вёрст — отдельным оттиском. Бесконечно радуюсь моей немецкой книге на дне корзины. Впредь урок — не расставаться.

Мечту о Вашем приезде сюда не покинула. Весной у нас будет чудно, мы живем почти в парке (старый дворец маркизы de Pompadour¹, разрушенный в 70 году моими Deutschland über alles*, — впрочем, тогда было: Preussen**). У нас свободная мансарда, где зимой нельзя жить (нет отопления), но весной

* Германия превыше всего (нем.).

** Пруссия (нем.).

чудесно. В нее и переселится С<ергей> Я<ковлевич>, а Вы будете жить рядом с нами – Алей, Муром и мною. Кроме того, при доме садик. Вообще – всё в зелени. Съездим с Вами в Версаль – две остановки, ближе чем от Вшенор до Праги.

Давайте – *серьезно*. Дорога дорогá, но окупится жизнью здесь. Вам нужно взять какой-то душевный отпуск – у семьи. Не продышавшись душа ссыхается, знаю это по себе. Семья ведь – сердце. Сердце разрастается в ущерб души, душе совсем нет места, отсюда естественное желание – умереть: не *не* быть, а *смочь быть*. – Так ли это у Вас?

Не соблазняю вас Эйфелевой башней (назойливой), ни даже выставками, всё это все-таки скорей – для глаз и из породы развлечений, то есть несколько презренно. Соблазняю Вас *другим воздухом*, Вами на свободе, Вами самою же. Это – как основа. Остальное – Версаль, Лувр, Люксембург – очаровательные частности. А вот весна – частности, а в Париже она чудесна.

Хотите – на Пасху? Давайте всерьез. Вырвите месяц, чудный месяц в воздухе!

Вёрсты и евразийство газеты рвут на куски. Пропитались нами до 2-го №, выходящего на днях. Новая пища. Особенно *позорно* ведет себя Милюков², но оно и естественно: он *бездушен*, только голова.

Второй № лучше первого, полúчите. Есть огромная ценность: Апокалипсис Розанова³.

Аля почти с меня, учится дома, очень способна к так наз<ываемым> «гуманитарным» наукам, т. е. не наукам вовсе. Живется ей нелегко, ибо весь день занята Муром. Я как всегда разрываюсь между всеми и тетрадь. На тетрадь мало остается. Пишу II ч<асть> Тезея, – две картины. Мур громадный, очень живой, очень любящий и до ужаса любознательный, т. е. хватает все. Головка вьется. Красивый мальчик.

Говорит только отдельные слова, словом совсем не занят, с него достаточно — понимать. Живость моя, вообще многое мое. 1-го февраля ему будет два года. Из прошлогоднего парижского пальто вырос так, что незаметно очутился в курточке. Радуюсь чешским вещам в корзине.

Простите за бессвязное письмо: утро, тороплюсь. Жду обещанного длинного письма. Опишите Рождество! О Праге думаю с нежностью, мой любимый город после Москвы. И чехи этого никогда не узнают!

Скоро Новый Год, буду думать о Вас и желать для себя — в нем — Вашего приезда.

Целую нежно Вас и Ваших. Скоро напишу еще.

М.Ц.

Напишите — что думаете о Пасхе в Bellevue?

30

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

15-го января 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Итак — не приедете? Жаль. Почему-то поверила в чудо.

Думали ли Вы о том (конечно думали!), что все, что для других — просто, для Вас — чудо (и наоборот). Бытовая поездка в Париж, силой Вашего желания, сразу теряет свои естественные очертания, рельсы загибают — в никуда.

Жаль, но не все потеряно, и знаю, что силой *своего* желанья когда-нибудь добьюсь.

«Мне так хочется, что заведомо безнадежно» — или: «Тем, что мне так хочется — заведомо безнадежно». Желание как обеспеченный неуспех (У Вас тоже так?) Желание как паралич жеста.

Не трусость. Не слабость. Не лень. Чувство судьбы. Heilige Scheu* — иначе не скажу.

От всей души хочу Вас, к Вам, быть с Вами. У меня с Вами покой и подъем (покой без подъема – скука. Подъем без покоя – тоска). Если бы Вы знали как мне ску-у-учно с людьми!

В Праге мне было лучше (между нами), была обездоленная и благородная русская молодежь, добрая, веселая и любящая семья Чириковых, был Сло<ним> (отпал? отстал? – «тот поезд, на который все – опаздывают»¹, я – о поэте), – о Вас не говорю, было – при сравнительно нечастых – почему не чаще? – встречах – постоянно сознание Вашего сочувствия, сопутствия, присутствия. В Париже у меня друзей нет и не будет. Есть евразийский круг – Сувчинский, Карсавин², другие – любящий меня «как поэта» и меня не знающий, – слишком отвлеченный и ученый для меня, есть сожительство с русской семьей³: бабушка, взрослые сын и дочь, жена другого сына, внук – милые, но густо-бытовые – своя жизнь, свои заботы! – и больше нет ничего.

Так что – кажется главная моя, да нет – единственная моя радость с людьми – *беседа* – отпадает.

Окончательно переселилась в тетрадь.

Муру через 2 недели год⁴, сниму и пришло. Кругломордый, синеглазый, в больших локонах. Аля – еще чуть-чуть и с меня, но переменялась мало, совсем не повзрослела. С<ергей> Я<ковлевич> измотан и измаян, глотает мышьяк и еще что-то, но мало помогает.

О Рильке в другой раз. Германский Орфей⁵, то есть Орфей, *на этот раз* явившийся в Германии. He Dichter – (Рильке) – Geist der Dichtung**.

* Святая боязнь (нем.).

** Не поэт... — дух поэзии (нем.).

Да! Очень прошу Вас, дорогая Анна Антоновна, – если действительно состоится лекция обо мне М<арка> Л<ьвовича> С<лонима> – запомните возможно точнее, ведь это нечто вроде эпилога, нет, – некролога: целой долгой дружбы⁶. Мне хочется знать, хорошо ли он знает – что потерял?

А о нем над гробом – хорошо сказали. Ребенок над разбитой игрушкой, с той разницей, что раньше сам ломал, а эта – сама сломалась. Что ломал-то – старые, а сломалась-то – новая!⁷

Он совершенно бездушный человек. бездушие беру не как порок, а как *изъян** (né данное). Только двоих таких и знала. Первого сочла за ангела, второго за героя (да, да), оба оказались – просто – формой⁸.

С<лонима> я знаю лучше чем кто-либо.

Не забудьте, дорогая Анна Антоновна, возможно точнее, в *его* выражениях! – запомните лекцию. Просто, тут же запишите – что понравится. Это для меня проверка – **очень любопытного, ибо совсем непонятого явления: *полного подобия души* – при полном отсутствии ее. А может быть – *словесная душа*? Не знаю.**

Мой тот свет постепенно заселяется: еще Рильке! А помните штейнеровское:

Auf Wiedersehen!***⁹

Нежно целую Вас, хочу к Вам в Прагу. Самый сердечный привет Вашей матушке и Августе Антоновне от всех нас. Пишите.

М.Ц.

P.S. Корзина все едет: теперь из Парижа в Bellevue (15 мин<нут>! – едет две недели!)

* Органический порок: как сердца – например. (Сноска Цветаевой).

** До свидания! (нем.)

Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

21-го февр<аля> 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Спасибо за полноту слуха и передачи, еще больше – за мужество отстаивать отсутствующего¹, – не о себе в Париже говорю, о себе в жизни говорю. Все мои друзья мне о жизни *рассказывают*, как моряки о далеких странах – мужикам. (Le beau rôle, как видите, в этом уподоблении – *n'est pas pour moi, – mais... je me fiche des beaux rôles!*)* Из этого заключаю, что я в жизни не живу, что впрочем ясно и без предпосылки, И вот Вы, мужественное сердце, решили меня – силой любви – воскресить в жизнь, – нет, не воскресить, ибо никогда не жила – а явить в жизнь. И что же – час прожила. Брзю² и Слониму тоже, хоть не то же – благодарность.

А я наверное 11-го вечером, пока читалось и говорилось, как обычно летала по лестнице или варила на следующий день обед, п. ч. к вечеру – как пишущий – не гожусь: целый день хотелось – нельзя было, можно – расхотелось, *разлюбилось*.

Кончила письмо к Рильке – поэму³. **Очень точный образец моих писем к нему, но [нрзб.] другая, п. ч. последнее здесь и первое там.** Пойдет в № 3 Вёрст. Сейчас пишу «прозу»⁴ (в кавычках из-за высокопарности слова) – т. е. просто предзвучие и позвучие – во мне – его смерти. Его смерть в моей жизни расстроилась: непосредственно до него умерла Алина старая *Mademoiselle* и непосредственно после (все на протяжении трех недель!) один русский знакомый мальчик Ваня. А в общем – *одна* смерть (одно воскресение). Лейтмотивом вещи не беру, а сами собой встали две строки Рильке:

* Прекрасная роль... не для меня, – но... я плюю на прекрасные роли! (*фр.*)

Denn Dir liegt nichts an den Fragenden:
sanften Gesichtes
siehst Du den Tragenden zu*⁵.

На многое (внутри) меня эта смерть еще подвигнет.

Внешне *очень* нуждаемся — как никогда. Пожираемы углем, газом, электр<ичеством>, молочницей, булочником. Питаемся, из мяса, вот уже месяцы — исключительно кониной, в дешевых ее частях: *coeur de cheval, foie de cheval, rognons de cheva*** и т. д., т. е. всем, что 3 фр<анка> 50 фунт — ибо есть конина и в 7–8 фр<анков> фунт. Сначала я скрывала (от С<ережи>, конечно), потом раскрылось, и теперь С<ережа> ест сознательно, утешаясь, впрочем евразийской стороной... конского сердца (Чингис-Хан и пр.). **А Струве или кто-то из его последователей евразийцев в возродившейся (и возрожденской) Русской Мысли называет Чингис-Хамами⁶. Впрочем, если немножко видите русские газеты — знаете. Я в стороне — не по несочувствию (большое!) — по сторонности своей от каждой идеи государства — по односторонности своей, м. быть — но в боевые минуты налицо, как спутник.**

С<ережа> в евразийство ушел с головой⁷. Если бы я на свете *жила* (и, преступая целый ряд других «если бы») — я бы наверное была евразийцем. Но — но идея государства, но российское государство во мне не нуждается, нуждается ряд других вещей, которым и служу.

Сторонне же говоря — евразийские семинары (Карсавин, Вышеславцев и др.) — большое добро⁸. Жаль, что их письменности, пока, ниже их устности — их нужно слушать, а не читать (не о названных говорю, хоть Карсавин, напр<имер>, в реплике — блестящ) — № III Вёрст обещает быть прекрасным. Не оповещаю только из

* Ибо вопрошающие тебе безразличны: с кротким лицом глядишь ты на обремененных (*нем.*).

** Конское сердце, конская печенька, конские почки (*фр.*).

суеверия. Попадался ли Вам на глаза № 1 Русской Мысли? Единственный (и какой!) свет – письмо Рильке о Митиной Любви⁹. *Рильке – о Бунине* – чувствуете все великодушные Рильке? Перед Рильке – Бунин (особенно последний) анекдотист, рассказчик, газетчик.

Вспоминаю Прагу, и где можно, когда можно, – страстно хвалю.

Да! а С<ло>ним (подобие постоянной души – после лекции) тогда конечно был опьянен словом, т. е. путем слова раскрывающейся в нем души – неуловимой, ибо – тут же, с закрытием рта, улечивающейся. Пребывай она в нем – он был бы: ein grosser Mensch*.

Дорогая Анна Антоновна, Вы один из редких людей, которым мне постоянно хочется писать, а еще больше – говорить. Верю в – не сейчас, так потом – осуществимость Парижа, в поездку в Версаль, во все, что расцветет во мне парижского – только с Вами.

Скоро переезжаем, хозяйка набавила сразу 3 тыс<ячи> фр<анков>, из которых (живем двумя семьями) на нас приходится половина. Платить невозможно, – итак: прощай, сад! прощай, парк! Но в Bellevue с Вами все-таки съездим из какого-нибудь другого загорода, п. ч. в Париже, к счастью, жить невозможно.

Да, Вы наверное знаете, что Неандер (монархист, председатель Орэсо, участник Зарубежного съезда и прочая – и прочая – и прочая) перешел к большевикам¹⁰, а Ходасевич (друг и сотрапезник Горького, посетитель коммунистических кремлевских журфиксов, – затем сотрудник Дней – затем «Последних Новостей») – в Возрождении Struve (Струве)¹¹.

Оба продались.

* Великий человек (нем.).

Закончу письмо Муром и Алей. Мур понемножку, но говорит, — много слов и несколько фраз, отлично понимает картинки. Каждую ночь перелезает из своей кровати в нашу с Алей — досыпаем ночь втроем. Аля образцовая сестра, но — бедная девочка — из-за смерти француженки не учится, так жаль. Француженка, по дружбе, брала 7 фр<анков> (!) за урок, дешевле 15 фр<ранков>, не считая дороги, не найдешь. Иждивение мне пока из Чехии, слава Богу, идет. Напишите, дорогая Анна Антоновна, кого из чехов благодарить? Неловко — получать и молчать!

Целую Вас нежно, спасибо за любовь и память. Сердечные приветствия от С<ергея> Я<ковлевича> и меня Вашей матушки и сестре.

Пишите!

М.Ц.

Скоро масленица — как хотелось бы Вас пригласить на блины!

<Приписка на Алином письме:>

Ради Вахова возгласа вслед Тезею: *Бог!* и была написана вся вещь¹². Ваше прозрение — гениально.

М.Ц.

32

Мёдон, третий день Пасхи 1927 г.

(Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc).

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Последнее мое письмо к Вам явно пропало, написала Вам тотчас же по переезде в соседний городок на новую квартиру, около месяца назад.

Квартира удобная и недорогая: три комнаты (две порядочные, одна — моя — маленькая), ванная, крохотная кухня (вроде клетки для гориллы, — я очень точна), собственное центральное отопление — все это 350 фр<анков> в месяц. (Отопление, конечно, наше.) Но — немеблированная, пришлось обрывать, вернее — спешно обрести — вещами. Кое-что

дали, часть купили в рассрочку. Контракт на три года. Для Вас – отдельная комната, когда бы ни приехали – моя. Сплю с детьми, а работать я бы спокойно могла в Вашем присутствии. Вовсе не оставляю мечты о Вашем приезде, очень верю в него, как во все естественное, изнутри полагающееся*.

Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага – а сколько имен и событий. А у меня большой Париж – и *rien***, м.б. оттого что не могу: не ищущу. Окружена евразийцами – очень интересно и ценно и правильно, *но* – есть вещи дороже следующего дня страны, даже России. И дня и страны.

В порядке действительности и действенности евразийцы – ценности первого порядка. Но есть порядок – над-первый *au dessus de la mêlée****, – мой. Я не могу принять всерьез завтрашнего лица карты, потому что есть послезавтрашнее и *было* – сегодняшнее и, в какой-то день, совсем его не будет (лица). Когда дерутся на улицах – я с теми *или* с другими, сразу и точно, когда борьба отвлеченная, я (честно) ничего не чувствую, кроме: было, есть, будет.

Меня в Париже, за редкими, *личными* исключениями, ненавидят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т. д. Ненависть к присутствию в отсутствии, ибо *нигде* в обществ<енных> местах не бываю, *ни на что ничем* не отзываюсь. Пресса (газеты) сделали свое. Участие в Вёрстах, муж-евразиец и, вот в итоге, у меня *комсомольские* стихи и я на содержании у большевиков.

Schwamm (und Schlamm!) drüber!..****

Из Совр<еменных> Зап<исок> ушла – вежливо и громогласно – за публичное обвинение Вишняком¹ (одним из редакторов) – Вёрст – в погромности.

* Вы приедете изнутри себя, а не извне событий (*притиска Цветаевой*).

** Ничего (*фр.*).

*** Над схваткой (*фр.*).

**** Оставим это!.. (*нем.*)

О Возрождении и Посл<едних> Новостях нечего и говорить, «Дни» давно кончились. Не печатаюсь *нигде*. Из всей заграничной печати — Воля России, пребывавшая верной, и Вёрсты, между нами зависящие (говорю о существовании их) исключительно от доброй воли, вернее самоволия Св<ятополк->Мирского, достающего на них — по фунту, по два — деньги у англичан. Очень капризен, временами груб (перепечатка во II № *омерзительной* Москвы Белого и Алданова — Тынянова, всеми читанного, дело его рук². Иначе — к черту Вёрсты! *Между нами!*)

Но — неожиданное везение. Нашелся издатель³ для моей последней (1922 г. — 1925 г.) книги стихов, бóльшей частью возникшей в Чехии. (Чехия минус два первых берлинских месяца.) Издатель, очень любящий мои стихи и хотящий, чтобы они были. Книга (только Вам!) называется После России — хорошо? Я в этом названии слышу многое. Во-первых — тут и слышать нечего — простая достоверность: все — о стихах говорю — написанное после России. Во-вторых — не Россией одной жив человек. В-третьих — Россия во мне, не я в России (Сережины слова⁴, у себя на Доне. *NB!* Для нас Россия была Москва). В-четвертых: следующая ступень после России — куда? — да почти что в Царство Небесное!

А в общем название скромное и точное.

О книге никому ни слова (выйдет осенью!) — сглазят. Здесь никому не говорю.

Живем вблизи большого мёдонского леса, наша Avenue Jeanne d'Arc в него входит. Но к сожалению, окраина леса заселена семьями и парочками, а дальше, с Муром, круто. Нужно идти по крайней мере полчаса, чтобы обрести лес. Полчаса *моих* — с Муром полтора часа. В Чехии было лучше.

Мур очень большой, говорит — все для него необходимое, кудрявый, красивый, толстый, ловкий, — изящный медведь. Одолевает живостью, весь день погоня за ним по всем комнатам. Всё трогает и присваивает. В общем —

настоящий здоровый (тьфу, тьфу, не сглазить!) ребенок, была бы няня — все было бы просто. Але няня не была нужна — была. Муру необходима — не будет. Ласков, не терпит расставаний, отца любит больше всех. Первая его самостоятельная фраза была: «Налóду масса» с — через несколько дней — прибавлением — «дéни мало» (Народу масса, денег мало). Этим встречает, занимает и провожает всех чужих.

Слишком много черной работы и людей. Вот мой вздох. *Все* утра пропадают: 4 раза в неделю рынок, нельзя пропустить. Остальные три — случайности насущных и насущности случайных дел. Кроме утренней еды всем и готовки обеда — ну, белье сосчитать, ну — выстирать, ну — срочно зашить, много — ну... Аля очень помогает, **но от природы медленна, это часто раздражает. В общем** хорошая здоровая красивая девочка — очень красивая, хорошеет день ото дня. Уже почти с меня ростом, будет больше.

Не учится. Когда есть время — читает.

— О распорядке дня. После завтрака — (около часу) — прогулка с Муром приблизительно до четырех, в 4 <часа> все опять хотят есть — кто хочет, кто должен — так, до 5 ч<асов>, а в 5 ч<асов> — только сядешь за тетрадку — какой-нибудь гость, всегда *редкий* (п. ч. знакомых — туча!) — даже сердиться нельзя. Нужно кормить, в 7 ч<асов> обед, а потом чай, а потом Мур идет спать, а потом я уже больше ничего не могу и не хочу. *День раздроблен, сплошные «фрагменты».*

За зиму написала — меньше половины Федры, письмо к Рильке (поэма), прозу о Рильке: ТВОЯ СМЕРТЬ (около двух листов), которую и предлагаю Вам для перевода. Содержание: о соседстве могил, — рассказ о смерти M-elle Jeanne Robert — рассказ о смерти русского мальчика Вани — попытка истолковать смерть Рильке. Лирическая проза. Вещь будет переведена на франц<узский> и на немецкий, была бы *счастлива*, если бы Вы перевели ее на чешский⁵. Вещь вне-

национальная, *n-a-d*-национальная. Пойдет в след<ующем> № «Воли России», пришлю уже в корректуре. Кажется – хорошая вещь. Ведь Россия на смерть Рильке ничем не ответила, это был мой долг. (Россию он любил, как я Германию, всей непричастностью крови и свободной страстью духа.) В предпоследнем письме его вопрос: как слово «Nest – in Deiner Sprache, die so nah ist, alle zu sein...»*⁶.

Поэма к нему пойдет в № III Вёрст.

(Сейчас, кстати, жду его секретаршу, русскую, раб-отавшую у него два последних месяца его жизни⁷. Боюсь только – судя по ее письмам – простовата. У меня впечатление, что для нее Р<ильке> просто большой поэт и хороший человек. – Напишу).

У нас, дорогая Анна Антоновна, очень похожие жизни: сплошной черновик. И очень похожие – другие жизни, *те*. Проще: и здесь и там живем одной жизнью, здесь начерно, там набело. Прага или Париж – неважно. Впрочем, ЯВНО предпочитаю Прагу. В Париже нужно жить Парижем, иначе ты в нем и он для тебя бессмыслен. Кроме того, Париж – рассредоточен, с архипелагом сердец, у Праги же один центр – рыцарь. (Показательно для современной Праги, что он *под* мостом! Мы с Вами тоже *под* мостом!) Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой. Мы бы с Вами бродили по Праге и непременно проехали бы в глубь страны, в *дичь*.

Да! у меня в книге будет только два посвящения: одно Пастернаку, другое (весь цикл) Вам. Оно уже переписано и на днях пойдет в набор. Какой – пока не скажу⁸. – Мой самый любимый и совершенно связанный с Вами. –

Целую Вас от всей души, люблю, помню, жду.

М.Ц.

* «Гнездо – в Твоем языке, который так близок ко всеобщему...» (нем.)

С<ергей> Я<ковлевич> шлет Вам всем сердечный привет и память. Он говорит, что Вы его принимали, как родного. Здоровье С<ергея> Я<ковлевича> плохо, очень кашляет, выглядит ужасно. Кроме того — печень.

У нас в лесу дикие гиацинты — синие. Большие, с сильным запахом. Аля приносит охапками!

<Приписка на Алином письме:>

Только-что получен Ваш подарок. Спасибо от всего сердца! Благодарить подробнее — смущаюсь, прочтите все ненаписанное. Сердечный привет Вашим.

33

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
4-го Октября 1927 г.*

Дорогая Анна Антоновна, начнем по порядку. Вам по адресу Grégrová, č<islo> 1190 лежат по крайней мере *четыре письма*. Мы никогда не переставали писать Вам, никакого перерыва не было. Последнее письмо отослано дней 10 назад, и я все ждала на него ответа. Справьтесь в местном почтовом отделении, письма должны быть там, потому-что обратно не вернулись, хотя на обороте каждого был обратный адрес. Удивительная тупость почты! Вы столько лет живете над Грегровой, переехали через несколько домов, и писем не доставляют! Почтальон же должен Вас знать. Сейчас Вы уже поняли в чем дело: мы писали č<islo> 1190, а Вы переехали в č<islo> 12, причем письма с переменной адреса мы не получили, впервые вижу, что č<islo> 12, по Вашей вчерашней открытке. Я в большом огорчении: неужели Вы могли подумать, что я просто Вам не пишу? Нет, писала и я, и Аля, много раз. По-моему, первое пропавшее письмо было до рукописей о Рильке, — отослала письмо, потом рукопись, и на письмо уже не получила ответа. *Пошлите заявление на почту, все наши письма там.*

Повторю вкратце последнее. 8-го сентября мы должны были ехать на Океан – на месяц –; нам предоставляли целый дом. Взяла ряд авансов на билеты, все уже было готово... и 2-го, т. е. меньше чем за неделю, заболевает Мур. Болезнь началась рвотой и сильным жаром, на другой день заявила сыпь. Позвали доктора: краснуха. Мур пролежал 3 недели, а 18-го в день Алиного рождения (5/18 сент<ября>) заболела я. Краснуха оказалась scarлатиной. 19-го слегла Аля, дом превратился в лазарет. Лежу уже 17 дней, нужно еще 10. Жар прошел, сыпь тоже, но нужно лежать, п. ч. после scarлатины часто бывают всякие гадости, если рано встать, напр<имер> – порок сердца. Сильнее всех болела я, у Али даже не было сыпи, – только несколько дней поболело горло. Я же целую неделю не могла спать из-за безумной боли рук, ног и шеи, – отравление токсинами. Теперь всё хорошо, нужно надеяться, – хотя бывают всякие сюрпризы – что пройдет бесследно. В общем, во Франции scarлатина легкая, не то, что в России, где от нее сплошь да рядом умирали, особенно взрослые. Так, напр<имер>, умерла первая жена Вячеслава Иванова, писательница Зиновьева-Ганнибал, заразившаяся от детей¹.

Но увы! Конверт с дорожными деньгами, тщательно заклеенный, чтобы не истратить «на жизнь» – пуст. Все ушло на врачей и на лечение. Но главного я Вам не сообщила: я *побрилась*. Брилась уже два раза, после третьего начну обрастать. После scarлатины сильно лезут волосы, не выношу этого ощущения: лучше *ничего*, чем мало! Пишу Вам лежа, в детском голубом колпаке. Великодушные знакомые сравнивают меня кто с римлянином, кто с египтянином.

Мур и Аля на ногах, оба похудели. Мур целый месяц просидел дома, без воздуха здоровья нет. Теперь уже выходит. Говорит решительно все и обожает рассказы. Очень живой, но в общем послушный и совсем не капризный. Спит с Алиным чешским медведем, про которого говорит, что: «неведь не умеет сказки рассказывать Муру». Когда убеждусь, что письма на Grégrov'у 12 доходят, пришлю Вам его фотографию.

Большая просьба: если среди Ваших знакомых есть мальчики старше него, т. е. лет 4-ех — 6-ти, хорошо было бы достать для Мура костюм, он из всего вырос, а покупать очень дорого. С 2—3-летнего на него не подойдет, он громадный и толстый. Можно только с ребенка намного старше. Хорошо бы и белье и чулки. Скоро будет оказия. В Праге сейчас сын Варшавского², через две недели поедет обратно, можно было бы дать ему. Но не беспокойтесь зря, если трудно — совсем не начинайте.

А вот моя большая мечта. Нельзя ли было бы устроить в Праге мой вечер, так чтобы окупить мне проезд туда и обратно, — minimum 1000 крон. Приехала бы в январе-феврале на две недели, остановилась бы, если бы Вы разрешили, у Вас. Мы провели бы чудных две недели. Для этого нужно было бы продать 200 бил<етов> по 5 крон или 100 билетов по 10 кр<он>. Неужели же это невозможно?? Хорошо бы притянуть чехов. В устройстве помогли бы Брэй, Альтшулер³ и Еленев⁴. Мое решение *вполне серьезно*, я очень соскучилась по Вас и иного выхода не вижу. Кроме того, мне очень хочется написать о Чехии, за две недели Вы бы мне многое рассказали, ходили бы с Вами по музеям, м. б. съездили бы в какие-нибудь окрестности, я бы *записывала*, а приехав в Париж — написала бы. Это моя давняя мечта. Напишите, что Вы об этом думаете? К февралю я бы порядочно обросла (не забудьте, что я бритая!) и в крайнем случае могла бы выдать свою стриженую голову за последнюю парижскую моду. Вы бы встретили меня на вокзале, — подумайте как чудно! Давайте осуществим. Никакому Океану я так не радовалась, как сейчас — мысли о Праге.

С нетерпением жду ответа. *Все дело в тысяче крон.*

С<ергей> Я<ковлевич> всячески приветствует мою мысль. Он, бедный, сейчас совсем извелся с нашими болезнями и лечениями. А тут еще евразийские

дела, корректуры Вёрст (скоро выходит 3 №). Много о евразийстве расскажу устно.

Пока кончаю, простите за почерк, пишу лежа, и бумага танцует. Самый сердечный привет от С<ергея> Я<ковлевича>, Аля крепко целует и напишет в следующем. Не хочу задерживать этого.

Целую нежно Вас и Ваших. Справьтесь о письмах!
Всем сердцем Ваша

М.Ц.

34

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
20-го Октября 1927 г.*

Дорогая Анна Антоновна, сердечное спасибо за письмо и подарок, оба дошли. Я уже неделю как встала, все хорошо, кроме боли в кистях рук, так и оставшейся, – оставлю ее на каком-нибудь летнем холме.

Страшно обрадована относительной возможностью поездки к Вам, март – очень хорошо, успеют отрасти волосы. Кстати нынче бреюсь в седьмой и последний раз, очень трудно остановиться, – понравилось – но С<ергей> Я<ковлевич> возмущен и дальше жить отказывается.

Вчера сдала последнюю корректуру своей книги стихов «После России». Из 153 стр<аниц> текста – 133 стр<аницы> падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что недаром давали мне иждивение все те годы. За Чехию у меня написаны: «После России», «Мблodeц», «Тезей», «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца», и ряд прозаических вещей. Очень помогла *природа*, которой здесь *нет*, ибо лес с хулиганами по будням и гуляющими по праздникам – не лес, а одна растрáva.

Знаете, как странно? Помните мою дружбу с воле-россиянами, особенно – с М<арком> Л<ьвовичем>? Видела его за все время – один раз, т. е. с самого его переезда во

Францию. Самым преданным оказался Лебедев¹, с которым я меньше всего водила дружбу. Он, действительно, искренно расположен, единственный из них откликнулся на все наши беды. **А М<арк> Л<ьвович> оказался совершенно бездушным, — помните мои слова о нем после смерти его невесты? Все, на что его хватает: влюбленность в очередную и хроническое кокетство с дочерью², кстати, очень на него похожей: «Je n'aime pas les pourées cassées», — «Mais puisque c'est toi qui l'a cassée»... «Pas une raison pour l'aimée. Tant pis pour elle!»*** Живут рядом с нами, в меня влюбляется каждый раз, как видит. Тоже вроде отца.

Читаете ли Вы травлю евразийцев в Возрождении, России³, Днях? «Точные сведения», что евразийцы получали *огромные суммы* от большевиков. Доказательств, естественно, никаких (ибо быть не может!) — пишущие знают эмиграцию! На днях начнутся опровержения, — как ни гнусно связываться с заведомо-лжецами — необходимо. Я вдалеке от всего этого, но и мое политическое бесстрашие поколеблено. То же самое, что обвинить *меня* в большевицких суммах! Так же умно и правдоподобно.

С<ергей> Я<ковлевич>, естественно, расстраивается, теряет на этом деле последнее здоровье. Заработок с 5 1/2 ч. утра до 7–8 веч<ера> игра в кинематографе фигурантом за 40 фр<анков> в день, из к<отор>ых 5 фр<анков> уходят на дорогу и 7 фр<анков> на обед, — итого за 28 фр<анков> в день. И дней таких — много — если 2 в неделю. Вот они, большевицкие суммы!

Скоро выходит 3-тий сборник «Вёрст» — очень хороший. Много о евреях⁴.

* «Я не люблю сломанных кукол...» — «Ну, раз это ты ее сломала...»... «Это не повод ее любить. Так ей и надо!» (фр.)

Большая просьба, дорогая Анна Антоновна, узнайте в бывшей «Воля России» (Uhelný trh, číslo 1) судьбу моего ящика с книгами (на нем *мои буквы*), брошенного М<арком> Л<ьвовичем>, несмотря на мои горячие просьбы переслать. М. б. еще можно сыскать след. Ящик средний, русские и немецкие книги. Если найдется, приютите.

Кончаю, иду на рынок, дождь, неприятно. Как Ваш перевод? Как здоровье всех? Аля и я крепко целуем. На Ваш подарок Муру и Але будут куплены башмаки.

Сердечно Ваша

М.Ц.

P.S. Кому из чехов советуете послать книгу? Выйдет недели через две.

35

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
28-го ноября 1927 г.*

Дорогая Анна Антоновна,

Мимо нашего окна люди идут с поезда. И вот, вчера, явление Варшавского, с чемоданом в одной руке, посылкой — в другой. *Все подошло нельзя лучше*: ничего не малó, а велика только рубашка (белая), до которой Мур конечно скоро дорастет. Синее пальто как раз впору, скаутская рубашка тоже, впору и башмаки, и чулки, и все шапки. Теперь о вязаном костюмчике (гнома). Вы угадали мою мечту, вот уже почти *два года* (Муру 2 го<да> 9 мес<яцев>) как мечтала о таком для Мура, об именно всем — сразу: шапке, куртке, штанах, шарфе, и *именно* — голубом. Размеры идеальные, как на заказ. Нынче в первый раз после долгого сиденья дома (простужен, как всё окружающее) Мур вышел на улицу. День был мягкий, пражский: туман, дуновение, сон. Мы гуляли одни (Аля была в школе), прошли в наш чудесный парк, где (туман!) не было ни души. Только голубой Мур и я. В 4 часа стало уже

смеркаться, ночь напознала как пуховик. Не хотелось уходить: одиночество и туман, – мои две стихии! Мур из голубого превратился в синего – сизого, – цвета расстилавшегося вдали Парижа и неба над ним. Людей не было: был *новый* (всегда!) Мур в новом костюме и тысячелетняя я. «Сколько Вам лет?» – «Час. – Старше камней». Человека, который бы не улыбнулся в ответ, поллюбила бы с первого раза. Но – отвлекаюсь – моим годам, вообще, суждено смущать. Мне осенью исполнилось 33, выгляжу на 23, а Аля, которой 14, на 16! Путаница. Впрочем *никогда, с четырех лет*, не имела своего возраста, ни с виду, ни внутри, раньше и *была* и выглядела старше, сейчас выгляжу моложе, *живу* – моложе, и неизмеримо старше – есмь.

Мур гулял в новых башмаках и чулках, башмаками неустанно любовался, вернувшись домой не захотел сменять на туфли и сейчас немилосердно ими гремит.

– Писала ли я Вам про Алину школу? Она делает *огромные успехи*, – *pas de géant!** – *никогда* не учившись, великолепно и сразу овладела гипсом – сначала орнаментом, теперь – фигуры. Недавно принесла мне чудесную голову льва. Ездит через день, на 3–4 часа. Школа недорогая: 20 фр<анков> в месяц, один день барышни, другой день – молодые люди. Мудрое распределение в городе, где всё направлено на разницу полов. Не люблю Парижа. «Dunkle Zypressen! Die Welt ist gar zu lustig! Es wird doch alles vergessen»**2. (Мур, глядя на перечеркнутое: «Мама! ты грязь сделала».)

Разговор. Я: «Мур, что мне написать той тете, к<отор>ая тебе подарила все эти чудные вещи: шапочку, шарфик, башмаки, штаны? Ну?.. Милая тетя»... Мур: «Милая тетя! (пауза) подари мне еще штаны! (пауза) на Рождество.» – «Как ее зовут, тетю?» – «Тетя Аня, Мула гулял сегодня в парке в новом костюме. Там была скамейка и туман. (Мама! Где тетя Аня? Где?) Был туман. Был еще

* Гигантскими шагами! (фр.)

** «Темные кипарисы! // Мур слишком веселый! – // А ведь все будет забыто!» (нем.)

один туман. Было много. Потом они ушли домой. Живут они (туманы) в городе. «Еще тете написать про Муру, что Мура человек: <«> у Мула есть голова». Дальше шел откровенный и обильный вздор, который опускаю. Его живость — и радость и беда, затихает только за рисованием, если не рисует или не слушает, носится по всем комнатам, хватая и запропашая всё. Ему бы, как мне (хотя по разным причинам) жить 100 лет назад, лучше 150, в ландшафте детства Багрова-внука. Дети должны расти (т. е. матери должны пасти их) в природе, одни с животными, другие с деревьями. Парк или скотный двор, огород или большая дорога, всё — только не город! В город изредка, как на елку. Книга, [слово *нрзб.*], собака, просторы, словом Российская Держава 100 лет, 50 лет, ах — даже 10 лет! — назад. То что я хочу, в конце концов (кроме книг!) имел каждый мужик, а книги? на то у мужика есть песня, есть сказка. И — ассоциация *обратная* мужику, песня и сказка — перехожу к М<арку> Л<ьвовичу> С<лони>му. Похоже. Мало — *похоже* — он, живой! Вспыхнувший профиль (ибо, на вопрос, отвернулся) — жест к карандашу — кружок, точка, еще точка, после секундной заминки правота во всем, кругом, по кругу (окружности Парижа!) Таков есть, таков был — и не был, в дни дружбы со мной! Ему со мною было дружить трудно, я не только хотела, а *видела* его большим. Отсутствие природы, [одно слово *нрзб.*], корней, жизнь верхами (не высотами!)* воображение, замещающее и душу и сердце, *легкость*, на смертном одре имеющая обрушиться на него целым Мон-Бланом. Я о нем редко думаю, но когда думаю — всегда с жалостью, как о недостойно-больном, или больном, недостойном боли. Короче и жесточе — самое бесплодное что есть: иррелигиозный еврей. Бог евреям был дан как противовес *цифре* или как цифра к нулю, еврей минус Бог — ноль, *zéro* (0). Ни с кем из эсеров не вижусь, очевидно — не нужна и, значит, не нужны. А м. б. остыли ко

* а м. б. и вершками! (Сноска М. Цветаевой).

мне из за Серезиного евразийства, все более и более зажигающего сердца — не только зарубежных нас!

Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь. Мне хочется к Вам, ее единственному и лучшему для меня воплощению, к Вам и к Рыцарю. Нет ли его изображений покрупнее и пояснее, вроде гравюры? Повесила бы над столом. Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом. Мне скажут (не *Вы*, другие!) — «*В а ш а* Прага», и я, схитрив и в полной чистоте сердца, отвечу: «*Да, м о я*».

Ничего не боюсь, ни знакомств, ни гостей, я умею повсякому, со всеми. Написала и увидела: *по-своему* со всеми. *Я* от людей не меняюсь, они от меня — чаще — да. Скучны мне только политики.

М. б. ничего и не выйдет, что ж — была мечта! Очень удивлюсь, если выйдет: в Праге меня все более или менее видели, а это единственное, что интересно в «поэтессе». М. б. (шучу, конечно) сослужит моя новая прическа, в данную минуту равная русскому старорежимному гимназическому 1-классному *бобрику*. Волосы растут темнее, но не жестче, чем были. Хожу без всякой повязки. Женщины огорчаются, мужчинам нравится.

Недавно сдала в В<олю> Р<оссии> для ноябрьского № «О к т я б р ь в в а г о н е», — *мой* Октябрь 1917 г. (дорога из Феодосии в Москву). Думаю, Вам понравится. Там хорошая формула буржуазии. Дописываю последнюю картину Федры (трагедия). Мой Тезей задуман трилогией: *Ариадна — Федра — Елена*³, но из суе-(ли?)-верия не объявила, для этого нужно по крайней мере одолеть две части. Знаете ли Вы, что на долю Тезея выпали *все* женщины, все-навсегда? Ариадна (душа), Антиопа (амазонка), Федра (страсть), Елена (красота). Та троянская Елена. 70-летний Тезей похитил ее семилетней девочкой и из-за нее погиб.

Сколько любвей и *все* несчастные. Последняя хуже всех, потому что любил *куклу*. **Недаром М<арк> Л<ьвович> С<лоним> в честь Елены Спартанской назвал свою дочь! («Леночка»).**

С<ергей> Я<ковлевич> через день играет в Жанне д'Арк⁴, условия ужасающие: в холщовых костюмах на холоде, без завтрака (берет с собой), грубость, окрики, недружелюбие французов-фигурантов, рабочий день с 6 ч. утра до 7—8 ч. вечера и все это за 40 фр<анков> в день (5 из них на проезд). — Die Welt ist gar zu lustig!* — Кроме того дает уроки русского и бесплатно редактирует «Вёрсты». — На днях выходит № III, вышлем. —

О Рильке: 29-го сего декабря его годовщина, не сослужит ли это при помещении перевода? Очень хотелось бы увидеть эту вещь напечатанной именно в Чехии⁵. Р<ильке> — великий поэт *всей* современности — ведь уроженец Праги!

Пора кончать, поздний вечер. Еще раз, от всей души, спасибо за чудные подарки. Коробка мне напомнила рождение Мура и поступила в Алину полную собственность. Ее лучшее самочувствие — дарить и угощать.

Нежно целую Вас, сердечный привет маме и сестре.

М.Ц.

— Пишите! —

Не видаетесь ли с В.Ф. Булгаковым? Если да передайте ему мою память и симпатию. Все собираюсь ему написать.

Это письмо слишком толсто, в следующем письме снимки (домашние) Али и Мура.

36

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го декабря 1927 г.*

Дорогая Анна Антоновна, на днях (уезжает в среду) у Вас будет, с маленькой Рождественской посылочкой, П.П. Сувчинский, вождь евразийства¹. Постарайтесь побеседовать с ним на *его* тему, он очень разносторонен, но ко всему другому сейчас либо равнодушен, либо

* См. перевод на с. 71.

пристрастен, а — чем стихи, скажем, под евразийским углом, лучше Евразийство в упор. Оба выиграете.

О С<ув>чинским (а есть что́!) напишу после Вашей встречи с ним, в ответ на Ваши впечатления. Предупреждаю: крупнейшая фигура эмиграции.

Скоро Рождество. Я, по правде сказать, так загнана жизнью, что ничего не чувствую. У меня — за годы и годы (1917—1927 г.) — оступел не ум, а душа. Удивительное наблюдение: именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль — молния, чувство — луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом. Простой пример: обваливая 1 1/2 кило мелких рыб в муке, я могу думать, но чувствовать — нет: запах мешает! Запах мешает, клейкие руки мешают, брызжущее масло мешает, *рыба* мешает: каждая в отдельности и все 1 1/2 кило вместе. Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. Либо всё, либо ничего. Я своему не могу дать ничего: ни времени, ни тишины, ни уединения: я *всегда* на людях: с 7 ч. утра до 10 ч. вечера, а к 10-ти ч. так устаю, что — какое чувствовать! Чувство требует *силы*. Нет, просто сажусь за штопку вещей: Муриных, С<ергея> Я<ковлевича>, Алиных, своих — 11 ч., 12 ч., 1 ч. — С<ергей> Я<ковлевич> приезжает с последним поездом, короткая беседа — и спать, т. е. лежать с книгой до 2 ч., 2 1/2 ч. — хорошие книги, но я бы еще лучше писала, если бы —

Виновата (виновных нет) м. б. и я сама: меня кроме природы, т. е. души, и души, т. е. природы — ничто не трогает, ни общественность, ни техника, ни-ни — Поэтому никуда не езжу: ску-учно! Профессор читает, а я считаю: минуты до конца. — К чему? — Так и сегодня: евразийская лекция о языковедении. Кажется близко? Только *кажется*. Профессор (знаменитость) *все* языки ведет от *четырех* слов². Когда я это услышала, я сразу отвратилась: ничто *четное* добра не дает. А рифма? Рифма есть *третье!*

Так и не пошла, и сижу между чулком и тикающим будильником.

Как я хочу в Прагу! – Сбудется?? Если даже *нет*, скажите: *да!* В жизни не хотела назад ни в один город, *совсем не хочу в Москву* (всюду в России, *кроме!*), а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и замороженная. Я хочу *той* себя, несчастно-счастливой, – себя – Поэмы Конца и Горы, себя – души без тела всех тех мостов и мест. (NB! Вот и стихи:

Себя – души без тела
Всех тех мостов и мест.

Где я ждала и пела,
Одна как дух, как шест.
Себя – души без тела
Всех тех мостов и мест.)

Так когда-то писались стихи, не писала (отдельных) с 1925 г., мая-месяца³. *Маяться* – мой глагол!

Как я хотела бы с Вами – по Чехии! Вглубь! (Знаю, что совсем несбыточно!) После Праги – (Города-призрака) – в природу. Неужели дело в деньгах, которые – были или не были – презирала. Да, будь деньги! Учителей и книг – Але, образцовую няню – Муру, квартиру с садиком, а себе? Каждый день писанье и раза два в год – отъезды, первый – к Вам. Недавно мне кто-то сказал, что мои прежние русских сто тысяч равнялись бы миллиону франков. – Звук. –

Кончила Федру. Писала ее около полугода, но ведь пишу в день $\frac{1}{2}$ ч., много – час! Очень большая, больше Тезея. Тезей задуман трилогией: Ариадна – Федра – и написанной быть имеющая – Елена. Не знаю, куда сдам. М. б. в Совр<еменные> Записки. Сейчас занята общей чисткой и выправкой, много недавших мест. – Справлюсь. – Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь.

До свидания! Думайте обо мне на пражских мостах и улочках (*не-улицах!*). Может быть все-таки когда-нибудь вместе?

М.Ц.

Мур каждый день гуляет в Вашем чудном голубом костюме, — голубой медведь.

Не привлечь ли к устройству моего вечера в Праге В.Ф. Булгакова? Он очень деятельный. И хороший друг. Если захочет — сможет.

P.S. Прочтите, пожалуйста, прилагаемое письмо к нему⁴ и перепишите или передайте возможно скорее. Не знаю его адреса.

P.S. Очень важно, чтобы Валент<ин> Фед<орович> во время получил письмо и успел передать Вам вещи (маленький пакет) для Сувчинского.

37

*Meudon (S. et O.),
2, Avenue Jeanne d'Arc
Сочельник 1927 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом.

Как досадно вышло! Сувчинский был и не зашел, не повидал Вас, не рассказал Вам о нас, и нам о Вас ничего рассказать не смог. Кроме того, все мои планы с нашими мелочами расстроены, — у Вас ли вещи, т. е. занес ли их к Вам Булгаков? Если да, храните до более верной okazji, — ездят же сюда из Праги в Париж! Я очень жалею, там был камушек, который я хотела оправить для Али в кольцо к Рождеству.

Аля больна: ангина, лежит в постели и пишет Вам поздравление. Мур тоже простужен. После сильных морозов — весенний сильный ветер с дождем, вот и простудились. Пишите мне. Целую Вас нежно, сердечный привет и поздравления Вашим.

М.Ц.

Вот лес, где мы гуляем летом¹.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
3-го января 1928 г.

Милая Анна Антоновна, еще неохотно вывожу 1928 г. – как каждый новый, впрочем. Заминка руки и сердца, под заминкой – измена. Не сомневаюсь, что стерпится – слюбится. (Кстати, *люблю* эту поговорку только навыворот, так – только *терплю*.)

Огромное и нежнейшее спасибо за новогодний подарок, прямо в сердце, а осуществление – чудное серебряное кольцо Але, с камеей: амуром-Муром, и столик Муру. Получат послезавтра под елкой. Будет столько гостей, а Вас не будет. Будет, кстати, герой моей Поэмы Конца¹ – с женой², наши близкие соседи, постоянно видимся, дружественное благодушие и равнодушие, вместе ходим в кинематограф, вместе покупаем подарки: я – своим, она – ему. Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов, и покоится он, с Любушиным кладом, на дне Влтавы – а может быть – и Леты³. Кстати, в Праге, определенно, что-то летейское, в ветвях, в мостах, в вечерах. Прага для меня *не* точка на карте.

Новый Год встречала с евразийцами, встречали у нас. Лучшая из политических идеологий, но... что мне до них? Скажу по правде, что я в *каждом* кругу – чужая, всю жизнь. Среди политиков так же, как среди поэтов. Мой круг – круг вселенной (души: то же) и круг человека, его человеческого одиночества, отъединения. И еще – забыла! – круг: площадь с царем (вождем, героем). С меня – хватит. Среди людей какого бы то ни было круга я не в цене: разбиваю, сжимаюсь. Поэтому мне под Новый Год было – пустынно. (Чем полней комната – тем...) То, что я Вам рассказываю, Вам не новость: *нам* не новость.

Послезавтра елка, в Париже игрушки от 5 сант<имов> (блестящие пилки, ножницы, молоточки), елка будет вся обвешана. Есть еще и пражские игрушки. Да! третьего

дня, когда ездила в Париж за подарками, на старинной площади St. Germain des-Prés (жила там, когда мне было 16 лет)⁴ — моя спутница, вдруг: «Слоним!» — «Где?» — «Окликнуть?» И я, неожиданно: «А ну его к чертям!» — без злобы, добродушно. *До того не нужен.* («К чертям, конечно не в ад, а к его обычным делам, заботам, удачам.) Думал ли он, и — главное — думала ли я тогда под Рождество 1924 г., что через три года и т. д. *Лучше* — не знать будущего!

«Вёрсты» вышли, но своих номеров у нас еще нет, как будут — вышлем. Получите их, надеюсь, еще до газетной травли, чтобы знать, за что травят. Номер боевой: чуть ли не четыре статьи о евреях⁵.

Получила вчера большое милое письмо от В.Ф. Булгакова, как Вы думаете — не притянуть ли его к устройству моего вечера? Он сам рад будет повидаться. Неужели не наскребем тысячи крон?

Волосы мои порядочно отросли, но — новая напасть: нарыв за нарывом, живого места нет, взрезывания, компрессы, — словом уж три недели мучаюсь. Причина 1) трупный яд, которым заражена вся Франция, 2) худосочие. Есть впрыскивание, излечивающее раз навсегда, но 40-градусный жар и лежать 10 дней. Не по возможности. М. б. когда-нибудь... А пока хожу Иовом⁶.

Алино рисованье подвигается: очень способна и старается. Но моя работа сокращена ровно на три дня в неделю, ибо я с 11 ч. утра до 6 ч. вечера одна с Муром. Вот, кстати, наша сегодняшняя с ним беседа:

— «Мама, ты любишь машину?» — «Нет». — «Почему?» — «Потому что я люблю ноги». — «А червяки тебя любят?» — «Нет, и я их не люблю». (Пауза, и — тоном утверждения): — «Пауки — тебя любят!»

«Машина» у него, как у русских шоферов, — автомобиль.

От меня, т.е. от Вас к Рождеству получает столик, от С<ергея> Я<ковлевича> стройку, от Али цветные карандаши. Странно он будет помнить за границу, где Рождество *после* Нового Года (Новый Год все русские празднуют по-новому, Рождество — почти все — по-старому).

О елке Вам напишет Аля, это ее праздник.

Спасибо за чудную мечту о совместной Праге и далее. Как Ваше здоровье? В Париже климат неизмеримо — хуже, чем в Праге, не зима, а болото. Все кругом простужены. Вспоминаю чудные вшенорские холмы: холод, хворост. Мне хорошо было там жить, хотя мальчишки и кидались камнями.

Целую Вас нежно, сердечный привет Вашим, Шопена люблю и узнаю как никого.

М.

Очень рада, что Вам понравился Мур. Вот Вам Аля с ним, посылаю ради Али, он засмеялся и расплылся.

39

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го февраля 1928 г.*

Дорогая Анна Антоновна, обращаюсь к Вам со следующей большой просьбой, — не найдете ли Вы мне подписчиков на мою книгу «После России», — посылаю Вам три бланка в отдельном конверте.

Дело с книгой таково: по внесении в типографию $\frac{2}{3}$ стоимости книги (4000 фр<анков>) книга, совсем готовая, начнет печататься. Издатель разместил уже 25 подписок, но больше не может, остальные 15 должна разместить я. Вот и прошу Вас, может быть удастся? Техника такова: подписчик запол-

няет бланк и отправляет его издателю, по указанному адресу, с приложением соответствующей суммы. Проще будет, если эти деньги будут сразу вручены Вам, Вы, с заполненными бланками, перешлете их издателю. (Заполненные бланки важны для нумерации, каждый подписчик получит свой №.) М. б. та редакторша подпишется? Хорошо бы разместить все три, и *поскорее*: от быстроты зависит появление книги.

Ясно ли Вам? Дорогими экземплярами мы с издателем окупаем часть издания, ибо наличных ни у него, ни у меня нет. Деньги идут *не мне*, а в типографию¹.

Издатель очень торопит, книга залежалась, пора выпускать. Хотела просить Вас сделать все возможное, но Вы и так всегда делаете – больше чем можете!

В субботу у нас Брэй, побеседуем, расскажет о Вас, о Праге. Спасибо за открыточку, — жаль, что не зашел, но уезжающие, как сумасшедшие, судить нельзя.

Целую Вас нежно, тороплюсь отправить

М.Ц.

40

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc)
Февраль 1928 г.*

Дорогая Анна Антоновна, отвечаю Вам тотчас же. На Прагу я никогда не надеялась, — слишком хотелось. Тешила себя мечтой, но знала, что тешу. Читали ли Вы когда-нибудь *Der Trompeter von Säckingen*?* Там песенка, с припевом:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen!
Behüt Dich Gott – es hat nicht sollen sein!**¹

* Трубач из Зекингена (нем.).

** Храни Тебя Бог, это было бы слишком прекрасно!

Храни Тебя Бог, этому не суждено было быть! (нем.) (Пер. М. Цветаевой).

Так у меня всю жизнь. Меньше бы хотела к Вам – наверное бы сбылось. А к Вам хотела и хочу – сказать просто? – *Любить*. Я никого не люблю – давно, Пастернака люблю, но он далёко, всё письма, никакой приметы *этого* света, должно быть и не на этом! Рильке у меня из рук *вырвали*, я должна была ехать к нему весной. О своих не говорю, другая любовь, с болью и заботой, часто заглушённая и искаженная *бытом*. Я говорю о любви на воле, под небом, о вольной любви, тайной любви, не значащейся в паспортах, о *чуде чужого*. О *там*, ставшем *здесь*. Вы же знаете, что пол и возраст не при чем. Мне к Вам хочется домой: ins Freie*: на чужбину, за *окно*. И – о очарование – в этом ins Freie – уютно, в нем *живется*: облако, на котором можно стоять ногами. Не тот свет и не этот, – третий: сна, сказки, мой. Потому что Вы совершенно сказочны (о, не говорите, что я «преувеличиваю», я только – *додаю!*). Словом – к Вам, в тепло и в *родной* *холод*. И, возвращаясь к Trompeter'у – не правильнее ли было бы:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen,
Behüt Dich Gott – es hat nicht wollen sein?***

Месть жизни за все *те светá*.

Вы спрашиваете о «После России»? Сложно. Книга, говорят, вышла месяц назад, но никто ее не видел². Издатель (неврастеник) ушел из издательства и переехал на другую квартиру, на письма не отвечает. Издавал он книгу самолично, на свой риск, в издательстве о ней *ничего* не знают. С Вёрстами вышла передрыга: очень большое количество экземпляров было, по недосмотру, отпечатано так слабо, что пришлось их в типографию вернуть. Отсюда задержка. Надеюсь, что на днях получите. О них уже был отзыв в «Возрождении»³ (орган крайне-правых, бывший струвовский). В них мои обе вещи «С моря» и «Новогоднее» (поэмы) названы набором слов, дамским рукоделием и слабым сколком с Пастернака, *как*

* На свободу (нем.).

** Да хранит Тебя Бог, это было бы слишком прекрасно,
Да хранит Тебя Бог, это не хотело быть? (нем.).

*и все мое творчество*⁴. (NB! Пастернака впервые прочла за границей, в 1922 г., а печатаюсь с 1911 г.⁵, кроме того Пастернак, в стихах, *видит*, а я *слышу*, но – как правильно сказала Аля: «Они и Вас и П<астерна>ка одинаково *не понимают*, вот им и кажется»... Все дело в том, что я о П<астерна>ке написала хвалебную статью и посвятила ему «Мóлодца») ⁶.

Была бы я в России, все было бы иначе, ннно – России (звука) нет, есть буквы: СССР, – не могу же я ехать в *глухое*, без гласных, в свистящую гущу. Не шучу, от одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: *буквы не раздвинутся*. (Sesam, thue Dich auf!)*⁷ В России я поэт без книг, здесь – поэт без читателей. То, что я делаю, никому не нужно.

Да! О М<арке> Л<ьвовиче>. Живет рядом, по той же дороге, через остановку. Мёдон, еще что-то и Vanves, в этом Vanves у него чудная вилла – говорят – я не была. Не был у меня ни разу, видела раз у А<нны> И<льиничны> <Андреевой>, на чтении Федры (II ч<асти> Тезея). Был как ни в чем не бывало. И я – ничего.

Я очень одинока, бывают у нас только евразийцы, им я неинтересна, или так же мало интересна, как мне – они. Не те – миры, не тот язык, им *мое* все равно, мне – их. Дружеское равнодушие. У меня *никого* нет. С молодыми поэтами я не дружу: слабые стихи и сильное самомнение, хвалят друг друга по взаимному уговору, мне там делать нечего.

А Мур чудный. Ровно 1-го февраля, в день своего трехлетия, начал говорить Р, и так увлекся, что часто вместо «*глаза*» – «*граз*» (*гроза!*) и «*на полу*» – «*На пору*» (*пару!*). Сегодня он, занимая гостя (племянник С.В. Завадского, – тоже евразиец)⁸ – «Владик, когда я на тебе женюсь – я буду угощать тебя чаем, и кашами, и макаронами». Обожает шахматы, не дает играть. – «Вот красная собака (NB! *конь*) съела королеву». – «А королева съела лошадь, прилетела и убежала». Скоро опять будем снимать, увидите. Пишу поздно вечером, устала.

* Сесам, откройся! (нем.)

В субботу у нас будет Брэй, расскажет о Вас и о Праге. Заранее спасибо за Алину книжку и Муркины штаны. Вы бесконечно — трогательны. Не считайтесь письмами и сроками. Да! получила милое и грустное письмо от С.В. Завадского, очень его люблю, а Вы?

Аля напишет отдельно — и о Муркиных елках, и о дне рождения, — она прирожденный летописец. И, кажется, хочет послать Вам рисуночки. Но это сюрприз.

Сердечный привет от С<ергея> Я<ковлевича>, от меня же — больше чем могу сказать.

М.Ц.

41

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
11-го марта 1928 г.*

Дорогая Анна Антоновна, пишу Вам в тесном соседстве — Мура, у меня под левым локтем доламывающего игрушечные часы. — «Я уже сломал. Нужно в починку отдать одной Мадам. Я ей дам свои, а она мне даст новые». Убегает в коридор и сто́я у входной двери: «Откройте! Пожалуйста! Покупать мне нужно часы! Вот эту дверь самую! Раскрашенную!»

Мур в Ваших чудесных зеленых штанах (Jägerhose, Wildleder*) и Вашей — еще той посылки — зеленой рубашечке, подтяжки — третья зелень, сын лесника — или браконьера. (Я часто думаю об *обратных* союзах: судьи и подсудимого, лесника и браконьера, вплоть до палача и жертвы. Родство.)

Книжка чудесна, Аля каждый вечер раскрашивает по картинке, чешскому еще не разучилась, понимает все. Очень трогательно со стороны Г<оспо>жи Жегулиной¹, что сама занесла, я очень благодарила ее и приглашала

* Охотничьи штаны, звериная кожа (нем.).

зайти посидеть, но она торопилась. Сказала, что вторую часть посылки доставит Евреинов². Я его знаю, встречалась с ним в Праге, его дочь училась в Тшебовской гимназии одновременно с Алей.

Как благодарить? У Мура в жизни не было таких чудесных штанишек, все, что он носит — всегда ношенное, обжитое, как приятно влезть в новую вещь. Кроме того они никогда не изнаются. Словом, если бы я выбирала сама, я бы других не выбрала.

— Милое лицо у художницы, и здоровое и болезненное, вроде *dolcezza e dolore**. И очень славянское. То есть, у писательницы, это муж — художник.

Огромное спасибо за устройство подписки, Вы сделали чудо. Тэффи³, напр<имер>, у которой такие связи (Великие Князья, генералы, актрисы, французская знать), не могла устроить ни одного. Три билета мне еще устроил отец Б. Пастернака, Леонид Пастернак, художник (живет в Берлине)⁴. Вообще мне на заочность везет, мое царство. — Книга скоро выйдет, к несчастью издатель вроде автора: все на Божию милость. «Где-нибудь, когда-нибудь». У нас в России бывали такие ямщики: он спит, а лошадь везет. А иногда: он спит и лошадь спит.

Недавно, на самых днях, пережила очередную встречу со смертью (помните, в «Твоя смерть» — кто следующий?). Умер от туберкулеза кишок брат моей подруги, Володя, 28 лет, на вид и по всему — 18. Доброволец, затем банковский служащий в Лондоне⁵. Содержал мать и больную сестру, — она-то и есть моя подруга, 11 лет больна туберкулезом, от обоих легких один полумесяц, остальное съедено, ни работать ни ходить не может, красавица, 32 года. Работал, работал, посылал деньги, посылал деньги, приезжает в Париж к матери повидаться — жар. Пошли к врачу: туберкулез обоих легких. Подлечился, поступил на службу уже здесь, простудился, кровохарканье, туберкулез кишок. Никто дома не догадывался:

* Нежность и боль (*ит.*).

...«слабый желудок», врачи, видя безнадежность, молчали. С<ережа> настоял на операции, сделана была Алексинским (гениальный московский хирург и добрейший человек) блестяще. Вырезано было пол слепой кишки (не только отросток), но зараза оказалась по всему кишечнику. Зашили. Прожил еще месяц.

Ни секунду за всю болезнь не подозревал об опасности. «Вот поправлюсь»... А жизнь ему нужна была не для себя, а для других. Жить, чтобы работать и работать, чтобы другие жили. Умер тихо, всю ночь видел сны. – «Мама, какой мне веселый сон снился: точно за мной красный бычок по зеленой траве гонится»... А утром уснул навсегда. Это было 8-го, – вчера, 10-го хоронили. У французов не закапывают при родственниках, родные оставляют голый гроб. Насилу добились у могильщика, чтобы заровняли яму при нас, и длилось это 1 час 20 мин<ут>. Час 20 мин<ут> мать стояла и смотрела как зарывают ее сына. Лопаты маленькие, могильщики ленивые, снег, жидкая глина под ногами. А за день погода была летняя, все деревья цвели. Точно природа, пожалев о безродном, захотела подарить ему на этот последний час русские небо и землю. Проводила мать и сестру до дому, зашла – тетушка накрывает на стол, кто-то одалживает у соседей три яйца, говорят про вчерашнее мясо. – Жизнь. – В тот же вечер мать принялась за бисерные сумочки, этим живут. Вот и будет метать бисер и слезы.

— Огромное спасибо за все: подарки, билеты, а главное — долгую память любви. «Милая тетя Аня! У меня есть перо, я могу сам написать на бумажке чернилом, пером. Спасибо за штаны, я в них поеду в Москву и буду тете покупать гребенку, вел`сипед, еще другой вел`сипед, много. Я ей еще куплю чулки в Бомарше (Bon Marché, больш<ой> магазин) и башмаки, такие но-овые!

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-го апреля 1928 г.*

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Окликаю Вас на перегибе вашей и нашей Пасхи, в лучший час дерева, уже не зимы, еще не лета. Ранней весной самый четкий ствол и самый легкий лист. Лето берет количеством.

Как у вас в Праге? В Мёдоне чудно. Первые зазеленели каштаны, нет – до них какие-то кусты с сережками. Но, нужно сказать, французская весна мне не по темпераменту, – какая-то стоячая, тянущаяся месяцы. В России весна начиналась, т. е. был день, когда всякий знал: «весна!» И воробьи, и собаки, и люди. И, начавшись, безостановочно: «рачьте дале!» как кричат ваши кондуктора. Но худа или хороша – всё же весна, то есть: желание уехать, ехать – не доехать: *заехать* (Два смысла: 1) завернуть 2) не вернуться. Беру во втором.)

У нас в доме неожиданная удача в виде чужой родственницы¹, временно находящейся у нас. Для дома – порядок, для меня – досуг, – первый за 10 лет. Первое чувство не: «могу писать!», а: «могу ходить!» Во второй же день ее водворения – пешком в Версаль, 15 километров, блаженство. Мой спутник² – породистый 18-летний щенок, учит меня всему, чему научился в гимназии (о, многому!) – я его – всему, чему в тетради. (Писанье – ученье, не в жизни же учишься!) Обмениваемся школами. Только я – самоучка. И оба отличные ходоки.

– Сердечное, к большому стыду сильно запоздалое³ спасибо за шоколад. Угощались и угощали.

– Читали ли в Воле России «Попытку комнаты»? Эту вещь осуждает все мое окружение. Чтó скажете? Действительно ли непонятно?³ Не могу понять.

Как встречали Пасху? Были ли за-городом? Как здоровье — Ваше и Ваших? Что́ думаете о лете? Как работается? Счастлива буду получить от Вас весточку.

Простите за короткое письмо, оно не в счет, просто хочется окликнуть. Посылаю Вам Мура в Wildleder-Jäger-штанах, его любимых. Он «чешское» употребляет как похвалу. — «Хорошая погода: чешская», «красивая машина: чешская». Оттого, что из Чехии для него, пока, одна радость. Снимали его в мёдонском лесу, в 7 мин<утах> от нашего дома. Нежно Вас целую, отдыхайте, поправляйтесь на Пасху.

М.Ц.

43

*Pontailiac, près Royan
Charente Inferieure
Villa Jacqueline
1-20 августа 1928 г.*

Моя дорогая Анна Антоновна! Получила Вашего рыцаря¹ на берегу Океана, — висит над моим изголовьем, слушая то, чего наверное никогда не слышал — прилив.

Мы здесь две недели, всей семьей плюс дама, полу-чужая, полу-своя, живущая у нас с весны и помогающая мне по хозяйству и с Муром². С<ергей> Я<ковлевич> скоро уезжает обратно, — евразийские дела, мы все остаемся до конца сентября.

Поехали на́ море, а не в горы, потому что все, кроме меня, его — им предпочитают. Горы у меня где-то впереди, еще дорвусь. Здесь и лучше и хуже, чем в Вандее. Скалы, деревья, поля, — это лучше (там — только пески), а хуже — здесь все-таки курорт, хотя и семейный, — с казино, теннисами и всякой прочей мерзостью. (Любя Спарту, ненавижу спорт).

Кроме того, в С<ен->Жилле, где мы были в третьем году, никого знакомых не было, поэтому

С<ергей> Я<ковлевич>, напр<имер>, чудно отдохнул. Здесь же $\frac{1}{2}$ пляжа — русские, купаются, гуляют (любя ходьбу, ненавижу гулянье) и едят вместе. Третий минус: пришлось, из-за денежных соображений, сдать одну комнату детям А.И. Андреевой — 19-ти, 18-ти и 15-ти лет³. Много лишнего шума и никакого чувства дома, точно сам живешь в чужой квартире.

Уехали мы на деньги с моего вечера — был в июне и скорее неудачный: перебила III Моск<овская> Студия, приехавшая на несколько дней⁴ и как раз в тот же день — в единственный) раз дававшая «Антония» (Чудо Св<ятого> Антония, Метер-линка). Но все-таки уехали.

Здесь из русских: профессора Карсавин и Лосский с семьями, проф<ессор> Алексеев, П.П. Сувчинский с женой, жена проф<ессора> Завадского с дочерью и внуком, эсеровская многочисленная семья Мягких и племянник проф<ессора> Завадского, Владик Иванов. Кроме Лосских и Мягких — всё евразийцы. Но, евразийцы или нет — всех вместе слишком много, скучаю, как никогда — одна⁵.

Про Мура. Чудесно говорит, рост и вес шестилетнего, веселый, добрый, смелый, общительный, общий любимец. С утра до вечера на пляже, купается. Самый красивый ребенок на всем пляже.

Разговор. Я рассказываю ему Белоснежку⁶. «Лес был темный, страшный, но она не боялась». Мур: «Она была солдат?» (Сказку знает наизусть). Сегодня утром: «Я хочу в Мёдон, мне здесь надоело, все время отлив. Не люблю океан!» (Дело в том, что Мёдон для него — вагон, а вагон он любит больше всего и больше океана).

Вот карточки, не все удачные, но все же что-то дают.

— Простите за поверхностное письмо, живем пятеро в двух комнатах, причем я в проходной, все время входят и выходят, никогда не бываю одна.

Что наш план о моей осенней поездке?⁷ Нечего надеяться? А как хотелось бы провести с Вами несколько дней, в тишине. Парижа я так и не полюбила.

Dunkle Zypressen!
Die Welt ist zu lustig, –
Es wird doch alles vergessen!*

Целую Вас нежно, наши все Вас приветствуют.

М.Ц.

**Пишите о своем лете. Хорошо ли Вам? Как здоровье
Вашей матушки?**

44

Понтайяк, 9-го сентября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Получила Ваше письмо из чешских лесов, где Вас уже нет (и где я – еще есть!). Мой океан тоже приходит к концу, *доживаю*. Впереди угроза отъезда: перевозка вещей, сдача утвари – хозяйке, непредвиденные траты, финальный аккорд (диссонанс!). Боюсь этих вещей, томлюсь, тоскую. Зачем деньги? Чтобы не мучиться – душевно – из-за разбитого кувшина.

В сентябре должен был приехать сюда ко мне один мой молодой (18 л<ет>) друг, чудесный собеседник и ходок¹. Сентябрь – месяц беседы и ходьбы: беседы на ходу! я так радовалась – и вот – как всегда – что? – *несвершение*. В последнюю минуту оказалось, что ехать не может, действительно не может, и я бы не поехала. Остался по доброй воле, т. е. *долгу*, – как я всю жизнь, как Вы всю жизнь – оставались, останемся, оставаться – будем. Так же не поехал на океан, как я не поеду к Вам в Прагу. – Порядок вещей. – Не удивилась совсем и только день горевала, но внутренне – опустошена, ни радости, ни горя, тупость. Ведь я в нем теряю не только его – его-то совсем не теряю! – а *себя – с ним, его – со мной*, данную констелляцию в данный месяц вечности, на данной точке земного шара.

* См. перевод на с. 71.

Хороший юноша. Понимает всё. Странно (*не странно!*) что я целый вечер и глубоко в ночь до его приезда (должен был приехать 1-го, ходила на вокзал встречать, возвращаюсь – письмо) напевала:

Behüt Dich Gott – es wär zu schön gewesen –
Behüt Dich Gott – es hat nicht sollen sein! * 2

Я все лето мечтала о себе-с-ним, я даже мало писала ему, до того знала, что все это увидит, исходит, *присвоит*. И вот –
«Милый друг, я понадеялась на Вашу линию – пересилила *моя*. Вы просто оказались в *моей* колее. Если бы Вы *ехали не ко мне, Вы бы приехали*.

Вы теряете весь внешний мир, любя меня».

А внешний мир – это и рельсы, и тропинки вдоль виноградников, – и *мы* на них...

В Мёдоне мы с ним часто видимся, но – отрывочно, на людях, считаясь с местами и сроками. Здесь бы он увидел меня – *одну*, единственную *меня*. Второй раз этого не будет, жизнь не повторяет своих даров – особенно *так* принимаемых.

Будь я другой – я бы звала его, «либо–либо», и он бы приехал, бросив семью, *которая в данный час только им и держится* (не денежно, хуже), и был бы у меня сентябрь – только не мой, ибо у той, которая может рвать душу 18-летнего на части, не может быть *моего* сентября. Был бы *чужой* сентябрь. – Бог с ним! – *Так* у меня все-таки – мой.

A celle qu'n jour je vis sur la grève
Et dont le regard est mieux qu'andalou –
Donne un coeur d'enfant pour qu'elle le crève:
– Il faut á chacun donner son joujou... **

(Баллада Ростана³. NB! Юношеская.)

* См. перевод на с. 81.

** Той, которую я видел однажды на плоском песчаном берегу // И чей взгляд нежнее, чем у андалузки, // Дай сердце ребенка, чтобы она его растерзала, // Каждому надо дать его игрушку... (*фр.*).

Я знаю, что *таких* любят, о *таких* поют, за *таких* умирают. (Я всю жизнь — с старыми и малыми — поступаю как мать.) Что ж! любви, песни и смерти — во имя — у меня достаточно!

Я — die Liebende, nicht — die Geliebte*.

Читали ли Вы, дорогая Анна Антоновна, когда-нибудь письма M^{<ademois>}elle de Lespinasse⁴ (XVIII в.). Если нет — позвольте мне Вам их подарить. Что я — перед этой Liebende! (Если бы не писала стихов, была бы ею — и пуще! И может быть я все-таки — Geliebte, только *не*-людей!)

...То мой любовник лавролобий
Поворотил коней
С ристалища. То ревность Бога
К любимице своей⁵.

Нынче 8-ое, Вы еще успеете написать мне сюда, тронемся 27-го (7 — любимая цифра Рильке)⁶. А не успеете —

2, Avenue Jeanne d'Arc
Meudon
(Seine et Oise)

Вам хочется что-нибудь подарить Муру? Подарите ему башмаки, самые простые, для улицы, — его № — 31.

В Чехии чудная обувь, куда лучше чем в Париже. — Лучше коричневые, это наряднее. Я сдуру купила ему 32 №, сваливаются с ног, дорастет только через год. А № 31 — как раз на всю эту зиму.

Простите, ради Бога, за нескромную просьбу.

* Любящая, не — возлюбленная (нем.).

Пишите об осенней Праге. Господи, до чего мне хочется постоять над Влтавой! В том месте, где она как руками обнимает острова!

Я еще когда-нибудь напишу о Праге – как никто не писал – но для этого мне нужно увидеть ее заново – гостем.

На приезд *не* надеюсь, *ich hab'es schon verschmerzt**.

Целую Вас нежно, о Муре подробно напишу в следующем письме (с фотографиями). Аля напишет сама.

Сердечный привет Вашим.

М.Ц.

Зовите меня просто Марина.

Але на днях (5/18) исполняется 15 лет. Правда, не верится? В Чехию приехала 9-ти.

А мне – тоже скоро (26-го сент<ября> – 9-го окт<ября>)⁷ – 34, в Чехию приехала 28-ми⁷.

А Муру 1-го авг<уста> исполнилось 3¹/₂ года. В Чехию приехал 0 дня.

Выиграл, в общем, только Мур.

– «Мур, молись: *«Святый Боже»* – «Святы́й Боже»... – «Святы́й крепкий» (Мур, уже с сомнением:) – «Святы́й... крепкий?» «Святы́й бессмертный»... «Как – бессмертный? Это Кащей бессмертный!» – «Помилуй нас!»

* Я этим уже переболела (нем.).

Понтайяк, 25-го сент <ября> 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, только-что Ваше письмо, послезавтра утром едем, пишу в самую уборку и укладку. Третьего дня уехали г<оспо>жи Завадские, т. е. жена Сергея Влад<иславовича>¹ и падчерица, в Праге будут 1-го, повидайтесь с ними, они Вам много о нас всех расскажут. Хотела Вам с ними послать что-нибудь, но сидела абсолютно без денег, а сейчас, когда деньги пришли, они уже уехали. Но ничего, оказии еще будут.

Посылаю Вам пока Мура, — видите какое *разное* лицо? Карточки сняты одна за другой. С<ергей> Я<ковлевич> пишет, что пришла от Вас посылка — Але и Муру. Спасибо! Радуюсь. Сердечное спасибо и башмачки, не бойтесь, что велики! если № 31 то как раз. Мур ростом и размером с хорошего шестилетнего. (Вес 27¹/₂ кило — голый!)

Кончаю, нежно Вас целую, из Мёдона напишу еще. Это только записочка.

Марина

Это мой польский (бабушкин) герб.

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
18-го ноября 1928 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Во-первых и в-главных: башмачки дошли — чудесные — Мур носит не снимая. Не промокают и размер как раз его. Спасибо от всего сердца, это больше чем радость — необходимость.

Рада, в свою очередь, что наша посылочка дошла, отослана она была 26-го сентября. Но винить нельзя, Г<оспо>жа Завадская *очень* занята (кстати, она гораздо лучше и проще и милее, чем я думала, в Понтайяке я с

ней очень сошлась, — просто очень хороший человек, без мелкости).

Очередная и *очень* важная просьба. Мы *очень* нуждаемся, все уходит на квартиру и еду (конину, другое мясо недоступно — нам), печатают меня только «Последние Новости» (газета), но берут лишь старые стихи, лет 10 назад¹. — Хороши *последние* новости? (1928 г. — 1918 г.). Но весь имеющийся ненапечатанный материал иссяк. Вот просьба: необходимо во что бы то ни стало выцарапать у Марка Львовича² мою рукопись «Юношеские стихи»³. Писать ему — мне — бесполезно, либо не ответит, либо не сделает. Нужно, чтобы кто-нибудь пошел и взял, и взяв — отправил. На М<арка> Л<ьвовича> никакой надежды, я его знаю, «найду и пошлю» — не верьте. Передайте ему прилагаемую записочку, где я просто прошу передать «Юношеские стихи» Вам, не объясняя для чего (чтобы у него не было возможности обещать — и не сделать). Если можно — сделайте это поскорее. Раз в неделю стихи в Посл<едних> Новостях — весь мой заработок. *Все* Юношеские стихи ненапечатаны, для меня и Посл<едних> Новостей (где меня — старую — т. е. молодую! — *очень* любят) — целый клад.

Выслать необходимо заказным, у меня даже черновики нет.

Я знаю как тяжело такое поручение, но у меня, кроме Вас, дорогая Анна Антоновна, в Праге друзей нет. (Слоним, в делах, — враг!)

Рукопись у него в Праге, сам говорил. Когда-то дала почитать, так и осталась. Если скажет «сейчас не могу, найду» спросите: «когда?», *не верьте обещаниям*, я — хорошо к нему относясь, слишком хорошо его знаю.

Присылкой этой рукописи Вы меня спасете, там есть длинные стихи, по 40–50 строк, т. е. 40–50 фр<анков> в неделю: деньги!

Тщетно стараюсь накопить на выходные башмаки: два месяца собирала 100 фр<анков>, и в 5 дней (на еду) истратила — нынче пятый. Вот и вспомнила «Юношеские стихи».

Слава Богу, погода теплая, почти не топили.

– Пишу большую вещь – Перекоп⁴ (конец Белой Армии) – пишу с большой любовью и охотой, с несравненно большими, чем напр<имер>, Федру. Только времени мало, совсем нет – как всю (взрослую!) жизнь. С щемящей нежностью вспоминаю Прагу, где должно быть мне никогда не быть. Ни один город мне так не встал в сердце!

Behüt Dich Gott! es wär zu schön gewesen –
Behüt Dich Gott! es hat nicht sollen sein!*

Целую Вас нежно.

Марина

47

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-го ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во-первых и в-главных: огромное спасибо за рукопись, настоящий подарок! Без Вас я ее никогда бы не достала. М<арк> Л<ьвович> ни словом, ни делом на письма не отвечает, – не по злобе, – по равнодушию («les absents ont toujours tort»^{**1} в этом он обратное романтикам, у которых «les absents ont toujours raison, – les présents – tort!»^{***})

Нежно благодарю Вас за заботу, мне вспоминается стих Ахматовой:

Сколько просьб у любимой всегда!²

По тому как я у Вас часто прошу я знаю, что Вы меня любите. Второе: перевод моего Рильке на чешский, – его второй

* См. перевод на с. 81.

** «Отсутствующие всегда неправы» (фр.).

*** «Отсутствующие всегда правы, присутствующие – неправы!» (фр.)

родной язык — для меня огромная радость³. (NB! Меня (прозу) еще никто никогда ни на какой язык не переводил, *Вы — первая*). Рильке вернулся *домой, в Прагу*. Сколько у него стихов о ней в юности! («Mit dem heimatlichen “prosim”»)*⁴.

Пришлите мне книжку с Вашим переводом? Аля поймет, да и я пойму, раз знаю оригинал.

Третье: сегодня в Прагу выезжает чета Савицких⁵. Посылаю Вам с ними — если возьмут — кремовые замшевые перчатки, я их немножко поносила, чтобы не выглядели новыми. Отлично стираются в мыльной пене (или в «Люксе») — только не надо ни выжимать, ни ополаскивать. Купила Вам кремовые потому-что нарядные и потому-что Вы бы себе светлые никогда не купили, — правда? Посылаю еще с Савицкими — Вы рассмеетесь! — один свой старый башмак (NB! носила *три* года пока не треснул лак) — на мерку, если бы Вы на самом деле вздумали сделать мне такой чудный подарок.

Этот башмак мне *как раз*, но вот в чем дело: он, как Вы сама увидите, совсем без ранта (рант — кожаный край подошвы вокруг башмака), если те, что Вы мне думаете подарить, будут с большим рантом нужно этот рант прибавить, т.е. взять *чуть-чуть* ($\frac{1}{2}$ пальца) больше, чтобы носок не оказался короче, а то будут малы. Нужно, чтобы носок новых был бы как раз такой же, как носок этого, *мерить по носку*, прибавляя рант en plus**. Каблук хотелось бы такой же, не выше и не уже, самая удобная форма, я много хожу. И форма хорошая, не шире, а то нога будет ездить. Цвет хотелось бы темно-коричневый, как у Мура, вообще что-нибудь *прочное* для ходьбы. Этим подарком я буду счастлива, чешская обувь славится, а в Париже только лак хорош. (Когда-нибудь разбогатею и пришлю Вам лаковые туфли, нарядные. Когда-нибудь — разбогатею? Нет. Но когда-нибудь — пришлю. NB! Эти вещи — не связаны!)

* С отечественным «пожалуйста» (нем.-чешск.).

** больше (фр.).

Весь вопрос в том, согласятся ли Савицкие везти этот одинокий башмак. (В перчатках не сомневаюсь). Узнаю их адрес и сообщу Вам, на месте — спишется, как достать или доставить посылочку. М.б. они сами Вам напишут (я их очень мало знаю).

Чтобы кончить о башмаках (целая Жакерия!⁶ Я бы на месте Савицких повезла бы его на палке!) — новых не посылайте почтой, а лучше ждите okazji (можно будет предварительно запачкать подошвы) — и вот почему: очень высока пошлина (Zoll). За Муркины взяли 25 фр<анков>, за взрослые возьмут не меньше 50 фр<анков>, а у меня их в тот день может не быть (наверное не будет!). Лучше подождать случая, бывают же, ездят же!

Простите за скучное письмо, мне очень совестно. Сейчас иду к Савицким и припишу — берут ли. Если не возьмут башмаки, обрисую и пришлю.

Посылаю Вам Мура в трех видах, в Вашем костюме и башмаках, немножко темно, но сейчас осень, мало света (NB! не для души, — для фотографии!)

Целую Вас нежно, спасибо за всю доброту, пишите.
Любящая Вас,

Марина

30-го ноября, четверг

Вчера уехал Савицкий и все повез. Обещал вещи Вам переслать с кем-нибудь из знакомых. Он, кажется, человек точный. Живет за-городом. Проф<ессор> Петр Николаевич Савицкий. (Евразиец). Напишите впечатление от «Евразии» и Ваше и других! (Говорю о № 1 евразийской еженедельной газеты, к<отор>ую, надеюсь, получили)⁷. В след<ующем> письме напишу Вам о Маяковском, к<отор>ого недавно слышала в Париже⁸. (В связи с моим обращением к нему в газете. NB! Как его толкуете? Не забудьте ответить.)

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
1-го января 1929 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Желаю Вам в нем здоровья, покоя, удачи, работы.

Вчера, на встрече у евразийцев, думала о Вас и в 12 ч. мысленно чокнулась. Как Вы глубоко правы – так любя Россию! Старую, новую, красную, белую, – всю! Вместила же Россия – всё (Рильке о русском языке: «Deine Sprache, die so nah ist – *alle zu sein!*»^{*1}) наша обязанность, вернее – обязанность нашей любви – ее *всю* вместить!

Написала Вам большое письмо и заложила, – знаете как это бывает? – вошли, оторвали, сунула, – столько бумаг! Найду – дошлю.

– Как *Вы* встречали? Дома? На людях? А может быть спали?

Аля нарисовала чудесную вещь: жизнь, по месяцам, Нового Года. Январь – ребенком из камина, февраль – из тучки брызжет дождем, март – сидя на дереве раскрашивает листву и т. д.

Она бесконечно даровита, сплошной Einfall**.

– Это не письмо, записочка, чтобы не подумали, что не думаю. Пишу сейчас большую статью о лучшей русской художнице – Наталье Гончаровой². Когда-нибудь, в письме, расскажу Вам о ней.

Мур болен: 2 недели глубокий бронхит, лежит в постели. Просит передать тете Ане, чтобы она скорее к нам приехала «а то Новый Год состарится, и мои новые игрушки поломаются, а я хочу ей их показать». Мы с Алей крепко целуем Вас и всех Ваших, от С<ергея> Я<ковлевича> сердечный привет и пожелания.

М.Ц.

* См. перевод на с. 64.

** Причуда (нем.).

Книга М<арка> Л<ьвовича> очень поверхностна, напишу Вам о ней подробнее³. На такую книгу нужна *любовь*, у него – туризм. NB! *Не* говорите.

49

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

9-го января <1929> / 27-го дек<абря> 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Я в большой тревоге: чешское иждивение (500 кр<он>), приходившее ровно 1-го числа, до сих пор не пришло. Это совпало с русским Рождеством (нынче 3-ий день), вторую неделю живем в кредит, а здесь не то, что в Чехии: смотрят косо.

Ради Бога, узнайте в чем дело: недоразумение или – вообще – конец? Без предупреждения: 1-го ждала как всегда. Говорила со Слонимом, – говорит: пишите Завазалу¹. Но я его сроду не видала, и совсем не знаю как ему писать. И – главное – если *заминка*, писать вовсе не нужно, если же *конец* – нужно очень выбирать слова и доводы, – если вообще таковые могут помочь.

Что мне нужно делать? Без чешского иждивения я пропала. И вот, просьба: пойдите к д<окто>ру Завазалу и узнайте, и, если *конец*, сделайте все, чтобы продлить. Стихами не работаешь, печататься негде, Вы сами знаете. Большинство писателей живет переводами на иностранные языки, у поэтов этого нет. Гонорар – 1 фр<анк> строка. Я нигде не печатаюсь, кроме Воли России, с Посл<едними> Нов<остями> из-за приветствия Маяковскому – кончено², «Федра» в Совр<еменных> Зап<исках> проедена еще 1 г<од> с лишним назад, во время *скарлатины*.

У меня *просто ничего нет*. Скажите все это д<окто>ру Завазалу и поручитесь, что это правда – которую все знают.

Я все-таки единственный живой поэт за границей. (NB! От этого мне не легче).

– Елка все-таки была (и есть) – с прошлогодними и самодельными украшениями. **Каждый раз, зажигая,**

вспоминаю Вас. Мур целый месяц болел (грипп и тяжелой бронхит) сегодня в первый раз вышел. Они оба — Аля и он — сияют. Сияю и я — елочным и их сиянием.

У меня есть для Вас подарок, подаренный мне и мысленно уже передаренный Вам. — Не знаете ли okazji? У евразийцев раскол, и Савицкий вряд ли повезет.

— Таковы дела. —

Целую Вас нежно, сердечный привет и пожелания Вашим, простите за трудную просьбу, — если бы не крайность...

М.Ц.

Я Вам писала последняя — сравнительно недавно — дошло ли?

50

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
22-го января 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! О Ваших письмах: я их храню, ни одного не потеряла и не уничтожила за все эти годы. Вы один из так редких людей, которые делают меня *добрее*: большинство меня ожесточает. Есть люди, которых не касается зло, дважды не касается: минует и — «какое мне дело?!» Это я — о Вас. Меня — касается, ко мне даже притягивается, я с ним в каком-то взаимоотношении: *тяготение вражды*. Но это я в скобках, вернемся к Вам. Вас бы очень любил Рильке. Вы всем существом поучительны (*lehrreich*) и совсем не нравоучительны, Вы учитесь, не зная, — тем, что существуете. В священнике я всегда вижу превышение прав: кто тебя поставил надо мною? (*между Богом и мною, тем и мною, всем — и мною*). Он — посредник, а я — непосредственна. Мне нужны такие, как Р<ильке>, как Вы, как Пастернак: в Боге, но как-то — без Бога, без этого слова — Бог, без этой стены (*между мной и человеком*) — Бог. Без *Бога по образу и подобию* (иного мы не знаем). Недавно я записала та-

кую вещь: «самое ужасное, что Христос (Бог) уже был». И вдруг читаю, в посмертных письмах Р<ильке> (перевожу, пойдут в февральской Воле России¹ – «Aus Briefen Rainer Maria Rilkes an einen jungen Dichter»^{*2}) – «Warum denken Sie nicht, das er der Kommende ist»^{**}. Бог – не предок, а потомок, – вот вся «религиозная философия» (беру в кавычки, как рассудочное, профессорское, учебническое слово) – Рильке. Я рада, что нашла формулу.

Р<ильке> когда-то мне сказал: «Ich will nicht sagen, Du hast Recht: Du bist im Recht», im Recht – sein, im Guten sein^{***3} – это все о Вас. (Убеждена, что Р<ильке> бы Вас любил, – почему «любил», – *любит*). Убеждена еще, что когда буду умирать – за мной придет. *Переведет* на тот свет, как я сейчас *перевожу* его (за руку) на русский язык. Только *так* понимаю – перевод. Как я рада, что Вы *так-же* (за руку) перевели меня – что меня! меня к Рильке! – на чешский⁴. За что я *так* люблю Вашу страну?!

О жизни, житейском. Башмакам очень радуюсь, ничего, что Г<оспо>жа Т<уржанская> не взяла, кто-нибудь авось возьмет – к весне! Об иждивении узнала от М<арка> Л<ьвовича> С<лонима>, а он из консульства – что вместо 1-го будут выдавать после 20-го, но кому из пражских литераторов – неизвестно. Будем ждать.

– Бесконечное спасибо за очередную помощь, сразу заплатила долг в лавке, – здесь не Чехия – кредит не любят. Камень с плеч!

Писала ли я Вам о Мúриной болезни: грипп и затяжной (глубокий) бронхит, тянувшийся месяц. Слава Богу, прошел. Но – вслед – сильный припадок печени, с осложнением сердца, у С<ергея> Я<ковлевича>. Лежал неделю, – он, который никогда не лежит. Сейчас еле

* «Из писем Райнера Мария Рильке к молодому поэту» (нем.).

** «Почему Вы не думаете, что он – грядущий еще придет» (нем.). (Пер. М. Цветаевой).

*** «Я не хочу сказать, что ты имеешь право: ты просто права», пребывать вправе, пребывать в добре (нем.).

бродит. У евразийцев раскол⁵. Савицкий — сумасшедший (раз), сумасшедший честолюбец (два), он и проф<ессор> Алексеев вдвоем утверждают, что С<ергей> Я<ковлевич> чекист и коммунист. Если встречу — боюсь себя... Проф<ессор> Алексеев не сумасшедший, но негодяй, верьте мне, даром говорить не буду. Я лично рада, что он уходит, но очень страдаю за С<ережу>, с его чистотой и жаром сердца. Он, не считая еще двух-трех, единственная *моральная сила Евразийства*. — Верьте мне. — Его так и зовут «Евразийская совесть», а проф<ессор> Карсавин о нем: «золотое дитя евразийства». Если вывезено будет — то на его плечах (костях).

Про Муркино Рождество Вам напишет Аля. Елку разобрала только на днях — 6/19-го. Игрушки были еще чешские, приехавшие в той знаменитой корзине. Зажигала с Сочельника каждый вечер. «Я люблю смотреть издалека» (Мур). Он очень умный, очень добрый, очень особый мальчик. 1-го ему исполняется 4 года, — как годы бегут!

Целую Вас нежно, пишите о здоровье. *Как я хочу к Вам!*

Марина.

Если горячее и подробнее не благодарю, то только из смущения. Прочтите — так.

51

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
19-го февраля 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Вчера вечером — только села Вам писать письмо, разложила блокнот, уже перо обмакнула в чернильницу — гость, нежданный и нежеланный. Пришлось, не написав ни слова, всё сложить и унести. Но сегодня, слава Богу, день дошел уж до такого часа, что нижданному, ни

нежданному не бывать. Чудно бьют часы на башне – одиннадцать. Вспоминаю Прагу, связанную для меня с часами и веками. (Я так люблю Прагу, что – уверена – в ней никогда не буду.) Кстати, историйка. Недавно Аля от кого-то принесла домой книгу «La maison goulante»^{*1}, которую я когда-то читала и обожала в детстве, в далеком детстве, до первой заграницы, до 8 л<ет>. Смотрим картинки – знакомые – давно-недавно-знакомое: ночь, башня, мост, – *Прага! Карлов мост*. Оказывается, я раньше по нему ходила, чем ходила ногами, раньше на целых 20 лет! (Книга о цыганах, Bohême – Богемия. Прага тогда была Богемией, следовательно, волей *слов*, герой книжки, украденный мальчик Adalbert – и я за ним – должен был бродить по Праге.) Страшная картинка: цыганка с ножом, а месяц над ними как кинжал.

Теперь о нынешнем. Иждивение за 2 месяца (на что не надеялась) получила и купила кастрюльку – Litor, волшебную, со свистком, к<отор>ая все варит в 15 мин<ут>, самые огнеупорные супы. Овощи и картошку – в 5 мин<ут>. Волшебство. Когда вещь готова, кастрюлька свистит. Но если тотчас-же снять крышку – взрывается на тысячу свинцовых пуль. Не только самовар, но самострел. *Еще не варила*. Жду свободного утра С<ергея> Я<ковлевича>, чтобы показал – как. (Купила вчера, и еле довезла, – точно уже с 8 литрами щей!). Вот бы Вам такую! Есть ли это в Чехии? Через границу без пошлины не перевезти. Принцип: варка паром. Завинчивается наглухо.

Только что продержала корректуру перевода 7-ми писем Рильке (не ко мне, конечно!) и вступления к ним. Прочтете в следующем (февральском) № «Воли России». Убеждена, что

* «Дом на колесах» (фр.).

во всем, что Р<ильке> говорит и я говорю – услышите свое. Письма Р<ильке> – о писании стихов (dichten) – о детстве – о Боге – о чувствах. Перевела как только могла, работала, со вступлением, три недели. – Пишу большую не-статью о Н. Гончаровой, лучшей русской художнице, а м. б. и художнике. Замечательный человек². Немолодая, старше меня лет на 15. Видаюсь с ней, записываю. Картины для меня – *примечания к сущности, никогда бы не осуществленной, если бы не они*. Мой подход к ней – изнутри человека, такой же, думаю, как у нее к картинам. Ничего от внешнего. *Никогда* не встречала такого огромного я среди художников! (живописцев).

Из этого отношения может выйти дружба, может быть уже и есть, но – молчаливая, вся в действии. Я ее пишу (NB! как художник, именно портрет!), а она пишет иллюстрации к моему «Мóлодцу»³. Но ни я, ни она не показываем.

Много сходства: демократичность физических навыков, равнодушие к мнению: к славе, уединенность,^{3/4} чутья, ^{1/4} знания, основная русскость и созвучие со всем... Она правнучка Н.Н. Гончаровой, пушкинской роковой жены. – Есть глава и о ней. –

У нас были морозы в 20 гр<адусов>, при здешней одежде и обуви – беда. А у меня еще живы высокие теплые чешские башмаки, – вот и ходила, даже бегала. Здесь такие не достать ни за какие деньги, – *весь женский Париж без исключения* – в туфельках. А я ходила в них и в толстых черных чешских шерстяных чулках (*весь Париж в светлых*). В угольных складах мгновенно не оказалось углей, приходилось вымаливать по ведру. Но теперь, слава Богу, потеплело. Мур Вашей голубой (от медвежьего костюмчика) куртки не снимал ни днем ни ночью, самая теплая. Башмаки тоже служат лучше нельзя. Он всё растет, огромный, 7 л<ет> на вид и вес, – 1-го февр<аля> ему исполнилось 4 года. Летит – время?? Аля большая, красивая, добрая, умная, спокойная. Чудесно пишет и

очень хорошо рисует. («Nur Zeit»*). С эсерами не вижусь никогда, с М<арком> Л<ьвовичем> изредка переписываемся по журнальным делам.

Кончаю на др<угой> день, уже ничего не успею, целую Вас нежно, спасибо за все.

М.Ц.

52

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
17-го марта 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Только что Ваше письмо. Я Вас люблю, зачем Вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе, – вспомните Толстого – который, конечно, подвижник, мученик дома (долга) – но который за этот подвиг *ответит*. Вы правы кругом – и Толстой был прав кругом – и вдруг мысль: грех – что! Грехи Бог простит, а – подвиги?? Служил ли Толстой Богу, служа дому? Если Бог – труд, непосильное: *да*. Если Бог – радость, простая радость дыхания: *нет*. Толстой, везя на себе Софию Андреевну¹ + все включенное, не дышал, а хрипел.

«Пора и о душе подумать», глубокое слово, всегда противуставляемое заботам любви, труду любви, семье. «Не вправо». *Вы* не вправо, но Ваша душа – вправо, вправо – мало, то, что для Вас – роскошь, для нее – необходимое условие существования. *Вы свою душу* губите. И, в ответ: «Кто душу положит за други своя!» И еще в ответ: «Оставь отца своего и мать, и иди за мной». Я сейчас на краю какой-то правды.

У нас весна. Нынче последний день русской масленицы, из всех русских окон – блинный дух. У нас два раза были блины, Аля сама ставила и пекла. Мур в один присест съедает 8 боль-

* Только время (нем.).

ших. Его здесь зовут «маленький великан», а франц<узская> портниха: «le petit phénomène»*. В лесу чудно, но конечно несравненно с чешским. Вы не думайте, что «игра воображения», я очень упорна в любви, Чехию полюбила сразу и навсегда. Мне и те деревья больше нравятся.

– Был у нас доклад М<арка> Л<ьвовича> о молодой зарубежной литературе². «Молодой зарубежной литературы нет, есть молодые зарубежные писатели». Прав, конечно. Потом разбор, справедливый, посему – безжалостный. (Вспомните основу суда: не милосердие, а справедливость). Из пражан определенно выделил Лебедева³ и Эйснера⁴, с чем согласна. Из парижан – Поплавского⁵. Даровитый поэт, но путанный (беспутный) человек. Мысли М<арка> Л<ьвовича> часто остры, форма *обща*, все время переводит на настоящие слова. Те мысли – не теми словами.

– Одна работа о Гончаровой кончена и сдана, даю сербам, – 2 листа, немножко меньше (28 печ<атных> стр<аниц> формата «В<оли> Р<оссии>») – 8 чудесных иллюстраций (снимки с ее картин). Жизнь и творчество. Подумайте, нельзя ли было бы куда-нибудь устроить в Чехию? Или Чехия и Сербия – слишком близко? Пойдет в следующем № сербского Русского Архива⁶. Другая работа, большая, пойдет в Воле Р<оссии>, начиная с апреля⁷. **Большая просьба: если прочтете и понравится, напишите от себя в редакцию, – а м. б. не от себя, пусть кто-нибудь из знакомых напишет – какие-нибудь одобрительные слова, просто: Читатель (не могла ли бы написать Ваша сестра? Вашу руку знают) – а то волероссийцы – неявно, но все же – как-то затруднялись брать, – вещь на 2, на 3 номера. Можно написать по-чешски. И лучше – после майского №, когда они начнут отчаиваться в нескончаемости!**

Да! чудная и скорая оказия для башмаков: в Париж в конце марта – м. б. уже в 20-тых числах – значит, на днях – едет Сталинский⁸. Позвоните ему по телефону,

* «Маленький феномен» (фр.).

чтобы условиться, но *дела* не называйте: по телеф<ону> отказать легко. Он весь день в «В<оле> Р<оссии>». Думаю, для меня — повезет. Только непременно *почерните* подошвы, — хорошо, если бы кто-нибудь поносил день, два. Скажите Сталинскому (Евсей Александрович), что *очень* нужно, что башмаки лежат уже полгода и т. д. Пусть везет *на риск*. М. б. возьмет и Мурино медвежонка. (Воображаю радость Мура! Обожает зверей!) Мур весь в Вашем, башмаки *редкостные*, всю зиму носит, *ни разу* не чинила.

До свидания. О Маяковском напишу непременно. Но лучше сказали Вы: грубый сфинкс. О нем (и о двух других) появится на днях очень хорошая статья С<ергея> Я<ковлевича> во франц<узском> журнале⁹. Пришлю. Как Вам понравился перевод Р<ильке>? Целую Вас. М. б. в этом году соберетесь в Париж? (На Пасху!) А? Провели бы с Вами *чудный месяц!* — Подумайте.

М.Ц.

53

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
7-го апреля 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Нынче кончила переписку своей большой работы о Гончаровой, пойдет в В<оле> России, в апрельском номере. Сербская уже переводится. В общей сложности — 7 печатных листов, очень устали глаза.

Первое письмо — Вам и первое в письме — нежное спасибо за посылку. Башмаки чудные, таких в Париже не найдешь, будут служить мне как Муру — его, которые всю зиму носит не снимая. Мурин медведь и барашек до сих пор целы: жалеет: не ест. Отгрызет маленький кусочек от подножья овцы и — «Ой, что́ я сделал! Жа-алко!!» Алину коробку — не жалели, а бумажки жалели, не рвали и храним. Сталинский, привезший,

много рассказывал о Чехии, особенно она¹ — Вы ее не знаете? — добродушная дама в каракулевом саке. Почему-то от Праги — в восторге. Говорю почему-то, потому-что ни с мостами, ни с островками, ни с туманами не связывается. Но было приятно, что хвалит Прагу.

Я ничего не умею хотеть, кроме как в работе, в которой *не* хотеть — не умею. Ничего не умею добиваться. Мне всегда за кого-то и что-то стыдно, когда у меня нет того, на что я вправе — только любовь дает права — когда у меня нет того, без чего я — не я. Кому-то и чему-то ведь было бы несравненно лучше, если бы я завтра же, забрав и Мура и Алю, могла выехать к Вам в Прагу. Я Вас считаю самой настоящей Муриной крестной, *обе* (одна крестила, другую вписали) — неудачны: совершенно равнодушны². **О.Е. Чернову (вписанную в метрику, — отсутствовавшую) Вы должны знать по Союзу Писателей. Мы у нее жили по приезду в Париж. Лучший пример: ее дочери чудно шьют, и мать боготворят, Мур из всего молниеносно вырастает, лоскутов — полный дом, ни рубашечки. И попросить нельзя, — удивленные лица. Не заходит никогда. Мура водила раз за всю зиму. Другая (собственно-крестившая) Мура любила до полутора года, потом перестала — неизвестно почему. За всю зиму была — раз. Живет в трех минутах. Все это на час, а крестные — навек. Поэтому, хотите или не хотите, я Вас самым серьезным образом считаю Муриной крестной — пусть заочной, но самой настоящей и любящей. Крестный его — Ремизов³ — его не видел *ни разу* (живет в Париже) и ни разу не позвал. Мне не повезло. Но, руку на сердце положая, я Вас в крестные тогда не позвала только из-за того, что крестил о. Сергей⁴, который бы мог узнать, что Вы не православная, и даже наверное знал (общий круг). А помните увлечение Муром Г<оспо>жи Андреевой? (Живете в Кламаре, в 20 мин<утах> от Мёдона). — И не вспоминает!**

...Ах, дружба, любовь двухдневная, —
А забвеньё — на тысячу дней!⁵

(Женские – стихи). Может быть я долгой любви не заслуживаю, есть что-то, – нужно думать – во мне – что все мои отношения рвет. Ничто не уцелевает. Или – век не тот: не дружб. Из долгих дружб – только с вами и кн<язем> Волконским⁶, людьми иного поколения. Да! о дружбах. Недавно праздновали первую годовщину «Кочевья»⁷. Была и я – как гость. М<арк> Л<ьвович> сидел на председательском месте, справа блондинка, слева брюнетка, обе к литературе непричастные. Не обмолвилась (с 8 ч. веч<ера> до 12^{1/2} ночи) ни словом, впрочем – слово было: о Гончаровской статье: два листа или полтора листа? Не усмотрите в этом ни обиды, ни уцелевшей привязанности, – только задумчивость.

...Держала тонкие листы
И странно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело⁸.

– Не знаю, что выйдет из дружбы с Гончаровой. Она *очень* спокойна и этим – успокаивает меня. Мне всегда совестно давать больше, чем другому нужно (= может взять!) – раньше я давала – как берут – штурмом! Потом – смирилась. Людям нужно другое, чем то, что я могу дать. Раз М<арк> Л<ьвович> мне сказал: «Одна голая душа. Даже страшно!»

У нас весна. (Боже! сколько раз это писано!) Первые распустились ивы – мое любимое дерево. Дубы *молчат*. Я все вспоминаю куст можжевельника на горе, который я звала кипарис. А иногда Борис (Пастернак). Он тоже не пишет.

Целую Вас нежно, пишите, люблю Вас, спасибо за все.

М.Ц.

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
19-20 июня 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Начинаю день с письма к Вам. Знаете русское выражение: некогда о душе подумать. Так и со мной. (Так и с Вами.) Сегодня мне вспомнилась Прага – сады. Сады и мосты. Летняя Прага. Чтò мне сделал этот город, что я его *так* люблю?

И вот мечта: осенью *soûte que soûte** приехать к Вам – о душе подумать. В один конец я бы денег достала, не могли бы Вы достать в другой? Но м. б. последнего бы и делать не пришлось, ибо тысячу крон своим выступлением в Праге конечно соберу. А не тысячу – так пятьсот: обратный путь. Давайте решим это твердо. М. б. нашелся бы в Праге какой-нибудь музыкант (или музыкантша, чтò даже предпочитаю), который бы согласился выступить у меня на вечере бесплатно, чтобы устроить *смешанный* вечер: стихи и музыка¹. (Можно – стихи, проза и музыка.) Билеты бы распространили предварительно. Дешевые – при входе. Так это делается здесь.

По-моему – важен факт приезда, *уже*-присутствия. Зачто – все трудней. Вы бы меня познакомили с чешскими дамами, и они бы помогли. Тем более, что у меня сейчас есть «хорошие» платья, и вид парижский (NB! Помогают охотнее красивым и богатым, Вы это знаете.) Словом, начать не с конца *нужды*, а с обратного. Их много.

В Праге я конечно буду счастлива: – и это располагает.

Жила бы я у Вас – если можно. На жизнь у меня денег нет, кроме того – хочу быть с Вами, для этого и еду, ибо Прага для меня Вы. *Тá* Прага. Была бы чудная жизнь, 2 недели чудной жизни, по возвращении я бы конечно о Праге *написала*, и этим бы и внешне окупила поездку. Прогостила бы у Вас 2 недели. Я бы Вам помогала и была

* Любой ценой (*фр.*).

бы с Вами только, когда бы Вы этого захотели. Я умею быть одной.

Давайте решим это *серьезно*. 2-го ноября будет 4 года с моего приезда сюда: 4 года тоски по Праге. Выберем прежде всего месяц: м. б. сентябрь? (Вторая половина). Или все еще «на даче»? Мне бы хотелось в хорошую погоду, зимой боюсь: без меня простудят Мура. Я могла бы приехать к Вам 15-го, а вечер устроить – 30-го, перед самым отъездом. Подумайте о музыкальной части, чехи так музыкальны, наверное найдется. Можно и пение (хорошо бы старые народные песни, а я читала бы *русское* народное: свое). Можно устроить *чудесный* вечер, и для души!

Мой парижский прошел отлично². Хотела-было ехать со всеми своими в горы или на море, но ... зверские цены (2 комн<аты> с кухней — 2000 фр<анков> за три месяца) — да еще билеты — да еще все *то-же хозяйство*. Руки опускаются. Целый день готовить можно и в Мёдоне. И лес у нас под боком. (NB! угрюмый, заросший, заколдованный какой-то, — *страшно-мрачный*, совсем без цветов, один плющ. И хвои нет, — моей любви! Но — все-таки лес, и Муру хорошо).

Поездка в Прагу мне будет наградой за лето в Мёдоне (о как мне надоедают всё те-же места!)

Давайте решим. Буду жить мечтой, потом доставать визу, потом — телеграмму Вам: буду такого-то — и 2 недели с Вами, Вы — со мной. Хотите? Деньги на дорогу туда у меня *есть*. Не истрачу. Заклею конверт³.

Утром буду писать, после завтрака — что хотите. А чудные вечера!!

— Пишите о *Вашем* лете: едете-ли куда-нибудь? М. б. уже уехали? Если едете или уехали — *когда* вернетесь?

Итак, подумайте обо всем (месяц, музыкальная часть, возможность моего гощения) и напишите мне возможно скорей. Мое решение настолько серьезно, что посылаю заказным.

Целую и обнимаю Вас. *Пора* свидеться!

М.Ц.

А потом Вы ко мне — знакомиться с Вашим крестником Муром (чудный!) и заново с Алей. — Да? —

7-го июля 1929 г.

Письмо залежалось, и кое-что изменилось: м. б. все-таки поедем в горы, в Савойю, в городок Сен-Мишель, над Греноблем. (Посмотрите на карте). Есть дешевый дом с двумя кроватями и столами — остального ничего, но можно обойтись ящиками. В глубоком лесу, пейзаж — преувеличенная Чехия.

Так-что, если поедем, моя поездка в Прагу переносится на *октябрь* (если поедем, то на 2 месяца, до конца сентября). Но желание и решение остаются в силе.

Очень жду от Вас весточки, до свидания — через 3 месяца?

Целую Вас

М.Ц.

55

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
7-го августа 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Я уже вижу себя у Вас — хотя не знаю *где*, — не представляю себе улицы, а дом — кажется большой? Комнату помню, одну, где сидели, а другую — из которой шла музыка. Но м. б. у Вас новая квартира, и я *ничего* не помню.

А Савойя — улыбнулась (увы, увыв!). Господин, с которым я списывалась, упустил тот домик, и у меня не хватило мужества начинать поиски в другом месте. Все хорошее занято и все дешевое занято, меня касается только последнее. — Так мы и не уехали.

Отправляю Алю на 2 недели в Бретань, к Лебедевым¹ (тем), буду пасти Мура. А осенью — к 1-му ноября? — к Вам, если не передумаете, я не передумаю, ибо ни о чем другом

не думаю. Все, что Вы пишете о вечере, вечерах, очень подходит. И о домáх, куда, и о да́мах, с которыми... Отдаюсь всецело в Ваше распоряжение. Боюсь только, что меня начнут расспрашивать о парижских новинках, а у меня только одна новинка – да и та мёдонская – Мур. «*Quel triste plaisir que de s'amuser!*»* – так я смотрю на вечерний Париж. Его приманки – не для меня. Но, в крайнем случае, для поддержания престижа парижанки, могу врать и буду врать.

А знаете заветную мечту «парижанки»? — *Овчина*². Честное слово. Сплю и вижу во сне. Здесь достать нельзя, а я так малокровна, верней *бескровна*, что ничем кроме *меха* согреться не могу, выйдя на улицу сразу коченею и при 2–3 гр<адуса> мороза отмораживаюсь. Души не у́было, а крови у́было. — И вот, надежда на Чехию, верней Словакию, — в Праге я видела словацкие *полушубки* на овечьем (бараньем меху). Но мне полушубка (коротенького) мало, п. ч. с России отмороженные колени, мне нужна длинная шуба — или просто овчина, которой смогу подбить имеющееся пальто. (Здесь мех носят наружу, «для красоты», и готовы пойти в меховом хоть в апреле месяце. Весь Париж — *напоказ*).

Как Вы думаете, что могла бы стоить либо такая шуба (на бараньем меху) либо овчина. Если в Праге нет, нельзя ли выписать из Словакии? (Там баранов много, мне говорили). Хотелось бы хорошенькую, кудрявую, как у нас в России, — были такие: чистенькие, без запаха. М. б. можно достать по случаю? Было бы дешевле. В Париже последнее кошачье «манто» — тысяча фр<анков>, не хочу кошки, хочу барана. Если у Вас есть кто-то в Словакии, нельзя ли было бы спросить? Я думаю, на месте — дешевле. *Овчину на целое пальто*. Можно было бы купить заранее (узнав цену, деньги вышлю), а по приезде мне бы все устроила Г<оспож>а Завадская, она отлично шьет и дорого за шитье не возьмет. И границы платить бы не пришлось, ибо поехала бы обратно — в нем (баране).

* «Какое грустное удовольствие — развлекаться!» (фр.)

Простите за такую длительную баранью мечту, но слишком намучилась от прошлогодних холодов, и тогда же решила — овчину *coûte que coûte**.

— Сейчас август, 7-ое, ждать около 3х мес<яцев> — Пройдут. — Прошли же почти 4 года! (выехали 1-го ноября 1925 г. — видите, и числа те-же). Хорошо бы — для рифмы — и сейчас выехать 1-го! М. б. так и будет. — Уже знаю подарок, который Вам привезу. Мало — зная! *есть*.

О другом, а именно — Хашеке³: Бравый солдат Швейк. — Знаете, конечно. И очаровывающая и отталкивающая книга. Чешский Иванушка-дурачок, — просто русский денщик. Бездарны места с чистой идеологией, иногда пересол с духовенством, но в целом — даровитый человек и единственная вещь. Как жаль, что так рано умер. И как безнадежна попытка друга (*другого!*) закончить. Как сразу все добреет и тупеет.

А вот Вам — бравый солдат Мур. Хорош? Карточки передержаны, в жизни он — блондин. Скоро пришлю Вам большого Мура (лицо) и Алю. Аля страшно радуется поездке и страшно горюет, что оставляет меня без рук. — Трогательная девочка, и отпуск (первый за 5 л<ет>!) заслужила.

Из новостей: вышла замуж младшая дочь О.Е. Черновой — м. б. помните? — Адя, за молодого писателя Сосинского⁴, к<отор>го м. б. читали в В<оле> Р<оссии>⁵. Рада, что понравилась Гончарова. «Окончание в следующем номере». Неужели вы еще на М<арка> Л<ьвовича> — удивляетесь? (Неответ на письмо). Как Вы *хорошо* думаете о людях! Его воспитанность часто накожная (ergo: ничтожная) — чуть царапки — сцарапнул! Но он не груб, ибо грубость — активность и страстность, либо: природа, дикарство, а в нем: ни активности (кроме как в политике или очередном романе) ни страстности (никогда!) и уж конечно — ни природы. Точно он не рожден, а сделан.

* См. перевод на с. 111.

Пора кончать. Надеюсь, что перешлют. Обнимаю Вас, радуюсь Вашему лету. Привет Вашим. Пишите.

М.

56

Мёдон, 6-го сент<ября> 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо ждала вчера, а получила сегодня. На каком основании (ждала)? Своей уверенности в нем. – «А сегодня будет письмо от А<нны> А<нтоновны>» (Говорила из завтра).

– Мигрень – и что? Давайте радоваться! У меня вот шея болит – гланды – Бог еще знает какие, но гланды не я, я – еду. Слушайте: в награду за безвыездное лето, за все тот же лес все в новых сальных бумажках (сгребаю Муркиными граблями и жгу, вопреки полному воспрещению костров), за вот уже *месяц* неписания (Алина Бретань!) – за все это и другое многое – хочу в середине октября съездить в Бельгию. Близко, дешево, есть где остановиться, новая страна, старые города – С<ергей> Я<ковлевич> недавно был по евразийским делам и в очаровании. Но к Ватерлоо это слово уже не относится, – вещь посильнее! Стоял там, где стоял Наполеон и мысленно следовал за боем. Всего этого хочу и я. Устрою в Брюсселе вечер, который окупит дорогу. Поеду на неделю. А в первых числах ноября – к Вам.

Виделась (после полугодического перерыва, бывали – дольше!) с М<арком> Л<ьвовичем> С<лонимом>, приезжал ко мне, гуляли. Отношения приятные, очень далекие, он все сбивается на литературу, а я, как всегда, соответствую. Говорили о поездке в Прагу. Очень советует вечер в Pen Club'e! (м. б. неправильно пишу?), ручается за материальный (гнусное слово!) успех. Обещает перед отъездом дать ряд советов и писем. Жаль, что его не будет, – освободил бы Вас от части

хлопот. А с другой стороны, *единственной!* – не жаль, мне хочется *Вашей* Праги.

Я Праги совершенно не знаю. Хочу знать все. Не была ни в одном музее, ни на одном концерте, – только в кафе со С<лонимом>, зато, кажется, во всех. (Была, впрочем на Шляпине и на Стравинском², но это к *Праге* не относится.) Зато в садах – была. Какие чудные сады! Хотелось сказать – особенно весной, нет! – особенно зимою, когда никого нет. У меня в Праге есть приятельница, Катя Рейтлингер³ (дочь легкомысленного отца, к<оторо>го Вы наверное знаете), она меня тоже сможет поводить. В Праге я никогда не была свободной, – хотя бы от страха последнего поезда, как чудно будет знать, что некуда спешить. Заматываться мы с Вами не будем: больше всех музеев и концертов я мечтаю о вечерах с Вами – беседах, музыке, тишине. Я от зрелищ и сборищ сразу устаю.

Радуюсь Завадским – ему и ей⁴. Она вопреки видимости – прелестный человек.

Куда – за́город? Я лучше Мокропсов и Вшенор места не знаю. Моя мечта – *когда-нибудь* приехать туда на лето с Муром, показать ему его колыбель. Он бы в Чехии был счастлив – с гусями, с ручьями! Здесь ему – *тесно*: в глубь леса не ходим (опасно), а вблизи от дома – все те же дамы, и пары, и глаза. **Никто его не пропускает без изумленного возгласа или взгляда. Он, среди французских детей, не из другой страны, а с другой планеты. Голова – последний детский размер, ростом мне по грудь (4 1/2 года!), а я не маленькая. И голове и росту нужен простор.** Здесь дети *пищат*, он, когда на воле, *орет*, – просто от силы. Неловко, когда орет один – «Мур, нельзя!» – «Но почему же? Здесь же нет соседей!» – Жаль его. Подпражская природа несравненно крупнее подпарижской. Я с тоской вспоминаю реку, сливы, поля, – здесь поля совершенно нет. Как жаль, что у меня в Чехии не было аппарата. Свой привезу, м. б. удастся снять, хоть поеду в самую туманную пору. – Помню один ново-

годний день в Праге – солнце, синева, сброшенное пальто. («Прага» – собирательное, дело было в родных Мокропсах.) Проще: Мокропсы была *деревня*, со всем деревенским: гусями, козами, даже – кузницей! Здесь ничего этого нет: пригород, сплошная лавочка. Многие (особенно женщины!) бы со мной поменялись, но мне Стёме Toucalon* не нужен, а что кроме? Сознание, что в Париже? Слишком zalюбленный город, я *актерам* не поклонница.

Если бы Вы сюда приехали, мне все бы это сразу понравилось – от желания, чтобы понравилось, и сознания, что нравится – Вам. И я бы места нашла, чай, несомненно, есть. Но такого загаженного леса Вы и в худшем сне не видели! Все бросают. Не земля, а сплошные консервные жестянки – гнусные. (В 40° в тени (вот уже неделя!) есть консервы, когда рынок лопается от зелени. Пьют, кстати (*зимняя норма!*) по 4 литра вина в день, не считая «аперитивов»).

Напишите, про новое место, про здоровье – Ваше и мамы. Начало ноября – подходит для приезда? И так, через 2 месяца, которые пролетят как день.

Целую Вас нежно, спасибо за все.

М.Ц.

Спасибо за запрос об овчине, в Прикарпатской Руси конечно есть⁵.

57

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
30-го сентября 1929 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Получили ли Вы мне письмо – недели две назад – с детскими карточками – не заказным? Писала в Прагу, как Вы просили. Есть новости: 20-го в Брюсселе мой вечер и оттуда я могла бы прямо проехать в Прагу. Но – вопрос: будет ли к тому времени все готово для

* Крем Тукалон (*фр.*).

моего вечера? *Когда* Вы его предполагаете? Если не позже 7-го — 8-го ноября, я бы могла проехать непосредственно из Бельгии, считая днем выезда приблизительно 22-ое — 23-ье. Если же позже — между 15-тым, скажем, и 20-тым, вернусь из Брюсселя в Париж и отсюда поеду. (Не могу так долго отсутствовать из дому). Главная забота по вечеру в предварительном распространении билетов. Пражский вечер нужно устроить по образцу парижских. Отпечатываются билеты — приглашения (прилагаю образец) и распределяются между устроителями вечера (Вами — и?). Билеты без указания цены, вроде как бы почетные, и предназначаются для богатых — кто сколько даст. В Париже минимум — 25 фр<анков>, в Чехии возьмем — 25 крон. Каждый устроитель сам продает, сколько может, остальные же просят (купившего) распространить между *его* знакомыми, предупреждая о цене. Словом — распространение по периферии. В день вечера — верней: ко дню вечера — непроданные билеты возвращаются. **Деньги за билеты предпочтительно брать тотчас же, но если «у меня сейчас нет на руках» — «заплатите потом».** *Лишь бы взяли.* Словом, по образцу подписки на имеющую появиться книгу, с той разницей, что вечер будет непременно, и книга иногда — и не пишется! — Ясно ли Вам? Все дело и вся надежда на успех — именно в предварительной продаже билетов, ибо входные будут дешевые и дадут мало. На билетеприглашении *ни за что не указывать цены.* (Если говорить по чести, все сводится к *платному* приглашению). Стало-быть, билеты нужны двух типов: приглашения и входные, — в два разных цвета. На входных цена помечается. Хорошо бы — 5 кр<он>, 7 кр<он>, 10 кр<он> (входные). В Бельгии назначают 5 фр<анков>, 10 фр<анков>, 15 фр<анков> (входные) — подумайте. Продешевить мне нельзя, ибо уже очень дорого́ дорога. Но отсюда входную плату трудно установить, Вам виднее.

Нужен один основной вечер, — первый, — козырной, в зале, вмещающем не меньше 300 человек. Потом можно и вечерки, — отдельный прозы, например, которые тоже что-

нибудь дадут (по образцу Рейна (кабы Rheingold!*) с притоками). Да! Слоним советует отдельный вечер в Rep Club'e – Ваше мнение? – Смогу прочесть, по-французски, прозу, и м. б. Вы прочтете по-чешски из моего Рильке. (Или чехов заденет – «австриец»? Не думаю.) Основной вечер. Нужна музыка. Хорошо бы пение чего-нибудь народного чешского. Но – найдем ли мы *даровых* участников (участниц)? В Париже идут охотно. Нет ли у Вас, среди знакомых, хороших голосов или рук (рояль, скрипка). Музыка необходима. Не могу же я полтора или два часа сряду читать стихи. А так, с музыкой – 2 отделения: I – музыка, II – стихи, или даже три. С передышкой. – Чехи музыкальны. – Подумайте. – «Не согласились ли бы Вы выступить на вечере М<арины> Ц<ветаевой>»¹ – и т. д.

Нужно, все установив, назначить число и отпечатать билеты–приглашения. И тут же начать раздачу. Вам нужны помощники (*-цы!* в них больше толку). Нужен небольшой дамский комитет по устройству вечера – человек пять, семь, со связями. От себя могу предложить только Катю Рейтлингер (дочку резвого старичка, к<оторо>го Вы не можете не знать) – в замужестве Кист, ее адрес конечно знает Бем (его ученица и, кажется, любимица) и не-даму: Н.А. Еленева,² которому уже пишу. Катя (Катерина Николаевна) все сделает, что может, т. е. – больше. Когда будет выяснен день, нарисует афиши, к<отор>ые сама же разнесет по столовым, книжным магаз<инам> и иным людным местам. Можно будет на вечере у отдельного столика устроить продажу автографов, – если удобно? Мне всё равно – ибо денег со стихами не связываю, или: стихи от денег не хуже, а деньги от стихов – лучше³. (NB! Я бы сама купила такой автограф – Ахматовой, например.) Но если в Чехии это – «дурной тон» – не будем.

Итак: найдите зал (не меньше как на 250 чел<овек>!), бескорыстных участников-музыкантов (певцов или инструмент –

* Золото Рейна (нем.).

что́ будет, хорошо бы — хороший *женский* голос, вообще вечер нужно под *женским* знаком, в конце поясию) — назначить число, отпечатать «Invitations»* — и с Богом!

Хватит ли Вам на все это — месяца? Нынче 30-ое, письмо вы получите 3-го, вечер — крайний срок — 7-го, 8-го. Это я на случай маршрута Брюссель — Прага, без заезда в Париж. Но если времени мало и в конце ноября, напр<имер>, выгоднее — отложим до назначенного Вами 20-го скажем или другого числа, я из Брюсселя вернусь домой и поеду уже отсюда. В Париже я обычно начинаю за месяц, — м. б. и в Праге можно? Тогда увидимся скоро.

— О женском участии в устройстве. О женских руках. Верю в них — и знаю их. Помните, у Р<ильке> — «Die Liebenden»**4 и у Беттины — «Ich will keine Gegenliebe!»***5 Женщины живы сочувствием. Кроме того — в нашем реальном случае — женщины гордятся своими, приобщая и приобщаясь. Много смеются над женскими журналами. Мне они — милее мужских, с их политической грызней и сплетнями. Есть ведь в Праге женский журнал? Хорошо бы, если бы Вы, в связи с вечером, написали обо мне несколько слов — заметочку — в очень общих чертах, что́ хотите (всё — есть!). Или — дали бы кому-н<и>б<удь> написать, внушив содержание (NB! меня же чехи не знают). Фотографию пришлю непременно, м. б. какую-нибудь удачную с Муром. Можно поместить вместе с заметочкой, — за неделю, скажем, до вечера. Если я погощу у Вас до, Вы меня познакомите с какими-нибудь дамами, я «дам» не боюсь, разве уж каких-нибудь закоренелых (в *дамстве!*), которых — тоже не боюсь. И я для них — не опасна (не соперница! Ирину Одоевцеву, напр<имер>, автора непристойного романа «Ангел Смерти» — если не читали — видáли — в Посл<едних> Новостях?6 —

* «Приглашения» (фр.).

** «Любящие» (нем.).

*** «Я не хочу взаимности!» (нем.)

Одоевцеву бы — боялись, и ненавидели, ибо сама — дама, да какая!)

Итак, чтобы кончить о вечере: жду.

Адр<ес> Еленева:

Николай Артемьевич Еленев

Křemencová 8

Ruský domov

Praha II

Ему уже написано.

Как жалко, если то письмо мое пропало! (Надеюсь, что нет). С карточками Мура и Али. Аля недавно вернулась из Бретани, счастлива бывшим — и счастлива сущим. Скоро возвращается Гончарова с Юга и возобновляются уроки. Гончарова ее *очень* любит, в них есть сходство: глубокий покой, тихий ход.

Привезла из Бретани замечательные рисунки, — не с натуры, и с натуры, — как поэты с натуры пишут. Например: две бретонки с колоколенками на головах мимо домиков — в чепцах. Там кружево, здесь кружево, перемещение: сгущение. Скромность сущности при, временами, сознании силы. Как жаль, что нельзя ее взять к Вам! Вы бы на нее не нарадовались. На днях 5/18-го сентября, ей исполнилось 16 лет⁷. Знаете песенку (30-тых годов) — «Мне минуло шестнадцать лет — Но сердцу было боле»... Не боле! а если «боле» — то на целых триста. Подарила ей на рождение маленький аппаратик «Brownie», самый дешевый, и отлично снимающий. Им она меня и снимет для журнала.

«Евразия» приостановилась⁸, и С<ергей> Я<ковлевич> в тоске, — не может человек жить без непосильной ноши! Живет надеждой на возобновление и любовью к России.

А Мур, как я, — любовью к жизни. Только он — веселей меня (NB! никогда не была веселой), действеннее. Но нрав и темп — мои. У него уже есть враги — почти все улич-

ные мальчишки, которые считают его ровесником (им 10 лет — ему 4 1/2) и которых раздражает его особость. Здесь все дети — скелеты, ноги как нитки, бледные, вялые, страшно смотреть. А он толст и крупен и весел. Во французскую школу его отдать нельзя, — всё другое. Он там был бы глубоко-несчастен, ибо дети злы, — особенно к «пришлому». Мур же — страшно-русский, на лбу написано. С каким-то вызовом — русский. — Что с ним будет дальше? Дети его не любят. Женщины — да.

Кончаю. Сейчас они с Алей придут с прогулки и начнется кормежка. Здесь детей кормят почти исключительно хлебом и шоколадом, пьют — вином. Целый день сладкое и холодное. Одевают в тряпки зимой и в шерсть — летом. На шее, в июле и в январе, неизменный шарф. Ноги — зимой — синие. Не нравятся мне французские дети, а еще меньше — их родители.

— Записалась. — Обнимаю. — Пишите.

М.Ц.

Что мечта моей души — овчина?

Пригласительный билет:

Invitation
a la soirée de
MARINA ZWETAEWA
— Poésie —
Ayant lieu le 17 juin 1928
38, Boulevard Raspail 9 h. du soir

<На пригласительном билете, под фамилией, рукой Цветаевой написано: >

Cvetajeva.

<На обороте: >

Сообщите мне, пож<алуйста>, адрес Булгакова⁹, хочу попросить его лично.

Брюссель, 26-го октября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо мне переслали в Брюссель. Расскажу Вам о своем вечере. Здесь колония маленькая, бедная и правая, т. е. – увы! – бескультурная. Но все-таки набралось около ста человек, – для литературного выступления успех невиданный! Чистый сбор 70 бельг<ийских> франков, т. е. 50 франц<узских>. Дорога, паспорт, виза, жизнь – не меньше 400 фр<анков>. Но могло быть и хуже, по крайней мере покрыты расходы по залу и объявлениям. Живу я здесь у очень милых и сердечных людей, но не отдыхаю, п. ч. всё время езжу, хожу, осматриваю, разговариваю. И больше всего – выслушиваю. Все, с кем мне приходится встречаться, проголодались по новому человеку.

Бельгия мне напоминает Прагу, – тишина, чистота, старина. Была, кроме Брюсселя, в Антверпене, в Брюгге и нò море. Концы маленькие. Брюгге – лучшее, что я видела в жизни. Сплошная *Slata ulička**. Но – с веянием моря, к<отор>ое здесь рядом.

Мечту о Праге не оставила. Будем ждать. Лучше бы вечер до января, ибо м. б. повлияло бы на продление иждивения. С<ергей> Я<ковлевич>, с перерывом Евразии, ничего не зарабатывает, мои доходы Вы знаете. Если и 500 чеш<ских> крон кончатся – не знаю, что будем делать.

С грустью и радостью прочла об овчине – сейчас денег нет – я ее только-что проездила в Бельгию. Думаю, *приличная* – крон за 700? (Не слишком тяжелая). Что-ж, м. б. за зиму и накоплю. Деньги, какие будут, буду отсылать Вам на хранение, дома удержать нельзя. А пока похожу в чем есть. Убийственно дорого в Париже егеровское шерстяное белье – 50 фр<анков> штаны,

* Злата уличка (*чешск.*) – улица в старой Праге.

40 фр<анков> фуфайка. Сколько — в Чехии? Боюсь думать о зиме, которая вот-вот начнется.

Да! О *Вашей* шубе. Здесь меховая (*настоящая* белка, не кролик, но белка не со спинки, а с живота, *серо-коричневая*) 900 фр<анков>. Верх — мех, низ — шелк. По сравнению с пражскими ценами — дешево. За 1 т<ысячу> фр<анков> — *кротовая* шуба (*taure*). Не подделка. М. б., если надумаете, то есть деньги, привезти Вам такую шубу на себе? Белка прочнее и на 100 фр<анков> дешевле. Подумайте. — Свое пальто взяла бы на руку. Покрой прямой и элегантный. Сейчас белка не в моде, в прошлом году эта же шуба стоила 2 т<ысячи> фр<анков>. Если бы надумали, пошла бы с дамой высокого роста и крупнее меня, на нее бы купила и на себе бы привезла. Но это только с *заведомостью* поездки в Прагу, т. е. уже назначив *день*.

А для поездки в Прагу мне нужно обеспечение полутора тысяч крон, т. е. верных 1 1/2 тысячи. Меньше нельзя: дорога в два конца, паспорт, жизнь. Т. е. три вечера, за к<отор>ые мне заплатят по 500 кр<он>. Иначе не выйдет, просто — не на что. Провал в Брюсселе — ничего, на него у меня хватило, на пражский риск — не хватит.

Из Мёдона напишу еще. Целую Вас нежно, в свидании *уверена*. Не забудьте упомянуть про шубу — по-моему, выгодно. И провоз обеспечен.

Если бы покупала — то только со *сведующим* человеком, хотя сама знаю меха отлично. Очень хочется чувствовать Вас в тепле и видеть Вас нарядной. Могу прислать каталог, где обе шубы: и овчина, и кротовая.

Пишу в 7 ч. утра, в мансардной комнате, где живу и всегда хотела бы жить: чистота, пустота.

Обнимаю Вас, сердечный привет Вашим. Как здоровье всех?

М.Ц.

Как Вам нравится мальчик-фонтанчик?¹

<1929>¹

Дорогая Анна Антоновна! Давным-давно от Вас нет вестей. (В последний раз писала Вам из Брюсселя, – письмо, не открыточку.) А у нас – печальные: на почве *крайнего* истощения у С<ергея> Я<ковлевича> возобновился старый легочный процесс – пока не активный, но грозный именно из-за этого истощения. (Т° утром **35 с десятыми**, – так слаби!). А причина истощения пока темна, сейчас делают исследование крови и на днях ведут просвечиваться рентгеном. Его случай сложен, ибо *всё* расшатано: и сердце, и легкие, и печень (старая болезнь). Посажен (из-за печени) на строгую диету, а легкие требуют усиленного питания – с которым не справляется желудок.

Врачебная помощь нам обеспечена, но главное дело *в санатории* (отъезд, отдых, воздух, покой) = больших деньгах. Евразия кончилась, а с ней и редакторское скромное жалование, живем в долг, – куда там санатория! А она нужна. Нужен, помимо режима (питания) *воздух*, которого я не могу дать – (а Мёдон в котловине и с 4 ч. дня в пару от близкого сырого леса) и покой – который при нашей жизни – невозможен.

Надеюсь на людей (друзей). М. б. выручат. Еще не поздно и спасти можно. Д<окто>ра удивляются *силе* его организма, при ряде хронических болезней и ужасной жизни (все эти годы ложился в 2–3 ч. ночи, ел когда-попало и что-попало и т. д.) так долго сопротивлявшегося.

Ради Бога, чтобы только не прекратилось в 1930 г. чешское иждивение! Тогда мы совсем пропали. Вот я полгода писала Перекоп (поэму гражданской войны) – никто не берет, правым – лева по форме, левым – права по содержанию. Даже Воля России отказалась – мягко, конечно, – не задевая, – скорее *отвела*, чем отказалась². Словом полгода работы даром, – не только не заплатят, но и не напечатают, т. е. *не прочтут*.

О поездке в Чехию – увы (и какое увы! целый *вой*) – сейчас думать не приходится. С<ергей> Я<ковлевич> должен уехать по крайней мере на три месяца. Отложим до весны, – м. б. и лучше, – поездим с Вами по окрестностям, вспомним те годы – для меня – несчастно-счастливые. М. б. к весне и Вам будет легче наладить мой приезд (выступления). Сейчас Вы молчите – значит не выяснено или не вышло³. От Праги не откажусь ни за что, не отказывайтесь от меня и Вы!

Все последние недели ушли на болезнь С<ергея> Я<ковлевича>. Кроме того, Аля поступила в «Ecole du Louvre»* – на ряд лекций, через 3 года будет диплом. Значит, у меня еще меньше времени на себя: стихи.

Откликнитесь скорее: надеюсь (!) что с вечером еще не наладилось.

Видаюсь с М<арком> Л<ьвовичем>, он стал лучше: менее самонадеян, более отзывчив. Дай ему Бог, я когда-то ничего не могла дать (не сумел взять).

Тороплюсь, хочу дать Але время порисовать, т. е. забираю к себе Мура.

Целую Вас и обнимаю

М.Ц.

Прилагаю анкету для Бема⁴, – потеряла открытку с его адр<есом>. Перешлите, пожалуйста, городской почтой.

Итак, жду весточки.

Сердечный привет Вашим.

60

Мёдон, 25-го декабря 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечно поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом! Мне жалко этой цифры – 29, рука свыклась, глаз свыкся. У меня в детстве была странная игра: писать наперед годы. Помню восьми лет,

* Школу Лувра (*фр.*).

в 1902 г. длинный столбец — 1928 г., 1929 г., и т. д. (начиная от 1902 г.) Писала в полном сознании предвосхищения и неизбежности.

Третьего дня уехал С<ергей> Я<ковлевич> – в Савойю. Друзья помогли, у нас не было ничего. Перед отъездом проболел целую неделю, – 39°, безумные боли в желудке. Пять дней ничего не ел, – только чай. Уехал во всяком случае на два месяца. Воздух там дивный, горный, – 600 метров высоты. Уединенный замок, – ныне пансион для выздоравливающих¹. Все очень хвалят. Я за него счастлива, – первый отдых за 15 лет.

Полтора месяца ничего не писала, извелась, жизнь трудная. Весь день раздроблен на частности, подробности, а вечером, когда тихо – устала, уж не могу писать, голова не та.

Теперь, с отъездом С<ергея> Я<ковлевича>, опять примусь. Я всегда взваливаю на себя гору. Очередную. Федра – Гончарова – Перекоп. – Ныне – но не называю, чтобы не сглазить². Что бы мне писать восьмистишия! Беспоследственные и безответственные. А то – источники, проверка материалов, исписанные тетради, вся громадная работа до. «Как птицы небесные»...³ Нет.

Про Мура. Громадный. Ростом с 8-летнего, а вещи на 10-летнего. Все еще в тех давних Ваших башмаках, – жаль расставаться, до того крепки. И в фуфаечку голубую (от медвежьего костюма) еще влезает. Надставили штанами. Любит ее больше всех «такая лохматая, привычная, уютная, – как собака голубая». Говорит чудесным русским языком, немножко начинает по-французски. Произношение отличное. На присланные Вами сто фр<анков> купила ему 2 пары теплых штанов (10–12 ans!!!*), Але три пары шерстяных чулок, и себе пару. Вот мы все Вами и одарены!

* 10–12 лет!!! (фр.)

— С кем и как встречаете Новый Год? Пишите о себе. Как Ваше здоровье? Вашей матушки? Сестры? Все следующее письмо о себе, непременно. Жду его.

...А по-моему Г<оспо>жа Ю<рчинова> ищет не героя для своего романа, а — героя своего романа, т. е. будущего Г<осподи>на Ю<рчинова>. — Найдет. —

Целую Вас нежно, благодарю и мысленно чокнусь с Вами под Новый Год, — дай Бог — год нашей встречи.

М.Ц.

61

*Мёдон, 21-го апреля 1930 г.,
второй день Пасхи*

Христос Воскресе, моя дорогая Анна Антоновна!

Сначала были заботы — болезнь С<ергея> Я<ковлевича>, хлопоты, Алино учение, т. е. моя связанность с домом, подготовка к вечеру (в субботу, 26-го — Вечер Романтики¹) — а теперь стряслось горе², — какое пока не спрашивайте — слишком свеж^о, и называть его — еще и страшно и рано.

Мое единственное утешение, что я его *терплю* (subis), а не доставляю, что *оно* — *чистое*. Но нужно жить, — каждый день и каждую минуту. У Али скоро экзамены — нужно чтобы выдержала. После вечера нужно решить с отъездом: решиться на отъезд, говорят об Эльзасе — будто дешево и хорошая природа, — вроде Шварцвальда. Я трагически-неумела в этих делах и пока никого не вижу кто бы мне в этом помог — поездка в оба конца 150 фр<анков> — ехать вслепую невозможно, особенно с Муром, нужно снять заранее. М. б. попытаюсь устроиться с кем-нибудь из знакомых, но увы — одни совсем не могут ехать (служат), другие едут в пансионаты, т. е. нам не по дороге, п. ч. самый дешевый — даже

25 фр<анков> в день — нам (два с половиной человека) слишком дорог. Нужно искать комнату с кухней, а где их найдешь? Вместе с тем Мура и Алю увезти нужно, Мёдон (мы прошлым летом никуда не уезжали) летом грязен, пылен, весь город приезжает в лес бить бутылки и бросать сальные бумажки. Какая-то помойка.

На *горе* у меня сейчас нет времени, — оказывается — *тоже роскошь*.

— Даст Бог — как-нибудь. —

А в Чехию — кто знает? — м.б. все-таки попаду, был здесь эсер Махин³, очень милый, сердечный и дельный человек, сам предложил мне будущей зимой поездку в Сербию (вечер), м. б. на обратном пути заеду в Прагу, — думаю, что пражский вечер все-таки *что-нибудь* даст. Проведем с Вами недельку. — Счастлива была бы.

Не сердитесь, дорогая Анна Антоновна, за такое эгоцентрическое письмо, Вам пишет человек — *под ударом*.

Не знаю, знаете ли, т. е. писала ли — мой Мблodeц сейчас переводится на английский язык⁴, уже кончен — Гончаровские иллюстрации тоже — все дело за издателем, к<отор>ый по всей вероятности найдется. Тогда все-таки получу авторские, хоть что-нибудь.

Сама перевожу его на франц<узский>, — стихами — сделана половина, авось летом кончу, нужно кончить.

Простите за долгое молчание, люблю и помню Вас всегда.

М.Ц.

— Бедный Маяковский! (Ваш «сфинкс».) *Чистая* смерть. Всё, всё, всё дело — в чистоте.

Аля и Мур Вас целуют.

St. Pierre de Rumilly
(Haute Savoie).
Château d'Arcine .
 – мне –

Это Серезжин адр<ес>, но у нас своего нету.
 <Сентябрь 1930>¹

Дорогая Анна Антоновна!

Наконец Вам пишу. Лето прошло как сон, – в работе всегда так, а работы – впрочем Вы сами знаете – сколько. Живем даже не в деревне, а над деревней, под самой горой, без хозяев, в маленьком chalet* с огромным двором – сараи, сеновалы, мельница, все старое, наполовину отслужившее. Нашему домику сто лет ровно.

С<ергей> Я<ковлевич> за три километра, в настоящем замке XV века, в котором ныне русский пансион. Он там уже 8 месяцев, – платит Кр<асный> Крест. Видимся почти ежедневно, то мы к нему, то он к нам. Раз в неделю ходим – Аля, Мур и я – в соседний городок La Roche на рынок, закупаем на целую неделю. В деревне ни овощей, ни мяса нет.

Природа здесь очень живописная, но Чехию люблю несравненно больше. Леса *сырые*, не тропинки, а ручьи, не дороги – потоки. Слишком много воды, и не только из-за дождливого лета: близость снеговых гор. Лес неприветливый, мрачный, вроде тайги, – весь в плюще и в ежевике, не продерешься. А под ногами – вода. Прогулки только дальние, на целый день, ближних, как в Чехии, нет, т. е. одна: в тот же La Roche, шоссе – слава Богу почти без автомобилей.

Но народ чудный: вежливый, радушный, честный, добрый – как во времена Руссо. Он в этих местах провел всю молодость².

Аля много ездила: в Chamonix, в Аннесу, теперь ее собираются контрабандой, т. е. без визы, провезти

* Домике (фр.).

в Женеву, к<отор>ая всего в 50-ти километрах от С<ен->Пьера. Я за все лето ни одной горной прогулки не сделала, все оставалась с Муром и горы видела только снизу. Мур отличный ходок, делает сразу по 12 километров, не устает никогда. Теперь ему 5 1/2 лет. А Але третьего дня исполнилось 17 л<ет>. Бежит — время? Вы Алю помните девяти и даже восьмилетней.

За лето кончила перевод на франц<узский> (стихами) своего Мбодца, к к<оторо>му Гончарова давно уже закончила иллюстрации, и написала ряд стихов к Маяковскому — думаю отдать в Волю России³.

Простите за этот отчет вместо письма, но совсем нет времени, видите по почерку. Сейчас, напр<имер>, нужно бежать в местную Fromagerie* (2 кил<ометра>) за молоком, а обратно идти в полной темноте, спотыкаясь о щебень.

Но все-таки Савойей я довольна: тишина.

Целую Вас нежно, если скоро отзоветесь — застанете нас еще здесь, а недели через три пишите уже на Мёдон — обычное 2, Avenue Jeanne d'Arc Meudon (S. et O.)

Пишите про свое лето, общее здоровье, планы, работу. И — что меня еще любите.

М.Ц.

63

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
17-го окт<ября> 1930 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Булгакова¹ не при чем, ее в Савоие не было, и я с ней не переписывалась. Просто — урвала у жизни какой-то час и написала Вам. Я Вас всегда помню, т. е. Вы всегда во мне присутствуете. Свидание с Вами было бы одной из огромных радостей моей жизни.

* Магазин, где продают молочные продукты и всевозможные сыры (фр.).

Жаль, что меня *никак* не пристегнешь к Достоевскому, а то бы – чудный повод к встрече². Если бы *Лескова* чествовали – встретились бы. Из русских писателей это мой самый любимый, родная сила, родные истоки. Мне, чтобы о человеке сказать, нужно его любить пуще всего. И о Лагерлёф³ сказала бы. И о Сигрид Унсет⁴ – читали ли Вы ее? Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия: *Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz**. Лучшее что написано о женской доле. Перед ней – Анна Каренина – эпизод. Вся вещь называется: *Kristin Laurinstochter*** . Когда-нибудь да эту книгу приобрету. После нее долго ничего не хотелось читать.

9-го мы вернулись из Савойи. Жизнь трудная: С<ергей> Я<ковлевич> без работы – Евразия кончилась, а ни на какой завод его не примут, – да и речи быть не может о заводе, когда за 8 мес<яцев> прибавил всего 5 кило, из к<отор>ых уже сбавил два. Это больной человек. – Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором. – Кончала Мблодца, это моя единственная надежда на заработок, но нужно ждать, зря отдавать нельзя, – 6 месяцев работы. Живем в долг в лавочке, и часто нет 1 фр<анка> 15 с<антимов>, чтобы ехать в Париж.

Иногда я думаю, что такая жизнь, при моей непрестанной работе, все-таки – незаслужена. Погубило меня – терпение, моя семижильная гордость, якобы – всё могущая: и поднять, и сбросить, и нести, и *снести*. Если бы я была как все женщины моего круга (NB! а есть ли у меня круг?!) – или как все писатели (моего круга, которого уже заведомо нет!), за меня бы все делали, а я бы глядела. Женщина бы глядела, а писатель бы писал. Если буду жить в другой раз – буду знать.

Очень огорчена, дорогая Анна Антоновна, Вашим неудачным летом, погода и у нас была ужасная, но была – тишина. Удивляюсь, что богатые так дорого оплачивают шум, которого так много на улице.

* Венок — Женщина — Крест (нем.).

** Кристин, дочь Лавранса (нем.).

Оставила в Савойе – в квартире запрещено – безумнолюбимую собаку, которую в память Чехии я окрестила: *Подсэм* (поди сюда?). Это был *chien-berger – quatre-yeux**, черная, с вторыми желтыми глазами над глазами-бровями. Никого за последние годы так не любила.

Мóлодца кончила совсем (рифма: Подсэм!), на днях повидая Гончарову, будем думать – что дальше? Сейчас продолжаю большую вещь **о Царской Семье**, начатую еще прошлой зимой. Писать некогда, но все-таки пишу. Жизнь, из-за безденежья, еще не налажена. Никого, кроме Гончаровой, из парижских, не хочется видеть: у всех настолько другая жизнь – и внешняя и внутренняя. – Распродаю вещи, прекрасные шелковые платья, которые когда-то подарили – за грош.

Да! Совсем о другом: подружилась – издалека – со старой (годами, а не сердцем) приятельницей Рильке⁵, живет в Швейцарии, на чудном Bodensee**, там у нее старый дом в старом саду. Шлет мне все его книги, вчера получила второй том его писем, чудное издание Insel-Verlag'a***. Большая радость.

Помните ли Вы, дорогая Анна Антоновна, некоего Владика Иванова⁶, племянника Завадского. Он сейчас служит в какой-то американской компании транспорта, и за пол-года уже два раза был в Чехии – на сутки. Много и с любовью рассказывал о Праге.

Был и во Вшенорах, где все изменилось – застроилось. Разыскивал там свою собаку, которую кому-то передал, уезжая – ни человека, ни пса!

* Собака-пастух — четырехглазая (фр.).

** Боденское озеро (нем.).

*** Издательство «Инзель» (нем.).

Спасибо, что переводите, или думаете переводить, Гончарову. Можно было бы предложить журналу поместить с иллюстрациями – снимками ее картин – как сделали сербы (в Русском Архиве – видали?)⁷. Вещь бы оживилась, – и чехи ведь очень любят графику?

Как мне бы хотелось сходить с Вами в ее мастерскую. Сделаем так, чтобы увидеться! На чествование Достоевского у меня мало надежды. Кстати – прекрасную тему Вы выбрали!⁸ Мало живой природы, но когда есть – незабвенная. Я бы сказала о Д<остоевском>, что у него все как во сне – без цвета, неокрашенное, в ровном условном свете ф<отографи>ческой пленки, только очертания. Помню Ипполита где-то на даче, «клеящие листочки» Ивана⁹, – а еще?

Кончаю. Сейчас Аля с Муром приходят с прогулки, надо всех кормить завтраком. – Когда же я Вас угощу? Аля в шато, где С<ережа> лечился, научилась чудным блюдам. Сделали бы парижский обед.

Аля чудно вяжет, связала куртку Муру, две куртки на заказ (50 фр<анков> за минимум 2 недели работы!), сейчас вяжет себе. Мечтает связать Вам. Скоро опять будет ездить на лекции Луврской школы. 5—18-го сент<ября> ей исполнилось 17 лет¹⁰.

Все наши Вас приветствуют. Обнимаю Вас.

М.Ц.

*Meudon (S. et O.),
2, Avenue Jeanne d`Arc
17-го ноября 1930 г.*

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечное спасибо за помощь. Простите, что не отозвалась раньше, хотелось написать Вам большое письмо, но жизнь все не давала — и сейчас не дает.

Проводы Мура в детский сад туда и обратно — 4 конца — 12 километр<ов> (детский сад в соседнем городке, сообщения нет) — устройство Али в школу Arts et Publicité* (для заработка) — начавшиеся холода и вызванное ими усиленное шитье: все из всего выросли, даже я — из-за новой длинной моды — всего не перечтешь: все две страницы уйдут! — вот и опять отчет вместо письма.

Вчера выдалась с Г<оспо>жей Лебедевой¹, очень расспрашивала меня: какой именно съезд русских писателей², специально-ли *правый*, кто — председатель, имеют ли эсеры *вес*, ибо — если да — мое дело устроено. Сейчас в Праге М<арк> Л<ьвович>, Г<оспо>жа Лебедева уверена, что он *всё* сделает для моего приезда, зная как я люблю Вас и Прагу.

Милая Анна Антоновна, повидайтесь, посоветуйтесь с ним! Кроме того: проездом из Сербии в Праге на днях будет Лебедев³. Если бы Вы сразу мне ответили (что за съезд и от кого зависит) Г<оспо>жа Лебедева отсюда бы написала ему, чтобы *всё* сделал, чтобы утвердить мой приезд. И — сделает.

Верю в свое любимое число 32 (ведь съезд в феврале 1932 г.?) — которого нет в месяце, но который есть в жизни (миновало) и в столетии — наступает.

Итак: что за съезд и от кого зависит? (Мне-же важна не честь приглашения, а оплаченный проезд!)

М. б. к тому времени уже выйдет мой франц<узский> М^олодец с иллюстр<ациями> Гончаровой — чехи ведь любят Францию? — можно будет устроить вечер с отрывками из него. М. б. и заработаю немножко.

Я вдруг поверила, что в этом году мы свидимся. Погощу у Вас, если разрешите, вместе посетим мою любимую Прагу — и Вшеноры — бывшие места.

Итак: очень, очень прошу Вас 1) повидаться с М<арком> Л<ьвовичем> 2) поскорей и поподробней оповестить меня про съезд, чтобы Г<оспо>жа Л<ебеде>ва успела

* «Искусств и рекламы» (фр.).

попросить мужа еще в его бытность в Праге. Он ко мне чудно относится и все сделает. И, в конце концов, я ведь все-таки русский писатель! Всё дело в проездных деньгах. Слава мне не нужна. Мне нужны Вы и Прага: Вы, т. е. Прага, Прага, т. е., Вы.

Обнимаю Вас от всей души.

М.Ц.

65

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
<Декабрь 1930 г.>¹*

Дорогая Анна Антоновна!

Только два слова приветствия к наступающим праздникам — таким чудесным и таким вечным.

В Париже Рождество — витрины. Нынче видела вывеску игрушечного магазина: «A Jésus adolescent»*. Если бы не *наивность* — было бы кошунством.

К Новому Году напишу еще.

А пока — нежно целую.

М.Ц.

66

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! От души желаю Вам в нем: здоровья, силы на жизнь, здоровья Ваших, а главное — хотя бы скромных двух часов тишины в день.

И нам обеим — встречи.

Есть у меня для Вас маленький новогодний подарок, который получите несколько позже, когда разгрузится почта.

Обнимаю Вас и буду думать о Вас нынче под Новый Год.

М.Ц.

Мёдон, 31-го дек <абря> 1930 г.

* «Иисусу — подростку» (фр.).

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
22-го января 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна, сердечно рада, что дошло. Да, лилия бурбонская и вещичка старая, купила я ее на самой длинной улице Парижа — Vaugirard — у старого учтивого антиквара, который все никак не мог утешиться, что Avant-Guerre ушло безвозвратно. A Avant-Guerre* — для него — *des ballots de turquoises d'ambre, de lapis-lazuli***, — словом «жёмчуга — куры не клюют!»¹ — как в сказке. Я, собственно, хотела Вам колечко — подходящего не оказалось — взяла медальон. Но в колечке не отчаиваюсь, только — нóсите ли Вы?

Живу средне. Единственное утешение — тетрадь и Мур. Аля совсем от рук отбилась, жду ее целыми днями из школы, возвращается когда хочет, несмотря на все мои просьбы и угрозы (NB! чем — грозить??), всё свободное время (NB! мое свободное время, т. е. когда бы она занималась хозяйством или гуляла бы с Муром, а я — писала) проводит у Лебедевых (помните, воле-российские, пражские?) с девочкой, с которой дружит². Дома — скучно, там — весело, дома — обязанности, там — веселье, дома — посуда — там «чай пить». До-ма — дома, там — «гости». Добиться *ничего* не могу. Магнит чужого уюта и собственного выбора. Так и сижу целые дни и вечера. Является: «мама, простите, но...» (и т. д.) Сло́ва не держит никогда. Ей 17 лет, это и много и мало. Для наказаний — много, для примирения (моего) — мало. Люди живущие вместе должны считаться друг с другом, каких бы лет они ни были. «Приду в 2 ч.» А приходит — в 6 ч. Каждый день. Богатые своих 17-летних дочерей отдают в швейцарские и немецкие пансионаты,

* До войны (*фр.*).

** Тюки с бирюзой, лазурином, янтарем (*фр.*).

бедные — служить. И то и другое — *порядок*. А что я могу? — Терпеть? — Но *как я этого не умею!* (Всю жизнь терплю, но — со скрежетом).

С<ергей> Я<ковлевич> рассеян, озабочен не тем — и еще меньше педагог чем я. В этом он мне не помощь, а — наоборот — пассивностью своей — помеха. Кроме того, тут же при детях постоянно обрушивается на меня. — «Это (т. е. какое-нибудь распоряжение или требование мое) — идиотизм». С какой стати той же Але с этим требованием — считаться? Словом, так или иначе виновата всегда — я.

Мур пока меня только радует: еще мне верит и со мной считается. Но — Соломонов перстень — *и это пройдет*³.

Стало-быть остается — тетрадь.

С французским Мблодцем пока ничего не вышло. Издательский кризис. Поэтов не издают совсем. 8 месяцев работы. — И иллюстрации Гончаровой (*очень* здесь известной) не помогли.

Перекоп (6 месяцев работы) — лежит. В<оля> Р<оссии> взять не может (Добровольчество!), а Современные Записки даже не ответили. Такова же судьба вещи, которую сейчас (уже около года) пишу — *поэма о Царской Семье*. Все это — на потом, когда меня не будет, когда меня «откроют» (не отроют!).

Друзей у меня, кроме Е.А. Извольской⁴, нет. С Гончаровой что-то остыло. М. б. в обиде, что Аля поступила в школу?⁵ Держалось — моей заботой о ней и ее с Алей, обе кончились. Приду — рада. Не зовет — никогда.

А Е.А. Извольская выше головы занята переводами и статьями, физически *нет* времени встречаться, видимся на лету, на людях. Я бы хотела друга на всю жизнь и на каждый час (возможность каждого часа). — Вас. — Кто бы мне *всегда* — даже на смертном одре — радовался. Такого нет. Есть знакомые, которым со мной «интересно» — и домашние,

которым со всеми интересно кроме меня, ибо я дома: – посуда – метла – котлеты – сама понимаю.

Простите за: я, мне, меня, но правда – некому и не к кому!
Обнимаю Вас

М.Ц.

68

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
25-го февраля 1931 г.*

Дорогая Анна Антоновна!

Еще раз повторяю Вам: живи я с Вами (хотя бы в одном городе, хотя бы в одной стране) у меня была бы другая жизнь, вся другая. Мое горе с окружающими в том, что я *не дохожу*. Судьба моих книг. Всякий хочет 1) попроще 2) повеселей 3) понарядней. Так одинока как это пятилетие я никогда не была. Дома я вроде «стража беспечности»* (как мне нравилось это чешское название!) – роль самая невыгодная. Весь день дозировать, направлять, и все по мелочам. Иногда с горечью думаю: все у меня в доме и все вокруг более «поэты», чем я. У меня от «поэзии» – только моя несчастная тетрадь.

У меня нет человека, к которому бы я могла придти вечером, *сбив* с плеч день, который, раскрыв дверь, мне непременно обрадовался бы, ни одного человека, которого не надо бы предварительно спрашивать: можно ли? *Я здесь никому не нужна.*

Есть – знакомые. Но какой это холод, какая условность, какое висение на ниточке и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность.

– Помните, я Вам писала о начинающейся дружбе с переводчицей Извольской – вместе жили в Савоие, соседи по Мёдону. И вот, 2-го янв<аря> узнаю от нее, что она выходит замуж – в Японию! Сорок суток езды

* Полицейский (*устарев.*).

морем, не говоря уже о моем паническом страхе перед ним, — никогда не забуду часового-с-четвертью переезда в Англию. Не говоря уже о визах, о 5 тыс<ячной> цене билета, о семье, которая мне — даже не бойся я моря и получи и деньги и визы с неба — никогда не даст.

Просто — человек уезжает безвозвратно.

— Гончарова. С Гончаровой дружила, пока я о ней писала. Кончила — ни одного письма от нее за два года, ни одного оклика, точно меня на свете нет. Если виделись — по *моей* воле. *Своя* жизнь, свои навыки, я недостаточно глубоко врезалась, *нужной* не стала. Сразу заросло.

Про мужчин и не говорю. *Плохие* друзья! Тот же М<арк> Л<ьвович>. Виделись раз — час. Разговоры о литературе, равнодушные. Даже не «что пишете?», а «что из того, что пишете, подойдет для Воли России?» Что я для него? Сотрудник.

Когда С<ергей> Я<ковлевич> в прошлом году уезжал в санаторию, у нас *месяцами* никого не было. Дверь молчала, а если стучала, то — либо газ, либо электричество.

Будь я в Праге, или Вы в Париже, я бы вечером забегала к Вам, просто — забегала: почитать написанное, послушать Вас — о Вашем детстве, о прежней Праге, о *Ваших* бедах с новой жизнью. Если бы Вы знали как я люблю *слушать* и как редко — стóит, т. е. как редко люди хотят и умеют пользоваться этим моим даром.

Я всю жизнь, с детства тянулась к людям старшим и лучшим меня. Скучала: сначала с детьми, потом с подростками, потом с молодежью, ныне — с людьми моего возраста, завтра — с завтрашнего.

Как бы мне хотелось кого-нибудь доброго, мудрого, отрешенного, никуда не спешащего! человека — *не* автомобиля, — *не* газеты («Quotidien»)*¹.

— С писательскими делами мне — не лучше. 1928 г. — 1931 г. Из всего написанного напечатана только моя Гончарова, которую Вы знаете. Перекоп (6 мес<яцев> работы) и француз-

* «Ежедневная газета» (фр.).

ский Мблodeц (8 мес<яцев> – лежат. Первого не взяли ни В<оля> Р<оссии>, ни Совр<еменные> Записки, ни Числа². Второго («Le Gars»*) слушало несколько поэтов, хвалили все, никто пальцем не двинул³. «Отнесите туда-то, но будьте готовы к отказу» (на днях, один из редакторов «Nouvelle Revue Française»⁴). Спрашивается – зачем тогда нести?

Не зарабатываю *ничего*.

«Перекоп» мне один знакомый перепечатывает на машинке⁵, как кончит, пришлю Вам оттиск, в печатном виде Вы его никогда не увидите.

Очередное, даже сегодняшнее. М<арк> Л<ьвович> настойчиво просил меня статьи для 1-го № Новой Литературной Газеты. Написала о новой детской книге⁶ – там, в России, о ее богатстве, сказочном реализме (если хотите – почвенной фантастике), о ее несравненных преимуществах над дошкольной литературой моего детства и – эмиграции. (Всё на цитатах.) Но тут-то и был «Hund begraben»**. Нынче письмо: статьи взять не могут, п. ч. де и в России есть плохие детские книжки.

Писала – даром.

(NB! В статье, кстати, ни разу! «советская» – все время: русская, ни тени политики, которая в мою тему (до-школьный ребенок) и не входила).

Деньги, на к<отор>ые издается газета, явно – эмигрантские. Напиши мне Слоним так, я бы смирилась (NB! не стою же я – эмигрантских тысяч!), так я – высокомерно и безмолвно *отстраняюсь*.

Всё меня выталкивает в Россию, в которую я *ехать не могу*. Здесь я *ненужна*. Там я *невозможна*.

Таковы мои дела. Мура отказались принять в детскую (дошкольную) школу из-за роста. (Принимают до 7-ми лет, ему тогда не было 6-ти). Аля на целые дни уезжает.

* «Мблodeц» (фр.).

** «Собака зарыта» (нем.).

Работает вяло. Дома ей скучно, я страшно измучена их вечными ссорами и, вообще, жизнью, — громкий смех (ха-ха-ха!) страшно раздражает, м. б. потому что никогда сама так не смеялась. — «Вы хотите, чтобы мне было 30 лет». В ответ — молчу.

К довершению всего у меня на почве общего истощения (ходила в клинику, смотрел при 20-ти студентах профессор) вылезла половина брови, — прописал массаж и мышьяк: ничего не растет, так и хожу с полутора бровями. Но к этому отношусь созерцательно, ничего кроме иронии не чувствую. Точно *не моя*.

Одна радость: скоро весна. Зима была бесконечная, грязная, без снега, с вечным дождем, пресловутый «climat doux»* Парижа.

Чувство, что замерзла до дна души.

— Пишите о себе, дорогая Анна Антоновна, о здоровье, работе, самочувствии, семье, душе.

Когда-то увидимся?

Целую Вас нежно.

М.Ц.

Читали ли Вы замечательного *Петра I* — Толстого⁷ (к<отор>ый в России).

69

Мёдон, 27-го февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Вот уже поистине — пришла беда раскрывая ворота!

Я попала в самую настоящую беду.

На следующий же день, после моего письма к Вам — неужели только вчера? — получаю банковский конверт. Вскрываю: дирекция просит зайти для ликвидации какого-то дела. — ? — Вчера же еду, и —

* Мягкий климат (*фр.*).

24-го декабря я получила по чеку деньги, и они *ошибкой* вместо 6 фунт<ов> выдали мне 10 ф<унтов>, т. е. вместо 750 фр<анков> – 1250, т. е. я им *должна 500 фр<анков>*. Расписка этой операции у них налицо.

Дело в том, что я, когда получала, не посмотрела на чек, просто — дала, и когда получила больше, просто обрадовалась: д<олжно> б<ыть> на этот раз прислали не 6 фунт<ов>, а 10.

А теперь — надо отдавать. Срок по 1-ое апреля, листок мне пришлось подписать, единственное, чего я доби-лась — платежа частями.

С<ергею> Я<ковлевичу> я конечно ничего не сказала: извелся бы, тем более, что достать ему не у кого, итак еле наскреб на учение (курсы кинематографической техники). Если бы он знал, что я подписала такую бумагу, он бы с ума сошел от ужаса, а что мне было делать? Они могли бы меня еще обвинить в злостном воспользовании их ошибкой, — ведь нужно быть *мною*, чтобы не посмотреть на чек!

Главное горе в том, что этот чек был *последний*, что помогавший нам Св<ятополк->Мирский (Вёрсты – критик)¹ больше помогать не может (Потому-то я и подумала, что в последний раз прислал больше!)

Что у него-то просить, ему рассказывать всю эту историю — совершенно немыслимо. Он, кажется, то немного что имел — потерял на каких-то бумагах.

Словом, умоляю Вас, дорогая Анна Антоновна, каким-нибудь чудом достать мне половину этой суммы – т. е. 250 фр<анков>. *После вечера* (будет весной)² *отдам*. Вечер, какой ни есть, всегда дает 1 $\frac{1}{2}$ тыс<ячи> франков.

Боюсь, что если долго не буду платить, они мне опять напишут, и С<ергей> Я<ковлевич> все узнает, — конверт с печатью банка.

Из чешск<ого> иждив<ения> я пока получила только за январь, а когда следующее — неизвестно. Мы кругом должны, и в лавке и знакомым. Взять негде, а в течение

месяца должно-быть уплочено все, т. е. все 500. Если бы Вы мне достали половину, я бы как-нибудь (Воля России, займы) достала бы вторую. Одна — я утону.

Хорош чиновник! Хороша я!

И ответное письмо и, если достанете, деньги — по адресу:

*Madame Nina Svistounoff³
1, Avenue de la Gare
Meudon – Val – Fleury
(S. et O.)*

На письме можно пометку: для М<арины>Ц<ветаевой>, на переводе — два слова там, где пишут: для М<арины>И<вановны >.

Об этом дома не должен знать никто.

Обнимаю Вас. Простите.

М.Ц.

70

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-го марта 1931 г.*

Дорогая Анна Антоновна!

Открытку и коробку получила — сердечное спасибо. Точно гора (содержание открытки) с плеч свалилась! Мне помогают только женщины — так, впрочем, было всю жизнь.

Пытаюсь устроить свой Перекоп в «Россию и Славянство», — боюсь только платить не будут: очень бедны. И дайте мне добрый совет: как по-Вашему, не прекратят ли чехи иждивение из-за моего сотрудничества — т. е. напечатания вещи — в правом органе? Но что же мне делать, когда ни Совр<еменные> Записки, ни Числа, ни Воля России не берут? В «России и Славянстве» сотрудничает Бем¹.

Об иждивении: другие писатели получили извещение, что иждивение кончилось, я получила анкету, которую, заполнив, отослала. Прошло два месяца – ничего. Тогда я обратилась к Марку Львовичу, он очевидно напомнил обо мне, и я получила деньги с пометкой: *пока что за январь*. С тех пор – ничего, т. е. за февраль и март – ничего.

К М<арку> Л<ьвовичу> обращаться не хочется из-за истории со статьей (заказал и не принял), обращаюсь, дорогая Анна Антоновна, к Вам. Другие писатели уверяют, что иждивение мне осталось, ибо я не отказ получила, а анкету. М<арк> Л<ьвович> достоверно говорил мне, что оставлено мне и, кажется, еще Ремизову². В чем дело? Почему не шлют? Расскажите о моем положении: больной муж, двое детей, издательский кризис, – жить не на что. Без этих денег мы пропадем.

Сначала ждали каждый день, должали в счет, теперь и ждать перестали. *Не получено за февраль и март*. (Всегда присылали 3-го – 4-го).

Не считите это за письмо: очередной бытовой вопль!

Конфеты чудные, угощали ими вчера писательницу Извольскую – ту, что выходит замуж в Японию. Вспоминали с Алей давнишние времена: рождение Мура – нашу хижину во Вшенорах – Вас в нашей хижине. Помните?

Тому уже – шесть лет. Мур читает и пишет. Скоро напишет Вам письмо. Пока же:

<Рукой Мура: «конфеты чудные мур»>

С<ергей> Я<ковлевич> выдержал письменный экз<амен> по кинематографии, в понедельник – устный, занятия серьезные³.

Обнимаю Вас и благодарю, на днях напишу еще. Нужда ужасная.

М.Ц.

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
20-го марта 1931 г.*

От всей души спасибо, дорогая Анна Антоновна! Уже внесено. Если бы Вы знали какая гора с плеч! Все сделаю, чтобы вернуть Вам, ибо именно у Вас не хочется взять, именно Вам хочется дать. Потому-что я Вас люблю.

Весна моя начинается грустно: неожиданно в гостях узнала от приезжего из Москвы, что Борис Пастернак разошелся с женой – потому что любит другую¹. А другая замужем, и т. д. Боюсь за Бориса. В России *мор* на поэтов, – за десять лет целый список!² Катастрофа неизбежна: во-первых *муж*, во-вторых у Б<ориса> жена и сын³, в-третьих – красива (Б<орис> будет ревновать), в-четвертых и в-главных – Б<орис> *на счастливую любовь неспособен*. Для него любить – значит мучиться.

Летом 26-го года, прочтя где-то мою Поэму Конца⁴, Б<орис> безумно рванулся ко мне, хотел приехать – я *отвела*: не хотела *всеобщей* катастрофы. (Годы жила мечтой, что увижусь.) Теперь – пусто. Мне не к кому в Россию. Жена, сын – чту. Но *новая любовь* – отстраняюсь. Поймите меня правильно, дорогая Анна Антоновна: *не ревность*. Но – раз без меня обошлись! У меня к Б<орису> было такое чувство, что: буду умирать – его позову. Потому что чувствовала его, несмотря на семью, совершенно одиноким: моим. Теперь мое место замещено: только женщина ведь может предпочесть *брата* – любви! Для мужчины – в те *часы*, когда любит – любовь – все. Б<орис> любит ту совершенно так же как в 1926 г. – заочно – меня. Я Б<орису> написала: «Если бы это случилось пять лет назад... – но у меня *своя* пятилетка!» Острой боли не чувствую. Пустота.

Обрываю. Надо в город. Горячо и верно люблю Вас, упорно надеюсь на встречу, с Вами я была бы счастлива. Может быть — все-таки увидимся?

Спасибо за все. Пишите опять домой.

М.

С чешским иждивением пока — ничего. Получила только за январь. Нынче 20-ое марта.

72

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
3-го июня 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна! Наконец мой вечер позади¹ и я могу Вам написать.

Но до рассказа о всех событиях — вечере, отъезде Е.А. Извольской, новой дружбы с Еленой — хочу сказать Вам, что Вы в моей жизни присутствуете непрерывно, что — а этого кажется не могу сказать никому, кроме Вас — хотела бы не встречи с Вами, а жизни с Вами.

Нынче на Колониальной выставке² (весь Париж перебивал, я — кажется — последняя) меня взяла острая тоска по Вас, под пальмами, в синем тумане *настоящих* тропик. Сколько тут дам и господ ходит, сколько аппаратов щелкает, запечатлевая все тех же дам и господ — таких случайных! — а Вас, которой все это: Индо-Китай, Судан, Конго и т. д. — так много бы дало, и которая, этим, всему (и мне!) так много бы дали — нету. И, проще: всегда когда вижу что-нибудь красивое, редкое, настоящее — думаю о Вас и хочу видеть это с Вами. (Боже, до чего слабое, должно быть, мое *хочу* во всем, кроме работы! До чего я *для себя* не умею хотеть!)

Дома у меня жизнь тяжелая — как у всех нас — мы все слишком особые и слишком разные, **коллекция, а не семья!** Каждому нужно — физически — место, к<оторо>го *нет*: все

друг у друга под локтем и под боком: **трения, раздражения.** С работой у меня весь этот «школьный год» (конечно – школа!) тоже не блестяще: Аля много в Париже из-за – *своей* школы, я с Муром, который *труден*, – кроме того пишу вещь, которая при невероятной трудности осуществления (сколько раз – бросала!) никому не нужна – **поэму о Царской Семье.** Не только не нужна, но вот нынче письмо из Лондона от незнакомой мне знакомой моей московской сестры³: умоляет – во имя сестры – ничего «такого» не печатать, иначе той грозит высылка на Соловки.

Это отнимает у меня последний кураж. Слишком много у меня и так уж «посмертных сочинений».

И вот, возвращаясь к Вам – к нам – если бы жили в Мёдоне!..

Все окружение меня считает сухой и холодной, – м. б. и так – жизнь, оттачивая ум – душу сушит. И потом, знаете в медицине: подавленный аффект, напр<имер> *gore* или *радость*, сильная вещь, которой не даешь ходу, в конце концов человек остро заболевает: либо сильнейшая сыпь, либо еще какой-нибудь внешний знак *потрясения*.

Так вся моя взрослая жизнь: *force refoulée, désir créateur – refoulé**, что я иного в жизни делаю как *не-пишу* – когда мне хочется, а именно: все утра моей жизни?! 14 лет подряд.

Это *тоже* холодит и сушит.

Сердечно рада, что мои скромные подарки понравились, как охотно послала бы их Вам через себя, т. е. чтобы – из рук в руки!

У нас не лето и не весна, не знаю что, нынче 3-ье июня и, с весны, пятый хороший день. Нет куражу и на летние мечты: денег вечер принес мало, п. ч. полный зал был полон 5-франковыми, а не 25ти франковыми слушателями (т. е. любящими, а не нелюбящими!) На лучший конец – тысяча фр<анков>, из к<отор>ых немедленно

* Подавленная сила, подавленное творческое желание (*фр.*).

нужно изъять квартирный налог (575 фр<анков>!) и газ (около ста). Немного останется. И — не умею я устраиваться!

Пишите о себе: сняли ли дачу, где, когда едете? Вам-то необходимо после такой трудовой зимы!

— М. б. в будущем году свидимся? М. б. не я в Чехию, а Вы в Париж? Обнадежьте!

Вот ничего и не написала Вам о событиях, очевидно дело не в них. Очень тороплюсь, пользуюсь сном Мура, а то — опять гулять по тем-же — сначала камням, потом тропинками. Насколько я больше любила вшенорский лес! всю ту жизнь, по которой никогда не перестану тосковать.

Обнимаю

М.Ц.

Аля напишет отдельно, а пока нежно целует.
Сердечный привет и память Вашим.

73

*Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
31-го августа 1931 г.*

Дорогая Анна Антоновна, спасибо за письмо и открытку с лесом, за любовь и память.

Живу из последних (душевных) жил, без всяких внешних и внутренних впечатлений, без хотя бы малейшего повода к последним. Короче: живу как плохо действующий автомат, плохо — из-за еще остатков души, мешающей машине. Как несчастный, неудачный автомат, как насмешка над автоматом.

Всё поэту во благо, даже однообразие (монастырь), все кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу. Быт мне мозги отшиб! Живу жизнью любой мёдонской или

вшенорской хозяйки, никакого различия, *должна* все что должна она и ничего не смею, чего не смеет она – и многого не имею, что имеет она – и многого не умею. В тех же обстоятельствах (а есть ли вообще *те-же* обстоятельства??) другая (т. е. не я, – и уже все другое) была бы счастлива, т. е. – и обстоятельства были бы другие. Если утром ничего не надо (и главное не хочется) делать, кроме как убирать и готовить – можно быть, убирая и готовя, счастливой – как за всяким делом. Но несделанное свое (брошенные стихи, неотвеченное письмо) меня грызут и отравляют всё. – Иногда не пишу неделями (NB! хочется – *всегда*), просто не сажусь.

Реально: месяц этого лета налаживала поездку С<ергея> Я<ковлевича> в горы, две недели шила Муру [*нрзб.*] штанов, другие две налаживала Алин отъезд в Бретань (к Лебедевым, помните?) – **Потом ремонт квартиры: переделка кухни в ванную и ванной в кухню, – фантазия хозяйки, за которую нам надбавила по 100 фр<анков> в месяц – ремонт, т. е. чужие люди в квартире и по окончании работ груды известки, которую потом неделю выгребала.** Наконец возвращение С<ергея> Я<ковлевича> и мысли (не только мысли, а письма, хождения: *время!*) – о *его* устройстве, попытка пока беспоследственная, ибо *кризис* и большинство кинематогр<афических> предприятий стоит.

Через месяц, т. е. 1-го октября, очередной терм: 1300 фр<анков> и неуплоченных налогов на 600 фр<анков>. Французский мой Мóлодец (Gars, работа 8-ми мес<яцев>) не понадобился никому. Проза в три листа «История одного посвящения» тоже лежит, ибо очередной № Воли России *пока не выходит*. (Очевидно, и у них «кризис».) И «Gars» и «История одного посвящения» должны были мне дать вместе 2750 фр<анков>, – т. е. и терм и налоги, и еще бы осталось на жизнь. Д.П. С<вятополк>-Мирский, все эти годы помогавший на квартиру, платежи прекратил. Другая знакомая, собиравшая в Лондоне 500 фр<анков> ежемесячно, известила, что помогавшие больше не могут, но что она, пока, будет давать 300 фр<анков>¹.

Словом, если надеяться на чехов, в месяц у нас $300 + 375 = 675$ фр<анков> на четверых, когда одна квартира сто́ит 500 фр<анков>, не считая отопления (100 фр<анков>). Сейчас жили на остатки с вечера. **И С<ережа> и Аля были приглашены, т. е. сто́ила только дорога.**

Вот мои внешние дела, ибо — клянусь Богом — моей души они не касаются. А о внутренних — в начале письма: нет времени на свою душу, где-то есть и просыпается при малейшей перемене — хотя бы погоды! — но лучше бы уже совсем не просыпалась: одна растрата.

Стихи все-таки писала: ряд стихов к Пушкину, теперь — Оду пешему ходу. Но — такая *редкая* роскошь (в России, даже Советской, я из стихов *не* выходила) — тропинка зарастает от раза к разу.

Не смогла дописать, спешно кончаю, обнимаю.

М.Ц.

P.S. Если получите печатный (на машинке) листок — не удивляйтесь: Вам такие вещи не нужны, но другим они импонируют.

74

Мёдон, 14-го сентября 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Наше положение прямо-отчаянное: 14-ое число, а чешского иждивения нет. Без него мы погибли. Меня не печатают *нигде* (очередной № В<оли> Р<оссии> где должна была пойти моя проза «История одного посвящения» — не вышел)¹, С<ергей> Я<ковлевич> без места, Аля должна кончать школу. Нам не помогает *никто*.

Лавка, где мы брали в кредит (и всегда платили до копейки) четыре года, точно что-то почуяв внезапно и резко потребовала весь долг целиком — 230 фр<анков>. Это были мои последние деньги с вечера, — уплатила

и раз навсегда покончила с кредитом. 1-го платеж квартиры — 1200 фр<анков>. У нас ничего: никаких надежд. Если бы чехи знали до чего я нуждаюсь они бы у меня иждивения не отнимали.

По нашим средствам мы все должны были бы жить под мостом.

Пишу стихи — лирические (так я определяю отдельные, короткие, но в общем всё — лирика! что *не* лирика?!) — был ряд стихов к Пушкину (весь цикл называется «Памятник Пушкину») — Ода пешему ходу — Дом (автопортрет) — сейчас: Бузина² (знаете такое дерево все в мелких-мелких ядовитых красных ягодах, — растет возле заборов).

В общем, если бы печатали, если не выработывала бы — то: приработывала. А так — ничего: все остается в тетради.

Будет время — перепишу и пришлю (даже если *не* будет времени!)

Умоляю, дорогая Анна Антоновна, попытайтесь отстоять меня у чехов. — Совестно всегда просить, но виновата не я, а *век*, который десять Пушкиных бы отдал за еще одну машину.

Обнимаю Вас и прошу прощения за несмолкаемые просьбы.

М.Ц.

75

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
8-го окт<ября> 1931 г., Сергиев день

Дорогая и Милая Анна Антоновна,

(Милая — нечаянно, а м. б. не-нечаянно написала с большой буквы: *нечаянного* — нет, кто-то или что-то за нас — в нас — чаёт).

И письмо и деньги и подписки — всё получили, подписки и деньги переданы кому следует, бесконечное спасибо, вы мой самый верный друг.

Катастрофа нашего терма (трехмесячной квартирной платы) разрешилась благополучно, – и люди помогли, и как раз чешское иждивение пришло (сокращенное, но слава Богу, что вообще дают!) словом, сбывли эту гору с плеч и на три месяца спокойны. Я, вообще, за «Grands efforts»* в жизни, – лучше сразу непомерное, чем понемножку – все равно непосильное, ибо нам по нашему имущественному положению нужно было бы жить под мостом. Пишу Вам так подробно, п. ч. знаю, что Вы и *черновики* (любимых вещей!) любите.

Вся жизнь – черновик, даже самая гладкая.

Вернулась из Бретани Аля, привезла всем подарки: ей на ее именины мать ее подруги¹ подарила 50 фр<анков>, – купила на все деньги шерсти и связала Муру и мне две чудных фуфайки, с ввязанным рисунком, как сейчас носят – (и хорошо делают, что носят). Мне зеленую с белым ожерельем из листьев, Муру сине-серо-голубую, северную, в его цветах. На днях начинаются ее занятия в школе, берет три курса: иллюстрацию, гравюру по линолеуму (по дереву – не по средствам, обзаведение не меньше чем 300 фр<анков>) и натуру. Очень старается по дому и вообще бесконечно мила. *Очень* красива, выровнялась, не толстая, но крупная – вроде античных женщин. *Моей* ни одной черты, кроме общей светлости. Мур растет, – 6 л<ет> 8 мес<яцев>, переменял четыре зуба, а если не похудел, так построинел, мне почти по плечо. Нрав скорее трудный, – от избытка сил всё время в движении, громкий голос, страсть к простору – которого нет. Дети, а особенно такие дети, должны расти на воле. Французские дети ученьем замучены: от 8 1/2 ч. до 12 ч., перерыв на 1 ч. и опять до 4 ч. – когда же жить, играть, гулять? Дома уроки и сон, ни на что не остается. Ребенок до 10 л<ет> должен был бы учиться три часа в день, а остальное время – расти. Согласны? Потому до сих пор

* «Большие усилия» (фр.).

не могу решиться отдать его в школу, ибо *все* школы таковы, утренних нет. Это моя большая забота, ибо растет без товарищей, которых страстно любит. Пишет и читает по-русски и читает (самоучкой) по-франц<узски>, начинает бойко (хотя неправильно) говорить. Как мне бы хотелось Вам, дорогая Анна Антоновна, их обоих показать! *Когда* увидимся??

С<ергей> Я<ковлевич> пока без работы – обещают – но при самой доброй воле трудно, – и французы без мест.

Обнимаю Вас нежно, скоро еще напишу – о той другой жизни, где мы с Вами никогда не расставались.

М.Ц.

Обо всем забыла спросить: как здоровье Ваше и Ваших? Планы на зиму? Есть ли литературные люди? Пишите о себе. Будет ли кто-нибудь помогать по хозяйству?

76

Мёдон, 18-го ноября 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Пишу Вам на сей раз *в паре с Муром*, письмо его совершенно самостоятельное и писал он его два дня, ибо особым прилежанием не блещет (думаю – естественное от-вращение от ремесла родителей).

Спасибо нежное за письмо, 1-го ноября особенно вспоминала Вас с Алей: *шестилетняя* годовщина нашего отъезда из Чехии.

Бежит – время??

О первоначальной школе и согласна и нет, – согласна бы ежели бы: не 40 человек в классе, а 10 (группы), не шесть часов сидения, а три – и *любящие люди*, а не чиновники. С Муром особенно сложно: ему и так проходу на улице не дают из-за роста, толщины, всей его *несхожести* с франц<узскими> детьми. В Чехии, где дети – дети, а не *красивые старички и старушки*, он был бы не замечен. Кроме

того он мало знает французский и даже ответить не сумеет. Прибавьте к этому *мое* эмигрантское бесправие и мой вовсе не эмигрантский нрав. —

Очень большая просьба, дорогая Анна Антоновна: уже 18-ое, а иждивения до сих пор нет, мы в ужасном положении. Нельзя ли справиться? Ведь навряд ли прекратят без предупреждения? Обыкновенно присылают 2-го, 3-го.

Переписываю сейчас свою большую статью «Искусство при свете совести» — есть надежда, что возьмет Воля России¹. Потому сегодня пишу так коротко.

Аля начала учиться гравюре по дереву — в Чехии этому делу наверное лучше учат.

Обнимаю Вас сердечно.

М.Ц.

Скоро напишу еще.

Заяц, про к<отор>го Вам пишет Мур — шоколадный, живет уже четвертый год, весь *поседел*.

77

Мёдон, 1-го января 1932 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Пишу Вам на странице своей рукописи, которой и кончила старый, которой и начала новый год¹.

Весной будет ровно десять лет как я уехала из России, летом — ровно десять лет как приехала в Чехию, осенью (1-го ноября) — ровно семь лет как уехала из Чехии, т. е. приехала во Францию. А странно: Чехия — как период времени в моей памяти гораздо больше чем Франция, я бы сказала: в Чехии пробыла семь, в Париже три. Франции несмотря на все (этому всему — знаю цену!) я все-таки

как-то *не* полюбила, может быть потому что мне ее – душевно – нечем помянуть. Настоящих друзей здесь у меня не было, были кратковременные дружбы, не выжившие. Единственный человек, которого я здесь по-настоящему полюбила, который меня во Франции по-настоящему полюбил, была Елена Александровна Извольская, которая уехала – замуж в Японию, я Вам об этом расставании писала. Во Франции – за семь лет моей Франции – выросла и от меня отошла – Аля. За семь лет Франции я бесконечно остыла сердцем, иногда мне хочется – как той французской принцессе перед смертью – сказать: *Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien**².

Кроме Мура: очень сложного и трудного, но пока (тоже на какие-нибудь семь лет) во мне нуждающегося. После этих семи – или десяти лет – я уже на земле никому не нужна, м. б. тогда и начнется моя настоящая: одинокая и уединенная жизнь, которая у меня кончилась *с семнадцати лет*³. Может быть я тогда напишу еще несколько хороших вещей, может быть одну вещь: *мою*. Я пока еще живу на старый – отчасти российский, отчасти чешский – капитал (смешно звучит – от меня – да еще в эту зиму!). Париж мне душевно ничего не дал. Знаете как здесь общаются? Гостиные, много народу, частные разговоры с соседом – всегда случайным, иногда увлекательная беседа и – прощай навсегда. Так у меня было много раз, потом перестала ходить (пишу о французах). Чувство, что всякий все знает и понимает, но занят целиком собой, в литературном кругу (о котором пишу) – своей очередной книгой. Чувство, что для [одно слово *нрзб.*] тебя места нет. Так я недавно целый вечер побеседовала с Alain Gerbault⁴, знаменитым одиноким путешественником (*A la poursuite du soleil*)**. И – что же? Да то, что самая увлекательная, самая как будто – душевная беседа француза ни к чему не обязывает. Безответственно и беспоследственно. Так как говорит со мной, говорит с любимым, я только подставное лицо, до

* Мне больше ничего не остается. Больше мне не остается ничего (*фр.*).

** Следом за солнцем (*фр.*).

к<оторо>го ему никакого дела нет. Французу дело до себя. Это у них называется искусством общения.

Эх дружба, любовь двухдневная –
И забвенье на тысячу дней!
Короткая память душевная
У здешних людей...

Так писала в 1912 году одна молодая поэтесса⁵ о Петербурге, точь-в-точь это же говорю в 1932 г. о Париже – я. Может быть это, по существу, сказано о всей стране *здесь* (das Hier-Land*).

А может быть все это оттого, что я никому не хочу *нравиться* и (именно потому) – не нравлюсь, может быть *дело во мне*. Не сомневаюсь, что те же французы с другими русскими... Но я бы не хотела быть – теми другими русскими...

А от русских я отделена – своими стихами, которых никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими – за монархизм иль анархизм, своими особыми взглядами на воспитание (все меня тайно осуждают за Мура), опять-таки – всей собой.

Ехать в Россию? Там этого же Мура у меня окончательно отобьют, а во благо ли ему – не знаю. И там мне не только заткнут рот непечатанием моих вещей – там мне их и писать не дадут.

Словом, *точное* чувство: мне в современности *места нет*. Дали бы на выбор – взяла бы самый маленький забытый старый городок, где угодно, лучше всего – нигде, с хорошей школой для Мура и близкой окраиной – для себя. Так я могла бы прожить до смерти. Но этого у меня не будет.

И все-таки, дорогая Анна Антоновна, с Новым Годом! Простите за эгоцентризм письма, но мне все это *некому* сказать. Простите – если омрачила.

* Здесь-Страна (нем.).

1-го (Господи, забыла, что это 1-ое нынче!) 1-го — терм, надо заплатить 1300 фр<анков>, у нас — 300 фр<анков>. Чтó будет — не знаю. 17-го читаю доклад⁶ (свой первый в жизни!) Поэт и Время, — главу своей статьи «Искусство при свете совести»⁷ — м. б. заработаю франков 300 — дай Бог. С<ергей> Я<ковлевич> опять без работы и положение отчаянное. Из Праги, пока, об окончании иждивения не предупреджали. Что-то будет?

Обнимаю Вас от души, желаю в Новом Году здоровья и душевного покоя, удачи в работе, — всего чего себе! И — больше чем себе!

Пишите, не забывайте, сопутствуйте душевно. Я еще более одинокий путешественник чем Alain.

Марина

Мёдон, 27-го января 1932 г., среда

— Есть, кроме обычного малодушия неписания еще особое малодушие: неотсылки. У меня так: если не отошлю тотчас же — не отошлю никогда. Нынче, разбирая бумаги и обнаружив целых четыре страницы мелкописи, уж хотела было — разом в печь, со всем и ко всем остальным — и — одумка: письмо-то, по существу, не мое, а Ваше. Да еще (хотя и мрачное) поздравление с Новым Годом, с которым — выходит — не поздравила, — а может быть он-то и есть счастливый?! — к которому — выходит — не пожелала, а может быть он-то и есть — тяжелый, в пожеланиях нуждающийся?

Словом, люблю и помню, поздравляю и желаю, и в Чехию — рано или поздно — но *вернусь* непременно, и непременно — к Вам. Вы знаете, дорогая Анна Антоновна, я, обратно всей нашей семье, гостить *не* умею: дико томлюсь! Необходимостью собственной любезности и внешней благодарности, мыслями, а часто и вымыслами — что я — тягость, чужим распределением дня, всей чужой (хотя и доброй!) надо мной волей. А у Вас бы я гостить сумела, у Вас бы я даже

не заметила, что гошу! К Вам бы я приехала *домой*, в мир Сигрид Унсет и ее героев, не только в их мир и в их *век*, но в их особую душевную страну, такую же достоверную как Норвегия на карте.

Я знаю что я оттуда. Я там всё *узнаю*. Я знаю что и Вы оттуда, я и Вас там узнаю, я и это *там* в Вас узнаю. *Мы с Вами люди одной породы*, без всякого иносказания: *горной*. Люди гор. Суровые. Как было в России суровое полотно, суровый холст – из которого *кому-то* (не нам!) паруса. Которые *не рвутся*. (И вот – мысль: на парусах моих стихов все выплывут в открытое море, кроме меня. Ибо я только ткач, ткач, который *сидит*.)

Сигрид Унсет. Sigrid Unsed: Der Kranz – Die Frau – Das Kreuz*. И вот – внезапное озарение: кто же мне подарит эти книги как не Вы, которая их – почти что писали и *совсем* жили?! Не все. *Вторую часть: die Frau*. Первую мне, я почти уверена, подарит один здешний молодой поэт⁸, к<отор>ый был в VII кл<ассе> Тшебовской гимн<азии>, когда Аля поступила в I кл<асс>. Еще совсем не поэт: только начинает учиться рифмовать, но – благородное сердце, без чего *поэ-та – нет*. У нас с ним общая любовь – Рильке, с той разницей, что *его* любимая вещь – Sonnet⁹, т. е. его собственный юношеский возраст. До всего Р<ильке> ему остается расти всю жизнь, а м. б. и несколько. – Вот на этого рильковского читателя (горячо любит мои стихи) у меня и надежда, что подарит I ч<асть> der Krauz. Хочу непременно по-немецки, на франц<узском> эта вещь просто *не мыслится*. Читала я трилогию два года с лишним назад, *жила* ее. А просила подарить уже два раза – и оба раза безнадежно: первый человек просто не отозвался, второй пообещал – и всё. Знаю, что все три тома продаются отдельно, глазами видела здесь, в немецком магаз<ине>, и естественно не могла купить. Мы в *полной* нищете, за кв<артиру> не плачено (послали из 1300 фр<анков> – 700 фр<анков>, *пока*, хозяйка вернула

* Венок – Женщина – Крест (нем.).

обратно, желая сразу всё, естественно начали тратить, ибо жить не на что, чеки не пишут и не шлют, литер<атурный> отдел В<оли> России кончился, печататься негде, С<ергей> Я<ковлевич> без работы, ищет, обещают – ах!). Но вот потому-то, из-за того-то и хочу трилогию, чтобы рядом с этой жизнью шла другая жизнь: моя!

О Kristin Laurinstochter мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до *тоски*¹⁰. Половину бы своих книг (у меня есть очень хорошие!) за нее отдала.

21-го был мой доклад «Поэт и Время». В зале ни одного свободного места, слушатели *очень* расположенные, хоть говорила я резкие правды. Характерно, что из всех приглашенных¹¹ для обмена мнений людей старшего поколения, всех представителей времени (философов или *возле*) пришел только шахматист и литер<атурный> критик Зносков-Боровский¹². Ни одного философа, ни одного критика. *Только* поэты. Трогательно выступал (из публики) старичок Сергей Яблоновский¹³ (лет за семьдесят), увидевший во мне (и в моем докладе) – свет – правдивость – бесстрашие (*его* слова). Очень горяч был молодой поэт А. Эйсер. В четверг иду на его доклад в Кочевье «Генеральная линия современной литературы»¹⁴. Он молод и *tragt seine Jugend hoch**.

– Заработок 450 фр<анков>, за зал – 100 фр<анков>, итого 350 фр<анков> – 100 фр<анков> налог, 100 фр<анков> газ, остальное по лавкам. А я-то мечтала о хотя бы одном томе Sigrid!

Муру 1-го – 7 лет. Разговор. С<ережа> – мне: «Странные это стихи «Трусоват был Ваня бедный»¹⁵, совсем не в пушкинском»... Мур: – «Стиле». Я: – Что такое стиль? – Мур: – Качество. – Я: – А что такое качество? – Мур: – «Крепкий – слабый, твердый – мягкий. Такое». Наряду

* Горд своей молодостью (*нем.*).

с этим *вполне* ребенок, обожает книжки с картинками, игрушки и т. д. Аля продолжает идти первой в школе.

Сейчас пойдем с Муром опускать это письмо. Обнимаю от всей души и любви.

М.Ц.

78

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
8-го апреля 1932 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Как видите новый адрес, то есть конец одной жизни и начало другой. Выехали и въехали 31-го марта, переезжали, вернее – перетаскивались по вчерашний день. Причина переезда – невозможность платить прежнюю цену, наша новая квартира на 1200 фр<анков> в год дешевле, самая дешевая из всех виденных в Мёдоне и в Клараме – на комнату (мою) меньше, и без ванной, словом 2 $\frac{1}{2}$ комнаты и кухни. Половина – то место где мой стол и книги, но постель не вмещается, сплю в кухне, большой и светлой. Помогли (выехать и въехать) люди. Один Сережин приятель (ныне шофер)¹ без усталости возил по вечерам наши ящики с книгами и всякий бытовой хлам. Половину квартирной платы (платеж по триместрам вперед) внесла Е.А. Извольская, которая *вернулась*. Муж (помните фантастическое сватовство через 18 лет знакомства – из Японии в Мёдон) муж оказался маньяком и эгоистом, она не выдержала и уехала обратно (из Нагасаки – в Мёдон!) со старушкой-матерью 76 лет. Вернулась разбитая, но не убитая. С места в карьер – за рабочий стол, ибо на обратный путь (Канада – Нью-Йорк) ушло все что было и не было. Теперь нужно отрабатывать – свободу.

Но, увы, только она – в Мёдон, как мы – из Мёдона. Недалеко: 20 мин<ут> ходьбы, но одна вечером не пойдешь, п.ч. места пустынноватые и очень пристают. В Клараме у нас ни души, но пока столько работы по дому, что и не жалею.

В Мёдоне мы прожили пять лет. В Мёдоне вырос Мур. В Мёдоне в трех минутах был лес и в трех – вокзал. В Мёдоне на десять домов девять старых. В Мёдоне когда-то охотились короли.

Кламар новый, плоский и скучный. С трамваем. С важными лавками. Может быть – *придется* полюбить, но –

Пишите о себе, дорогая Анна Антоновна. Что пишете, что читаете, на чем отводите душу? Как здоровье Вашей матушки? Как Ваше? (Знаю, что ее для Вас важнее, потому пишу первым).

Каковы летние планы? (Или — рано?) У нас — никаких, вся надежда на лес. Пока-что он мрачен, сер и особенно, по-зимнему, пуст. Но все-таки ходим.

Очередное радостное событие — русская Пасха. В этом году Мур впервые будет говеть, ибо ему 1-го февраля исполнилось 7 лет. Он за эту зиму сильно похудел, ели плохо. Ходит раз в неделю в русскую четверговую школу — Закон Божий и русский. Остальное время — дома, читает, пишет и рисует. И — гуляет.

Кончаю свою бесконечную статью «Искусство при свете совести», прерванную месячным (разработка, укладка, раскладка, чистка двух домов) переездом. *Может быть* пойдет в Современных Записках, об этом старается А. Эйснер, с которым я только недавно познакомилась и который мне решительно нравится². Смесь ребячества и настоящего самобытного ума. Лично — скромн, что дороже дорогого. Ко мне, неизвестно за что и почему, добр, все пытается устроить мою рукопись.

С<ергей> Я<ковлевич> без работы, томится, Аля учится. Вот и все наши новости. Да! той книги (Вы заказали «Die Frau»?) до сих пор не получила, о чем сильно горюю. На мёдонской почте застрять не могла,

ибо оставили адрес и все пересылается. Но может быть — к Пасхе?

Обнимаю Вас и очень жду весточки, хотя бы самой короткой, а то так давно молчите.

М.Ц.

Простите за бытовое письмо: что у кого болит —

79

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
17-го апреля 1932 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Пишу Вам наспех, по горячему следу радости и благодарности: *только что* получила книгу и чудную коробку Муру. Все это больше двух недель пролежало у людей, которых за это нельзя судить п. ч. у них тяжело болел (и еще болен) ребенок. Я же ничего не знала, а то бы давно съездила и достала.

Die Frau для меня — огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет¹. Смотрю — и не верю (что — *моя*, что не нужно отдавать). Главная же радость — Вы будете, а может быть *не* будете — смеяться: что почти 600 страниц, что на так долго — радости. Так книгам я радовалась только в детстве.

Еще раз бесконечное спасибо и за книгу и за надпись.

Мур пока съел *одного* золотого петуха, решил беречь до русской Пасхи, вернее *мы* решили, а он охотно покорился.

Я еще по сей день люблю шоколадное золото, только его и люблю.

Обнимаю Вас от всей души, на днях напишу еще

М.Ц.

Clamart (Seine)
 101, Rue Condorcet
 16-го окт<ября>1932 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Писала Вам — Мур и я — последние, и долго и тщетно ждали ответа. Адр<ес> был 17, Grégrova, а теперь Катерина Николаевна¹ говорит, что 1080? Ради Бога, сразу пришлите мне открытку с точным адресом. Нет бóльшей обиды, чем недошедшее письмо.

Пишу Вам в первый же свободный день — за плечами месяц усиленной, пожалуй даже — сверх сил — работы, а именно: галопом, спины не разгибая, писала воспоминания о поэте М. Волошине², моем и всех нас большом и давнем друге, умершем в России 11-го августа. Писала, как всегда, одна против всех, к счастью, на этот раз, только против всей эмигрантской *прессы*, не могшей простить М. Волошину его *отсутствие ненависти* к Сов<етской> России, от которой (России) он же первый жестоко страдал, ибо *не уехал*.

К<атерина> Н<иколаевна> Вам расскажет о чтении³. Так как надежды на печатание — ни здесь, ни в Сов<етской> России — нет, а писала я о М. В<олошине> для того, чтобы *знали*, мне пришлось читать почти целиком всю рукопись, т. е. 2 ч. 45 м<инут> подряд, с перерывом на 10 мин<ут>. Читала до самого закрытия зала. Зал (слушатели) был *чудный* (большинство женщины), слушали, несмотря на усталость — свою и мою — лучше нельзя.

М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном суровом Коктебеле (близ Феодосии). — И стóльких еще! —

О своей жизни. Тяжело. Семейные глубокие нелады. Аля и Мур, живущие в одной комнате, друг друга не

выносят. Вечные ссоры и даже скандалы, где как всегда оба виноваты и правы. С<ергей> Я<ковлевич> совсем ушел в Сов<етскую> Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только то́, что хочет.

Аля больна: нарыв от малокровия, совсем худая и сквозная. У меня нервы в *отчаянном* состоянии: чуть что́ — слезы градом и комок в горле. Все это от нужды, т. е. тесноты, в к<отор>ой приходится жить. Вечно на глазах, никогда — одна. Утешаюсь только, когда пишу — или, случайно, чудом, оказываюсь одна на улице — хотя бы на пять минут. Тогда всё проходит. Если я больна — то только от совместности.

Но — мерещащееся улучшение. Помните, я писала Вам о Е.А. Извольской, к<отор>ая уехала в Японию замуж? Не прожив год с мужем, разошлась и вернулась. Но — пустое место тоски, жить дома, со старой матерью и еще старшим дядей (вместе 160 лет!) — как прежде — не может, они всё еще ее (40 лет) считают за девочку. Мечтает хотя бы отчасти жить с нами, т. е. снять у нас комнату, где бы она проводила 2 дня в неделю. Для этого нам нужно переехать в бо́льшую квартиру, с отдельной комнатой для нее. Но ни в Кламаре ни в Мёдоне нельзя — родные обидятся, нужно хотя бы другое *имя*, чтобы выглядело, что она едет куда-то в деревню, а не сбегает от своих. (В таких вещах — все психология!)

Завтра едем с ней в один городочек неподалёку — посмотреть. *Мечтаю* об отдельном домике с садом, *устала* от улиц и от людских глаз. Не знаю, удастся ли. Все хорошее — дорого. От квартиры мы уже отказались и 15-го января должны переехать. Пожелайте удачи! Сад важен и для лета, мы очень страдали от городской квартиры, и с лесом в полудне ходьбы. А выехать куда-нибудь в зелень навряд ли удастся.

Лето было ужасное. Но об этом лучше не писать. М. б. лучше, что то письмо пропало.

Когда увидимся? Почему люди, которым нужно быть вместе, должны быть врозь? Я бы все свои свободные вечера (не так много!) проводила бы с Вами. Мне *общество* не нужно, мне нужен человек, и из всех людей – больше всего Вы. Я глубоко завидую Катерине Николаевне. Мне с Вами *тихо*, Вы понимаете, что́ это значит? Как в большом поле – какие есть только в России. Та́к тихо, что не было бы шумно (с Вами) даже на парижских «Grands boulevards»-ах*, к<отор>ые все, неизвестно почему – так любят. Нет, известно почему: за шум. За то, что – «себя не слышать».

Иногда вижу М<арка> Л<ьвовича>. Недавно с ним спорила. Он *танец* ставит на одну высоту *со словом*. «Бог – или истина – или красота – или добро» – когда человек так говорит, я знаю одно: что ему глубоко все равно. Что он, даже, по существу ни одного называемого не ощущает. Так этот «Бог или красота или добро», по его мнению, равно проявляется в балерине и в пророке. На что я ему ответила, что можно любить балет больше Священного Писания, но что оправдать этого (уравнять их) – нельзя. Либо признать равенство души и тела, чего не признаю никогда. Еще пример: 82-л<етний> Гёте – Второй Фауст, а 80-летний танцор?? Не о бестелесных же танцах он говорит, не о хороводах же *душ*, а о – живом танце, т. е. тел. Всякий поэт хочет (удачно или неудачно) сказать свою душу, а из танцоров – один на миллион. Танцор хочет сказать свое тело: силу, легкость, грацию. *Это* через него хочет сказаться. Апогей тела, и в *лучшем случае* переборотый закон земного тяготения: но – *силой ног* (таких-то мускулов) лечу, не силой духа.

* «Больших бульварах» (фр.).

Согласны? Ответьте непременно.

Утверждения М<арка> Л<ьвовича> – конечно, общее место, каждый эстет и под-эстет так говорит. Просто: ему одинаково (а м. б. и больше приятно) смотреть на балерину, как читать стихи. Приятнее *смотреть*, чем думать. Как большинству. (Хлеба и *зрелищ*.) Смотреть есть *не-думать*. – Пусть! Но зачем же пытаться оправдать это *разумом*? Слово – разум, танец – инстинкт. Ели жертвенное мясо, а потом танцевали, не знали *что* сказать – и потому танцевали*. Козлы тоже танцуют. И журавли, кажется. (И очень хорошо делают!) И ребенок скачет раньше, чем говорит. Танец – потребность тела. Слово – души.

Из всего этого М<арк> Л<ьвович> вывел, что я «просто ничего не понимаю в танце», который, кстати, сравнивается с архитектурой (NB! Реймский собор⁴). Такие вещи меня больше задевают, чем мои личные (бытовые и людские) неудачи и беды. Здесь *мое* задето. И только из-за таких вещей могу не-спать.

(Страшно хотелось бы устроить об этом диспут, но всем всё-так всё-равно!)

Очень хочется Вам что-нибудь послать, дорогая и навсегда любимая Анна Антоновна. Нынче буду перерывать свои «сокровища», не взыщите, если подарок и на сотую долю не отразит моей Вам преданности и, даже, приверженности. Просто хочется — что-нибудь живое, хоть когда-нибудь — *не конверт!*

Мур пишет сам. Он очень большой, похудел, но сильный. Уже читает — сам — Тараса Бульбу, по собственному желанию и выбору. Пишет на двух языках, для семилетнего прилично и грамотно. Читает по-франц<узски> свободно, сам научился. *Со мной* — чудесен. Но ум опережает сердце, я бы предпочла либо равномерность, либо обратное.

* Не знают что сказать и потому танцуют! А постарше – играют в бридж (*притиска на полях*).

Добр как все дети, т. е. в свой час, совсем не всегда. А умен — непрерывно. Мой доклад прослушал весь целиком, хотя я дала ему франц<узскую> детскую книгу с картинками, чтобы он развлекался. — И не заглянул.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, жду Вашего большого письма. Спросите на всякий случай на почте: 17 Grégoire, отослано с месяц назад, м. б. полтора. Писал и Мур. Обнимаю Вас от всей души.

М.Ц.

P.S. Только-что узнаю, что Извольская после месячных совместных планов — раздумала жить вместе.

Есть такая басня Крылова:

Нам страшно вместе быть с тобой.
И вот — скажу тебе не для досады:
Твоих мы песен слушать рады, —
Да только ты от нас подальше пой!⁵

Колечко — с кусочком крыла тропической бабочки.

Милая А<нна> А<нтоновна>, если не трудно — присылайте нам те 20 фр<анков> прямо, а то Карсавины собираются уезжать⁶, — и все равно: Вы одна присылаете. Сердечное спасибо!

М.Ц.

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
7-го марта 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна,
Вчера у А.И. Андреевой — помните, черноглазая и даже огнеокая дама, у которой мы с Вами вместе были в гостях во Вшенорах? мы и здесь соседи — итак, у А.И. Андреевой

я встретила с г<оспо>жой Даманской¹, которая мне много и с большой симпатией говорила и рассказывала о Вас. Так я и увидела Вас – на фоне той Праги, даже не той, моего пребывания, а раньше, – м. б. просто Праги сна. (Прага и Брюгге – два самых сновиденных города, к<отор>ые я знаю, но Прага еще больше – сон, п. ч. меньше об этом знают.) И я вспомнила тот сияющий день во Вшенорах, станцию, качающиеся корзины с цветами, рельсы, нашу беседу – без рельс, а м. б. прямой дорогой в бессмертие. (Мы говорили о некончании – нескончании – всего.)

Расскажу немножко о нас. Мы переехали – с огромными трудами – на новую квартиру – (простите, если Вам уже об этом писала, – не помню) – тут же в Кламаре, очень спокойную и просторную, в довоенном доме, на 4 этаже. У меня своя комната, где даже можно ходить.

Зима прошла в большой нужде и холоде, топили редко – отопление свое, т. е. имеешь право мерзнуть – недавно приходили описывать (saisie) – трое господ, вроде гробовщиков, но увидев «обстановку» – ящики, табуреты и столы – написали нам бумажку о немедленной высылке из Франции в случае неуплаты налогов – очень старых – из к<отор>ых мы уже выплатили 500 фр<анков>, оставалось еще 217 фр<анков>. И в тот же день – увы! – долгожданный гонорар из Совр<еменных> Записок – 250 фр<анков>, к<отор>ые почти целиком тут же пришлось отдать. Что будет с будущим термом – не знаю, все писатели сейчас устраивают вечера, а к моим парижане уже привыкли: не новость.

Стихов за зиму писала мало: большая работа о М. Волошине и перевод своей собственной вещи на французский: 9 (своих собственных настоящих) писем и единственное, в ответ, мужское – и послесловие: Postface ou Face Posthume des choses* – и последняя встреча с моим адресатом², пять

* Послесловие, или посмертное лицо вещей (фр.).

лет спустя, в Новогоднюю ночь. Получилась *цельная* вещь, написанная жизнью. Но с моим обычным везением – похвалы (французов) со всех сторон, а рукопись лежит. И очевидно будет лежать, – как и мой французский Молодец (Le Gars), иллюстрированный Гончаровой.

Сейчас мне заказали книжку для детей о церкви, и, сужая: *литургии*, – тема для меня трудная, п. ч. службу знаю *плохо* – каждый знает лучше меня! И вообще я человек внецерковный, даже физически: если стою – всегда у *входа*, т. е. у *выхода*, чтобы идти дальше. Кроме того, без уверенности, что получу гонорар, – заказ на авось. Да, Вы даже знаете заказчика: сестра Кати Кист – художница Юлия Рейтлингер³, сделавшая ряд церковных картинок и жаждущая текста к иллюстрациям. – Не знаю что выйдет. И не знаю, получу ли что-нибудь.

О своих. Аля всю зиму хворает, сильное малокровие, проявляющееся нарывами и нескончаемыми лишаями, от которых одно лечение: «хорошая жизнь», которой я ей никак не могу дать. Очень худая, начала горбиться, очень вялая, – несколько месяцев *на море* или просто в деревне бы все исправили – но их не может быть, – летом, конечно, никуда не уедем. Главное – питание, его нет. Ездит в Париж в школу, очень устает, заработка никакого, кроме, иногда, вязанием – вяжет *в совершенстве*, самые сложные узоры, замечательно-ровно и изящно. Но всё за гроши.

Мур все растет, – это его последняя зима на воле, в будущем году необходимо в школу. Здесь в Клараре есть очень хорошая – *École Nouvelle**, но как все хорошее *стоит дорого*, т. е. только для богатых, придется переезжать в

* Новая школа (фр.).

город (я в ужасе!) чтобы он учился в русской гимназии, дающей одинаковые права с франц<узским> лицеем⁴. Пока что (ему 1-го февраля исполнилось 8 лет, бежит — время?) он пишет и читает по-русски и по-франц<узски> и немножко считает — *очень* неспособен к арифметике: в меня.

Очень своеобразен, мне с ним — легко, ибо опять-таки узнаю себя, хотя устремленность у него другая, чем у меня в детстве. Похож на меня темпом и температурой. Но — другой век и другой пол. И другой рост. Боюсь, что будет ценить внешние блага жизни, ибо отродясь был их лишен. Но — думаю — ум поможет и здесь. Очень умен.

Письмо вышло отчетное, но после долгого перерыва нужно было перекинуть внешний мост (наш внутренний — непрерывен).

Следующее письмо будет о другом, — об очередном людском недоразумении и разминовении. И о многом еще, от жизни не зависящем, ибо во мне — сидящем.

Пишите о себе. Как работа? Жизнь дней? Людские встречи! Летние планы? И, главное, как самочувствие, внутри тела и внутри души? Как чувствует себя Ваша матушка? Как Прага? Началась ли уже весна?

Помню одну изумительную прогулку на еврейское кладбище, в полный цвет сирени.

Обнимаю Вас от души и очень жду весточки

М.Ц.

Вот стихи для Бема⁵ — с сердечным приветом. Простите, что так запоздала с исполнением Вашего желания!

5-го июля 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна! Начнем с открытки, – это только оклик. Да, все на месте, я Вас не забыла, ибо *мне* забыть Вас – впасть вообще в беспамятство. А не писала так долго по малодушию: невозможность вместить все в одно письмо. М. б. через несколько дней от него отвяжусь, тогда сразу получите и карточки детей, самые недавние, и м. б. мою (я очень плохо выхожу!). Мы никуда не уехали (уже третье лето). Нищета, но другим еще хуже. Пишу прозу, п. ч. стихи никому не нужны, т. е. никто не берет. Но проза тоже неплохая. (В Посл<едних> Нов<остях> от 16-го июля, воскресенье, мой большой фельетон – «Башня в плюще» – о детстве в Германии.) М. б. видели?¹

Муру 8 1/2 л<ет>, осенью поступит в русско-франц<узскую> гимназию и нам придется переехать в город. Аля кончила школу. Нужно зарабатывать. С<ергей> Я<ковлевич> весь в своей мечте. — И все пока. — Отзовитесь хотя бы тоже открыткой!

Обнимаю Вас и всегда, всегда помню. Как здоровье — Ваше и Ваших? Пишите вкратце обо всем.

М.Ц.

**Nom et adresse de l'expéditeur: M<ada>me Zvétaieff-Efron
Clamart (Seine), 10, Rue Lazare Carnot.**

France

Clamart (Seine)

10, Rue Lazare Carnot

24-го ноября 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна,
Наконец – письмо!

Пишу Вам в передышку между двумя рукописями: «Дом у Старого Пимена»¹ – семейная хроника дома Иловайских

(историк Иловайский – Вы наверное знаете? Мой отец был первым браком женат на его дочери, я *не* ее дочь) очень мрачная и правдивая история: дом, где все умирали, кроме старика, – вещь может быть пойдет в Совр<еменных> Записках, пишу стало быть в перерыв между «Старым Пименом» и «Лесным Царем»² (попытка разгадки Гёте). На помещение последней вещи мало надежды: кто сейчас, в эмиграции, интересуется Лесным Царем (Erlkönig) и даже Гёте! Я, которую так долго травили за «современность» стихов – теперь вечно слышу упреки в несовременности *тем* моей прозы. (А Вы не думаете, что *та* «современность» и эта «несовременность» – одно, т. е. я?!)

Стихов я почти не пишу, и вот почему: я не могу ограничиться одним стихом – они у меня семьями, циклами, вроде воронки и даже водоворота, в который я *попадаю*, следовательно – и вопрос *времени*. Я не могу одновременно писать очередную прозу и стихи и не могла бы даже если была бы свободным человеком. Я – концентрик. А стихов моих, забывая, что я – поэт, нигде не берут, никто не берет – ни строчки. «Нигде» и «никто» называются «Посл<едние> Новости» и «Совр<еменные> Записки», – больше мест нет. Предлог – непонимание меня, поэта, – читателем, на самом же деле: редактором, а именно: в Посл<едних> Нов<остях> – Милюковым, в Совр<еменных> Зап<исках> – Рудневым, по профессии – врачом, по призванию политиком, по недоразумению – редактором (NB! литературного отдела). «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»³.

Эмиграция делает меня прозаиком. Конечно – и проза *моя*, и лучшее в мире после стихов, это – лирическая проза, но все-таки – *после* стихов!

Конечно, пишу иногда, вернее – записываю приходящие строки, но чаще *не* записываю, – отпускаю их назад – *ins Blaue!**(никогда Graue**, даже в ноябрьском Париже!)

* В синеву (нем.).

** Серость (нем.).

Вот мои «литературные» дела. Когда получу премию Нобеля (*никогда*) – буду писать стихи. Так же как другие едут в кругосветное плавание.

Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина⁴. Уклониться – изъяснить протест. Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунин: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее – Горький. Горький – эпоха, а Бунин – конец эпохи. Но – так как это политика, так как король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому... Впрочем, третий кандидат был Мережковский⁵, и он также несомненно больше заслуживает Нобеля, чем Бунин, ибо, если Горький – эпоха, а Бунин – конец эпохи, то Мережковский эпоха *конца* эпохи, и влияние его и в России и за границей несоизмеримо с Буниным, у которого *никакого*, вчистую, влияния ни там, ни здесь не было. А Посл<едние> Новости, сравнивавшие его стиль с толстовским⁶ (точно дело в «стиле», т. е. *пере*, которым пишешь!), сравнивая *в ущерб* Толстому – просто позорны. Обо всем этом, конечно, приходится молчать.

Мережковский и Гиппиус – в ярости. М. б. единственное, за жизнь, простое чувство у этой сложной пары.

Оба очень стары: ему около 75, ей 68 л<ет>. Оба – *страшны*. Он весь перекривлен, как старый древесный корень, Wurzelmannchen* (только – без уюта и леса!), она – раскрашенная *кость*, нет, даже страшнее кости: смесь остова и восковой куклы.

Их сейчас *все* боятся, ибо оба, особенно *она*, злы. Злы – как дүхи.

Бунин еще не видела. Я его *не* люблю: холодный, жестокый, самонадеянный *барин*⁷. *Его* не люблю, но жену его⁸ – очень. Она мне очень помогла в моей рукописи, ибо – подруга моей старшей сестры⁹ (внучки Иловайского) и хорошо помнит тот мир. Мы с ней около полугода переписыва-

* Гном (*нем.*).

лись. Живут они в Grass'e (Côte d'Azur*), цветочном центре (фабрикация духов), в вилле «Belvédère», на высочайшей скале. Теперь наверное взберутся на еще высочайшую.

Дома – неважно. Во-первых, если никто не *болен* (остро), то никто и не здоров. У Мура раздражение печени, диета, очень похудел – и от печени и от идиотской франц<узской> школы: *системы* сплошного сидения и зубрения. «**Il ne faut pas comprendre, il faut apprendre**»** – вот лейтмотив и припев. Учат *наизусть* даже Свящ<енную> историю. А уроки задают и на большую перемену. Учится отлично, ибо отличная память, но грамматики и арифметики *не* понимает – п. ч. *не* объясняют. Все сведено к механическому затверждению. А когда я пытаюсь объяснить, он просто пугается: – «Мама, у нас *не* так! У нас – *наизусть!*»

Аля все худеет, сквозная, вялая, видно сильнейшее мало-кровие. Шесть лет школы, пока что, зря, ибо зарабатывает не рисованием, а случайностями, вроде набивки игрушечных зверей, или теперь м. б. поступит помощницей помощника зубного врача – ибо жить *нечем*. *Очень* изменилась и внутренне, **если это можно назвать «внутренно», – но это уже Париж и недостаток противодействий. Вечное желание «компании» – какой бы ни было, т. е. просто хохотать вместе. Вечное и бессмысленное чтение газет – каких бы ни было – лишь бы «новости». Мне с ней *скучно*. И ей – со мной. На меня она совершенно непохожа, не только – на меня *сейчас* (я очень измучена и хочу только здоровья для всех и покоя для себя: работы: покоя *от всех*) но и на меня – ту. Я *никогда* не была ни бессмысленной, ни безмысленной, всегда страдала от «компании», вообще всегда была – собой. Но эта *не* моя, обратная мне, *исключающая меня* тяга к себе-подобным есть и у Мура. Очевидно, не бывает дважды сряду.**

* Грасс (Лазурный берег) (фр.).

** Не важно понимать, а важно зубрить (фр.).

Теперь о Вас, дорогая Анна Антоновна, стало-быть ряд вопросов: как здоровье Ваше и Ваших? С кем встречаетесь (дружите)? Есть ли *радость* и от чего? (Кроме книг и погоды!) Что работаете сейчас? Есть ли время? Как с хозяйством — сим бичом Божиим? Есть ли — силы?

Есть ли — планы? (Как всегда — бегства!)

Жажду большого подробного письма. И знать, что Вы меня еще любите.

Горячо обнимаю Вас, *никогда* не думайте, что я Вас забыла — или остыла. Всё по-прежнему: по-вечному.

Сердечный привет Вашим

М.Ц.

У нас грязь и холод (уголь и его отсутствие). Во Вшенорах тоже была грязь, но была большая уютная плита, за окнами был лес, был уют *нищеты* и душевный отвод *настоящей* природы. Все те места помню, все прогулки, все дорожки. Чехию — *добром* помню.

Огромное спасибо за ежемесячные присылки, всегда выручают в *последнюю* минуту!

Вы одна и уцелели.

84

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
11-го декабря 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна, только что Ваше письмо, откликаюсь сразу и сразу начинаю с просьбы: пришлите мне Вашу карточку! Какую хотите: либо последнюю, либо 1923 г. — 1925 г., когда мы с Вами встречались, и очень бы хотелось Вас — молодую (*тогда*). Знаете ли Вы — Вы, *конечно*, знаете! — что Вы совсем, целиком, из чудесного женского мира Лагерлёф и Унсет, что те — *Ваша* порода, а Вы — *их*. Страшно хотелось бы прочесть ту книгу «Дочь священника»¹, если

Вы записаны в немецкой библиотеке и она там есть, *вышлите* мне почитать, не задержу. Купить – нет возможности, а в Париже только одна крохотная нем<ецкая> библиотека, и там переводов нет, вообще ничего нет, кроме сенсаций о развале немецкой Империи, а затем и демократии. Авторы этих книг сидят по парижским кафе. Все это очень интересно, – и книги, и авторы, и Reich* – но все это неминуемо *пройдет*. А Унсет и Erbkönig** и Ваша «Дочь священника» – останется. (Точно кто-то меня с детства заколдовал: не любить ничего преходящего, кроме вечно возвращающегося преходящего природы.) Итак, милая Анна Антоновна, если только имеется нем<ецкая> библиотека, и если только Вы в ней записаны, и если только в ней имеется «Дочь священника», умоляю достать и выслать на короткий срок. Я такой книги – жажду. А Вам очень советую прочесть Olaf Dunn «Die Juwikinges», два тома: I – Peter Anders und sein Geschlecht, II – Odin***. По отзыву Унсет – лучшая вещь о Норвегии и в Норвегии за последние годы. Совсем молодой.

Мне с моими вещами не везет. Erbkönig'a³ вернули, как «очень интересное филологическое исследование, но для среднего читателя негодящееся», а теперь Совр<еменные> Записки опять желают, чтобы я выкинула 8 стр<аниц> из своей рукописи «Дом у Старого Пимена». Собравшись с духом наконец ответила⁴, что *печатаюсь* я 1910 г. – 1933 г., т. е. 23 года, а пишу – еще дольше, что над Старым Пименом я работала всё лето, а над этими 8 страничками *не менее* двух недель, что я *не* любитель, *не* дилетант, *не* гастролер, что пора меня счесть серьезным писателем, либо вовсе оставить в покое. Что от гонорара за эти 8 страниц отказываюсь на покрытие типографских расходов, но что если и это не поможет – пусть мой Старый Пимен остается при мне, а я – при нем.

* Рейх (нем.).

** Здесь: Лесной Царь (нем.).

*** «Жители Ювика»...: I – Петер Андерс и его род, II – Один (нем.).

Не знаю. Думаю – *не* согласятся. Но знаю, что иначе – не могла. Они ведь хотели, чтобы я выкинула всю середину о детях Иловайского, т. е. как раз самое насущное и сказочное: две ранних смерти двух несказанно-трогательных существ. Им это «неинтересно», они ловят анекдот, сенсацию, юмор. Чуть всерьез – уже «растянуто» и «читатель не поймет». Я – лучшего мнения о читателе. Меня читатель (*der Lesende und Liebende**) понимал *всегда*.

Конечно с деньгами дело печально: выйдет, что я все лето даром работала. Через 2 недели Рождество – не будет подарков детям. Вообще, это была долгая и последняя надежда, но не могу, *чтобы вещь уродовали*, как изуродовали моего Макса, выбросив все его детство и юность его матери – всего только 10 страниц⁵. Им 10 страниц, а мне (и Максу, и его матери, и читателю) целый живой *ущерб*.

(Сейчас перерыв: бегу за Муром в школу)

Школой я очень недовольна: уже внушили ему отвращение к географии, которую учат наизусть и без карты: одни определения меридианов, широты, долготы, и т. д. Он *ничего* не понимает, а – по географии первый, потому что чудная память. Ни разу не показать глобуса! Ни одной картинки! А дома объяснять нет времени: столько уроков, что еле справляется. В общем – та же система, что 50 л<ет>, а то и целых сто – назад. Зачем все их революции?! (Люди устраивают революции, чтобы дешевым, хотя и кровавым, способом внешнего переустройства избавиться от необходимости внутреннего перерождения. Легче, конечно, бить полицейских и взрывать министров, чем переделать себя или хотя бы – быть. Но Бог с ними!)

Во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, *настоящих* друзей – нет. Во Франции мне не повезло. Дома тоже сиротливо. И очень неровно. Лучший час – самый поздний:

* Читающий и любящий (*нем.*).

перед сном, с книгой – хотя бы со старым словарем. Впрочем, это был мой лучший час и в шестнадцать, и в четырнадцать лет...

Ваше письмо, дорогая Анна Антоновна, меня и огорчило и обрадовало: с такой возможностью радости – столько внешней (да и внутренней!) тяжести, тяжести извне вовнутрь наваленной! Я всегда говорила, что самая тяжелая ноша в мире – родство.

Посылаю, пока, эту маленькую случайную карточку Мура, скоро пришлю хорошую, а эту, тогда, попрошу вернуть: она у меня – одна (электр<ическая> фотография⁶, 4 разных позы, повторить нельзя). 1-го февраля ему будет девять лет. А Вы в последний раз видали его 9-ти месяцев (вокзал). Обнимаю Вас от всей души, спасибо за присланное. Сердечный привет Вашим. *Пишите!*

Жду Вашу карточку!

М.Ц.

<Преписка рукой А. Тесковой:>

Dopis z Clamart-u (2. ledna 1934) k žàdosti M.I.C. – spálila.
A. Tesková*

85

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
26-го января 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вами открываю свой новый блокнот для писем. Приятно *тáк* обновить вещь – *такую* вещь.

Спасибо, спасибо, спасибо за чудесное, доброе, мудрое, убедительное, неопровержимое письмо. Гений рода? (У греков демон и гений – одно). Гений нашего рода: женского: моей матери рода – был гений ранней смерти и несчаст-

* Письмо из Кламара (2 января 1934) по желанию М.И.Ц. – сожгла. А. Тескова (чешск.).

ной любви (разве такая есть?) – нет, не то: брака с не-тем. Моя мать с 13 л<ет> любит одного – верховые поездки аллеями ночного парка, дедово имение «Ясенки», где я никогда не была и мимо которого проезжала, уезжая из России – совместная музыка, страсть к стихам. Мой дед, узнав, что он разведенный, запрещает ей выходить за него замуж, а по ее совершеннолетию разрешает с предупреждением, что она и дети, если будут, – да, ее же муж – никогда не будет для него существовать. Моя мать *не* выходит, выходит год спустя за моего отца: вдовца, только что потерявшего обожаемую жену, с двумя детьми, 8-летней девочкой и годовалым мальчиком – в апреле 1933 г., т. е. 10 мес<яцев> тому назад в Москве умершим моим единственным братом (полубратом) Андреем. Выходит, любя *того*, выходит, чтобы *помочь*. Мой отец (44 года – 22 года) женится, чтобы дать детям мать. Любит – ту. Моя мать умирает 35 лет от туберкулеза¹.

Ее мать, Мария Лукинична Бернацкая, моя бабушка, выходит замуж за ее отца (моего деда, того, кто *не* разрешил) любя другого и умирает 24 лет, оставляя полугодовалую дочь – мою мать. (Фамилия моего деда – *Меун*, Александр *Данилович*², – была и сербская кровь. Из остзейских обрусевших немцев.)

Мать моей польской бабушки – графиня Мария Ледоховская умирает 24 л<ет>, оставив семь детей (вышла замуж 16-ти). Не сомневаюсь, что любила другого.

Я – четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и *уже* пережила их всех – *тот* гений рода – на мне.

Я в этом женском роду – последняя. Аля – *целиком* в женскую линию эфроновской семьи, вышла родной сестрой Сережиным сестрам. **Моего в ней, значит – того в ней – ни капли. А словесная одаренность при отсутствии сущности поэта – разве что украшение. Как в старину играли на арфе или писали акварелью.**

Женская линия может возобновиться на дочери Мура, я еще раз могу воскреснуть, еще раз – вынырнуть. Я, значит – те. Все те *Марии*, из которых я единственная – *Марина*. Но корень тот же.

С Алей все по-прежнему. Ходит на какие-то митинги (никакого глубокого интереса к политике, — просто *на́-люди*), когда только может — убегает, службой своей (с 8 1/2 ч. утра до 8 веч<ера>) очень довольна, и довольна, потому что *не* дома. Как можно, будучи *моей* дочерью, любить ходить в банк, записывать телефоны, болтать с сослуживцами? Ее не только никто не неволил, я *всячески* отговаривала, говоря, что *втянется* и совершенно незаметно (жалованье будут повышать!) окажется, вместо художника, помощницей зубного врача. Деньгам ее не только не радуюсь, — они меня удущают.

Со мной груба, дерзка, насмешлива, либо совсем не отвечает, либо нагло. На мое малейшее замечание открыто смеется мне в лицо: издевается. Я недавно *запретила* ей ходить на мои доклады и вечера стихов. — «Твое присутствие меня будет душить». Вот до чего дошло.

Люди? Конечно. О, как я знаю этот змеиный шип за спиной — никогда — в лицо. И как — презираю.

Она молода, миловидна, услужлива, мягка, смешлива — как же не стать на ее сторону? Кроме того, никто ведь не знает, *какая* она со мной. *На́-людях* она мне, инстинктивно, никогда, ни слова, — сама кротость. И это глубже, чем расчет — инстинкт. Она целиком женственна, где надо — гнется, не думая.

На службе от нее в восторге (евреям льстит, что у них служит моя дочь!), знакомые от нее в восторге, а я от нее — в отчаянии.

Отец же целиком, всегда, *заведомо* — на ее стороне. (Для него я «Домострой», феодальная психология, и т.д.). *Ни разу* он ей не сказал: — Аля, так с матерью не говорят.

Для него я — ее ровня, забывая, что я ее на 18 л<ет> — и *каких* лет! — старше. Когда я *весь* день не могу подойти к столу — ничего, когда же я посылаю ее вынести пепел — он сразу берет ведро.

— Письмо было прервано следующим разговором. 11 ч. веч<ера>. Вхожу в кухню: на газе огромный трехлитровый бидон. — Что это? — Буду мыть голову. — Почему не на печке греешь? — Я *зарабатываю* и имею право жечь газ. — Аля, я тоже зарабатываю и кормила вас всех все эти годы, но я целый день ставлю на печку воду, чтобы не жечь газ. — Ваше дело, а я буду жечь. И еще, я буду брать 100 фр<анков> из своего жалованья себе *на лето*. (Жалованье — 300 фр<анков> минус 60 фр<анков> дорога и всякие расходы).

Если бы Вы слышали этот тон!

— И предупреждаю Вас, что я недолго буду жить дома. Тогда у Вас еще меньше останется*.

Это — ее точные, еще звучащие в комнате слова.

— Когда ты уйдешь из дома, *тáк* уйдешь из дома — ты для меня вообще перестанешь существовать.

Идет к себе в комнату и закрывает дверь мне прямо на лицо. Стою на пороге, хочу сказать, ничего не нахожу, иду обратно.

Вот — живая сцена, как была.

Да, еще: — «А все эти годы я мало на Вас работала? Без всякого жалованья!»

Нет, это уж не *чужие* слова, это природа, поздно (20 л<ет>!), но все же себя сказавшая.

Той маленькой девочки, которую я любила — больше нет. Эту я — не могу любить. Могу только о ней заботиться. По привычке.

А завтра утром, как ни в чем не бывало, пустые разговоры, сплетни, анекдоты из «Последних новостей», смех. У нее — *пустая* душа. Этим она *не* в отца. Я никогда не знала, что́ делать с душевной пустотой.

* ее денег, к<оторы>е будет брать себе целиком. (Примеч. М. Цветаевой).

А подумать, что есть гонимые, нелюбимые, притесняемые дети, которые мать — все-таки любят. А знаете, в чем состояла вся ее мне «служба»? По утрам от 10 ч. до 12 ч. гуляла в чудном парке с Муром и *раз в день* мыла посуду. А с некоторого времени (еще до его поступления в школу) уж и *не* гуляла. Ей принадлежал *весь день*. И *месяцами* не притрагивалась к краскам. Редко какая девушка была так свободна (в семье) как она. А что я ее в 11 ч. отправляла спать — да все взрослые французы ложатся спать в 10 ч.! Все окна темные, п. ч. встают в 7 ч. В гости она ходила к кому хотела, — *всегда* отпускала. И в кинематограф. Платьев и обуви у нее больше, чем у меня. Дарила ей и книги, и старинные вещи. 6 лет учила ее в школе живописи (4 в школе, 2 — у Гончаровой и у Шушаева³). *Дважды* отпускала ее на лето к Лебедевым в Бретань, и сама целый день гуляла — с тогда еще маленьким — Муром. *Я для Али сделала все, что могла.* До 9 лет она делала в штаны (целый день!) и я эти штаны стирала. До этого года (теперь — конечно) шила ей на руках все белье, и два больших красивых халата, в к<отор>ых она до сих пор спит. Все мое зло было — что я отправляла ее вовремя спать. Но у нее *плохая* легочная наследственность и сильное малокровие.

Кончится тем, что она раздружит меня со всеми друзьями, — это уже началось. Она все время грозит мне, что ей «есть куда уйти». Своих друзей у нее нет, — и вот потихоньку берет у меня последних моих. Все ей, конечно, сочувствуют: я — тиран, она — жертва...⁴

Уже больше никуда не хожу, от чувства, что она только что вчера здесь была или завтра придет. Эти вещи неуловимы. Со мной уже никто о ней не говорит. Иные (иные!) же усиленно хвалят, искоса на меня поглядывая. — *Какое* в ней очарование! Какая мягкость! Какая женственность! И какая она умная! Сколько она читала! Как она прекрасно рассказывает!... И я, не выдерживая (а на это-то и рассчитывают!) — «Немудрено быть *умным*, выросши *со мной*, *начитанным*, выросши *со мной*. А вот мягкость — ее собственная».

И уже идет легенда о моей жестокости, жесткости, бесчеловечности... Увидите: когда она хлопнет дверью, унося свои 300 фр<ранков> жалованья, окажется, что я ее выгнала. А она ведь только ждет, чтобы ей дали 600 фр<анков> — и тогда прощайте.

А «культура»? Нынче Мур меня в ужасе за́ руку: — Мама, смотрите!

На кровати, на его книге — ее башмаки. Подметала и поставила башмаки на книгу. Нет случайных жестов.

Конечно, нужно быть выше. Вырвать из сердца. Вспомнить, что семья — не всё. Но зачем мне тогда надо было отдавать на нее 20 лет жизни, всю молодость. 18-ти лет я, с друзьями (тогда — были!) должна была ехать из Феодосии (Восточный Крым, порт) в кругосветное плавание — и осталась из-за нее, хотя была чудная надежная дама, с радостью соглашавшаяся взять ее с няней, сама предложившая. И никогда не увижу ни Египта, ни Цейлона, ничего.

Я не жалею, я только глубоко — задумываюсь.

Зачем все это было? Ведь нынешней горечью отравлено в с ё т о.

5-летний ребенок, приносивший мне в советский голод из детского сада пшено в ладони и 20-тилетняя заявляющая мне, что 100 фр<анков> из 300-т оставляет себе на лето. (Я, было, думала, все деньги ей оставлять, но теперь — нет. А м. б. и да, не знаю: как лучше, как хуже. У меня просто — дрожь отвращения).

Простите, дорогая Анна Антоновна, за такое письмо, сама не думала, что будет таким.

В следующий раз напишу Вам про две смерти: Андрея Белого⁵ и одного друга, покончившего с собой в новогоднюю ночь в Брюсселе⁶.

Остался чемодан рукописей, которые никому кроме меня не нужны⁷. Он был — *настоящий* писатель. *Теперь, может быть, напечатают.*

Доброй ночи! Добрее, чем моя!

— Горько. —

Утешаюсь книгами. С жадностью жду Вашей. Книги и природа — это лучшее, что было у меня в жизни. Т. е. души и природа. И — работа.

Обнимаю Вас с любовью и благодарностью.

М.Ц.

Карточки чудные. Особенно хороша та, уходящая, — живая. Вы и лес.

Пороюсь и пришлю свои. А Мур у меня для Вас уже есть. В рамке. Найду подходящую коробочку и пришлю. Постараюсь уложить так, чтобы не сломали стекла.

P.S. Скажите, по-Вашему, все Алино поведение — естественно? М. б., мне одной кажется, что это — чудовищно? Ответьте, не называя имен: пойму.

Сейчас иду ей варить на утро овсянку: уходит рано и ест в городе плохо, т. е. мало дают.

86

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
2-го февраля 1934 г.

Дорогая и милая Анна Антоновна,

Не знаю, чудо, или случай, или Ваша любящая мысль — но Ваша чудная книга пришла как раз вчера¹: в день Муриного рождения: десятилетия (1-го февраля), в такую же снежную бурю, как девять лет назад, когда тоже чуть ли не сносило крыши — в Париже вчера *сносило*, и С<ергей> Я<ковлевич> чуть не был убит огромной железной трубой с крыши семиэтажного дома, упавшей меньше чем на сантиметр от него: пролетевшей *по пальто* и замазавшей его жравчиной. Прохожие кинулись к нему, думая, что убит.

Такая же история была с моим отцом, давно, в Москве, в оттепель: на *неучтимо*м расстоянии от него, прямо за ним свалилась и разбилась огромная ледяная глыба. И встречный татарин – философ и князь, как все восточные:

– Счастлив твой Бог, барин!

Книга лежит рядом с моим изголовьем, смотрю на нее с вожделием, но не читаю, потому что сначала должна кончить «Квентина Дорварда» Вальтера Скотта, которого купила для Мура и читаю с восхищением сама. Помните ли Вы его? Людовик XI (франц<узский> Иоанн Грозный), такой же притягательный и отталкивающий, страшный и несчастный, человечески безумный и государственно-мудрый, как наш царь – и молодой боевой горячий великодушный и великолепный шотландец, сам Квентин.

Такая книга не «литература», а – деяние.

Будет случай – перечтите!

А вот Вам мой чудный Мур – хорош? Во всяком случае – похож. И более похож на Наполеоновского сына, чем сам Наполеоновский сын. Я это знала с его трех месяцев: нужно уметь читать черты. А в ответ на его 6-месячную карточку – Борис Пастернак – мне: «Все гляжу и гляжу на твоего *наполеонида*». С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и его сыне) все мое детство и отрочество и юность – и так шло и жилó во мне не ослабевая, и с этим – умру. Не могу равнодушно видеть его имени. И вот – *его* лицо в Мурином. Странно? Или не странно, как всякое органическое чудо. Знаете ли Вы *гениальную* книгу о нем Эмиля Людвига?² *Единственную* его гениальную, даже не понимаю, как он ее написал – принимая во внимание все блистательные, но не гениальные – *лучшую* книгу о Наполеоне, а я читала – всё.

Почему мы с Вами не вместе?? Мы бы с Вами век всего не переговорили, а с остальными, почти со всеми – мне *так скучно*, и им со мной!

Всё время ловлю себя на мысли: что у меня есть такого приятного? Какая-то радость... И, вдруг: А-а! Dixelius!

У меня даже чувство, что *Вы* – ее написали, так и буду читать.

Очень прошу Вас, милая Анна Антоновна, достаньте Совр<еменные> Записки, только что вышедшие, и прочтите мой «Дом у Старого Пимена», – мне *очень* хочется знать Ваше подробное и непосредственное впечатление. Я совсем не знаю, что это за вещь: я слишком много *вписала* в строки.

(Пишу торопясь, потому так отрывисто, сейчас нужно идти за Муром).

Сколько нужно еще сказать, а уже конец!

Обнимаю Вас *наспех*, но от всей души, спасибо еще отдельно за чудную, глубокую, глубочайшую надпись.

Скоро напишу еще. Это – только привет с Муринога десятилетия и спешная первая благодарность за *благой дар*.

Марина.

87

*Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
9-го апреля 1934 г.
Второй день Пасхи*

**Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!
Сегодня – Ваш голос на маленькой узенькой
бумажной полосочке, которую всегда с такой любовью**

и внимательностью читаю. Слава Богу, что «муха» расправляет крылья, молодец — «муха»! Я ее больше вижу большой птицей.

Писала ли я Вам о том, что у обоих детей была корь? У Мура 1-го марта, у Али — 21-го, а все вместе длилось больше месяца. Теперь оба, слава Богу, здоровы. Завтра Мур опять в школу, Аля — на службу.

На Пасху были в нашей маленькой кламарской русской церковочке и, как всегда, стояли снаружи, под разноцветными фонариками. Думала о Вас — и о Рильке, как он, двадцатилетним, стоял на соборной кремлевской площади:¹

...als der grosse Iwan mich ans Herz schlug...^{*2}

А вчера вспоминала о Вас с Катей Альтшуллер³ (бывшей Еленевой, — они уж давно разошлись), приехавшей устраиваться в Париж. Вспоминали Вшеноры, нашу станцию с воздушной корзиночкой, — все то.

Праздники меня всегда расстраивают — выбивают из рабочей колеи. Писала ли я Вам, что мой вечер Белого⁴ (простое чтение о нем) прошел при переполненном зале с единым, переполненным сердцем. Возможно, что вещь пойдет в Совр<еменных> Записках, уже сдана на просмотр.

Читаю сейчас замечательного вересаевского Гоголя — *Гоголь в жизни*⁵, — только документы современников, живые голоса. Огромный исчерпывающий трагический том. Если бы я выиграла в Нац<иональной> Лотерее хотя бы 200 фр<анков> (билета у меня нет!) то мгновенно подарила бы Вам эту книгу. Есть ли она в Праге? Таковую бы хорошо увезти на лето, на все три летних месяца, прожить их с Гоголем.

— Завалена домашней работой, скоро весна, а Мур из всего вырос. Теряю иголки, катушки, отдельные чулки, ищу, огорчаюсь, отчаиваюсь. Впрочем, Вы все это знаете.

Обнимаю Вас и жду весточки.

М.Ц.

* Когда великий Иван ударял меня по сердцу... (нем.)

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
26-го мая 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

День начался так. У меня с вечера всегда все готово, но вышло так, что не оказалось ни масла, ни молока, и я с вечера Але: — Аля, ложись пораньше, п. ч. завтра придется сходить за маслом и молоком. (Молочная в пяти минутах). Утром, в 7 1/2 ч. спрашиваю: — Аля, ты скоро идешь? — Ответ: — Я уже ушла. (М. б. это остроумие, по мне не остро и не умно). Наконец — уходит, приходит, начинает мыть посуду, потом вытирать, и когда я хочу ей налить кофе: — Вы бы мне раньше налили, теперь я уже не успею — и уходит к себе в комнату. Я — ей: — Аля, но зачем же ты тогда мыла посуду? — Когда я не мую, Вы тоже недовольны. — Но я еще менее довольна, когда ты уходишь без еды. Кроме того, сейчас только 8 ч. 10 мин<ут>, ты же всегда уходишь в 8 ч. 30 мин<ут>. — А сегодня суббота. — При чем тут суббота? — (Захлопывает дверь. Я посылаю Мура открыть). Она: — А, Вы еще не кончили? А я думала — давно». После чего, минут через десять, уходит, вместо прощания хлопнув дверью.

Вот мой ответ на голубоглазую девочку и «богиню». Да, в молочную не пошла я, п. ч. у меня с вечера был компресс, с ватой, с клеенкой (два месяца — нарывы, а сейчас два сразу — не подмышка, а сплошная болячка, а прививки делать нельзя из-за сердца, ненадежного) — так вот, из-за компресса пойти не могла, попросила ее. И все это — со зла, ибо знаете как я забочусь о ее здоровье и что мне этот ее уход натошак — нож в сердце. Эта сценка — весь тон наших с ней отношений, возникает по всякому поводу. С ней жить я уже больше не могу. И не буду. Если уйдет с этого места, на к<отор>ое я ее не посылала, от к<оторо>го *всячески* отговаривала, ибо 6 мес<яцев> уже карандаша в руки не берет, а училась

6 лет, — не говоря уж о том, что это было — убить в корне *мою* работу, обречь меня делать по дому — все, целый день — все, без смены и замены: и Мур, и рынок, и варка, и стирка, и посуда, и штопка, — *всё, всё* — итак, если уйдет с этого места — пусть ищет другое, я ее больше не выношу. Пусть хлопает дверью — другим, дерзит — другим, остроумничает — с другими. Но, *конечно*, все это только *дома*, с другими она мила, предупредительна, скромна, все очарованы, и только один голос: — «Какой у нее *шарм!*» Т. е. именно то, чего у меня *никогда* не было: у меня было одно: да — да, нет — нет, остальное есть от лукавого. Но людям нужна — видимость, а видимость, во всех смыслах, у нее очень приятная. Внутренности же я ее *не* знаю. Думаю, что в глубине она *добра*, а на самой глубине — равнодушна. Когда-то она любила меня, теперь она никого и ничего не любит, отношение — вкусовое: «нравится», «не нравится», «интересно» — «скучно», «приятно» — «не приятно», потому она и ладит со всеми (кроме меня!), п. ч. людям тоже — «нравится» — «не нравится», т. е. в конце концов все равно. Этим она совершенно не в С<ергея> Я<ковлевича>, к<отор>ый, при всей своей обходительности, очень страстный человек, *идейно-страстный*, что доказывает вся его жизнь. Моего в ней ничего, кроме словесной одаренности, но что вся одаренность — без *страсти и воли*. «Talents de bonne compagnie»... * Может быть, если встретит сильного и во всем себе обратного человека и сделается человеком, но — между нами — такая человечность через брак или любовь, — через *другого* — и непременно — *его* — для меня *не в цене*. Согласны ли Вы со мной? Ведь иначе выходит, что так, какая-то половинка, летейская тень, жаждущая воплощения... А Сельма Лагерлёф *никогда* не вышедшая замуж? А — Вы? А я, пяти, пятнадцати лет? Брак и любовь личность скорее разрушают, это испытание. Так думали и Гёте и Толстой. А ранний брак (как у меня) вообще катастрофа, удар на всю жизнь¹. Я в такое лечение

* «Не настоящий талант»... (на уровне вежливости) (фр.).

не верю. Не человеком станет — через любовь, а *растворится* в любви, в человеке, т. е. личность окончательно исчезнет *в роде и в поле*. Это — обычный путь, и м.б. ей он и сужден. Тогда еще лишний раз — не моя дочь.

— О другом. Тоже ищем квартиру, и *тоже* понравился дом с садом, и *тоже* не достался (перебили другие, с деньгами), и уже мысленно взгромоздились на 6-й этаж, но зато с двумя балконами и центр<альным> отоплением, значит — чистый воздух и тепло. Переезжаем к 15-му июля, уже заплатили часть терма. Цена в год (три комнаты, коридор, кухня, ванна, отопление) — 4.500 фр<анков>, это самое дешевое что мы здесь нашли, но подъемника нет, с подъемником бы — на тысячу больше. Мне — ничего, но жалею С<ергея> Я<ковлевича>, (к<отор>ый, как из этого видите, еще здесь, и, надеюсь — надолго. Я с ужасом думаю о его отъезде: 5/18-го мая было двадцатитрехлетие нашей первой встречи — в Коктебеле, у Макса², а это уже — расставание на всю жизнь!).

Мурино учение идет отлично. Он не только изумительно одарен, но так же трудоспособен и даже *трудо-страстен*, сам, с утра, чуть свет, повторяет свои уроки, его никогда не надо заставлять, скорее — отрывать. Кстати, уроки иногда готовит в лесу, забирает с собой все и сидит на поляне. Лес от нас 20 мин<ут>, но сто́ит проделать скучную дорогу, чтобы побыть в тишине и зелени. Это у всех моих знакомых зовется «моим безумием», а — по мне — чего естественней? Чем сидеть в комнате и слушать автомобильные гудки. Меня *все* судят (большинство — за спиной, *шипят*), а что я такого «безумного» делаю? Разве не безумие до 15-го июля Мура держать в комнате — то школьной, то квартирной? Разве не безумие (бы) отпускать его одного на улицу, под автомобили, в драку с мальчишками, и т. д. — как делают *все* со своими «Мурами»? Я, честное слово, *других* считаю безумными, а *вернее* — бессовестными.

Пока я *жива* — ему (Муру) должно быть *хорошо*, а *хорошо* — прежде всего — жив и здоров. Вот мое, по мне, са-

мое разумное решение, и даже не решение – мой простой инстинкт: его – сохранения. Ответьте мне на это, дорогая Анна Антоновна, п. ч. мои проводы в школу и прогулки с ним (час утром, два – после обеда) считают *сумасшествием*, С<ергей> Я<ковлевич> – первый. Дайте мне сад – или хорошую, мне, замену – либо оставьте меня в покое. Никто ведь не судит богатых, у которых няньки и бонны, или *счастливых*, у кого – бабушки, почему же *меня* судят? А судят *все* – кроме А.И. Андреевой (помните ее? как она танцевала на вшенорском вокзале, от радости, что – хорошая погода??), которая меня по-настоящему любит и понимает и которую судят – *все*³. У нее четверо детей, и вот их судьба: старшая (не-андреевская) еще в Праге вышла замуж за студента-инженера и музыканта⁴. И вот А<нна> А<ндреева> уже больше года содержит всю их семью (трое) ибо он работы найти *не* может, а дочь ничего не умеет. Второй – Савва танцует в балете Иды Рубинштейн⁵ и весь заработок отдает матери. Третья – Вера⁶ (красотка!) служит прислугой и кормит самоё себя, – А<нна> А<ндреева> дала ей *все* возможности учиться, выйти в люди – *не* захотела, а сейчас ей уже 25 лет. Четвертый – Валентин⁷, тоже не захотевший и тоже по своей собственной воле служит швейцаром в каком-то клубе – и в отчаянии. Сама А<нна> А<ндреева> держит *чайную* при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20–25 фр<анков> в день, на которые и содержит своих – себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. – пол, и домой – жарить и печь на завтра. **А Аля могла жить дома, работать в своей области, гулять, немножко помогать мне, – нет, не захотела, дома «скучно», интереснее весь день видеть испорченные зубы и дышать парижским (и этим все сказано!) воздухом.**

Сдала в журнал «Встречи» маленькую вещь, 5 печатных стр<аниц> – Хлыстовки⁸. (Кусочек моего раннего детства в гор<оде> Тарусе, хлыстовском гнезде.) Большого ничего не пишу, Белого написала только потому, что у Мура и Али была *корь*, и у меня было *время*. Стихов моих нигде не берут, пишу мало – и без всякой надежды, что когда-нибудь увидят свет. Живу, как в монастыре или крепости – только без *величия* того и другого. Так одиноко и подневольно никогда не жила.

В *ужасе* от будущей войны (говорят – неминуемой: Россия – Япония), лучше умереть.

А теперь бегу за Муром и обнимаю Вас нежно и прошу прощения, что так мало «порадовала», но у меня *никого* нет (кроме Андреевой), ни одного человеческого сочувствия, все заняты своим, да и я, выходит, ни на кого не похожа...

Неприменно пишите. Скоро получите маленькую, но верную – радость. Желаю здоровья всей семье и чудного дома. А жаль того – двадцатилетнего!

М.Ц.

89

*Elancourt, par Trappes (S. et O.)
chez M<ada>me Breton
24-го августа 1934 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Не удивляйтесь карандашу, я не больная. Но я в деревне, где нельзя купить пера, а мое так дерет бумагу, что вся энергия уходит на выведение букв – начинаю понимать скучные и короткие письма детей, начинающих писать чернилами.

В деревне мы с Муром уже с 31-го июля, недалеко от Парижа (вторая станция за Версалем), но настоящая деревня, – редкому дому меньше 200 лет и возле каждого – прудок с утками.

Жизнь не легкая, почти все продукты таскаем на себе из соседнего городка – Trappes (8 кил<ометров> туда и обратно), воду надо качать, стирать очень неудобно, пропустишь булочника – купить негде, и т.д., – но

настоящий простор и покой, как только выйдешь. Нужно только чаще выходить (реже входить!).

Это наше с Муром первое лето на воле за 5 лет. Цена (чтобы Вы немножко представили себе французские цены на жилье) — 2 больших, совершенно пустых комнаты (в одной — готовим) 120 фр<анков> в месяц. Часть мебели привезли, часть дружески дали местные русские — муж и жена — цветоводы. Местность вроде чешских Иловиц — только Иловицы — лучше — должно быть оттого, что — выше. Но мы, по старой памяти, все-таки ухитрились поселиться на холму. С собой взяла Kristin Laurinstochter*, к<отор>ую перечитываю каждое лето, — вот уже пятый раз. Т. е. пятый раз живу ее жизнь. Второй том — с Вашей надписью, — помните? Значит и Вас взяла с собой в Elancourt (в русск<ом> переводе *олень* (старинное *елень*) бежит).

Была у меня здесь в гостях мой — уже старый: 10 лет! — и верный друг, А.И. Андреева, наслаждалась простором и покоем. Ее сын Савва, к<оторо>му уже 25, а Але осенью будет 21 год! — принят в Casino de Paris — послужила ему его обезьянья лазба по вшенорским деревьям! — танцор, и танцор замечательный. А весь облик — облик Парсифаля¹: невинность, доверчивость, высокий лад, соединенный с полным дикарством (не знает, что такое социализм, и — знать не хочет) — полная мера своеобразия. Да и она очень своеобразна, — только жестче сына, — м. б. потому, что — старше.

Аля на́ море, учит по-франц<узски> целое семейство (бабушку включая), нем<ецко>-еврейских эмигрантов. 150 фр<анков> в месяц, но — море! И хороший корм (семья ест *весь* день), и добродушное отношение.

Между нами идет дружеская переписка, не слишком частая. Я, наконец, поняла (*всегда* знала, но теперь узнала на *опыте*), что кровное родство — не Wahlverwandschaft**, и что требовать (*ждать*) близости можно

* Кристина, дочь Лавранса (нем.).

** Средство для выбора, для избрания (нем.).

только от второго. Ибо первое (кровное) — случайное: от случайности брака: нашего или наших родителей минутного выбора и решения. Чудо — когда *совпадает*.

О Муре могу сказать, что он растет большой и своеобразный, но, по мне, слишком мужественный: слишком *мальчик*. Но надо быть умнее и не ждать второй раз — себя, второй себя.

— Читали ли новую вещь Унсет: Anna-Elisabeth?² И, если да, — что это? Какое время? (С огорчением:) — неужели наше? Где происходит вещь? В какой стране? (С огорчением:) — Неужели не в Норвегии? Непременно напишите: той же *силы* вещь, или слабее, или, вообще, иное? Жажду знать.

Моего Белого (С<овременные> Зап<иски>) не ищите — пришлю как только вернусь. Обещаю. У меня есть отдельные оттиски. Напишите мне разок сюда: я здесь до 25 сент<ября>. Так приятно будет получить Ваше письмо от деревенского почтальона!

Боюсь, что у Вас уже в глазах рябит от моего карандаша! Обнимаю Вас и жду отклика.

М.Ц.

С<ергей> Я<ковлевич> живет наполовину в Кламаре, наполовину здесь, езды из Кламара 40 мин<ут>, а полная глушь: поля, старые фермы, коровы...

90

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
24-го октября 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Знаете, что с нашего расставания 1-го ноября будет уже — 9 лет? А тогда Муру было — день в день — *д-е-в-я-т-ь месяцев*. Правда, жуть? И эта жуть — жизнь.

Wenn die Noth am höchsten ist, so ist Gott am nächsten*: вчера мы совершенно погибали от безденежья: в доме ничего не было (как мышь – всё приели), а денег – никаких, ибо только что (15-го) выплатили терм. И вдруг – Ваша присылка! Я почувствовала себя – Ротшильдом, или гамбургским банкиром *Bleichroder*’ом, в семье которого Аля, этим летом, за 150 фр<анков> в месяц обучала французскому – и всему, <до> мытья ушей включая – троих детей и их 80-летнюю бабушку, главную банкиршу (ее – только французскому).

Как видите, с фермы вернулись. Мур ходит в школу, Аля пока дома и **нужно сказать, пока, ведет себя хорошо.**

Мы живем в чудном 200-летнем каменном доме, почти – развалина, но надеюсь, что на наш век хватит! – в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чу-удная большая комната с двумя окнами и, в одном из них, огромным каштаном, сейчас желтым, как вечное солнце. Это – моя главная радость.

Пишу очередную главу своего детства «Чорт»¹. Думаю, что после нее эмиграция от меня совсем *открестится*, хотя бы из-за своего глубокого *лицемерия* и самого поверхностного *ханжества*.

Здесь все стали «святые», а как мало настоящей человечности!

Очень хочу, чтобы Вы прочли моего «Китайца»² – 24-го октября, среда, Последние Новости. Достаньте, пожалуйста! **А м. б. я сама пришлю Вам, если достану в пятницу в редакции.**

Очень спешу. Это – только короткая благодарность и привет.

М.Ц.

* Когда нужда достигает предела, Бог всего ближе (нем.).

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
21-го ноября 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Видали ли Вы немецкий фильм «*Leise flehen meine Lieder*»¹ (по-французски «*Symphonie inachevée*»)* — из жизни Шуберта? Вот — прекрасная трагедия поэта, а моя — уродливая, и, может быть, отчасти из-за ее уродства и плачу. Там — его «не любит», верней — его любя от него уходит прелестная девушка, и он остается один — с песнями. А от меня уходит, не любя, моя дочь, которой я отдала двадцать один год жизни, т. е. всю свою молодость. И я остаюсь — не с песнями, а с С<ережей>, к<отор>ый рвется в Россию и скоро возненавидит меня (а подсознательно уже, временами, ненавидит) за то, что я не еду, и с Муром, который проделает то же, что Аля, только раньше. С двумя — уйдут или не уйдут — которые от меня рвутся в жизнь и для которых я препятствие и помеха, которые без меня были бы счастливее. (О, не возражайте: *знаю*). Знаю и то, что, *может быть* Мур, через тридцать лет (о, раньше — [одно слово *нрзб.*]), когда меня давно не будет, — поймет и меня и мою любовь, — но меня-то — не будет! А там, где я тогда буду — всё — всё равно.

С Алей было так. Вернувшись после лета, она дней десять, по инерции (была в немецкой семье) мыла посуду и держала дом в чистоте. И была *вежлива*. Потом на одиннадцатый (шучу: м. б. на двенадцатый) стала собой, впала в себя: в лень, в дерзость, в равнодушие ко всему, что не развлечение, в непрерывное бегание по знакомым: утром, днем, вечером (до 1 ч. ночи), *все* вечера стала уходить, совершенно не считаясь, что и мне

* «Песнь моя, лети» (нем.), «Неоконченная симфония» (фр.).

иногда хочется уйти (Мура я одного вечером не оставляю никогда, а особенно в таком доме, как наш «новый» (200 лет!) с постоянной возможностью угара и жуткими соседями) — не считаясь и с тем, что мне, иногда, приятно было бы с ней вечером (все лето не виделись!) посидеть, почитать, пошить, а главное не считать — с моей вечной о ней заботой: она *очень* малокровна и истощена, и у нее *отцовская* физика (наследственность), а *каждый* вечер, без исключения, ложиться в 1 ч. и вставать в 7 ч. — кого угодно с ног собьет. Я не могла спокойно смотреть на это *глупое* саморазрушение, ибо: один вечер — гадать, другой — к какой-то подруге за тридевять земель, третий — к другой «подруге», просто для хохота и сплетен, иногда и на лекцию, но опять-таки как развлечение: чтобы не сидеть дома.

Когда она вернулась с моря, я предложила ей кончить в этом году свою живописную школу и получить аттестат — *нужный* в жизни. И она *семь* недель не удосужилась пойти в эту школу и сговориться. Наконец, в один прекрасный день, является после делового (с какой-то редакторшей) свидания домой и — как ни в чем не бывало — в свою комнату, писать письма (все тем же «подругам», которых у нее — сколько угодно). Я: — «Ну, как, Аля, свидание? Есть надежда на заработок?» (Она, из комнаты) — «Да. 500 фр<анков> в месяц — переводить статейки, иногда писать на машинке, рисовать картинки². Но для этого мне придется *снять комнату в городе*».

— И все. Все, что она нашла мне сказать, *меняя жизнь*.

Ибо это, прежде всего, уход из дома. Для того и делается. Не переезд в комнату, а в другую жизнь: отдельную, свободную, *парижскую*, с кафе и кинематографами, без контроля, без заботы, без ответственности, ибо все эти статейки и картинки для нее — забава, ибо в редакции, т. е. опять в компании: шутки, хохот, новые знакомства. Она *очень* даровита и, конечно, ей через 2 месяца дадут не

500 фр<анков>, а тысячу, кроме того, она всем нравится, без исключения, и не сомневаюсь, что ее жизнь будет очень веселая. (Забыла Вам сказать, но очень прошу, *между нами!* — что журнал этот — детский коммунистический французский, по ее словам «очень грубый и пошлый». И — *идет сотрудничать!*) *Моя* ли это дочь?! На торжествах Октября (я не была! не мои это торжества!) перешла на *ты* с людьми, о существовании которых час назад и не подозревала, т. е. сразу — в товарищи. (Совершенно ко всем октяблям равнодушна, а так — из-за компании).

Да, возвращаясь к тому разговору. Я — ей: — но 500 фр<анков> на жизнь — мало. Комната не меньше 200 фр<анков>, а еда? Езда? Стирка? Обувь? Живи здесь, т. е. приезжай ночевать, как половина всех живущих за городом, тогда и комнаты не нужно. — Нет, ибо живя дома, мне иногда придется убирать, а мне нужно *все время* на работу. (Причем это не служба, а именно домашняя работа, ибо никто не пишет и не рисует в редакции!).

Ей не на работу нужен весь день, а на свободную жизнь — без меня. Вот и всё.

Все это, конечно, было за моей спиной подстроено С<ережей> и его новыми друзьями — бедная девушка погибает в буржуазной (это я-то!) обстановке, мать — тиран, она задыхается, и т. д.

И — ни оборота на меня, на мысль.

Анна Антоновна, я ее *вырвала* из сердца и болит только рана. И трудны только эти дни, пока она здесь. Со мной что-то вроде столбняка: во мне все сжалось. Ни в поисках комнаты, ни в устройстве я участвовать не буду: *не могу*: это было бы духовное самоубийство, *соучастие в собственном убийстве*.

Пусть живет как хочет и как может. Я для нее больше ничего не могу.

Но и в комнату ее войти не смогу, ноги откажутся. Дело не в том, чтобы «простить», я просто ничего *не пони-*

маю: меня продали за развлечения и удобства. Меня — за кафе и хохотанье.

М. б., все это — вполне нормально: выросла, надоело дома — хочется собственной жизни — ей 20 лет: веселья! Но я-то воображала, что это связь — *нерушимая*, что и речи быть не может..., что никакие силы ... и т. д. А — какие — там — силы! Просто — надоело мыть посуду, а там — ресторан. Надоели укоры в 1 ч. ночи — а там — свобода! Эта простота-то меня и сражает. Я для нее: мытье посуды + уборка ее собственной комнаты. Она *всё* забыла.

Предстоит тяжелая процедура разбора и увоза вещей, это уж — почти вынос *тела*. «Это я беру, а это я оставляю. Мольер мне не нужен — оставляю Муру» — и т. д. И на Мура не оглянулась И самое удивительное, что это не роман, не любовь, а беспредметная «свободная жизнь».

А<нна> А<нтоновна>, жесткой всю жизнь слыла и слыву — я. А помните мою Поэму конца? (Прага, 1924). Ведь как меня человек любил, как звал! Но я *не могла*, помню свое ему последнее слово: — Я не могу жить с язвой. Вы для меня — чистая рана, а разбей я семью — будет язва, и она меня *загрызет*.

Это была самая сильная любовь моей жизни³.

И — ни оглядки на меня, поэта! Ведь она *знает*, что уходя из дому обрекает меня на почти — непisanье. Ведь я 4 раза (дурацкая система) хожу в школу за Муром, т. е. 8 концов, т. е. 2 часа — и все по $\frac{1}{4}$ часа. — Пусть ходит сам. — «Но автомобили тоже *сами* ходят. А топка печей, а принос угля, а стирка, а готовка, а уборка, а рынок, — *всё на мне*. Ведь у нас — *квартира*. Когда же писать? И по сколько минут? (С<ережа> — не в счет, его почти никогда нет, и, когда возвращается — без ног. Иногда с 9 ч. до 1 ч. ночи в городе. (NB! Белое место слева — от огромной слезы, которая никак не могла просохнуть, а я не хотела, чтобы чернило расплылось).

Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром или без Мура, в школу или за молоком – и изнутри, сами собой – слова завещания. Не вещественного – у меня ничего нет – а что-то, что мне нужно, чтобы люди обо мне знали: *разъяснение*. Свести *счеты*, хотя Маяковский и сказал:

Кончена жизнь – и не к чему перечень
Взаимных болей, и ран, и обид...⁴

Я дожила до сорока лет и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете. *Это* я бы хотела выяснить. У меня не было *верного* человека. Почему? У *всех* есть. И еще – благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А.И. Андреевой и Борису Пастернаку. Больше у меня не было никого.

Подымаю глаза, совершенно горящие от слез (целые дни!) и сквозь слезную завесу вижу лицо Сигрид Унсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (меня). А рядом – Рильке⁵, под веткой боярышника, а м. б. терновника (острые листы с шипами и красные ягоды), которую я подобрала на улице. Но Р<ильке> отвернулся, смотрит вдаль, слушает – даль (это его последняя карточка, маленькая, любительская – снимала его русская секретарша и сиделка). Он на балконе: весна: еще черные ветки, он с наставленным, как у собаки, ухом стоит и слушает.

Внизу, как раз под моей комнатой, русская семья: старушка 81 года, помнящая Аделину Патти⁶. Красивая, серебряноседая, изящная. И вот нынче слышу: *навзрыд* плачет. У нее две внучки, двадцати лет, когда бабушка роняет вещь – ни одна не двигается, а говорит – прерывают или смеются. Старушка весь день бегаёт вверх и вниз по лестнице, п. ч. кухня внизу, а едят наверху. Готовит на семь человек, одна моет посуду. А внучки лежат на кроватях и – мечтают. Или негодуют на нищенскую жизнь. Бабушка

тихо угасает, скромно. Понесла кому-то пирог – нечем дышать. «А воздух свежий. Значит – сердце». Я *вдвое* моложе ее (как вдвое старше Али и вчетверо – Мура). Вчера я принесла ей свой граммофон с лучшими пластинками, – как она блаженствовала! Но внук у нее – чудный, красавец, как она, – двадцать пять лет. Между нами – 15 лет – и начало дружбы, из которой конечно ничего не выйдет, – он боится моей «славы», а я его молодости⁷. Так и пройдем мимо. Но приятно – когда в глазах – восторг. Бываю я у них, именно потому что – соседи – редко, раз в две недели, но всегда отдыхаю душевно – от бабушки и от внука. Почему людям нельзя сказать, что их любишь?

Была ссора с С<ережей>. Он говорит, что я Алю выжила из дома. (Я хотела для нее *школы* или места в семье). Мур меня ревностно защищал. А я просто – как собака – *выла*, затопя весь стол слезами. Боюсь – глаза пропадут. А сердце – уже пропадает: я, рожденный *ходок*, стала задыхаться на ровном месте, и с каждым днем хуже. Жаль сердца – хорошо служило.

Сейчас лягу, и слезы потекут за уши.

Und schlafen möcht ich, schlafen
Bis meine Zeit herum!^{*8}

Обнимаю Вас.

М.Ц.

Я отчасти и из-за бабушки плачу: из-за ея слез, – от всех вместе.

У меня еще одно горе, – не горе: *обида*, *дико-незаслуженная*!⁹ Но о ней в другой раз.

* И спать я хотела бы, спать // До того, как придет мой час! (нем.)

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
27-го декабря 1934 г.,
3-ий день Рождества

С праздником и наступающим Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Это уже второе мое письмо Вам к праздникам, ибо перечтя первое, устрашилась его безрадостностью и решила не отправлять, верней — не решилась отправить. Письмо, как Вы уж догадываетесь, было о делах семейных: дочерне-материнских, — а Бог с ними! — На этот раз, еще другое в жизни есть. Бывает горе на нас похожее, *наше*, а бывает и чужое, несвойственное, в котором ничего не узнаешь, вроде бытовых бедствий или уж слишком *обще-человеческих*, почти прописных: неблагодарность детей, и т. д. Мне вдруг стало стыдно идти к *Вам*, человеку с исключительной душой и судьбой, с такими обычными и *не-моими* катастрофами, — ведь случай потрясающе-банален, и изумителен он только приуроченностью ко мне. Что страдать от поговорки?

А вот другое горе: мое. Чистое и острое как алмаз.

21-го ноября погиб под метро юноша — Николай Гронский¹. Он любил меня первую, а я его — последним. Это длилось год. Потом началось — неизбежное при моей несвободе — расхождение *жизней*, а весной 1931 г. и совсем разошлись: *наглухо*. За все три года я его видела только раз, в поезде, — позвала — не пришел. (Позвала «заходить» и он, не поняв словесного прикрытия, оскорбился.) И вдруг, 21-го ноября утром в газете...²

— Но это не все. Юноша оказался *большим* поэтом. Вот его вещь, — мой грустный подарок Вам на Новый Год. Он и при мне (18, 19 лет!) писал стихи и были *прекрасные* строки, и я все спрашивала его, верней — себя: — Будешь ли ты — или

нет – поэтом? И вот, расставшись, – *стал*. Сохранилась вся наша переписка (лето 1928 г.) – целое Briefbuch*³. Он писал мне из Bellevue (под Парижем, где и мы жили первый год) в Pontailлас на океане. Он должен был ко мне приехать, но придя перед поездом проститься с родителями, застал *разъяснение*: мать уходила от отца⁴. Поставив чемодан у двери, вступил в «беседу» – третьим, – и сразу скажу, что чемодан этот 6 ч. спустя унес обратно на свой чердак, где жил, т. е. остался – чтобы мать осталась – и никогда ко мне не приехал – и *никогда* уже не увидел Океана. А мать, 6 мес<яцев> спустя (он заработал по месяцу на чек!) все равно ушла, и жертва была – зря. Все это сохранилось в его и моих письмах. Он подарил мне свой детский крестильный крестик, на котором «Спаси и сохрани». – «Я все думал, что Вам подарить. И вдруг – понял: ведь бóльше этого – нет. А пока Вы со мной – я уже спасен и сохранен». Я надела ему – свой, в нем он и похоронен, – на новом мёдонском кладбище, совсем в лесу⁵: был лес, огородили – и всё. Там он и лежит с 26-го ноября (вчера как раз был месяц!) под стражей деревьев, входящих в кладбище, как домой. Сколько раз мы мимо него ходили!

9-го дек<абря> появилась его поэма Белла-Донна (савойская горная цепь), я написала о ней «статью»⁶, и вот, просьба: не могли бы Вы, дорогая Анна Антоновна, ее перевести и поместить в Чехии? Статья небольшая: на полтора газетных фельетона. Если бы была *надежда*, я ее бы Вам переписала и послала, но это все-таки полных два дня работы, так что – без надежды – трудно приняться. *Может быть* пойдет в Посл<едних> Нов<остях>. Статья интересная, ибо касается *всей* поэзии и, главным образом, отвечает на вопрос о языке, среде, почве, *корнях* поэта. Это – первый поэт, возникший в эмиграции. Первый *настоящий* поэт. Вы это сами увидите.

После него осталось 500 рукописных страниц стихов: много больших поэм (знаю, пока, только одну) и драмати-

* Книга писем (нем.).

ческая вещь «Спиноза». Через несколько месяцев выйдет первая книга, стран<иц> на 130⁷. Издает – отец. Отец его один из редакторов «Посл<едних> Новостей».

Да, он был *необычайно* красив: как цветок.

У меня осталось к нему несколько стихотворений⁸. Вот одно (1928 г., весна)

Лес! Сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся без забрал...
Погляди, как в час прибора
Лес играет сам с собою!

– Так и ты со мной играл.

– Не показывайте *никому*.

Жду отзыва на поэму. Обнимаю и люблю.

М.Ц.

А поэму *непреренно* покажите Бему. Я бы хотела, чтобы он о ней сказал в печати – это все, что осталось у родителей: посмертная слава сына. Объясните ему, ибо если *не* понравится, пусть лучше не пишет⁹. Это мой *настоящий* духовный выкормыш, которым я – горжусь.

Правда, какое *бездарное* предисловие Адамовича?¹⁰

А *мне* написать – не дали.

93

Vanves (Seine)

33, Rue Jean-Baptiste Potin

Ванв, 24-го января 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо я прочла матери Гронского, в ее огромной и бедной студии. (она – скульптор), где из стеклянного шкафчика глядит ее сын – то десятилетним фавнёнком (острые ушки!), то 16-летним почти-собой, и последняя скульпту-

ра – статуэтка во весь рост: сидит с чуть-наклоненной головой, руки в карманах, нога-на-ногу, – вот-вот встанет: сидение, как бы сказать, на отлете, дано ровно то мгновение до-приподымания. Вещь меньше, чем в $1/2$ метра: как в обратную сторону бинокля.

А Аля только что дала пощечину – рукой в грязной угольной перчатке – Муру за то, что вез по комнате стул и «обещала» изрисовать все его школьные книги (21 год, а по чести – 22, п. ч. ей случайно когда-то год убавили) за то, что он к какой-то ее картинке пририсовал усы. Я на удар ответила ударом, ибо не могу, чтобы Муру давали по лицу. *Я ее ненавижу.*

Сегодня утром молча отказалась идти за молоком и пошел отец, к<оторы>й еле ноги таскает.

Но – довольно об этой язве.

Счастлива, что так отозвались на поэму Н<иколая> П<авловича>. 21-го с его смерти было 2 месяца, я *случайно* оказалась в этот вечер у его матери (мать и отец живут врозь) и слезла на том самом метро Pasteur, где он погиб. Долго смотрела – спрашивала.

Совсем не знаю, возьмут ли Посл<едние> Нов<ости> мой «Посмертный подарок»¹. Вещь, разрубленная пополам и подписанная мною под ровно 300-ой строкой, чуть ли не посреди фразы, *валяется*. За 4 месяца не напечатали *ни одной* моей строки

Нынче сговорила с А.И. Андреевой о печатании на машинке, она это охотно сделает, тогда – пришло. Она живет очень далеко и вижу ее редко, это для меня большое лишение. И для нее.

Огромное спасибо за подарок. Были с Муром два раза в кинематографе и 1-го (десятилетие!) подарю ему от Вас какую-нибудь *хорошую* книгу.

Хочу отправить сейчас – это не письмо – привет и отклик. Будет минута – пришло стихи. Я их почти никогда

больше не пишу: *нет времени*: хотя прозы и все (!!!) время уходит на нее: а потом — не берут.

Обнимаю Вас и люблю. Спасибо за все.

М.Ц.

Мать Н<иколая> П<авловича> — тех юношей везших мать в храм — знала³. Она, как и он, чудно знает античный и мифический мир.

94

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
18-го февраля 1935 г.,
понедельник

Дорогая Анна Антоновна!

В этом письме *всё* — во-первых.

Во-первых — ушла — Аля¹.

Во-первых, у Мура и С<ергея> Я<ковлевича> грипп, у Мура — с воспалением среднего уха в обоих ушах, у С<ергея> Я<ковлевича> с ужасающим кашлем и сильным жаром. Оба лежат уже шестой день.

Во-первых — читала статью Бема в Мече. Хорошо. Всерьез — не только к автору и к поэме, но и к *стиху*².

Во-первых — огромное спасибо за освобождающее, открывающее письмо.

Во-первых — около двух недель не держала пера в руках: убирала и «умывала» — верней — отмывала квартиру после Али. Но еще одно во-первых: то, с чего началось:

2-го числа было мое чтение о Блоке, совместное с Ходасевичем³. Я — «Моя встреча с Блоком», он — «Блок и его мать». (Пишу себя первой — п. ч. читала первой). **Да. До самого утра 2-го февраля не успела ни разу прочесть рукописи. И вот, утром — заболевает Мур. (Первая болезнь). Посылаю Алю за лекарством в аптеку. «Да, да» — «Иди скорей, а то надо принять натошак» — «Да, да». — Пол-**

часа проходит. Захожу: сидит, штопает чулки. — «Аля, ведь надо в аптеку». — «Да, да». — «И еще вытрясти печку. (NB! их с Муром). Я — не успею, п. ч. последний срок для рукописи». — «Да, да».

Словом, с 7 1/2 ч. до 10 ч. не пошла. Штопала чулки, примеряла вязаные береты, причесывалась, — все это 2 1/2 ч. Мур не ел, — ждал.

Наконец, я — после 10-го или 20-го напоминания: — Ты — издеваешься. Сегодня мое чтение, ты не даешь мне работать. Мур — болен, ты не идешь в аптеку. Печка не прочищена. Это — позор!

— По-моему, позор — с Вашей стороны, — так говорить с взрослой дочерью. Впрочем, Вас уже все знают! Я: — Все или не все, — иди тотчас в аптеку. — А если Вы будете со мной говорить таким тоном — я вообще не пойду. — Пойдешь. — Нет. — Берегись. — Очень я вас боюсь! Эти времена прошли. Вы — берегитесь! (и т. д.). Я несколько раз остерегала ее, что дам пощечину. Она не унималась, и после слов: — Это Вы — лживая, Вашу лживость все знают! — ее получила. Тут С<ергей> Я<ковлевич> ударил меня, я бросила в него чашкой (попала в стену), Мур (больной!) побелев кинулся на отца. —

Вот уже 2 недели живет у знакомых в Мёдоне, очевидно всех «очаровывает». За болезнь была два раза — и оба раза за вещами (не книгами: — тряпками). Зная, что я одна, видя мою работу — не предложила помочь. Заходит «на минутку». Нынче впервые пришла намазанная: щеки, губы, брови, все. С огромными поддельно-бирюзовыми серьгами в ушах. Я попросила ее разобрать со мной ее вещи — их груды и они всюду и особенно у Мура: узлы тряпья, стопы кинематографических журналов, куски вязанья и т. д. — все замшенное многомесячной пылью. — Приду в четверг. — Аля, больше двух недель прошло, Мур болен и не может лежать в такой пыли, а я за тебя не могу разобрать. Приходи завтра. — Завтра я целый день рисую. — А в среду? — В среду у меня школа. — Не целый же день. — Мне

до четверга неудобно. — А Муру — удобно дышать грязью? — А Вы, пожалуйста, не кричите!

Кончилось полным одобрением Али — С<ергея> Я<ковлевича> и его руганью — меня: — «Вы выжили дочь из дому! Вы — мачеха! Вы — мопассановский тип! Вы — мещанка!»

— О б ы ч н о е. —

Я не узнаю ни его, ни ее. Оба меня *когда-то* любили — больше жизни. С<ергей> Я<ковлевич> меня давно уже не любит (*иногда*, все реже и реже — жалеет, а бессознательно — ненавидит, как помеху его отъезду в Россию. Я для него — препятствие, колодка на ноге. И «мещанка»). А эта покрашенная, самоуверенная, беспощадная (не поухаживать за отцом, который ее любит до слепости!) современная барышня с поддельной *огромной* бирюзой в ушах (есть — настоящая, ее бросила дома) — явно не моя дочь: я с ней просто — незнакома.

— Бог с ней! —

Постепенно перестирываю все залежи простынь, — снимала и прятала по углам и углам, чтобы не стирать. Не стирала — месяцы. То же — наволочки и полотенца. Стирала только нарядное и показное. (Вижу, что опять о ней, — но я *полна* негодования!). Если бы Вы знали, что это были за пуды грязи, которые я вынесла! *Комки* чулок, носовых платков, которыми мыла кастрюли и потом прятала под шкафы и матрасы. *Unkennbar!**

После ее ухода я просто надела очки — и прозрела. Это было самое циническое издевательство над домом — *годами*. Так, в прошлом году обнаружила за шкафом в десяти сальных бумажных мешках — бутерброды *за месяц*, которые я ей давала на службу: масло, мясо, сыр, котлеты, — что было. Все *выкинула* и *сгноила*. В 21 год. Это уже не «детское». О, нет. А хлеб — *годы*

* Невероятно! (*нем.*)

бросала в уборную, от чего та затыкалась. После голодной Москвы и голодного приюта, где ее сестра 3-ех лет умерла — с голоду.

По-моему — это *порочность*.

Начала было — точно уже в ответ на Ваше письмо — приводить в порядок все свои стихи после «После-России», — их много, но почти нет дописанных: не успевала. **Но вот — уход Али (чистка) и болезнь Мура и С<ергея> Я<ковлевича>.**

Но — ничего: постараюсь. Это — нужно сделать, чтобы хоть что-нибудь — от этих *лет* — осталось, **кроме Алиного померанцевого румянца и бирюзовых пуговиц в ушах.**

Сделаю.

Ибо — никто из нас не знает — *когда*.

П.П. Гронский *в восторге* от статьи А<льфреда> Л<юдвиговича> о Белла-Донне. Передайте, пожалуйста. Он, прямо — сиял. Матери, после чтения, еще не видела. Она все хворает.

...Мне очень нравится — о сложности, которая *не-сложность*. Тонко и точно. Я, в конце концов, человек элементарный, люблю самые простые вещи. Сложна я была только в *любвонной* любви, да и то — если *гордость* — сложность. (По мне — сама простота. Но дает — *сложные* результаты.)

Да и Пруст⁴ — *прост*. И Рильке. — Утверждаю.

А.И. Андреева переписала мне мое о Гронском на машинке, — только нужно вставить К (эта буква — выпала). Засяду, сделаю, пришло.

Посл<едние> Нов<ости> вчера, 17-го, воскр<есенье>, наконец напечатали мою Сказку матери, сократив и исказив *до неузнаваемости*. Сокращено в сорока местах, из к<отор>ых — в 25-ти — *среди фразы*. Просто — изъяты эпитеты, придаточные предложения, и т. д. *Без спросу*. Даже — с запретом, ибо я сократить рукопись — отказалась. Потому и

лежала 3 месяца. И вдруг – без *меня*. Я, читая, – плакала. Пришлю Вам и Посл<едние> Нов<ости> – и *свое*.

Расскажите Бему. Сделал это негласный редактор П<оследних> Нов<остей> – Демидов⁵. М. б. Бем его знает.

Книжку Белла-Донна? Было бы – чудно. Но надо запросить отца – он собирается издавать книгу стихов, но, кажется, одних стихов – без поэм. Запрошу его – *в виде отдаленного плана* – при встрече.

Кончаю и отсылаю не успев перечечь.

Благодарю. Обнимаю.

М.Ц.

<К письму приколата фотография, на обратной стороне надпись рукой Цветаевой:>

Кусок комнаты Н. Гронского.

Книжный шкафчик, – тут и мои книги стоят. Наверху – горная фляжка. Над шкафом – альпийский топорик. Справа, внизу – горные башмаки. Так мы сняли, по частям, всю комнату. Покажите Бему и в каком-нибудь письме – верните.

М.Ц.

Февраль 1935 г.

(Снято в первых числах декабря 1934 г.)

95

*Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
23-го февраля 1935 г.*

Дорогая Анна Антоновна! Вчера тщетно прождала весь вечер А. Головину¹, к<отор>ая сама попросила придти ко мне вторично, чтобы прочитать свои стихи.

Мое впечатление? *Совсем* не очарована. Ни малейшего своеобразия, – чистейший литературный тип. И интересы

только литературные. За весь вечер – ни одного *своего* слова, – чужие умные. Скучно! – Кроме того, каждые пять – для честности: *десять* минут – вынимала зеркало и пудрила нос, с напряженным вниманием вглядываясь, точно не ее (нос). Так же часто и *reinlich** расчесывалась, прижимая волосы к ушам. Ничего личного – от нее ко мне, ни от меня к ней – я не почувствовала. Передо мной сидела литературная барышня (хотя она и «дама»), перед нею – усталая, загнанная, заработавшаяся, совсем не литературная – я. Я перед ней себя чувствовала *начинающей*, – нет, никогда и не начавшей! (Поймите – о *чем* я говорю: о причастности к литературной *среде*.) Она очень бойкая – все находит, всюду проникает, никого и ничего не смущается. Ни слова (*мне – всё равно*, но характерно для нее) не спросила о *моем* писании, – все время о себе: напр<имер> стóит ли ей писать прозу. (Откуда я знаю?? Я – никого не спрашивала – и 6-ти лет.) Полная литературная поглощенность собой. – Чтó мне с этим делать? – Намеревалась идти к Ходасевичу советоваться с ним о своих писаниях. Ну, он пожестче, помэтрестее (*maître*) – меня, я – чтó? могу только сказать – как я пишу, и совсем не возвожу этого в закон. Я – литературно – бесконечно, бездонно-невинна, – точно никогда и не писала.

Воспитана – неважно. Я, в ответ на ее запрос, просила ее придти в четверг, чтобы познакомить ее с отцом Н. Гронского (думала – о Вас), к<отор>ый должен был принести фотографии сына. Хотела, чтобы она рассказала, как понравилась поэма в Праге – он этим живет. **Кое-что из этого упомянула в письме. Пришла в среду – «насчет четверга я не была уверена».** (В чем??). Значит – **мало-человечна². (Отец).**

Дальше: сама попросила придти еще в пятницу – почитать, вчера весь вечер жду, – нет. (В Париже есть молниеносная почта *pneumatique*, всегда можно предупредить).

* Педантично (*нем.*).

**Бему обо всем этом — ни слова: не надо — огорчать.
Это я — только Вам.**

Мой вывод: до чужой души мне всегда есть дело, а до чужой литературы — никогда. Ко мне надо — с душой и за душой, все остальное — тщетно

**Приготовила ей для передачи Вам: на машинке мое —
о Гронском (Посмертный подарок) и подарочек — Вам:
Думаю — уже не придет. Тогда — почтой.**

А вот стихи Н.П. Гронского — мне — тогда — (1928 г.) —
которых он мне никогда не показал:

Из глубины морей поднявшееся имя,
Возлюбленное мной — как церковь на дне моря,
С Тобою быть хочу во сне — на дне хранимым
В глубинных недрах Твоего простора.

Так, веки затворив, века́ на дне песчаном,
Ушел в просторный сон с собором черным,
Я буду повторять во сне «осанна!»
И ангелы морей мне будут вторить хором.

Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совеется небо, обратившись в свиток,
И встанут мертвые, я буду говорить «осанна»
Оставленный на дне — и в день Суда — забытый³.

Bellevue 1928 г.

Осанна = спасение
(Его пометка)

Отец сидел и читал письма (его — ко мне), я сидела и читала его скромную черную клеенчатую книжку со стихами. Отец часто смеялся — когда читал про кошку⁴ — нашу, оставленную ему, когда уезжали на́ море и которую он от

блех вымыл бензином – и что потом было – и еще разное, бытовое. Отец его очень простой и веселый и широкий – *насквозь* жизнерадостный (он перед смертью стал в тупик) – и веселье (жизнь) когда может – прорывается. Но все-таки он что-то в этих письмах – понял. – «Тут очень *глубокое* чувство, все это ведь писано *тáк...* на поверхности – а под этим...»

Хочу (как в воду прыгают!) дать ему и свои письма – к нему. Пусть знает ту, которую любил его сын – и то, как *эта та* его любила. Матери бы я не дала. (Ревность).

Говорили об издании стихов. Всего будет 3 тома. I – поэмы, Спиноза (драматическое) и немного стихов. II *т<ом>* – то, что он называет Лирика. III *т<ом>* – проза (*к<отор>*ую я совсем не знаю, только письма). А лучший том – когда-нибудь – будет наша переписка, – *Письма того лета*. *Этим* летом *непреренно* (огромная работа!) перепишу их в отдельную тетрадь, его и мои, подряд, как писались и получались. Потом умолю Андрееву переписать на машинке и – один экз<емпляр> отцу, один экз<емпляр> – Вам. Самые невинные и, м. б. самые огненные из всех *Lettres d'amour**. Говорю об этом спокойно, ибо – *уже тáк давно*, и один из писавших – в земле...

Самое *странное*, что тетрадь *полна* посвящений В.Д. (его невесте, *к<отор>*ая вышла замуж за другого) – посвященный 1928 г., когда он любил – только меня. Но так как буквы – другим чернилом, он очевидно посвятил ей – ряд написанных *мне*, а мне оставил только это – *неперепосвятí-*мое – из-за имени. (Марина: море).

Напр<имер> – рядом с этим, т. е. *в те же дни* – посвященные В.Д. стихи о *крылатой* и *безрукой* женщине⁵. Прочтя сразу поняла, что *мне*, ибо всю нашу дружбу ходила в темно-синем *плаще*: крылатом и безруком. А тогда – никакой моды не было, и никто не ходил, я одна ходила – и меня на рынке еще принимали за сестру милосердия. И он постоянно снимал меня в нем. И страшно его любил. А его невеста –

* Писем любви (фр.).

видала карточку – модная: очень нарядная и эффектная барышня. И никакого бы плаща не надела – раз не носят. Когда прочтете переписку, поймете почему двоелюбие в нем – немыслимо. Очевидно – с досады, разошедшись со мной. Или ей – как подарок.

С<ергей> Я<ковлевич> все болеет, — грипп не кончается. Мур нынче в первый раз вышел. Аля «заходит». Нынче стирала и даже не выжала своего белья: ушла, бросив на умывальнике. Увидев у меня на голове красный платок (от пыли) — «Это — мой». Ведет себя мелко: от еды неизменно отказывается: — Мне — некогда. Меня — ждут.

Дом немножко налажен. Выношу тазами Алино наследство: чем разбирать — выбрасывает все. А м. б. отвратительно все домашнее. Бог — с ней!

Почти не пишу. Работа, работа, работа. Дом был невероятно запущен. (Кв<артира> темная, с большим коридором и полками, туда-то все и пихала, зная, что я не вижу). Выкрала у меня детский Мурин альбом и выдрала лист. Другие фотографии (оттуда же) нашла в ящике с грязным бельем. По-моему, это — порочность. Я ее — боюсь.

Кончаю, надо готовить ужин. Пишу ужасным почерком, — знаю. Подожду еще два дня (Головину) и вышлю рукопись. Бему — о ней — ни слова. Пусть — любитесь! И верит...

Обнимаю Вас и жду письма.

М.Ц.

Головина целиком занята собой: литературой и носом. А я ни тем ни другим никогда не была занята. Отсюда — разминовение.

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
12-го марта 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Г<оловина> мне, с того письма, еще *два раза* назначала, второй — сегодня. Ждала ее с рукописью и подарочком для Вас, — конечно, *не* явилась. Мур уж мне с утра говорил: — «Какая Вы доверчивая! Разве Вы не видите, что она нарочно назначает, чтобы *не* придти. Устроила себе такую глупую игру».

От себя добавлю, что даже если она больна — так *не* делают, ибо нужно знать — либо свою болезнь, либо свою любовь (ибо она меня, ведь, «любит!»). «Мы все в Праге Вас так любим!» Если *тáк* — слабо!). Я бы, назначь мне Анна Ахматова свидание в 2 ч. ночи — пешком бы пошла в Париж с t° -40 (поднялась бы дорогой от волнения свидания)¹. Я *всю жизнь* — *тáк* — любила. А *это* — вздор. Какой же ее минимум, если максимум — таков? Только время с ней потеряла на переписку. Характерно, что она не вызвала *из* (говорят, *у, во, а по мне — из*) меня ни одного живого слова. Это — литературная барышня, стихописица. Я предпочитаю поживее — и без стихов!

Не везет моему Гронскому. Вот мое письмо к литературному хозяину Посл<едних> Нов<остей>, некоему Игорю Платоновичу Демидову, ничем не соответствующему благородному звучанию своего имени (NB! вдобавок — *потомок Петра*, по боковой линии² — из себя — огромный скелет с губами упыря).

— Многоуважаемый И<горь> П<латонович>.

Прошу считать мою рукопись о поэме Н. Гронского «Белла-Донна» — *Посмертный подарок*, пролежавшую в редакции Посл<едних> Новостей больше трех месяцев в ожидании «очереди» — *аннулированной*.

Подпись.

Вслушайтесь и вдумайтесь.

1) Н.П. Гронский единственный сын их соредактора — П.П. Гронского.

2) *Демидов Гронского вел за гробом.*

3) П.П. Гронский каждые 5 дней в течение 3х месяцев запрашивал Демидова о судьбе рукописи — («Пойдет, пойдет»). (Варианты: — Когда-нибудь пустим).

4) Они *сами* напечатали Белла-Донну, и их прямая выгода — дать мой отзыв о вещи, у *них* появившейся.

5) И, что громче всего — отец потерял единственного сына, *тáк* потерял — *такого* сына, и каждой строкой о нем — живет.

Письмо залежалось. Нынче уже 22-ое. Вчера как раз был день его смерти — 4 месяца. И — одна из сопутствующих странностей. Единственный человек, которого я люблю и с которым я вижусь — А.И. Андреева. Она живет в Boulogn'e, другом *зá*городе, очень далеко и вижусь редко. Наконец — собралась. Мы должны были вместе идти на фильм «La Bataille»^{*3}. Прихожу — она больна, никак не может. Сижу до 9 ч. 40 мин<ут>, решаю пораньше вернуться домой, сажусь в метро, читаю Андерсена: «Nur ein Spilmann»^{**4} (чу-удная книга!) и впервые подымаю глаза от книги на надпись: Pasteur. Выхожу как по команде (метро стоит 3—4 секунды) и иду к его матери, Вы уже поняли — матери Н<иколая> П<авловича>, Pasteur — станция его гибели, а она *рядом* живет, — ее метро!

Уже 10 ч. 30 мин<ут>, вижу — ее окно освещено (она живет в общежитии бедных художников, с другим мужем — к<оторо>го никогда нет), вхожу. Она — и барышня. Ее ученица, евреечка из богатой семьи, к<отор>ая себя считала невестой Н<иколая> П<авловича>. (Он — нет, и родители — нет).

* «Битва» (фр.).

** «Только один Шпильман» (нем.).

Первое слово Нины Николаевны — о сыне. — «Вот Николай всегда говорил»... и т. д. Говорим — она и я: обо всем (о нем, конечно) — о его будущей книге, о моей злосчастной рукописи, она показывает его фотографии, — детские и последние, говорим полтора часа, и полтора часа девушка молчит — ни звука. (Она у Н<ины> Н<иколаевны> учится скульптуре — из любви к нему.) Потом — вместе выходим. Она предлагает проводить меня на вокзал. Идем. И вдруг, она: — «Николай мне как раз в понедельник говорил о Вас». (Погиб — в среду, 21-го ноября). Я: — «Да? Мы с ним ведь так давно не виделись, — так давно разошлись».

Вдруг голос: — Марина Ивановна!

Оказывается — второй муж Н<ины> Н<иколаевны>, — шофер — едет домой с работы. — Давайте, подвезу!

Садимся. Я — ей: — А что Н<иколай> П<авлович> говорил обо мне?

Она, нервно: — Я сейчас не помню. (Молчу)... — Он тогда много говорил о Вас. Когда-нибудь расскажу.

Четыре месяца молчала. Видела меня на похоронах, слышала мое слово над могилой, нет — еще *ямой!* Знала, как я о нем горюю и — ни слова. И сейчас не сказала. И — скажет ли когда-нибудь? И — то ли скажет?

Я — больше не спрошу.

Как беззащитны умершие! Как рукопись! Каждый может сжечь.

А Головина — уехала, даже не отозвавшись на мое последнее приглашение, — днем, когда ей удобно. И — ни слова привета. Какая она — невоспитанная!

У меня для Вас: 1) Посмертный подарок (о Н<иколае> П<авловиче>, для перевода — если не раздумали),

2) оттиск «Мать и Музыка»⁵ — Вам в собственность. Был еще прелестный платок, который собиралась послать с Головиной, но теперь даже рада: если бы не забыла в метро, завалила бы у себя дома. Она — всяческая *неряха*, а стихи ее, по мне, — *мозговые, homunculus'ные*, — мертворожденные. (Не передавайте Бему, не надо — огорчать!)

Але С<ергей> Я<ковлевич> снял комнату в городе, но живет она в Мёдоне, у знакомых, п. ч. «приятные, веселые, много народу».

Сколько я бы отдала за такую комнату — на 7-ом эт<аже>, почти пустую, — стол, локти, я.

Иногда заходит, — нарядная, веселая, в новом голубом платье, — щебечет... Уверяю Вас, что — ни малейшей трагедии. Я из ее жизни — давно ушла. Была всем — стала ничем.

Бывает редко, сидит недолго, даже не сидит, перебирает вещи, бродит.

— Вот и все. —

Решила свою рукопись о Гронском — расширенную и углубленную — читать на отдельном вечере его памяти. М. б. (сомневаюсь) возьмут «Совр<еменные> Записки» — для черзеследующей книги. Либо — в сербский «Русский Архив»⁶. Жаль, что не пойдет по-русски.

Жду обещанного на красном листочке письма. М. б. — завтра?

Обнимаю.

М.Ц.

«Посм<ертный> подарок» и оттиск «Мать и Музыка» постараюсь выслать завтра. В крайнем случае — в понедельник, ибо надо еще проверить опечатки.

<Преписка на полях:>

— Самое главное: *оказалось*, что я к ней пришла 21-го — в четырехмесячие его гибели. Ноги привели!

97

Vanves (Seine)

33, Rue Jean-Baptiste Potin

23-го апреля 1935 г.,

третий день католической Пасхи

и русский Страстной вторник

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Ничего о Вас не знаю, кроме записочки о переезде — туда же. (Тáк оставаться — значит переезжать. Так, старое все же оказалось лучшим. Вам (нам!) не новая квартира нужна, а старая жизнь: террасы, деревья, тишина, — просто парк Кинского¹. Видели ли Вы, кстати, изумительный фильм, один из лучших за мою жизнь — *Symphonie inachevée* («*Leise flehen meine Lieder*»)* — с *живым* Шубертом?² Не забудьте ответить. Начинается со старой Вены и гитары.

Должно быть Вы, как я, любите только свое детство: то, что было тогда. Ничего, пришедшего после, я не полюбила. Тáк, моя «техника» кончается часами и поездами. (NB! Со светящимся циферблатом, очень удобных, но еще более — страшных, не выношу. На автомобили, самые «аэродинамичные», смотрю с отвращением и т. д.). Даже — такая деталь: почему-то у меня *никогда*, ни на одной квартире, в коридоре нет света. И вдруг, недавно, поняла: — Господи, да у нас в Трехпрудном³ был темный коридор, и я еще всегда глаза зажимала, чтобы еще темней... Ведь это я — *восстанвливаю*.

И жажда деревьев в окне — оттуда, где в каждое окно входил весь зеленый двор, — огромный как луг, настоящий *Hof* — феодальный: с сараями, флигелями, голубятней, и, еще, постепенностью каких-то деревьев сзади, не наших,

* См. перевод на с. 198.

чьих-то, ничьих, кончавшихся зеленоватым рассветным небом, и о которых я *никогда* не узнала – *где*.

Как бы я написала свое детство (до-семилетие) если бы мне – *дали*.

Был мой вечер Гронского⁴. Я за два дня лишилась голоса (глубокая горловая простуда), но отменить уже нельзя было – зал был снят за 2 недели, даны объявления и т. д. И вот, *прошептав* два дня, в вечер третьего – прочла, громко. Сама удивилась, но *чему-то* в себе верила: не подведет. Зал был небольшой, но полный. Было много стариков и старушек. Был Деникин⁵, с *к<отор>ым* Н<иколай> П<авлович> дружил – сначала в Савойе, потом в жизни. Слушали внимательно, но вещь местами не доходила. Аудитория была *проста*, я же говорила изнутри поэмы и *стихотворчества*. А им хотелось больше о нем, а может быть – о себе. Родители отнеслись сдержанно. И С<ергей> Я<ковлевич> и Мур (*порозны!*), оба сказали: — *ревность*. (К *такой* близости). Не знаю. Я сделала все, что могла. Во всяком случае, отец не подошел ни на перерыве, ни после, и не написал ни строки. Мать, *к<отор>ую* я много раз видела, отзывалась сдержанно. М. б., им совсем другого было нужно, даже *наверное*. Я рассматривала Гронского как готового поэта и смело называла его имя с Багрицким⁶ и другими... Им это м. б. было чуждо, они сына – не узнали. Кончилось тем, что сюрпризом отдала две его карточки – впервые отпечатать и увеличить, – подарок на Пасху. Величиной с этот лист. Одну из них, самую лучшую, посылаю. Я знала его – моложе, мягче, с более *льющимся* лицом, менее твердым. Я знала его – между Jüngling и Mädchen*, еще – душою. Мой он – другой. Это – их – всёх.

Но знаете, жуткая вещь: все его последующие вещи – несравненно-слабее, есть даже совсем подражательные. Чем дальше (по времени от меня) – тем хуже. И этого родители не понимают. (Они, вообще, не понимают стихов.) Приносят мне какие-то ложно-«поэтические» вещи и восхищаются.

* Юношей и девушкой (нем.).

И я тоже – поскольку мне удастся *ложь*. Какие-то поющие Музы, слащавые «угодники», подблоковские татары. – Жаль. – О его *книге* навряд ли смогу написать⁷. Боюсь – это был поэт – одной вещи. (А может быть – одной любви. А может быть – просто – медиум.) Я не все читала – отец не выпускает тетрадь из рук – но то, что читала, – *не* нравится. Нет *силы*. Убеждена, что Белла-Донна лучшая вещь. *Бему об этом ни слова*: 1) не хочу, волей-неволей, *влиять* на его оценку 2) боюсь испортить его отзыв о будущей книге (появится в июне) и этим огорчить родителей 3) любопытно – проверить.

– Теперь Вы знаете героя Белла-Донны – спасшегося, чтобы затем погибнуть. Напишите – таким ли Вы его видели по стихам. Эту же карточку родители получают в величину с этот лист, и еще другую, где он у одного из трех озер Белла-Донны. Пасхальный подарок.

Все никак не соберусь выслать «Посмертный подарок», – сколько мелких дел! Но это Вы знаете...

Обнимаю.

М.Ц.

Покажите карточку Бему.

Мать сейчас лепит его большое лицо. А маску не сняла из-за того, что на лице были легкие ссадины. Я бы – сняла. Теперь она жалеет. – Жду большого письма обо всем.

98

2-го июля 1935 г., вторник
La Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
(Не забудьте: France!)

Дорогая А<нна> А<нтоновна>! Вкратце: перед самым концом блистательного учебного года и за 2 недели до нашего *train de vacances** – на юг (вместо 400 фр<анков> – 215 фр<анков> в оба конца) – у Мура стал побаливать живот: – аппендицит – немедленная операция. 14-го его оперировали:

* Каникулярного поезда (*фр.*).

Алексинский¹, еще российское светило. Пролежал 10 дней в Ville-Juif'ском госпитале (евреи – не при чем: старинное название пригорода) и на 14-ый день с Божьей и дружеской помощью, выехали с ним – тем самым поездом – на юг.

Нынче морю и югу – четвертый день. Сняли мансарду – просторное, но – пёкло, пёкло – но просторное – и дешевое: чердак баронессы Врангель², к<отор>ая оказалась моей троюродной сестрой: ее отец, писатель-народник (и врач) – поколения Чирикова, – С.Я. Елпатьевский³ – был двоюродный брат моего отца. Но я – больше взволновалась этим открытием, чем она. (Баронесса она по мужу: не Главнокомандующему⁴, а земскому деятелю⁵, но – очевидно – одна семья). **Хозяева еще в Париже, мы с Муром на чердаке – одни царствуем. Жизнь – тяжелая: продуктов нет (Favière – несколько русских вилл, между прочим – две милюковских, обе заколоченные), за всем нужно в соседний курорт, а мне из-за Мура – невозможно: 6 верст в два конца, а ему вообще, пока, ходить – опасно (17-ый день), а одного оставить – страшно: очень крутая внешняя лестница, – вдруг свалится и разоидется шов? Или на солнце снимет шляпу (неминуемый солнечный удар). Но завтра все-таки пойду, п. ч. ни хлеба, ни марок. (Есть единственная – русская – и даже книжная лавочка, но, естественно, на всем переплачиваешь, а денег – меньше, чем в обрез).**

Вся русская колония знает, что у Мура была операция, здесь все бездельничают – и никто не предложит за ним присмотреть – всего 2 часа, у себя же в саду.

За 1¹/₂ километра с ближайшего ж<елезно->д<орожного> пункта до Фавьер'а с нас взяли 15 фр<анков> – на русском автомобиле. Имущие русские – беспощадны.

Единственный человек, пока, – старушка-докторша, 70-ти лет, сама подошедшая на пляже и предложившая снять Муру пластырь. Она же свела меня с овощником и она же, завтра, ведет меня в Lavandoux – тот ближайший курорт. (Нужно знать тропинку, – дороги – нет).

Море – блаженное, но после Океана – по чести сказать – скучное. Чуть плещется, – никакого морского зрелища. Голубая неподвижность – без событий. пляж – чудесный: песчаный и дно очень долго – мелкое. Вода – изумительного цвета. Но (Вам – скажу) – скучно. Я плохой пловец, – не моя стихия, а лежать для меня – самый тяжелый труд. С Муром же ходить – нельзя, и долго нельзя будет. А какие вокруг горы! Сосна, лаванда, мирт, белый мрамор. И какие – доступные. Я нынче писала С<ергею> Я<ковлевичу>: здешние горы – Чехия, выигравшая 5 милл<ионов> в Национ<альную> Лотер<ею>, но – Чехия: то же обожаемое мною соединение сосны, камня и суши. (Чехия осталась у меня в памяти как один синий день. И одна – туманная ночь.)

Наш сад переходит в горку, немножко нынче с Муром побродили, я сразу влюбилась в какой-то куст, оказался – мирт, – посылаю веточку.

О встрече с Пастернаком⁶ (– была – и какая невестреча!) напишу, когда отзоветесь. Сейчас тяжело – и неуверенно, м. б. Вы уже переехали на дачу и письмо не дойдет? Но все же – надеюсь.

– О многом напишу, о чем не могу писать никому. О том, что я – aus dem Spiel, совсем, aus jedem*. Смотрю на нынешних двадцатилетних: себя (и все же – не себя!) 20 лет назад, а они на меня – не смотрят, для них я скучная (а м. б. «странная») еще молодая, но уже седая, – значит: немолодая – дама с мальчиком. А м. б. просто не видят – как предмет. Горько – вдруг сразу – выбыть из строя – живых.

Вечера – самое тяжелое. Мур в 9 ч. спит, в мансарде – жарко и крохотная керосиновая лампа, на воле темно и писать нельзя. К морю – тоже нельзя. Никуда нельзя. И никого нет. Вокруг русские радостные голоса: – идем? идем! – не забудьте кофточку: свежо! – палку взяли?

И – пошли.

А я хожу – быстрее их!

* Вышла из игры, ...из всякой (нем.).

Мур на берегу — красивый: невероятной длины — ноги, что всегда придает — полет. Очень выровнялся. С увлечением играет в песок и успел уже потерять — *прозевать!* унесло из-под носу — два ведра. Купаться нельзя — полощется. Дай Бог ему здоровья!

Я давно уже выбита из колеи писания. Главное — нет стола, а если бы и был — жара на чердаке тропическая. Но еще главней: *это* (вся я) *никому не нужно*. Это, в лучшем случае, зовется «неврастения». Век меня — миновал. Но об этом — в другой раз. Целую Вас, дорогая Анна Антоновна, и жду быстрой весточки, что — дошло.

М.Ц.

<К письму приколот засушенный цветок>.

99

La Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
12-го июля 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Начну с большой просьбы: подарить мне сто фр<анков>. Я совсем не знаю, что делать: я заехала сюда, а жить не на что, т.е. кормить Мура — не на что. Как раз хватило на дорогу и на первую неделю. Здесь у меня никого нет: русские либо равнодушны, либо (тайно) враждебны. А у С<ергея> Я<ковлевича> просить невозможно: он себя ободрал, чтобы нас отправить. Страшно подкосила Мурина операция — такая неожиданная! — за которую мы внесли 450 фр<анков> (и еще должны 400 фр<анков>, хотя проф<ессор> Алексинский за *операцию* — ничего не взял. Это долг — лечебнице).

Я не говорю о мясе или о рыбе (здесь цены — *курортные*) — мы их здесь и не видели, но масло Муру необходимо, так же, как и сахар. А едим одну картошку, и просвета нет. Просила у Совр<еменных> Зап<исок> аванс — под любую прозу (у меня — три вещи на вы-

бор) — не дали *ничего*. («Касса пуста», и прочие отговорки. Просто — я им не нужна).

Итак, если только можете, дорогая Анна Антоновна, выручите меня еще раз! Тяжело смотреть на разочарованную морду Мура (он после лежания в госпитале, а особенно сейчас, на море, всегда голоден): — Как, опять суп без ничего? А когда же мы будем есть — как в Вандее?

Беда в том, что ни в Фавьере, ни в ближайшем курорте Лаванду́ — нет рынка. Большинство здесь живущих — здесь на пансионе, значит — им дела нет до цен, а ни на какой пансион, хотя бы 20 фр<анков> в день (а здесь есть такие, но — за одного, конечно) мы с Муром не способны, — мы и 10 фр<анков> в день на двоих не тратим, и не можем тратить.

Живем вторую неделю. Я — томлюсь. Сейчас объясню, и надеюсь Вы меня поймете. Мне вовсе не нужно *такой* красоты, *столькой* красоты: море, горы, мирт, цветущая мимоза и т. д. С меня достаточно — *одного* дерева в окне, или моего вшенорского верескового холма. Такая красота на меня накладывает ответственность — непрерывного восхищения. (Ведь сколько народу, на моем месте, было бы счастливо! *Все*.) Меня эта непрерывность красоты — *угнетает*. Мне *нечем* отдарить. Я всегда любила *скромные* вещи: простые и пустые места, которые никому не нравятся, которые *мне* доверяют себя сказать — и меня — я это чувствую — *любят*. А любить — Côte d'Azur* — то же самое, что двадцатилетнего наследника престола, — мне бы и в голову не пришло. (Пришло — Марии Вечере¹, но тому не было — двадцать лет, было за тридцать, а ей — семнадцать, и он не был красавцем — и это она его одаривала!)

...Так же как не могла бы любить премированную собаку, с паспортом высокородженных дедов и бабок (то, из-за чего обыкновенно и любят!)

* См. перевод на с. 176.

Второе: я, из-за Мура, целый день должна сидеть или лежать у моря: на него (море) глядеть: ничего не делать, ибо писать на воле никогда не могла, а читать – это в каком-то смысле – тоже ничего-не-делать.

Третье: у меня здесь никого нет, ни души – для беседы, как у Мура – никого – для игры. Нас русские, явно, бойкотируют. Никто (а много – знакомых, напр<имер> вся семья кн<язей> Оболенских) за 2 недели нас ни разу не позвал к себе – хотя бы на террасу, не говоря о том, что – не зашел. М. б. наша явная *бедность*, – не знаю.

С 9 ч. веч<ера>, уложив Мура, томлюсь. Ведь *весь* день, либо зажигала примус, либо бессмысленно переливала песок из ладони в ладонь. Сижусь в кухне, открыв дверь на лестницу (окна нет), слушаю чужие голоса: кто-то идет на море, кто-то – в гости, – Бог с ними, конечно, – и не мое это «море», и не мои это «гости» и м. б. я бы первая от всего этого веселья отстранилась: слишком много уж женского визгу и мужского хохоту! – но все-таки, каждый вечер сидеть на кухне, без ни-души...

Купаюсь, но мало: я мало люблю – воду: плохо плаваю и сразу замерзаю. Муру доктора разрешили, сняв бандаж, немножко полоскаться. Но и он скучает: играть не с кем, а он в школе привык к детскому обществу.

Наш день: с 7 ч. до 9 ч. – примус, потом я пишу – пока что – только письма: и С<ергею> Я<ковлевичу> – каждый день (он очень о нас беспокоится, и ему я все – хвалю), и разные благодарственные, и просто – дружеские, к 11 ч. – на море, к 1 ч. – домой – есть, от 2 ч. до 4 ч. Мур спит, я – томлюсь, ибо отойти от дому не решаюсь, да и ужасная жара! В этот час – все в домах, итак, томлюсь в той же кухне, к 4 ч. опять на море – до 7 ч. Затем – есть, и к 9 ч. Мур – спать. И так – каждый день, и не знаю, как я так буду жить до 1-го Октября.

Главная беда: у меня нет твердого места для писания: в хорошей комнате, с окном и сосной в нем, спит Мур (днем и с 9 ч. веч<ера>, а в кухне – нет окна, и вся еда, и лук, и жара от примуса, и стол – непоправимо, целиком расшатанный, на к<о-тор>ый гляжу с отвращением, всячески – взглядом – обхожу.

Еще беда, что здесь нет органического населения: что я, всегда, так люблю, — ни одного старого дома, ни одной старой стены: только дачи и дачники, не считая нескольких француз<узских> ферм, тоже — со вчерашнего дня. Это — эмигрантский поселок в сосновом лесу. Зажиточно-эмигрантский, т. е. *буржуазный*. (Рядом со мной 2 дачи Милюкова, где никто не живет — и не будет жить.) Мы в этот поселок *не* вошли: здесь все — либо хозяева пансионеров, либо пансионеры. Мы — сбоку, на вышке чужого (пока — пустого) дома, — как на маяке.

Если не сразу ответите, на эту часть моего письма — не отвечайте вовсе, — может быть, к нам недели через две придет С<ергей> Я<ковлевич>, он может спросить: — А что пишет А<нна> А<нтоновна>? — Мне придется прочесть, и он узнает, что мне здесь плохо, а я — не хочу: он так старался устроить нам этот отъезд!

Пишите о себе. Нашли ли дачу? На новом ли месте или на прежнем? Как здоровье Вашей матушки? Все ли Вы вместе? — Пишите о душевном: главном.

Обнимаю Вас и очень прошу простить за просьбу.

М.Ц.

<К письму приклеен засушенный цветок с надписью> — Цветок олеандра.

100

La Favière, par Bormes (Var)

Villa Wrangel

11-го августа 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Я недолго жила в Чехии и собственно жила не в Чехии, а на краю деревни, так что жила в чешской *природе*, за порогом культуры, т. е. природы + человека, природы + народ.

И руку на сердце положи – люблю. Люблю бескорыстно и безответно – как и полагается любить. И – может быть – даже безнадежно, ибо: увижу ли еще когда? (Люди, когда *безнадежно* – перестают любить.) То малое, что я видала от Праги – так далеко живя – навсегда для меня включилось в Märchen meines Lebens*, как свою жизнь назвал Андерсен¹. А Пражский Рыцарь – навеки *мой*.

Еще расскажу Вам: иногда в T.S.F.² слышится музыка, от которой у меня сразу падает и взлетает сердце, какая-то повелительно-родная, в которой я *всё* узнаю – хотя слышу в первый раз. И это всегда – Сметана³. Вообще – чешское. Так я под прошлое Рождество прослушала целый концерт чешских народных песен – нечаянно попала – и была заворожена.

Ваша русская пианистка (простите!) – бревно, ей бы столбом рояля стоять, а не сидеть за клавиатурой. Народ – *весь* – в пении, а чешский народ *есть* пение, знак равенства.

Но – будьте уверены – Ваши соседи-патриоты и своей Patria** не знают, разве что казачий хор по граммофону и несколько *мелких* рассказов Чехова. Ибо – знающий Россию, *сущий* – Россия, прежде всего и поверх всего – и самой России – любит *всё*, *ничего* не боится любить. Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие *любви*. И если есть тоска по родине – то только по безмерности мест: отсутствию границ. Многими же эмигрантами это подменено ненавистью к *загранице*, тому, что я из России глядя, называю заморщиной: заморьем. Вспомните наши сказки, где *всегда* виноград, которого ни одна баба в глаза не видала. И *всегда* – орел. И *всегда* – в самых степных местах возникшие – *горы*, да еще свинцовые или железные. – *Мечта*. –

А вот эти ослы, попав в это заморье, *ничего* в нем не узнали – и не увидели – и живут, ненавидя Россию (в лучшем случае – не *видя*) и, одновременно, за границу, в тухлом и затхлом самоварном и блинном прошлом – не историческом,

* Сказку моей жизни (нем.).

** Родины (лат.).

а их личном: чревном: вкусовом: имущественном, — обывательском, за которое — копейки не дам.

Презрение к Чехии есть *хамство*. И больше ничего. Жаль только, что чехам приходится так долго таких гостей терпеть.

Недавно, на пляже — пристаёт лодка. Трое в купальных костюмах: отец, мать, дочь. (Все молодые.) Слышу родное, но не русское. И вдруг, к своему удивлению, хотя не русское — все понимаю. — Чехи! — (Удивилась, п. ч. не ждала, Фавиер — не курорт: глухой уголок.) Было приятно смотреть как они радовались. Вот уж воспользовались «зámорьем»! Нырjali, валялись в песке (как дети, как собаки!) лазили на камни, скакали с них в воду, всё это громко крича и даже визжа и совершенно не думая о зрителях. Потом по команде отца вскочили в лодку и совершенно мокрые, песочные и счастливые — отплыли — поплыли. Больше я их не видала. Очевидно на своей лодке объезжали всю Côte d'Azur. — Какой-нибудь чиновник, наверное долго мечтавший и копивший — и ждавший, чтобы дочь кончила школу.

Сейчас у нас С<ергей> Я<ковлевич> — на короткий срок. В первый же день, воровски уйдя на море (уже был с нами и купался) сразу заснул — и спал неизвестно сколько — и дико обжегся: ночь — [одно слово *нрзб.*], жар, тошнота, — солнечный удар. Следующий день пролежал, а через следующий провел в тени, на третий же обошелся, — но жаль: из 10-ти дней потерял два — и все из-за непослушания, ибо от 2 ч. до 4 ч. на море — самое *пекло* и никто, даже собаки не выходят из тени.

После С<ергея> Я<ковлевича> приезжает Аля, к<отор>ая сейчас гостит в Савоие, в том замке-пансионе, где однажды долго лечился С<ергей> Я<ковлевич>.

В следующий раз напишу о короткой и прелестной встрече с русской швейцаркой⁴, д<окто>ром Базельского Университета, которая мне напомнила Вас.

Я здесь (тьфу, тьфу, не сглазить!) до конца сентября, так что еще долго можно писать сюда.

Спасибо за все, обнимаю Вас, сердечный привет и желанье здоровья и хорошего конца лета всем Вам. Есть ли у Вас зверь? (Собака, кошка, хотя бы чужая)

Пишите.

М.Ц.

101

France

La Favière, par Bormes (Var)

31-го авг<уста> 1935 г., суббота

Дорогая Анна Антоновна,

Началось с того, что разлила на хозяйскую клеенку чернила — и час замывала — я во всех таких работах неловка́ и тщательна: в шитье, в мытье... Неловкость — мужская, тщательность — немецкая. Подвела — чернильница: яблоко ванька-встанька, с очень небольшим вместилищем для чернил: я нечаянно налила с краем и желая перелить обратно в бутылку — что́ невозможно: лить из яблока! — залила́ — стол. — Ну́ вот. —

Сейчас — наконец!! — вечер, и если бы не качкий стол — все было бы хорошо. Вторую неделю здесь живет Аля — даже не здесь, а через три дома — и все же изводит меня до головной боли — пустой болтовней, хихиканьем, дразнением Мура, непрерывным напеваньем (чего не выношу!), аккуратными запаздываниями к каждой еде, ленью, — напр<имер> упорным отказом участвовать в фильме с платой 25 фр<ранков> в день и полным содержанием — участвует статистами вся местная молодежь и многие уже заработали по 300 фр<ранков> — «Не хочется». Зная, что отец — надрывается. Да и я. — Кроме быта, в котором нестерпима и возмутительна: вытирает посуду чуть ли не половой тряпкой, а выстирать — «как-

нибудь»... т.е. за 10 дней не удосужилась: еле терплю! кроме быта — есть еще внутреннее: неприемлемое. Уезжает один или *одна* — сразу дружит, т. е. непрерывно проводит время — с другим, одна не остается ни часу, — все равно с кем — лишь бы болтать и хохотать. (Со мной почти не бывает, — только за едой и — изредка — на прогулках. Ей со мной — *неинтересно*). Отцу, к<отор>ый с величайшим трудом устроил ей эту поездку, за 10 дней не написала ни разу, — всем, кроме него. Она — *неверная*. Я ей ни в чем не верю, ни ей — ни в нее.

Жить зимой я с ней *не буду*: уйдут остатки сердца (физического). Мура непрерывно учит глупостям и он при ней — просто *труден*. Напр<имер>, каждый раз как спать — смешит, доводит до хохота, зная, что он нервен, а главное — видя, как я извожусь. Иногда — просто ее выгоняю.

Она *не зла, но недоразвита морально*: ни ответственности, ни обязанности, ни воли, ни верности.

Других — чарует. Заговорит — хоть кого.

Причем — *с виду, с боку* — виновата — я: я громко говорю, ее — не слышно. И — главное — она молода и привлекательна, я — ни то, ни другое — и у всех мужчин права́ будет — она. (Я — тиран, тяжелый характер, нелюдим¹, — она полна радости и прелести — и т.д., не зная, что «тяжелым характером» меня в большей степени сделали последние годы — с ней).

Нет, *жить с ней я больше никогда не буду*.

(Кроме всего, у нее еще смутное поползновение — думаю: *инстинкт* — отбивать всех моих друзей — как кошка. Там, где это *невозможно* — в силу настоящей ко мне привязанности — она просто не бывает. Но там, где — начало дружбы — она сразу налицо, — а меня *легко* вытеснить: когда я вижу, что человек — мне: моим стихам, душе (больше у меня нет *ничего*) предпочел болтовню и молодость (ибо больше у нее нет *ничего*, ибо остальное — *мое, сильно ослабленное*), часу со мной — час с

ней — я не оглядываюсь: для меня человек — *осужден*. Вы скажете — гордыня. Да. Она. Но *она*, а не смирение, спасала, спасает и спасет меня *всегда* — от *всего*: не только низостей (не соблазнялась!) — но от малейшей *défaillance**.

— На пляже много молодых чудесных лиц — юношеских. А я все-таки — поэт. И *еще* — женщина. И ни одного *укола* сожаления — что меня никто уже не будет любить — никогда, что я — не в счет: потому что у меня взрослая дочь и седые (незакрашенные!) волосы.

Мне — смешно (иногда — с добротой). А сколько — голову бы себе разбили! И — разбивают! Гляжу на все это — из такого далёка. Без сожаления. Без вожделения.

...Брала истлевшие листы
И странно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...²

Так ли будет смотреть Аля — через 20 лет?
Бог с ней.

Сейчас она «отбила» у меня одного моего молодого — моложе меня на 10 лет — собеседника³, каждый вечер до ее приезда приходившего ко мне на лестницу — поглядеть на звезды. Теперь не приходит — никогда, ибо весь день с ней не растает: «проводит время»⁴. Мне не жаль (ибо это оказался — *хлам*), мне презрительно. На нее и на него.

Ты — сей руки своей лишусь:
Хоть двух! — губами подпишусь
На плахе. — Распрь моих земля:
— Гордыня! — Родина моя!⁵

М.Ц.

* Слабости (фр.).

Спасибо за все. Простите эгоцентризм письма: вопль души. Но этот вопль — к Вам.

Здесь мы до 25-го сентября.

102

Vanves (Seine)

33, Rue Jean-Baptiste Potin

30-го сентября 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо в Фавьере получила последним, — прямо в последнюю минуту, так что читала его уже в вагоне.

Переезд был трудный и сложный, — я с 18 лет путешествую с кастролями (дети!) — но море до последней минуты было блаженно-синим, и часть моей души — надолго там.

Итог лета: ряд приятных знакомств (приятельств) и одна дружба — с молодым русским немцем — в типе Даля, большим и скромным филологом, — о нем был отзыв в последней книге Совр<еменных> Записок: специалист по русскому языку XVI в. с странной фамилией (Унгеб) — вот и ошиблась: Унбегаун¹.

У него милая молодая шалая жена² — такая же жгуче-черная, как он — белый, и так же страстно танцующая, как он — пищущий. Кончится плохо, ибо пишут наедине, а танцуют — с кем-нибудь. Он допишется до славы, а она дотанцуется — до *непишущего*.

Итог другого лета — не людского — три пробковых пояса из таких вот [нарисованы два концентрических кружка. — *Примеч. сост.*] круглых аккуратных пробочек от сетей, морем выброшенных и мною подобранных, и благодаря им — полная свобода в воде — как на земле, свобода в страшной для меня стихии воды. Могу сказать, что плавала даже не в море, а *над* морем (я очень мало вешу, так что пояса меня

выносили) – вроде хождения по вода́м. И целые связки эвкалипта, мирта, лаванды. И еще итог – несколько стихов: немного, и половина поэмы (о *невице*: себе)³ – чудный мулатский загар, вроде нашего крымского. Люди думают, что я «помолодела», – не помолодела, а просто – вымылась и, на 40–50-градусном солнце – высушилась. Много снимали, но проявлять будем здесь – там было втридорога. Непременно пришлю карточки, – *и* свою.

Дом в ужасном виде (без меня хозяйничали С<ергей> Я<ковлевич> и переехавшая из города Аля) – уборки на добрую неделю.

Аля прожила с нами месяц – в отдельной комнате, но обедала и т. д. с нами – и *ни разу* не пришла вовремя, заставляя греть и ждать. Но в общем вела себя сносно. Сейчас, до 15-го, живет у нас, – потом переедет в город. У Мура завтра начинается школа. На Ваш подарок (огромное спасибо!) купила ему все школьное: тетради, карандаши и т. д. Он страшно рвется в школу и совсем не оборачивается на Фавьер, – вот уж не в меня! Я в его возрасте, да и раньше, – с тех пор как себя помню – прощалась с каждым деревом, с каждой тропинкой, с каждым видом, – он все последнее утро читал дрянной бездушный комический детский журнал. – Другая раса. –

Но – не надо об этом.

Получила от той, что Вас напоминает (Frau D<okto>r Elsa Mahler, Basel*⁴, – в Праге ее знают филологи) – сказки Андерсена в изд<ательстве> Reclam, – я как-то при ней сказала (длилось это всего 3 дня), что скупаю без Андерсена – и вдруг – подарок! Ваш жест.

Кати Кист я не видала, ибо приехала только 29-го, а Юлия (сестра) совсем поселилась с О. Сергием (Булгаковым) в порядке духовной дочери, а жена – выеха-

* Госпожа доктор Эльза Малер, Базель (нем.).

ла, живет с сыном⁵. Старая жена, преданная и глубоко-обиженная. Юлия, конечно — умнее, но *добрее* — та. Она летом была в Фавьере, и часто — такие фразы: «Почему Юлия не увезла О. Сергия в горы? Ему бы так полезно»... или: — «Не знаю, *мне* этот институт духовных дочерей — *не по сердцу*...» (Еще бы!)

Кончаю, даже обрываю, ибо хочу, чтобы письмо пошло нынче же: обрываю — и обнимаю.

М.Ц.

103

Vanves (Seine)

65, Rue J.-B. Potin

28-го декабря 1935 г., суббота

С наступающим Новым Годом,
дорогая Анна Антоновна!

Встречу его, по-видимому, одна — с спящим или неспящим Муром и сторожащим мое окно каштаном — *скоро!* уже зеленым (для меня *сущее*, — сейчас зима, например, — уже всегда *прошло*: вплоть до жизни!)

Предлагают идти на вечер русск<ого> Красного Креста (помощь политическим, вся интеллигенция)¹ — и на вечер Союза возвращения (где я *никогда* не была!)² — но для первого у меня нет денег (там нужно: *нравственно* нужно — тратить, ибо весь сбор — тюрьмам), а для второго — охоты, да вообще нет охоты *на* люди, *в залу*. Год — вещь серьезная, нужно Ehrfurcht*.

Со всех сторон слышу вопросы: правда ли, что Ваша дочь едет в Россию? — И уже раскрыв рот для

* Благоговение (нем.).

правдивого ответа, сразу его закрываю: конфликт между естественным, рожденным состоянием прямо́ты и правды — и страхом предать «своих». (*Физически*. Вернее, что касается Али: *фактически* — своего: в ней *ничего* моего: ни кровинки). Правда была бы: — «да, собирается... Т.е. все время проводит среди возвращенческой молодежи, где, ввиду культурного превосходства и приятной наружности, имеет *легкий* успех... Не верит — ни во что. Убеждений — никаких. *Стыда* — никакого. *Совести* — никакой. *Достоинства* — никакого. Поэтому-то и «собирается», а не — едет. Ибо — ехать: ехать на *работу*, а работать — не желает, кроме как языком болтать. Очень удивлена буду, когда и если действительно уедет. Впрочем, возможно, что как «парижанка» и дочь своих родителей (нас обоих в России, во всяком случае — в Москве — знают, и с *хорошей* стороны) — устроится и без работы, т.е. «удачно» выйдет замуж: с прицелом, — помяните мое слово: непременно за *имя*, а имя там — положение, и т. д.

Моей блаженной семнадцатилетней глупости — да и всей жизни — глупости! — она *не* повторит.

Продолжает жить дома — у отца нет денег — отдельно ее содержать, а работать — *не* хочет, итак, живет дома, верней, с утра до вечера «гуляет» (сюда включаю и всю союзную ее «деятельность»: доклады, по сов<етским> газетам, о советской матери и ребенке, лекции по Политграмоте, — все это на шаромыжку, пользуясь низким уровнем слушателей, — да и память у нее отличная) — ходит по гостям, домой возвращается в час, утром валяется, шляется от зеркала к зеркалу (кстати: 22 года! — *красится*: и губы, и щеки — недавно случайно встретила ее в дешевом магазине — Uni-Prix — прямо пожар, а не лицо!). И все это под аккомпанемент изречений из Бухарина³ или Сталина.

Я ни одного вечера не свободна, никуда и никогда не могу без Мура уйти, вообще живу в предельном унижении — если бы что-нибудь внешнее могло меня унижить.

Мур живет разорванным между моим *гуманизмом* и почти что *фанатизмом* — отца. Уже судит того и другого, не в смысле: *осудить, а рассудить* («рассуди ты нас», как в сказках, т. е. — кто прав?)

Растет с *развращающим* примером Алиного безделья и бессовестности. Она для него — *яд*.

Очень серьезен. Ум — острый, но трезвый: *римский*. Любит и волшебное, но — как гость.

По типу — деятель, а не созерцатель, хотя для деятеля — уже и сейчас *умен*. Читает и рисует — неподвижно — часами, с тем самым *умным* чешским лбом. На лоб — вся надежда.

Менее всего развит — *душевно*: не знает *тоски*, совсем не понимает.

Лоб — сердце — и потом уже — душа: «нормальная» душа десятилетнего ребенка, т. е. — зачаток. (К сердцу — отношу любовь к родителям, жалость к животным, все элементарное. — К душе — все беспричинное болевое.)

Художественен. Отмечает красивое — в природе и везде. Но — не пронзён. (Пронзён = душа. Ибо душа = боль + всё другое).

Меня любит как свою вещь. И уже — понемножку — начинает ценить. **Часто и даже почти всегда — защищает. Видит мое унижение.**

О себе: так как выгребаю и топлю три печки, стираю на троих — всё, хожу на рынок, готовлю, мою посуду и т. д. — прислуга за всё и на всех — пишу мало, урывками, последнее время — стихи. Весной будет легче: отпадет весь уголь и вся зола. **(Я бы и золу любила — и все — да и любила:**

в Сов<етской> России — и в Чехии — и в сказках — если бы меня на нее не *обрекали*, если бы рядом со мной не зевали, не потягивались, не хихикали и не красовались — *та́*, старшая сестра из сказки, которая — на бал⁴. (Я сейчас вспомнила расхождение Ж. Занд и Шопена — из-за дочери Ж. Занд, с нарядным именем — Solange — Шопен считал, что Ж. Занд *холодно* к ней относится (NB! девушка была — *как лед*). Другие же биографы Ж. Занд предполагают, что она хотела Шопена у матери — отбить: не любя, конечно — из спорта: утвердить *власть*. Так или иначе Ж. Занд и Шопен, Ж. Занд и «Solange» — разошлись, и не сошлись уже — никогда. Если бы меня любил — скажем, по старой памяти — Борис Пастернак — Аля *всегда* была бы у него права, а я — виновата: ибо ей 20 лет. И кончилось бы так же.

Вот Вам, дорогая Анна Антоновна — пример: **образец**.

Я — *годы* — дружу с Верой Буниной, урожденной Муромцевой, бывшей подругой моей Halbschwester* Валерии, ученицей, по истории искусств, моего отца, — счастливейшие дни своей жизни проведшей в *нашем* доме в Трехпрудном — Вы наверное о нем читали. Познакомилась и подружилась я с ней — здесь. Она мне написала, я отозвалась — и пошло, и продолжается, и никогда не кончится — ибо тут нечему кончатся: всё — вечно⁵.

Вы, м. б., знаете, что у Бунина — лет 10 как молодая любовь (приемная дочь? роман? — *любовь*) — бывшая пражская студентка, Галина Кузнецова⁶. Живет с ними, ездила с ними в Швецию, *ихняя*. Вера стерпела — и приняла. Все ее судят, я — восхищаюсь: Бунин без нее, Веры, не может, значит — осталась: поступила, как *мать*.

С Галиной я — вежлива.

С Буниным у нас дружественные отношения, без близости: прихожу к *Вере*.

— Ну́, вот. —

* Сводной сестры (нем.).

Недавно, на моем вечере стихов⁷, Бунин у кассы познакомился с Алей, не зная, что моя дочь. — «Милая барышня» — и так побеседовал, прошептал с ней мин<ут> 10. В антракте — опять к ней. Тут — выяснилось. Всю вторую часть в залу не входил, сидел с ней у кассы. Тут же пригласил ее к себе — *на завтра* — обедать.

Весь обед (по ее отрывочным, торжествующим рассказам) был занят ею одной, провожал до лифта (этого с ним *не бывает*) и — как выяснилось только сегодня, накануне) — пригласил ее на следующее воскресенье в кинематограф.

Ему — 67 лет, ей 22, т. е. *второе*.

Что? Душа? («Милая бырышня»...) Ум? — Нет, *двадцать лет*.

И вот я *постепенно* начинаю понимать: прозревать. Я всю жизнь была — *душою*. И в двадцать лет. И — в два. Я была *красивее Али*. Но если бы мне большой писатель сказал: — «Милая барышня...», я бы и в 15 лет ответила: отменила: — Меня зовут — *Марина* — (и, подумав:) — Ивановна. (Bin weder Fräulein, weder schön — kann ungeleitet nach Hause gehen!*) Потому меня *не* любили. (Так — мало! так — вяло!) По-муж-ски — не любили. Даже — *тогда* (Души любили, души — любили: поэты, одинокие старики, собаки, чудачки...)

Забыла прибавить, что сейчас Кузнецова в отъезде, кажется где-то лечится... а м. б. — другое: устала. Словом, *ее* в доме давно нет. И Аля это знает.

Поэтому я и говорю: ни малейшего собственного достоинства. Ей — лестно. И — особенно — лестно: уязвить меня, которую Бунин *никогда* не приглашал. Завтра (воскресенье, 29-го) у нас гости — Фаворские, друзья Унбегауны и Замятины⁹, он и она. И Аля, *в последнюю* минуту: — А я у Буниных. Мы с ним сговорились в кинематограф. — Почему раньше не сказала? — Говорила. — В первый раз слышу, иначе бы не звала всех на 29-ое. — Значит, Вы плохо слышите.

* Я и не барышня и не мила,

Дойду без спутников домой, как шла! (Пер. с нем. Б. Пастернака).

Это – *русалка*: и лед души, и лед глаз, и вечный хохот, и желание *заиграть*. Она *никого* не любит.

Кончаю. Стемнело. Бегу на почту опускать – хочу (хоть письмо и невеселое!), чтобы получили к Новому Году. (А м. б. лучше – еще в этом? ибо *нового* в письме – ничего. «*Es ist eine alte Geschichte*»...*)

Целую Вас, помню, *очень* жду весточки.

Дай Вам Бог в Новом Году – того же, что и мне: душевного покоя. Лучше – не знаю ничего.

М.Ц.

104

Vanves (Seine)
65, Rue J.-B. Potin
20-го января 1936 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Тогда с наступающим, ныне – с уже идущим.

Ваше большое письмо получила.

О таком (ручно-умственном) объединении мечтаю уже давно, хотя бы в самой элементарной форме: кто-то читает, я – шью. Но мне никто не читает, Муру – некогда (школа, уроки), С<ергея> Я<ковлевича> и Али нет никогда. Сiju вечерами и до одурения вяжу – уже три месяца – Муру огромное одеяло из всех остатков шерсти (Аля раньше много вязала на заказ. **Пока пол ей не ударил в голову – и в руки!**)

Ручной труд есть – круг (вокруг лампы, лучше – керосиновой, на тяжелой *лапе*, была у нас такая в Трехпрудном, – медная: медведь лезет в улей). Кстати «Трехпрудный» – в моих вещах – Трехпрудный переулок, где стоял наш дом, но это был целый мир, вроде имения (*Hof*), и це-

* «Это одна старая история»... (нем.)

лый психический мир – не меньше, а м. б. и больше *дома Ростовых*¹, ибо дом Ростовых + еще сто лет.

Еще в 1909 году – совсем девочкой – я писала.

Засыхали в небе изумрудном
Капли звезд – и пели петухи...
Это было в доме старом, в доме – чудном...
Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном –
Превратившийся теперь в стихи!²

Это я писала, еще будучи *в нем*, но уже зная, чуя...

А потом – 1919 г. – стоим с уже 6-летней Алей – перед нами: окна залы, и видим, как на подоконниках, из глиняных мисок, чужие люди хлебают вареную *воблу*.

А потом – 1920 г. – стою перед ним – и *нету*. Закрываю глаза – есть, открываю – нет: одни развалины камина торчат. – Снесли на дрова, ибо был деревянный: из мачтовой строевой сосны. Было ему – около 100 лет. Его старик Иловайский (дед моих старших Halbbruder и Halbschwester*) дал в приданое своей дочери Варваре Димитриевне, когда выходила замуж за моего отца.

Значит – *не мой* дом, и получил его после отца в наследство брат Андрей**³, но любила и воспела его – я.

Видите – как далеко заводят: ручной труд и ламповый круг!..

Мне хорошо только со старыми людьми – и вещами. Из молодости люблю только молодую листву и траву.

Сейчас – *культ* молодости. В мое время молодость себя стеснялась. Сейчас: «мне 20 лет – кланяйся в ноги!»

А я не кланяюсь – п. ч. это – кумир. На глиняных ногах, п. ч. *завтра* 20-летнему будет сорок лет, как мне – *вчера* – было двадцать.

* Сводных брата и сестры (нем.).

** Умер в 1932 г. в Москве, от туберкулеза (притиска Цветаевой).

Хвастаться титулом – хвастаться состоянием – хвастаться молодостью. Но первое и второе хоть – если не твоя – то чужая заслуга! – Хоть *чей-то* – труд. Там – кичиться чужим титулом, здесь – обыкновенным ходом вещей, вне человека лежащим, то же самое, что гордиться – солнечным днем.

Помимо всего – мне с молодыми скучно – п. ч. им *с собой* скучно: оттого непрерывно и развлекаются.

Аля *месяцами* ни вечера не проводит дома: «собрания», «лекции» (меньше всего – лекции, п. ч. там нужно – слушать), «репетиции» – больше всего репетиции, п. ч. повторение чужих слов – громких.

Презираю всякое любительство как содержание жизни. А здесь она жертвует *моей* свободой: я *никогда* не могу уйти вечером, ибо она – *всегда*. А «отпрашиваться» у нее – нет, я – *феодал*. Кроме того, она все равно сошлетя на «репетицию» и уйдет, т. е. наплюет. (Вчера, кстати, был их спектакль, и С<ергей> Я<ковлевич> – бывший (я – не была) говорит, что она совсем не дала образа серьезной девушки – химички. (Ставили пьесу «Чудесный сплав»⁴ – м. б. Вы видели).

А теперь, дорогая Анна Антоновна, увидите нас с Муром на лестнице нашего фавьерского скворечника – видите, какая крутая? С нее я ежедневно сносила стол (с чернильницей, книгами и тетрадями) – в сад, пока Мур, днем, спал. И вот однажды полетела и страшно ссадила себе руку – хорошо, что не голову! Скоро пришлю другую карточку, где я в повязке. Шрам д<о> с<их> п<ор> не прошел.

Карточек – много: выкупила их нынче на Вами присланное, и теперь в каждом письме будет по карточке.

Пока же – обнимаю Вас и спешу на нашу ванвскую почту, чтобы нынче ушло. Пишите!

М.Ц.

Vanves (Seine)
65, Rue J.-B. Potin
15-го февраля 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Когда я прочла *Furchtlosigkeit** – у меня струя по хребту пробежала: *бесстрашие*: то слово, которое я все последнее время внутри себя, а иногда и вслух – как последний оплот – произношу: первое и последнее слово моей сущности¹. Роднящее меня – почти со всеми людьми! Борис Пастернак, на к<оторо>го я *годы* подряд – через сотни верст – оборачивалась, как на второго себя, мне на Пис<ательском> Съезде² шепотом сказал: – Я не посмел не поехать, ко мне приехал секретарь С<тали>на, я – испугался. (Он страшно не хотел ехать без красавицы-жены, а его посадили в авион и повезли.)

...Не знаете ли Вы, дорогая Анна Антоновна, хорошей гадалки в Праге? Ибо без гадалки мне, кажется, не обойтись. Все свелось к одному: ехать или не ехать. (Если ехать – так *навсегда*).

Вкратце: и С<ергей> Я<ковлевич> и Аля и Мур – рвутся³. Вокруг – угроза войны и революции, вообще – катастрофических событий. Жить мне – одной – здесь не на что. Эмиграция меня *не* любит, Посл<едние> Новости (единственное *платное* место: шутя могла бы *одним* фельетоном в неделю зарабатывать 1800 фр<анков> *в месяц*) – П<оследние> Нов<ости> (Милюков) меня *выжили*: не печатаюсь больше *никогда*⁴. Парижские дамы-патронессы меня терпеть не могут – за независимый нрав.

Наконец, – у Мура здесь никаких перспектив. Я же вижу этих двадцатилетних – они в *тупике*.

В Москве у меня сестра Ася, к<отор>ая меня любит – м. б. больше чем своего единственного сына⁵. В Москве

* *Бесстрашие (нем.)*.

у меня – все-таки – круг настоящих писателей, *не* обломков. (Меня здешние писатели *не* любят, *не* считают своей.)

Наконец – природа: просторы.

Это – за́.

Против: Москва превращена в Нью-Йорк: в *идеологический* Нью-Йорк, – ни пустырей, ни бугров – асфальтовые озера с рупорами громкоговорителей и колоссальными рекламами: нет, не с главного начала: *Мур*, к<оторо>го у меня эта Москва сразу, всего, с головой отберет. И, второе, главное: я – с моей *Furchtlosigkeit*, я *не* умеющая не-ответить, я не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо *не* я его назвала великим и – если даже велик – это не мое величие и – м. б. важней всего – ненавижу каждую торжествующую, казенную церковь.

И – расстанусь с Вами: с *надеждой* на встречу! – с А.И. Андреевой, с семьей Лебедевых (больше у меня нет никого).

– Вот. –

Буду там одна, без Мура – мне от него *ничего* не оставят, во-первых п. ч. всё – во времени: здесь после школы он – мой, со мной, там он – их, всех: пионерство, бригадирство, детское судопроизводство, летом – лагеря, и всё – с соблазнами: барабанным боем, физкультурой, клубами, знаменами и т. д. и т. д.

Алю я — уже потеряла. Она — чужая. Чужая — всей природой. После длительного самообмана родства — полная чужость. (Помимо непереносности, нестерпимости совместной жизни — лень, мелкая ложь, издевательства в лицо — говорю о самой сущности, вне взаимоотношения). А в Москве отпадет и Мур — по-другому, физически, фактически.

Может быть – так и надо. Может быть — последняя (-ли?) *Kraftsprobe*?* Но зачем я тогда – с 18 лет растила детей?? Закон природы? – Неутешительно. –

– Сейчас, случайно подняв глаза, увидела на стене, в серебряной раме, лицо Сигрид Унсет – *un visage revenu de tout*** –

* Проба сил (нем.).

** Лицо человека, отрешившегося от всего (фр.).

никаких самообманов! И вспомнила – Kristin⁶, как от нее постепенно ушли все дети и как ее – помните, она шла на какое-то паломничество – изругали чужие дети – так похожие на *ее!*

Ну, вот. Как же без гадалки? Погадайте на меня, за меня! (Француженкам я *не* верю: *ясно видят* – только вещь в витринах!)

Положение двусмысленное. Нынче, напр<имер>, читаю на большом вечере эмигрантских поэтов⁷ (*все* парижские, вплоть до развалины Мережковского, когда-то тоже писавшего стихи). А завтра (не знаю – когда) по просьбе своих – на каком-то возвращенческом вечере⁸ (NB! те же стихи – и в обоих случаях – безвозмездно) – и может выглядеть некрасивым.

Это все меня изводит и не дает серьезно заняться ничем.

Обрываю письмо, чтобы сразу отправить. Могла бы писать Вам не отрывая пера еще два часа, – но сделаю это в другой раз, сейчас это только отклик.

М.Ц.

Сердечно радуюсь (тьфу, тьфу, не сглазить!) намечающейся удаче с обществом. Непременно закажу у Вас словацкий ковер – надеюсь, рисунки будут старые? Напишите подробнее.

Очень жду ответа и совета (знаю – как трудно !!) Простите за эгоизм письма, но мне *не с кем*, некому говорить. Обнимаю и благодарю за все.

М.Ц.

Есть еще три карточки, и еще будут...

Vanves (Seine)
65, Rue J.-B. Potin
19-го марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Последние мои сильные впечатления – два доклада Керенского о гибели Царской Семьи (всех было – три, на первый не попала)¹. И вот: руку на сердце положá скажу: *невинен*. По существу – невинен. Это не эгоист, а эгоцентрик, всегда живущий своим данным. Так, смешной случай. На перерыве первого доклада подхожу к нему (мы лет 7–8 назад часто встречались в «Днях», и иногда и в домах²) с одним чисто фактическим вопросом (я гибель Царской Семьи хорошо знаю, и К<ерен>ского на себе, себя – на нем (NB! наши знания) проверяла) – кто был при них комиссаром между Панкратовым и Яковлевым. – Никого. Был полковник Кобылинский. – Но он же не был комиссаром. – Нет. Комиссара три месяца не было никакого³. (И вдруг, от всей души): – Пишите, пишите нам!! (Изумленно гляжу. Он, не замечая изумления, категорически): – Только не стихи. И не прозу. Я: – Так – что же?? – Общественное. Я: – Тогда *Вы* пишите – поэмы!

Он – *слепой* (слепой и физически, читает на два вершка от книги, но очков носить *не* хочет⁴). Увидел меня: ассоциация: – пишет, а *писать* – значит – общественное (...«нам») в его возгласе означало – в новый, его, журнал⁵ – не знаю, как называется).

О докладе, в двух словах: хотел *спасти*, в Царском Селе было *опасно*, понадеялся на тишину Тобольска⁶. О Царе – хорошо сказал: – «Он совсем не был... простым обыкновенным человеком, как это принято думать. Я бы сказал, что это был человек – либо *сверхъестественный*, либо *подъестественный*...» (Говорил это по поводу его *невозмутимости*).

Открыла одну вещь: К<ерен>ский *Царем* был *очарован* – как все хоть раз с ним говорившие, и Царь был К<ерен>-ским – *очарован*, ему – *поверил* – как вся Россия.

Царицы К<ерен>ский не *допóнял*: *тогда* – совсем не понял: сразу оттолкнулся (как *почти* все!), теперь – пытается, но д<о> с<их> п<ор> претыкается о ее *гордость* – *чисто* – династическую, к<отор>ую, как либерал, понимает с трудом. Мой вывод: за 20 лет – вырос, помягчал, стал *человеком*. Доклад – хороший: сердце – *хорошее*.

Публика на втором (последнем) докладе ставила вопросы и возражала. Был вопрос: – Почему Вы из России бежали и правда ли что в женском платье? – но он на него (было за полночь и зал закрывали) *не успел* ответить. **Отвечает – блистательно и с обезоруживающей правдивостью.**

Этот человек – куда *лучше* всех «гениальных», «великих», «незабвенных» тамошних – вместе.

Это – *человек*. (Спаси нас Бог от правящих «Гениев»! **Последний** – Наполеон).

Второе: смерть поэта Кузмина, Михаила Кузмина – петербургского, царскосельского, последнего близкого друга Ахматовой⁷. Я его встретила раз – в первых числах, а м. б. и 1-го января 1916 г. – последнего года старой России. В Петербурге. В полную *вьюгу*. В огромной (домашней) *зале*.

Сейчас – пишу: его – и себя тогда. Он был на 20 с чем-то лет меня старше: такой – тогда, как я – теперь. Доклад К<ерен>ского о Семье и мое о Кузмине – вот и тогдашняя *Россия*.

Руднев обещал взять в Современные <Записки>⁸.

Дома – все то же. Открываю в углу темного коридора *пять тазов* с непрогорелым углем вперемежку с бумагами и очистками. (NB! Купила отдельную протрясалку, механически протрясающую золу – *остается уголь*). Говорю Але (NB! дело ее рук, т. е. недели две сваливала все в кучу, давшую *пять глубоких тазов*) – Ответ: «Вытрясать *не буду*». (Отец слышит и молчит). Стою у окна и *час* протрясаю, – *мой утренний письменный час*.

Она — невидимым крючком поднимает петли на тончайших — тоже невидимых! — шелковых чулках, к<отор>ые упорно покупает, хотя прорываются в первый день.

Это называется — *стахановка*.

Вообще — издевательство.

(А Мур все свободное время читает газеты, к<оторы>ми наш дом *наводнен*. — Тоже мало радости).

Спасаясь — в *одинокчество* тетради.

Спешу отправить, целую, благодарю, помню всегда.

М.Ц.

Пишите.

P.S. Конечно, ни на какое *смирение* (в России) неспособна. Наоборот!!!

Есть — чтó — сказать!

107

Vanves (Seine)
65, Rue J.-B. Potin
29-го марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Живу под тучей — отъезда. Еще ничего реального, но мне — для чувств — реального не надо.

Чувствую, что моя жизнь переламывается пополам и что это ее — последний конец.

Завтра или через год — я все равно уже не здесь («на время не стóит труда...»¹) и всё равно уже не живу. Страх за рукописи — чтó-то с ними будет? *половину* — нельзя везти! а какая забота (любовь) — безумная жалость к последним друзьям: книгам — тоже *половину* нельзя везти! — и какие оставить?? — и какие взять??² — уже сейчас тоска по здешней *воле*, призрачному состоянию чужестранца, которое я так любила (*stranger hear**)... состоянию *сна* или шапки-не-

* Чужой здесь (*англ.*).

видимки... Уже сейчас тоска по последним друзьям: Вам, Лебедевым, Андреевой (все это мне дала Прага, Париж не дал никого: что́ дал (Гронского) – *взял*...

Уже сейчас ужас от веселого самодовольного **советского детского Мура** – с полным ртом программных общих мест – **уже и сейчас нелады из-за С<ергея> Я<ковлевича>, Али, газет, но здесь за меня – все-таки – школа, здесь уважают мать...**

Мне говорят: а здесь – что́? (далее).

– Ни-че-го. Особенно для такого страстного и своеобразного мальчика – *иностранца*. Знаю, что отчуждение все равно – будет, и что *здешняя* юношеская пошлость отвратительнее тамошней базаровщины, – вопрос только во времени: там он уйдет *сразу*, здесь – оттяжка...

(Нé дал мне Бог дара слепости!)

Так, тяжело дыша, живу (не-живу).

То, встав утром радостная: заспав! – сразу кидаюсь к рукописи **Царской Семьи (поэма, дописанная до половины и брошенная 5 лет назад, ныне – возобновленная)**, то – сразу вспомнив – *á quoi bon?** всё равно не допишу, а – допишу – всё равно брошу: в лучшем случае похороню *зáживо* в каком-нибудь архиве: *никогда не смогу перечесть!* (не то, что: *прочесть* или – напечатать)...

С<ергея> Я<ковлевича> держать здесь дольше не могу – да и не держу – без меня не едет, чего-то выжидает (моего «прозрения») не понимая, что я – *такой умру*.

Я бы на его месте: либо – либо. Летом еду. Едете?

И я бы, конечно, сказала – *да*, ибо – не расставаться же. Кроме того, одна я здесь с Муром пропаду.

Но он этого на себя не берет, ждет чтобы я *добровольно* – сожгла корабли (по нему: распустила все паруса).

Все думаю, что́ сделала бы на моем месте Сельма Лагерлёф или Сигрид Унсет, которая (которые) для меня – обра-

* Чего ради? (*фр.*)

зец женского мужества. – Помните, в сказке, Иван-Царевич на раздорожьи: влево поедешь – коня загубишь, вправо поедешь – сам пропадешь.

Мур там будет счастлив. *Но* – сохранит ли душу живую (*всю!*)

Вот франц<узский> писатель Мальро³ вернулся – в восторге. М<арк> Л<ьвович> ему: – А – свобода творчества? Тот: – О! Сейчас не время...

Сколько в мире несправедливостей и преступлений совершалось во имя этого *сейчас*: часа – сего!

– Еще одно: в Москве жить я не могу: она – *американская*. (Точный отчет сестры).

С<ергей> Я<ковлевич> предлагает – Тифлис. (Рай). – А Вы? – А я – где скажут: я давно перед страной в долгу.

Значит – и жить не вместе, ибо я в Москву *не хочу: жуть!* (Детство – юность – Революция – три *разные* Москвы: точно живьем в сон, сны – и *ничто* не похоже! *всё* – неузнаваемо!)

Вот – моя личная погудка...

О лете – не знаю ничего. Туда, на Юг – *не хочется*: не было места, где работать (я там почти ничего не сделала) – очень трудные бытовые условия – и не будет моих друзей Унбегаунов: они, счастливцы, едут в Чехию в командировку (ждите подарков!)

Но С<ергей> Я<ковлевич> страстно хочет – именно на Юг. *Всегда* так.

Больше всего бы мне хотелось – к Вам: в Чехию – навсегда. Нашлись бы спутники, обошла бы пешком всю Чехию, увидела бы замки, старые городки... А – лес!!! А – Вы!!! Дружба – с Вами! (Меня ни один человек *по-настоящему* не любит.)

Мне бы хотелось берлогу – до конца дней.

В следующий раз опишу свой инцидент с Керенским⁴. Пока же целую и тороплюсь опустить. Пишите!

М.Ц.

108

Vanves (Seine)
65, Rue J.-B. Potin
7-го июня 1936 г., воскресенье

Дорогая Анна Антоновна,

Из Бельгии я Вам писала коротко¹, – там у меня не было письменного стола: только круглый, кáчкий, – о нелепость! соломенный – заранее обескураживающий, кроме того я все время была на людях и в делах. И чужой дом – особенно такая крепость быта, как на той открытке, всегда для меня – труден.

Я Вам тогда писала до моих чтений, – они прошли очень хорошо – и французское и русское. Читала – для бельгийцев – *Mon Père et son Musée*^{*2}: как босоногий сын владимирского священника (не города Владимира, а деревни Тáлицы) голыми руками поставил посреди Москвы мраморный музей – стоять имеющий пока Москва стоит.

Для русских читала: Слово о Бальмонте³ и, второе, Нездешний вечер⁴ – памяти поэта М. Кузмина: свою единственную с ним встречу в январе 1916 г.

На заработок с обоих вечеров имела счастье одеть Мура, и еще немножко осталось на лето.

Вечера были в том самом доме, к<отор>ый Вы видели на открытке, – частные, организованные моей недавней бельгийской приятельницей⁵ (русской, вышедшей замуж в бельгийский дом, тот самый).

Но – я мечтала о дружбе с ней, за этим и с этим ехала – а дружбы не вышло: она поглощена домом и своей женской тоской по любви и от надвигающихся *неженских* лет (ей сейчас 32 года, но она живет вперед) – и для меня в ее душе

* Мой отец и его музей (фр.).

не оказалось места. Поэтому, несмотря на всю успешность поездки, вернулась с чувством *неудачи*: с пустыми руками души. Мне все еще нужно, чтобы меня любили: давали мне любить себя: во мне нуждались – *как в хлебе*. (И скромно – и *безумно* по требовательности.)

Ездила с Муром, и только там обнаружила, насколько он *невоспитан* (11 лет!). Встречает утром в коридоре старушку-бабушку – *не здоровается*, за обед благодарит – точно лает, стакан (бокал, каких у нас в доме нет) берет за голову, и т. д. *Дикарь*. Я к этому, внутри себя, отношусь с улыбкой: *знаю, что всё придет* (от ума!) другие же (молча) меня жалеют и... удивляются: на фоне моей безукоризненной, непогрешимой воспитанности, вдруг – медведь и даже ведмедь! Не понимая, что воспитанность во мне не от моего сословия, а – от поэта во мне: сердца во мне. Ибо я получила столько воспитаний, что должна была выйти... ну, просто – морским чудищем! А главное – росла без матери, т. е. *расшибалась* обо все углы. (*Угловатость* (всех росших без матери) во мне осталась. Но – скорей внутренняя. – *И сиротство*.)

К сожалению, нигде кроме Брюсселя не была: мои хозяйка и их дети все время болели, да и времени было мало: на седьмой день выехала. Да и не умею «бывать», я хочу жить и быть, *пробывать*. В Брюсселе я высмотрела себе окошко (в зарослях сирени и бузины, над оврагом, на старую церковь) – где была бы *счастлива*. Одна, без людей, без друзей, одна с *новой* бузиной. Стоило оно, т. е. полагающаяся к нему комната, 100 бельг<ийских> франков, т. е. 50 французских... С услугами и утренним завтраком. Таковы там цены.

Но не могу уехать от С<ергея> Я<ковлевича>, к<отор>ый связан с Парижем. В этом – всё. Нынче, 5/18 мая, исполнилось 25 лет с нашей первой встречи – в Коктебеле, у Макса, я только что приехала, он сидел на скамеечке перед морем: всем Черным морем! – и ему было 17 лет. *Оборот*

назад – вот закон моей жизни. Как я, при этом, могу быть коммунистом? И – достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! *Мы – последние могикане.*)

Жду весточки, дорогая Анна Антоновна! Как лето? Мое – неизвестно, из-за того же С<ергея> Я<ковлевича>. Хотелось бы, чтобы и ему перепало, а заедем далёко – он не выберется. Мечтаю об Эльзасе: говорят, что тот же Шварцвальд⁶, на к<отор>ый всю жизнь оборачиваюсь, как на рай. – Может–быть. –

А о чем – Вы? (мечтаете). Как – и это важнее всего – Ваши все здоровы?

С кем встречаетесь (для души)?

Обнимаю Вас и жажду видеть Вашу руку на конверте.

М.Ц.

109

*Moret-sur-Loing (S. et M.)
18, Rue de la Tannerie,
chez M<ada>me V<eu>ve Thierry
10-го июля 1936 г., пятница.*

Дорогая Анна Антоновна, а это – ответ на замо́к. Этими воротами выходили на́ реку, собственно – речку, с чудным названием Loing (loin!)*. Речка – вроде той, где купалась в Тульской губ<ернии>, 15-ти лет, в бывшем имении Тургенева, – там, где *Бежин луг*. Но – там не было ни души (только пес сидел и стерег), а здесь – сплошь «души»: дачи, удильщики, барки, – ни одного пустынного места.

Приехали – мы с Муром – 7-го, сразу устроились и разложились – и *расходились*: в первый же день – три длинных

* Далеко (фр.).

прогулки: и на реку, и на холм, и в лес. Мур – отличный ходок. Moret – средневековый городок под Фонтенбло, улочки (кроме главной, торговой) точно вымерли, людей нет, зато множество кошек. И древнейших старух. Мы живем на 2-ом этаже, две отдельных комнаты (потом приедет С<ергей> Я<ковлевич>), выходящих прямо в церковную спину. Живем под химерами¹.

Наша церковь (*эта*) основана в 1166 г., т. е. ей 770 лет. (И сколько таких церквей во Франции! Лучшие – *не* в Париже.) Но внутри хуже, чем снаружи. Чудные колонны переходящие в арки, купола покрыты известкой, не давая дышать старому серому камню, вместо скромных и непреложных скамей – легкомысленные суетливые желтые стулья. Церковь люблю пустую – без никого и ничего. Хорошо бы пустую – с органом. Но этого не бывает.

Хозяйки тихие: старушка 75 лет – *с усами* – и дочь, сорока, сорока пяти – *в параличе*: 7 лет не выходила на улицу. Мы им все покупаем и они за это нам трогательно-благодарны. Дом – очень католический, и не без католической *лжи*: напр<имер> два *достоверных портрета* Иисуса Христа и Богородицы: один – «tel qu'il fut envoyé au Sénat Romain par Publius Lentulus abors gouverneur de Judée»^{*2}, другой (Богородицын) «peint d'après nature par St. Luc, Evangéliste, lors de son séjour à Jérusalem»^{**3} – и где Богоматерь 20 лет!!! (а писал – уже *Евангелист*).

Оба – с злыми, надменными, ледяными лицами и одеты в *роскошные* мантии. – Чудовищно! – А невинные люди – верят. (Носы у них – орлиные.)

Перевожу Пушкина⁴ – к годовщине 1937 г. (На французский, стихами). Перевела: Песню из Пира во время чумы (Хвалу Чуме), Пророка, Для берегов отчизны дальней,

* «Такой, каким его послал римскому сенату Публий Лентул, в то время губернатор Иудеи» (фр.).

** «Рисованный с натуры св. Лукой евангелистом во время его пребывания в Иерусалиме» (фр.).

Марина Цветаева

Анна Тескова

Карлов Тын

Вид с Карлова моста. Рыцарь
"...лучшее в Праге было – Рыцарь...
старый Тын".
(24 ноября 1938)

С.Я. Эфрон

Студенты Карлова университета.
На переднем плане: С. Эфрон и К. Родзевич

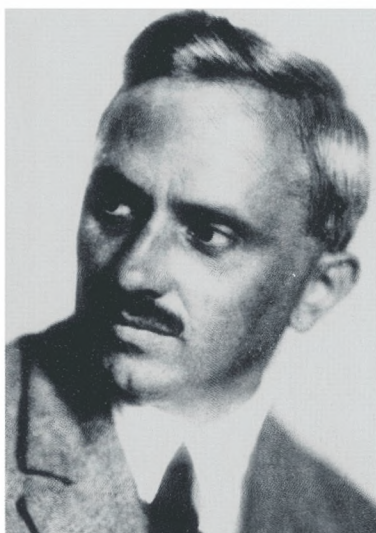
Вшеноры. Общий вид

Вся семья. Прага, 1925 г.

М.Л. Слоним

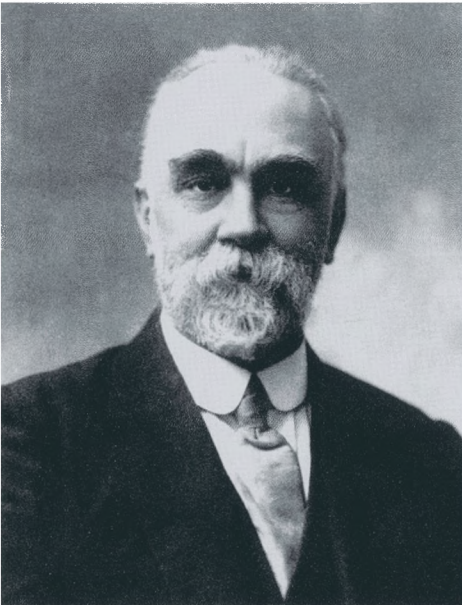
В.Ф. Булгаков

А.И. Андреева

Обложка альманаха
"Ковчег" (1926)

С.В. Завадский

St. Gilles, 24th septembre 1926.

Дорогая Анна Анатольевна:

Простите, что так долго Вам не писала. Вино — изрядное, большое количество хорошей Шерри, 1st сорт Шерри, какой, какой в. Телль в. 24.

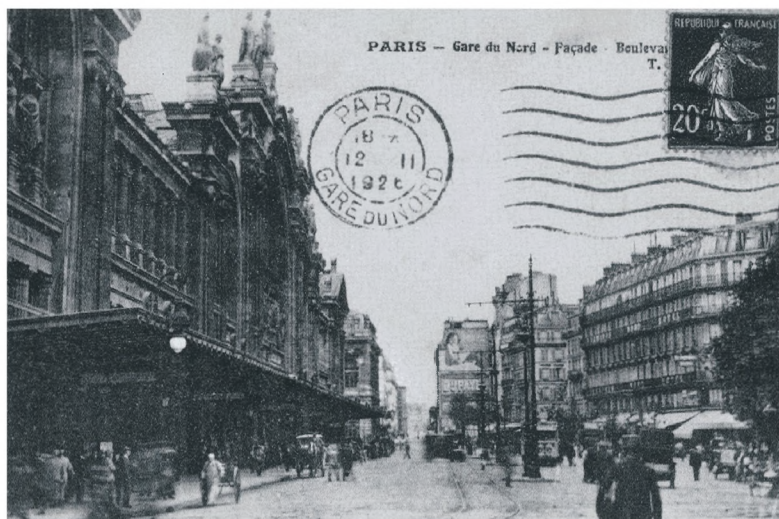
Простите, что так долго Вам не писала. Вино — изрядное, большое количество хорошей Шерри, 1st сорт Шерри, какой, какой в. Телль в. 24.

Простите, что так долго Вам не писала. Вино — изрядное, большое количество хорошей Шерри, 1st сорт Шерри, какой, какой в. Телль в. 24.

В каком-то смысле я к Вам пишу, — работаю как никогда. Дни работы я пишу и изрядное количество, в. Телль в. 24.

С. Давидович о Васиме каваккане. В. Телль в. 24.

Письмо М. Цветаевой от 24 сентября 1926 г.

Париж. Северный вокзал

Марина Цветаева с Алей.
Париж, 1925 г.

Марина Цветаева с Муром.
Мёдон, 1928 г.

Мёдонский лес. "Устроились мы чудесно, под Парижем, в лесу — и каком! Огромном, старом, на много верст". (12 октября 1926) "Вот лес, где мы гуляем летом." (Мёдон, Сочельник, 1927, письмо написано на открытке с видом мёдонского леса)

Титульный лист книги
С. Унсет "Кристин, дочь
Лавранса". ч. II

Дорогой Марине Ивановне Цветаевой
на радость ... с любовью

А. А. Тесковой

24. III. 32.

Прага.

Дарственная надпись А. Тесковой Марине Цветаевой на этой книге.

"С собой взяла Kristin Laurinstochter, к<отор>ую перечитываю каждое лето, — вот уже пятый раз... Второй том — с Вашей надписью, — помните?"
(24 августа 1934)

Марина Цветаева
с Муром.
Февраль, 1935 г.
"А теперь, дорогая
Анна Антоновна,
увидите нас с Муром
на лестнице нашего
февральского
скворечника — видите,
какая крутая?"
(20 января 1936)

Шартр. "Сердечный
привет из Шартра —
такого же чудного...
как Прага".
(5 августа 1938,
письмо написано
на открытке с видом
моста в Шартре)

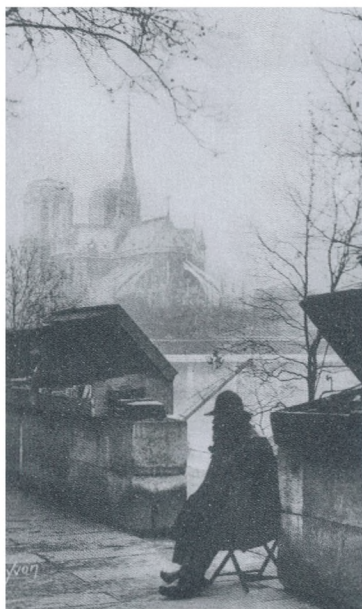

105 CHARTRES. — Le Pont Neuf. — LL.

Международная выставка
в Париже. 1937 г. Павильон
СССР. "Была на выставке.
Эти фигуры – работа *женская*.
Сов<етский> павильон похож
на эти фигуры: *есть* –
эти фигуры". (14 июня 1937,
письмо написано на трех
видовых открытках: Советский
и немецкий павильоны
на Всемирной выставке
в Париже в 1937 г.; букинист
на набережной Сены)

Букинист на берегу Сены.
"А это – мой павильон.
(И фон и передний план.
А сию – сама я: в другом
образе...)" (14 июня 1937)

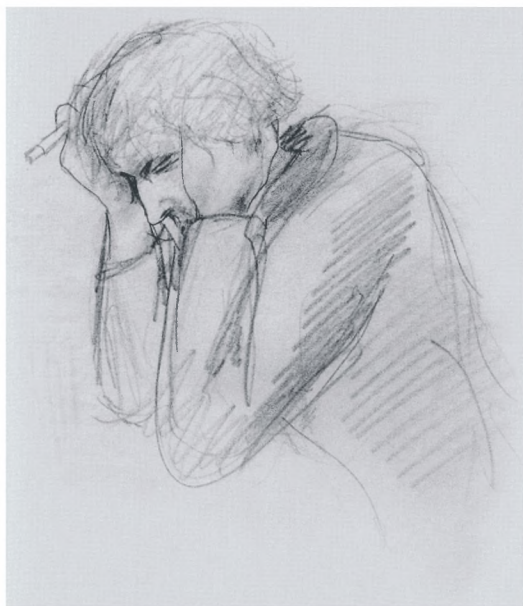

С.Я. Эфрон.
Париж, 1937 г.

А. Эфрон. 1930-е гг.

М. Цветаева.
Рис. А. Эфрон

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА

LE NUMERO EN FRANCE 70 cent.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 24 ОКТЯБРЯ 1937. ДЕНЬМАШИ, 24 ОКТЯБРЯ 1937.

Издательство в Париже... Адрес: 81, Rue de Turbigo, 81 - Paris III.

Объявления... Le Numéro en France 70 cent. Annonce: 1 Fr. 10 cent.

Телефон редакции... DEKNOVATION PARIS 62

№ 6056

18-й ГОД ИЗДАНИЯ 296

Невмѣстительствѣ

преджаютъ, что новыя не послѣдуетъ

Вопросъ въ Италіи былъ... 23 сентября... 24 сентября...

Риббентропъ въ Римѣ

Лондонъ, 23 октября. Гаванскій корреспондентъ «Дунас Мага»... Римъ, 23 октября...

Исчезновение ген. Е. К. Миллера

Обыскъ въ „Союзъ друзей совѣтской родины“

Вѣстоу С. Я. Эфрона. — Допросъ М. И. Цѣбатовой въ шортъ... Полиціи... Списку „возвращенцевъ“... Секретная переписка...

Похищеніе ген. Е. К. Миллера

Последніе сороки Скоблиныхъ въ Озуаръ ла-Феррьерѣ

Обыскъ у возвращенцевъ. — Евразіецъ Эфронъ — агентъ ГПУ

Была ли Плевичицкая подлѣ наблюденьемъ 23 сентября?

Гнусный документъ большевиковъ

Существуе ли „Внутренняя Линія“ въ НТСНП

Обыскъ у возвращенцевъ... 23 сентября... 24 сентября...

Линія враждебности... 23 сентября... 24 сентября...

Миръ и угрозы... 23 сентября... 24 сентября...

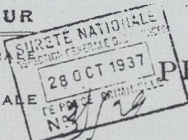
Вопросъ о возвращенцахъ... 23 сентября... 24 сентября...

"Последние новости" и "Возрождение" о деле С.Я. Эфрона (к письму от 17 ноября 1937 г.)

MINISTÈRE
DE L'INTÉRIEUR

8. REPUBLIQUE

DIRECTION GÉNÉRALE
DE LA
SÛRETÉ NATIONALE

PROCÈS-VERBAL

CONTRÔLE GÉNÉRAL

DES
Services de Police Criminelle

L'an mil neuf cent trente sept

le vingt-deux Octobre

Nous, PAPIN Robert, Commissaire

de Police mobile, attaché au Contrôle général des Services de Police criminelle (Direction générale de la Sûreté nationale), à Paris, officier de Police judiciaire, auxiliaire de Monsieur le Procureur de la République, entendons Madame EFRON née TSWETAJEVA Marina, née le 31 Juillet 1894 à Moscou de feus Jean et Marie BERNI ZKY, femme de lettres, demeurant à Vanves, 65 rue J. Potin, laquelle déclare serment préalablement prêté

N° 2

M. c/ DUCOMET
BACH, ROSSI et tous
autres;

Inculpés homicide
et compl.

Audite
née TS
43 ans
dt. 6

" Je vis de l'exercice de ma profession, je cultive des revues russes "Les Annales Russes" et "Les contemporaines". Je gagne ainsi de 6 à 800 f

- 10 -
est journaliste, il fait pendant notre séjour à Lacanau, nous occupons la "Coup de Roulis", Avenue des Frères Estrade à Lacanau. Cette maison est la propriété de M. et Mme. COCHIN.

Mon mari est resté en ma compagnie pendant ses vacances. Il ne s'est nullement absenté.

S.I. Mon mari s'absentait de temps en temps pendant ces jours, mais il ne me disait jamais où il se rendait et ce qu'il allait y faire. De mon côté, je ne lui ai jamais demandé d'explications ou plutôt quand je le lui demandais, il me répondait qu'il se déplaçait pour affaires. Je ne saurais vous dire le lieu de ses déplacements".

Lecture faite, persiste et signe.

Le Commissaire de Police Mobile.

M. Zvétaieff

Протокол допроса М. Цветаевой во французской полиции.
"Полиция мне, в конце допроса, длившегося с утра до позднего вечера, сказала..." (17 ноября 1937)

Анна Тескова. 1930-е г.г.

**Вадим Морковин.
Москва, 1960-е г.г.**

К няне и – сейчас – К морю (мои любимые). Хочу за лето наперевести целый сборник моих любимых. Часть (бесплатно) будет напечатана в бельгийском пушкинском сборнике. *Знаю, что так не переведет никто.* Когда отзоветесь, пришлю образцы.

У Али ряд приглашений на лето: и в Монте-Карло, и в Бретань, и на озеро, и в деревню. С грустью отмечаю, что меня за 11 лет Франции не пригласил *никто*. Спасибо за Прокрасться⁵. Размер – тот, но это все, о чем я могу судить. Как я понимаю перевод – увидите из *моих*. (Пришлю непременно, только отзовитесь.) Целую Вас и жду точного адр<еса> и вообще – весточки. Сердечный привет Вашим.

М.Ц.

110

Vanves (Seine)

65, Rue J.-B. Potin

– но пишу еще из Савойи:

последний день! – 16-го сентября 1936 г.,

среда

Дорогая Анна Антоновна – Вы меня сейчас поймете – и обиды *не* будет. Месяца два назад, после моего письма к Вам еще из Ванва, получила – уже в деревне – письмо от брата Аллы Головиной – она урожденная Штейгер, воспитывалась в Моравской Тшебове – Анатолия Штейгера¹, тоже пишущего – и лучше пишущего: по Бему – наверное – *хуже*², по мне – *лучше*.

Письмо было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее я у него попросила – немецкую книгу³ – не смог – и вот, *годы спустя* – об этом письмо – и это письмо – вопль. Я сразу ответила – отозвалась *всей собой*. А тут его из санатории спешно перевезли в Берн – для операции. Он – туберку-

лезный, давно и серьезно болен – ему 26 или 27 лет. Уже привязавшись к нему – обещала писать ему каждый день – пока в госпиталь, а госпиталь затянулся, да как следует и не кончился – госпиталь – санатория – невелика разница. А он уже – привык (получать) – и мне было жутко думать, что он будет – ждать. И так – каждый день, и не отписки, а большие письма, трудные, по существу: о болезни, о писании, о жизни – все сызнова: для *данного* (трудного!) случая. Усугублялось все тем, что он сейчас после полной личной катастрофы – кого-то *любил*, кто-то – *бросил* (больного!) – только об этом и думает и пишет (в стихах и в письмах). Мне показалось, что ему от моей устремленности – как будто – лучше, что – оживает, что – м. б. – выживет – и физически и нравственно – словом, первым моим ответом на его первое письмо было: – Хотите ко мне в сыновья? – И он, всем существом: – Да.

Намечалась и встреча. То он просил меня приехать к нему – невозможно, ибо даже если бы мне дали *визу*, у меня не было с собой заграничного паспорта – то я звала (мне обещали одолжить денег) – и он совсем-было приехал (он – швейцарец и *эта* часть ему легка) – но вдруг, после операции, ухудшение легких – бессонница – кашель – уехал к себе *auf die Höhe** (санатория в бернском Oberland'e**). Дальше – письма, что м. б. на зиму переедет в Leysin, и опять – зовы. Тогда я стала налаживать свою *швейцарскую* поездку этой осенью, уже из Парижа, – множество времени потратила и людей вовлекла – осенью оказалось невозможно, но вполне возможно – в *феврале* (пушкинские торжества, вернее – поминание, а у меня – *переводы*). Словом, радостно пишу ему, что *всё – сделано*, что в *феврале* – встретимся – и ответ: Вы меня не так поняли – а впрочем и я сам точно не знал – словом (сейчас уже я говорю)

* Здесь: в горы (нем.).

** Плоскогорье (нем.).

в ноябре выписывается *совсем*, ибо легкие – *что́ осталось* – залечены, и процесса – нет. Д<окто>р хочет, чтобы он жил зиму в Берне, с родителями, – и родители тоже конечно – он же сам решил – *в Париж*.

– п. ч. в Париже – Адамович и! – литература – и Монпарнас⁴ – и сидения до 3 ч. ночи за 10-ой чашкой черного кофе –

– п. ч. он все равно (после той любви) – мертвый.

(Если *не* удастся – так в Ниццу, но от этого дело не меняется.)

Вот на что́ я истратила и даже растратила *le plus clair de mon été**.

На это я ответила – правдой всего существа. Что нам *не* по дороге: что моя дорога – и ко мне дорога – уединенная. И все о Монпарнасе. И все о *душевной* немощи, с которой мне *нечего* делать. И благодарность за листочек с рильковской могилы. И благодарность за целое лето – заботы и мечты. И благодарность за *правду*.

Вы, в открытке, дорогая Анна Антоновна, спрашиваете: – М. б. большое счастье?

И, задумчиво ответчу: – Да. Мне поверилось, что я кому-то – как хлеб – нужна. А оказалось – не хлеб нужен, а пельница с окурками: не я – а Адамович и К°.

– Горько. – Глупо. – Жалко.

Никому ни слова: ни о нашей дружбе, ни о его Париже – уезжает он, кажется, *обманом* – ибо навряд ли ему удастся

* Большую часть моего лета (фр.).

убедить родителей и врачей, что единственное место, где он может дышать – первое по туберкулезу место Европы.

Есть у меня к нему несколько стихов. Вот – первое:

Снеговая тиара гор –
Только брэнному лику – рамка.
Я сегодня плюшу – пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан –
Как ребенка за подбородок⁵.

Лето прошло как сон.

Все утра уходили на: ежедневное письмо – ему, ежедневное письмо – домой. В перерыве переводила Пушкина. Много ходила. Мур был на полной воле и совершенно одичал – но не *моей* дикостью: одинокой, а – дикостью постоянного и невозбранного общения – здесь были дети и подростки – совсем вышел из берегов. Поскольку он легок, послушен и даже поклядист – наедине, постольку труден (для меня!) – на-людях. Он глубоко́ – *невоспитан*, просто – диву даюсь – при моем *постоянном* нажиме – и примере. Об оснóвах человеческого общежития не имеет *понятия*. Знает только свои страсти и желания.

Но – *правдив*, полная невозможность *позы*, умен, по-своему добр (особенно – к животным), вообще – внутренне – доброкачественен. Но *формы* – никакой.

Ростом почти с меня, это ему очень вредит, ибо обращаются с ним и требуют с него как с 15-летнего, забывая, что это просто – громадный ребенок.

Скоро – школа, и, авось, войдет в берега.

Не сёрдитесь, дорогая Анна Антоновна? Просто — я вся была взята в оборот этой моей огромной (и м. б. — последней) мечты. Еще раз — поверила.

Но на Вас, но о Вас я не забываю — никогда.

Итак, буду ждать весточки в Ванве.

Ежедневные письма кончились — с летом, но не только из-за лета.

Теперь усиленно принимаюсь за Пушкина, — сделано уже порядочно, но моя мечта — перевести *все* мои любимые (отдельные) стихи.

Это вернее — спасения души, которая *не хочет* быть спасенной.

Обнимаю Вас, люблю и помню всегда.

М.Ц.

111

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
24-го сентября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

С большой грустью получила Вашу скорбную вест, ибо знаю, *что* для Вас была *мать*¹. И никаких слов, конечно — *нет*. Ибо ее стул — *пуст*.

Когда сможете, напишите мне — как пришла смерть: ушла — жизнь. ...Я как раз переводила в те дни «Брожу ли я вдоль улиц шумных», и кончается — так:

Où me prendra la Destinée?
En mer, en guerre, ou en chemin?
Ou bien les fleurs de ma vallée
Recouvriront mes restes vains?

Ou'importe pour un corps sans vie
Dans quel recoin s'anéantir!
Et cependant – en terre amie,
Chérie – je voudrais dormir.

Que sur ma dalle blanche ou noire
L'enfance joue tout l'été,
Et que la Mère sans Mémoire
Y mire et mire sa beauté...²

Обнимаю Вас и, если разрешите – Августу Антонову³.
Nicht verschwunden, nicht verschollen, nur vorangegangen!*

М.Ц.

112

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
26-го октября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Всего несколько слов: что я в эти тяжелые Ваши дни, в этой наступившей пустыне Ваших дней – неизменно с Вами, что если не писала – то только из своего прирожденного и здесь законного страха быть лишней – да кто в такой час *не* лишний? Все, кроме того, кого нет – не писала, потому что *не* о чем писать, потому что здесь нужно не писать, а присутствовать – молча (вместе пойти на кладбище, как я ходила с матерью молодого Гронского, на чудное просторное лесное кладбище, мимо которого мы так часто с ним ходили – в *наши* дни...) – потому что здесь невозможно – о себе, а о другом – страшно.

Так что не считите это, дорогая Анна Антоновна, за письмо, и из всех этих строк услышите только два слова: *люблю и помню*.

М.Ц.

* Не исчезнуть, не пропасть без вести, только быть впереди! (нем.)

Vanves (Seine)
 65, Rue J. B. Potin
 14-го ноября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вот Вам – вместо письма – последняя элегия Рильке, которую, кроме Бориса Пастернака, никто не читал. (А Б<о-рис> П<астернак> – *плохо* читал: разве можно после такой элегии ставить свое имя под прошением о смертной казни (Процесс шестнадцати)?!)¹

Я ее называю – Marina Elegie – и она завершает круг Duineser Elegien*², и когда-нибудь (после моей смерти) будет в них включена: их заключит.

Только – *просьба*: никому – кроме Вас и сестры: *никому*. Это – моя тайна с Р<ильке>, его – со мной. И к этой тайне я всегда возвращаюсь, когда меня так явно оскорбляют – недостойные развязать ремня его подошвы.

Обнимаю Вас. Сердечное спасибо за присланное.

М.Ц.

Это *последнее*, что написал Р<ильке>³: умер 7 мес<яцев> спустя. И *никто* не знает.

В декабре 1936 г. – через полтора месяца – будет 10 лет с его смерти. Я помню день: утром 31-го пришел Слоним – приглашать на встречу Нового Года в ресторан – и: – «А Вы знаете? Р<ильке> умер». (Умер 30-го.)⁴ Впрочем, м. б. Вы читали мое «Новогоднее» в Вёрстах – там все есть.

– Десять лет. Муру было десять месяцев. Теперь он почти с меня, *сороковой* № обуви. У меня седая голова (я была совсем молодая – помните?), Рильковской второй внучке – почти десять лет (родилась после его смерти).

В России одни съели других...

Ну, читайте. Здесь ответ – на всё.

М.Ц.

* Дуинских элегий (нем.).

*...Ich schrieb Dir heut ein ganzes Gedicht zwischen
den Weinhängeln, auf eines warmen (leider noch nicht
ständig durchwärmten) Mauer sitzend und die Eidechsen
festhaltend mit seinem Aufklang.*

Château de Muzot s/Sierre (Valais)

Suisse am 8. Juni 1926 (abends).⁵

ELEGIE FÜR MARINA

O die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne!
Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem
Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt.
So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht.
Jeder verzichtende Sturz stürzt in den Ursprung und heilt.
Wäre denn alles ein Spiel, Wechsel des Gleichen, Verschiebung,
nirgends ein Name und Kaum irgendwo heimisch Gewinn?
Wellen, Marina, wir Meer! Tiefen, Marina, wir Himmel!
Erde, Marina, wir Erde, wir tausendmal Frühling, wie Lerchen,
die ein ausbrechendes Lied in die Unsichtbarkeit wirft!
Wir beginnen als Jubel: schon übertrifft es uns völlig.
Plötzlich, unser Gewicht biegt zur Klage den Sang, abwärts.
Aber auch so: Klage? Wäre sie nicht jüngerer Jubel nach unten?
Auch die unteren Götter wollen gelobt sein, Marina.
So unschuldig sind Götter, sie warten auf Lob wie die Schüler.
Loben, du Liebe, lass uns verschwenden mit Lob.
Nichts gehört uns. Wir legen ein wenig die Hand um die Hälse
ungebrochener Blumen. Ich sah es am Nil, in Kôm-Ombo.
So, Marina, die Spende selber verzichtend, opfern die Könige.
Wie die Engel gehen und die Thüren bezeichnen jener zu Rettenden,
also rühren wir dies und dies, scheinbar Zärtliche, an.
Ach, wie weit schon Entrückte, ach, wie Zerstreute, Marina,
auch, noch beim innigsten Vorwand. Zeichengeber, sonst nichts.
Dieses leise Geschäft, wo es der Unrigen einer
nicht mehr erträgt und sich zum Zugriff entschliesst,
rächt sich und tötet. Denn dass es tödliche Macht hat,
merkten wir alle an seiner Verhaltung und Zahrtheit
und an der seltsamen Kraft, die uns aus Lebenden zu
Überlebenden macht. Nichtsein: weisst Du's wie oft

trug uns ein blinder Befehl durch den eisigen Vorraum
neuer Geburt... Trug...: uns? – Einen Körper aus Augen,
unter zahllosen Lidern sich weigernd. Trug das in uns
niedergeworfene Herz eines ganzen Geschlechts. An ein Zugvogelziel
trug er die Gruppe, das Bild unserer schwebender Wandlung.
Liebende dürften, Marina, dürfen so viel nicht
von dem Untergang wissen. Müssen wie neu sein.
Erst ihr Grab ist alt, erst ihr Grab besinnt sich, verdunkelt
unter dem schluchzenden Baum. Besinnt sich auf Jeher.
Erst ihr Grab bricht ein; sie selber sind biegsam wie Ruthen,
was übermassig sie biegt, rundet sie reichlich zum Kranz.
Wie sie verwehen im Maiwind! Von der Mitte des Immer,
drin Du athmest und ahnst, schliesst sie der Augenblick aus.
(O wie begreif ich Dich, weibliche Blüthe am gleichen
unvergänglichen Strauch. Wie streu ich mich stark in die Nachtluft,
die dich nächstens bestreift). Frühe erlernten die Götter
hälften zu heucheln. Wir, in das Kreisen bezogen,
füllten zum Ganzen uns an, wie die Scheibe des Monds.
Auch in abnehmender Frist, auch in den Wochen der Wendung,
niemand verhülfe uns je wieder zum Vollsein, als der
einsame eigene Gang über der schlaflosen Landschaft.

R.

(Geschrieben am 8. Juni 1926)

П е р е в о д:

...Я написал тебе сегодня целое стихотворение, сидя среди виноградников, на теплой (но, к сожалению, еще не совсем прогретой) стене и, останавливая ящериц его звучанием.

*Замок Мюзо на Сьерре (Вале), Швейцария
8-го июня 1926 г., вечером*

ЭЛЕГИЯ ДЛЯ МАРИНЫ

О, эта гибель в мирах, Марина, эти падающие звезды!
Нам её не умножить – куда б, к какой звезде мы не рвались!
В мире давно всё подсчитано.

Падающий не уменьшает святого числа.
Каждое жертвенное падение падает в первоисточник и целит!
Что ж, неужели всё – только игра, перемещение равного,
сдвиг?
Всё безымянно? Не укоренено в чем-то родном?
Волны, Марина? Мы – волны! Глубь, Марина? Мы – небо!
Почва, Марина? Мы – почва, мы тысячекратно – весна, как
жаворонки,
Которых звенящая песнь бросает в незримую высь!
Начинается всё с ликования: и вот оно нас захватило.
Но вдруг наша плоть обращает песнь долу стенаньем.
Стенанье? Но разве оно – не новый восторг, долу идущий?
Ведь и подземные боги жаждут хвалы, Марина.
Боги невинны как дети: они хотят быть хвалимы.
Так хвали ж, моя радость! Давай расточаться в хвале.
Мы ведь ничем не владеем. Еле-еле трогаем стебли
цветов ненадломленных. Я видел это на Ниле, в Ком Омбо:
Так, Марина, от даров отрекаясь, жертву приносят цари.
Так же как ангелы ходят, отмечая двери спасённых,
так и мы трогаем то, что нам кажется хрупким.
Ах, мы уж так далеко, мы так затерялись, Марина,
даже в самом насущном мы – только знакоподатели.
Но это тихое дело – когда один из нас, дойдя до предела,
решает схватить – оно мстит нам и убивает.
Ибо мы замечали по его сдержанной неге,
по странной силе его, которая нас из живущих
делает выжившими, что у него смертоносная сила.
Не-бытие: ты ведь знаешь, как часто
нёс нас слепой приказ к ледяному преддверью
второго рождения... Нёс? Нас? Нет, тело с глазами,
не желавшими видеть, под бессчетными веками. Нёс
ввергнутое в нас сердце всего рода людского.
К цели птиц перелётных нёс он всю стаю –
образ реющих наших преображений.
Любящим, Марина, не надо знать столько о гибели.
Они должны оставаться младыми. Лишь их могила стара,
лишь их могила всё помнит в тени плакучего дерева.
Только могила их рушится; они же сами гибки как прутья.

И когда их чрезмерно сгибает, их свивает в венок.
Как они осыпаются в майском ветру! От вечности,
в которой ты дышишь и чуешь, их отделяет мгновенье.
(О, как я чую тебя, женский цветок на том же
непреходящем кусту. Как я отдаю себя ветру ночному,
который скоро коснется тебя). Рано учатся боги
притворяться неполными. Мы же, втянутые в водоворот,
ищем, как серп луны, полноты.
Даже при истекающих сроках, даже в дни перехода,
Нам ничто не вернёт полноты, кроме
нашего одинокого шествия над спящей страной.

(Написано 8 июня 1926)

(Пер. с нем. Виктора Франка)

114

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
2-го января 1937 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Вам эту дату пишу – первой.

Дай в нем Бог Вам и Августе Антоновне и всем, кого
Вы любите, здоровья и успешной работы, и хороших бесед,
и верных друзей.

Не поздравила Вас раньше потому, что болела, обычный
грипп, но при необычных обстоятельствах нашего дома –
несколько затянувшийся. Но елка, все-таки, была, и Мурины
подарки (благодаря Вашему, за который Вас горячо благо-
дарю) – были. Получил книжки: «Les Contes de ma Grand-
Mère»* (Жорж Занд) – «L’histoire merveilleuse de Peter
Schlehmil»** (во французском переводе самого Chamisso –

* «Сказки моей бабушки» (фр.).

** «Необыкновенная история Петра Шлемиля» (фр.).

кстати, был француз (эмигрант)¹ – и себя на французский – переводил!!) – и цветную лепку, из которой отлично лепит.

Я, как встала после гриппа, так сразу засела за переписку своей прозы – Мой Пушкин². Мой Пушкин – это Пушкин моего детства: тайных чтений головой в шкафу, гимназической хрестоматии моего брата, к<отор>ой я сразу завладела, и т. д. Получается очень живая вещь.

Не знаю – возьмут ли Совр<еменные> Записки, но во всяком случае буду эту вещь читать вслух на отдельном вечере³.

Да, та «Dichterin»*, о к<оторой> Рильке пишет Пастернаку⁴ – я. Я последняя радость Рильке, и последняя его русская радость, – его последняя Россия и дружба.

Как мне бы хотелось с Вами встретиться. А вдруг – в этом году?? Давайте – подумаем. А м. б. – и решим??

Обнимаю Вас, сердечный привет сестре.

Всегда любящая и помнящая Вас

М.

От С<ергея> Я<ковлевича> и Мура сердечный привет и лучшие пожелания. Аля – из моей жизни совсем отсутствует: у нее – своя, мне совсем чужая: все, чего не только любила, но никогда не переносила – я. Ей уже 23 года, и это человек сложившийся⁵.

115

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

26-го января 1937 г., вторник

Дорогая Анна Антоновна,

А меня Ваше письмо сердечно обрадовало: в нем все-таки есть надежды... Дорога – великая вещь, и только наш страх заставляет нас так держаться за обжитое и уже непе-

* «Поэтесса» (нем.)

реносное. Перемена ли квартиры, страны ли – тот же страх: как бы не было хуже, а ведь бывает – и лучше.

К путешествию у меня отношение сложное и думаю, что я *пешеход*, а не путешественник. Я люблю ходьбу, дорогу под ногами – а не из окна того или иного движущегося. Еще люблю *жить*, а не посещать, – случайно увидеть, а не осматривать. Кроме того, я с самой ранней молодости ездила с детьми и нянями: – какое уж путешествие! Для путешествия нужна духовная и физическая свобода *от*, тогда, м. б., оно – наслаждение. А я столько лет – 20, кажется – вместо паровоза везла на себе все свои мешки и тюки – что первое чувство от путешествия у меня – беда. Теперь, подводя итоги, могу сказать: я всю жизнь прожила – в неволе. И, как ни странно – в *вольной* неволе, ибо никто меня, в конце концов, не заставлял так все принимать всерьез, – это было в моей крови, в немецкой ее части (отец моей матери – Александр Данилович Мейн (Meun) – был русский остзейский немец, типа барона: светлый, голубоглазый, горбоносый, очень строгий... Меня, между прочим, сразу угадал – и любил).

...Но Вы едете – иначе. Ваше путешествие – *Pilgerschaft**, и в руках у Вас – *Wanderstab***, и окажетесь Вы еще в Иерусалиме (Небесном).

Паломник должен быть внутренне-одинок, только тогда он проникается всем. Мне в жизни не удалось – паломничество. (А помните *Kristin*¹ – под старость лет – когда ее ругали мальчишки, а она, улыбаясь, вспоминала *своих* – когда были маленькими... Точно со мной было.)

У меня три Пушкина: Стихи к Пушкину, которые совершенно не представляю себе чтобы кто-нибудь *осмелился* читать, кроме меня. Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и всё имеющие – обратное канону. *Опасные* стихи. Отнесла их,

* Паломничество (*нем.*).

** Страннический посох (*нем.*).

для очистки совести, в редакцию Совр<еменных> Записок, но не сомневаюсь, что не возьмут – *не могут* взять². Они *внутренно-революционны* – так, как никогда не снилось тем, в России. Один пример:

Потусторонним
Залом царей:
– А непреклонный
Мраморный сей,
Столь величавый
В золоте барм?
– Пушкинской славы
Жалкий жандарм.

Автора – хаял,
Рукопись – стриг.
Польского края –
Зверский мясник.
Зорче взгляды
Не забывай:
Певцеубийца
Царь Николай
Первый.

Это месть поэта – за поэта. Ибо не держи Н<иколай> I Пушкина на привязи – возле себя поближе – выпусти он его за границу – отпусти на все четыре стороны – он бы не был убит Дантесом. Внутренний убийца – он.

Но не только *такие* стихи, а мятежные и помимо событий пушкинской жизни, внутренне – мятежные, с вызовом каждой строки. Они для чтения в Праге *не* подойдут, ибо они мой, поэта, единоличный вызов – лицемерам *тогда и теперь*. И ответственность за них должна быть – единоличная. (Меня после них могут просто выбросить из Совр<еменных> Записок и вообще – эмигранты.) Написаны они в Мёдоне, в 1931 г. летом – я как раз тогда читала Щеголева: «Дуэль и Смерть Пушкина»³ и задыхалась от негодования.

Есть у меня проза – «Мой Пушкин» – но это мое раннее детство: Пушкин в детской – с поправкой: *в моей*. Ее я буду читать на отдельном вечере в конце февраля⁴.

И есть, наконец, французские переводы вещей: Песня из Пира во время Чумы, Пророк, К няне, Для берегов отчизны дальней, К морю, Заклинание, Приметы – и еще целый ряд, которых никак и никуда не могу пристроить. Всюду – стена: «У нас уже есть переводы». (Прозой – и ужасные.) Вчера на французском чествовании в Сорбонне⁵, по отрывкам, читали *Бог знает что*. Переводили – «очень милая барышня» или «такой-то господин с женой» – частные лица никакого отношения к поэзии не имеющие. Слоним мои переводы предложил проф<ессору> Мазону⁶ – Вы наверное знаете – бывает в Праге – так он: – Mais nous avons déjà de très bonnes traductions des poèmes de Pouchkin, un de mes amis les a traduites avec sa femme...⁷

И это – профессор, и даже, кажется – светило.

Кончаю. Очень надеюсь на встречу. Вместе поедем в Версаль – там лучшее – Petit Trianon^{**8}, весь заросший, заглохший, хватающий за душу. И в Fontainebleau – где Cour des Adieux^{***9} (Наполеона с Францией). Хорошо бы – весной, и на подольше в Париж – устроиться можно дешево – даже в гостинице. Быт – легкий, есть всё на все цены. И весна в Париже – лучшее время. – И – Бог знает – что со мной будет *потом*...

Если есть более или менее реальные планы – в смысле времени и мест – пишите сразу. Хорошо бы *начать* с Франции.

Обнимаю Вас и всячески приветствую Вашу мечту.

Любящая Вас

М.Ц.

Сердечный привет Августе Антоновне.

Сердечное спасибо за присланное.

* Но у нас уже есть очень хорошие переводы стихов Пушкина, один мой друг их перевел вместе со своей женой... (фр.)

** Малый Трианон (фр.).

*** В Фонтенбло, ...Двор Прощаний (фр.).

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

2-го мая <1937 г.>, первый день русской Пасхи

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Убеждена, что и Вы русскую Пасху считаете немножко своей.) Несколько дней тому назад с огорчением увидела из Вашей приписочки, что Вы моего большого письма вскоре после Алиного отъезда¹ с описанием его и предшествующих дней, не получили, – потому-то Вы говорите о *моем* долгом молчании – а я как раз удивлялась, почему так долго молчите – Вы. Может быть дала кому-нибудь опустить в городе (от нас идет *на́*-день дольше) – и человек протаскал или забыл в снятом пиджаке, – сейчас невозможно установить, ни восстановить, – с Алиного отъезда уже полтора месяца – уехала 15-го марта.

Повторю вкратце: получила паспорт, и даже – книжечкой (бывают и листки), и тут же принялась за обмундирование. Ей помогли – все: начиная от С<ергея> Я<ковлевича>, который на нее истратился до нитки, и кончая моими приятельницами, из которых одна ее никогда не видала (**мы жили совершенно разными жизнями, и тех людей, с которыми она проводила все время и даже – жизнь, я впервые увидела на вокзале**) – не говоря уже о ее друзьях и подругах. У нее вдруг стало *всё*: и шуба, и белье, и постельное белье, и часы, и чемоданы, и зажигалки – и все это *лучшего* качества, и некоторые вещи – в огромном количестве. Несли до последней минуты, Маргарита Николаевна Лебедева² (Вы м. б. помните ее по Праге, Воля России) с дочерью³ принесли ей на вокзал новый чемодан, полный вязаного шелкового белья и т. п. Я в жизни не видала столько новых вещей сразу. Это было настоящее приданое. Видя, что мне *не* угнаться, я скромно подарила ей ее давнюю мечту – собственный граммофон,

для чего накануне поехала за тридевять земель на Marché aux Puces* (живописное название здешней Сухаревки), весь рынок обойдя и все граммофоны переиспытав, наконец нашла — лучшей, англо-швейцарской марки, на манер чемодана, с чудесным звуком. В вагоне подарила ей последний подарок — серебряный браслет и брошку-камею и еще — крестик — на всякий случай. Отъезд был *веселый* — так только едут в свадебное путешествие, да и то не все. Она была вся в новом, очень элегантная (и чужая, но это уже — давно: годы...) перебегала от одного к другому, болтала, шутила. Когда тронулся поезд, я ждала, что хоть слово — отцу: — Папа, приезжайте скорей! Или: — Папа, спасибо! (отец для нее сделал — всё, помимо внутреннего — безумно-занятый бегал для нее по магазинам, покупая дорогие стаканы, ножи и вилки, думая о каждой мелочи...) — но — ничего: какие-то слова каким-то людям. Но — характерно — никто не плакал, ни одной слезы. А она — просто *веселилась*.

Потом *очень* долго не писала, хотя С<ергей> Я<ковлевич> умолял ее сразу дать телеграмму. Я — совершенно не беспокоилась, он — безумно. Потом начались и продолжают письма — *пустые*, и чем дальше — тем пустее, видно, что написаны в 10 мин<ут>, а то и в 5 минут — присела с блокнотом на коленях — отписки. «Много интересных людей...» (ни кто, ни что)... переводы (неизвестно какие)... немножко про погоду — вообще точно уехала из Ванва в Версаль, — да и то больше напишешь!

Живет она у сестры С<ергея> Я<ковлевича>, больной и лежачей⁴, в крохотной, но отдельной, комнатке, у *моей* сестры⁵ (лучшего знатока английского на всю Москву) учится по-английски. С кем проводит время, как его проводит — неизвестно. Первый заработок⁶, сразу как приехала — 300 рублей, и всяческие перспективы работы по иллюстрации. Ясно одно: *очень* довольна. **Лебедевым** — полтора

* Блошинный рынок, толкучка (фр.).

месяца как уехала — не написала ни разу, даже открытки. А почти что выросла в их доме, ездила с ними в Бретань, в Париже *годы* бывала у них ежедневно, она там была — как дочь. Они, верней: оне (он сейчас в Америке) объясняют это, или пытаются объяснить — ее *страхом* (он — бывший морской министр), но 1) страх — вещь презренная 2) могла бы написать *через меня*. Нет, просто — забыла: *себя, ту, то — всё*.

После ее отъезда (тогда как раз я Вам писала то большое письмо) я полных две недели убирала и выносила за ней грязь. Бросила *все* внутреннее: *все* письма, *все* детские рисунки, почти все книги, что я ей подарила, даже свою первую французскую — *Contes du Chanoine Schmidt** 1840 г., с бесчисленными гравюрами⁷ — и все это валялось чуть ли не под ногами, и *весь* дом был полон — просто хламом, полные полки картонок неизвестно с чем и по всем углам — узлы (с грязным рваным бельем), я две недели работала как негр — *вычищая*.

Полтора месяца прошло — я по ней не скучаю. Расставание произошло на *много* раньше — и раз навсегда. Жить я больше с ней *никогда* не буду. Мне чужда ее *природа*: поверхностная, применяющаяся, без сильных чувств, без единого угла. Это не *возраст*, это — суть, вскрывшаяся с той минуты когда она вышла из-под моего давления, стала — собой.

Вы спрашиваете о моей дружбе с Головиной. Она очень больна, месяцами не встает (я только раз видела ее на ногах), очень проста и человечна (**брат ее оказался мелким подлецом, совершенно бездумным, но это не всё**), очень ко мне привязана, неизменно мне радуется и ничего не требует. Она несравненно лучше своих стихов: ничего искусственного (простите за кляксу: пишу *stylo*** старой системы:

* Сказки каноника Шмидта (*фр.*).

** Пером (*фр.*).

не доглядишь – прольется). Во многом – ребенок. Город *ее* не испортил, но здоровье ее – сгубил. Не рассказывайте моего отзыва Бему, а то он напишет ей, и получится, что я ее только жалею, а это – не совсем так, п. ч. и уважаю – она совершенно лишена эгоизма, *никогда* не жалуется, **во всем обратное своему брату (Штейгеру)⁸ который – лжив, мелок, себялюбив, расчетлив, а по отношению к ней – подлец. (Я с ним, не зная его, нянчилась целое лето, м. б. я Вам писала?). Так что на ней я от него – отдохнула.**

Кончаю, п. ч. нужно идти на рынок. Приедете ли, дорогая Анна Антоновна, на выставку?⁹ Сделайте – *всё*. Это – эпоха. (1900 г. – 1937 г.) Между этими датами – двух всемирных выставок – кончился один мир и начался новый. Я осталась в старом.

Обнимаю Вас и очень жду весточки.

М.Ц.

117

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
14-го июня 1937 г., понедельник

Дорогая Анна Антоновна! Смотрю на Ваш Мариенбад и вижу – гётевский. («Ваш – в кавычках: гётевский и есть – *Ваш!*)

**<<> Ist denn die Welt nicht übrig? Felsenwände
Sind sie nicht mehr gekrönt von heigen Schatten?
Die Ernte, reift sie nicht? Ein grün Gelände
Zieht sich's nicht hin am Fluss durch Berg und Motten?
Und wölbt sich nicht das überwertlich Grosse,
Gestaltenreiche, bald Gestaltenlose?»*¹**

* Иль мир погас? Иль гордые утесы // В лучах зари не золотятся боле? // Не зреют нивы, не сверкают росы, // Не вьется речка через лес и поле, // Не блещет – то бесформенным эфиром, // То в сотнях форм – лазурный свод над миром? (Пер. с нем. В. Левика).

Этим он тогда утешал себя от нее, этим он сейчас утешает нас от них (всех: тайных советников, пролетариев, жирных тел, злобных толп, семиэтажных гостиниц... вместо тех домиков...)

— Ins Herz, zurück! Dort wisst du's besser finden!*²

Была на выставке. Эти фигуры – работа *женская*³. Сов<етский> павильон похож на эти фигуры: *есть* – эти фигуры. А немецкий павильон *есть* крематорий + Wertheim**. Первый *жизнь*, второй *смерть*, причем *не моя* жизнь и *не моя* смерть, но *все же* – *жизнь* и *смерть*. И всякий *живой* – *так* скажет. Видела 5 павильонов – на это ушло 4 часа – причем на советский добрых *два*. Если интересно – *обещаю* написать подробно. (А, догадалась! Первый – *жизнь*, второй – *мертвечина*: мертвецкая.) Павильон не германский, а *прусский* и мог бы быть (кроме технических новоизобретений) в *1900* году. Не фигуры по стенам, а *идолы*. Кто строил и устраивал???

Неужели Вы не приедете на выставку? И неужели приедете – когда меня не будет? (Если уеду – то в начале июля до конца сентября. Есть надежда на Океан, который для меня – Мурино младенчество – и встречи с Рильке...)

А это – мой павильон. (И фон и передний план. А сию – сама я: в другом образе...)⁴

От Али частые письма. Пока – работа эпизодическая, часто анонимная, но хорошо оплаченная, сейчас едет с сестрой С<ергея> Я<ковлевича> (с которой живет) в деревню, а осенью надеется на штатное место в Revue de Moscou⁵. Очень довольна своей жизнью. Пишет, что скучает, но если

* В сердце вернись! Там ты все лучшее найдешь! (нем.)

** Огромный универсальный магазин в Берлине (примеч. В. Франка).

бы была способна на настоящую «скуку» (любовь) – не уехала бы. Кроме того, *четыре* года ежедневно доказывала мне свое равнодушие – чтобы не сказать хуже... *Дай ей Бог.*

Очень много нужно Вам написать, дорогая Анна Антоновна, но у меня срочная перебелка рукописи *Пушкин и Пугачев* для нового большого серьезного русск<ого> журнала «Русские Записки»⁶, имеющего выходить в Шанхае. Если есть вид мариенбадского дома, где жил Гёте – пришлите! Хотелось бы также хороший его старый портрет. Пишите! Целую, всегда помню и всегда люблю.

М.

В Мариенбаде, увы, не была никогда. Дед и мать (девочкой) – постоянно.

118

Lacanau-Océan (Gironde)
Av<enue> des Frères Estrade
Villa Coup de Roulis
 16-го июля 1937 г.

Дорогая Анна Антоновна! Приветствую Вас с Океана. Мы здесь шестой день. (Мы: Мур и я, С<ергей> Я<ковлевич> приедет в августе.) Это мое четвертое море во Франции – из к<отор>ых – третий океан, и вот скажу Вам, что каждый раз – разное. St. Gilles (Пастернак, Рильке, Мурины первые шаги) – рыбацкая деревня, Pontailac – курорт, La Favière – русский дачный морской поселок, и наконец, Lacanau-Océan – пустыня: пустыня берега, пустыня океана. Здесь сто лет назад не жил *никто*. Место было совсем дикое, редкие жители – из-за болот – ходили на ходулях. И что-то от этого – не от ходуль, а от дикости – осталось. Здесь, напр<имер>, ни одного рыбака, ни одной лодки – и *ни одной рыбы*. Просто – нет. В Фавьере – ловили, но не продавали, здесь – просто не ловят. Странно? Но – так.

Поселок – новый, постоянных жителей – несколько семей, остальные – сдают и живут только летом. Огром-

ный, безмерный пляж, с огромными, в отлив, отмелями. И огромный сосновый лес – *весь сáженный*: сосна привилась и высушила болота. (Но и болота-то – странные: на песчаных дюнах, даже трудно верить.) Во всем лесу (100 кил<ометров>) *одна* (цементированная) тропинка: песок – дорог не держит, следов не держит. Неподалеку (уже ходили) пресное озеро – откуда?! Там старый, старый старик пас стадо черных коров с помощью одноглазой собаки. Там я впервые увидела траву и чуть-чуть земли. Здесь земли нет совсем.

Живем мы в маленьком (комната, кухня, терраска) отдельном домике, в маленьком песчаном садике, в 5 ми<н> от моря. Домик чистый и уже немолодой, все есть, мебель деревенская и староватая: все то, что я люблю. Хозяев – они же владельцы единственного пляжного кафе – почти не видим: уходят утром, приходят ночью.

Еда – дороже, чем в Ванве, мясо недоступно: не покупала ни разу, рыбы, как я уже сказала, нет совсем, морковки продаются поштучно (25 сант<тимов> штука), к фруктам не подступишься – спасаемся кооперативом, к<отор>ый каждый день выставляет какую-н<и>б<удь> дешевку. Ее и едим.

Дачников, пока, довольно мало – главный съезд в августе – общий тон *очень* скромный: семьи с детьми, – никаких потрясающих пижам, никакой пляжной пошлости. *Хорошее* место – только если бы рыба!

Купанье – волны. Плавать почти нельзя. Оно мелкое, постепенное. За два дня было целых три утопленника, к<отор>ых всех троих спас русский maître-nageur*, юноша 21-го года, филолог-японист. В прошлом году он спас целых 22 человека. Люди, не умеющие плавать, заходят по горло в воду и при первой волне – тонут. А волны непрерывные и сильные: здесь не залив, а совершенно открытое море.

Прочла (здесь уже) Sigrid Undset – «*Ida-Elisabeth*»**1. Первое разочарование: *Ida*. Правда – пустое, дамское, лжепоэтическое

* Учитель плавания (фр.).

** Сигрид Унсет – «Ида-Элизабет» (нем.).

и не старинное, а старомодное – имя? (Что бы: *Anna-Elisabeth!*) А дальше и разочарования не было, п. ч. я *знала*, что 1) второй *Kristin* ни ей, ни мне, никому не написать, 2) читала *Jenny**2 и *не* полюбила. *Ей* (Унсет) дано *только* (!!!) прошлое, гений *только* на прошлое. Кто эта *Ida-Elisabeth*? Что в ней такого, чтобы *Undset* о ней писать, а нам читать – 500 стр<аниц>? Где-то она сама о себе говорит, что она *Durchschnittsmensch*** . *Durchschnittsmensch* – и есть. Никакой личности, никакого очарования, – *только* хорошее поведение. Этого – для героини – мало. И дети бесконечно лучше даны в *Kristin*, чем здесь. Хороша, конечно, природа, но мне – как в жизни – в ней мешает *Auto* и *Moto*: ее героиня полкниги ездит на автомобиле.

С нетерпением жду *Вашей* оценки, дорогая Анна Антоновна: читая, все время о Вас думала: на Вас оглядывалась.

Но я все-таки никогда не думала, что *Unset* способна на *скучную* книгу!!!

А вот *С. Лагерлёф* – *неспособна*. Какая усада – после *Ida-Elisabeth* – ее *Marbacka*³: их трехсотлетняя родовая усадьба, где она родилась и выросла, к<отор>ую пришлось продать и к<отор>ую она потом, уже пожилая, выкупила: дом и сад. Если читали – напишите, если *не* читали – прочтите, тут же, летом. И подумайте, что ей 80 лет!

Пишу свою *Сонечку*⁴. Это было женское существо, которое я больше всего на свете любила. М. б. – больше *всех* существ (мужских и женских). Узнала от *Али*, что она умерла – «когда прилетели *Челюскинцы*». И вот теперь – пишу. Моя *Сонечка* *должна* остаться. Было это весной-летом 1919 г. Без малого – 20 лет назад! (Уехала я в 1922 г. А из Чехии – в 1925 г. Боже! *Как годы летят!*)

* Йенни (нем.).

** Средний человек (нем.).

Эпиграф к моей Сонечке, из V. Hugo:

Elle était pâle – et pourtant rose,
Petite – avec de grands cheveux...^{*5}

Откликнетесь поскорей, дорогая Анна Антоновна! Пишу по старому адр<есу>, п. ч. Вас наверное уже нет в Мариенбаде, а нового — деревенского Вашего местонахождения — не знаю.

Мур отлично себя ведет: утром сам занимается, помогает мне по хозяйству, много читает — и немножко скучает: у него нет товарища, — здесь на пляже никто не знакомится. У меня тоже нет товарища — но я привыкла.

Целую Вас, дорогая Анна Антоновна, и очень жду весточки.

М.Ц.

Пишите Lacaпau-Осéап, п. ч. есть другое Lacaпau, без Осéап, в песках без моря.

NB! Нечаянно оставила белую страницу. Ее заполняет Мур.⁶

119

*Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
27-го сентября 1937 г., понедельник*

Нет, дорогая Анна Антоновна, я Вам писала последняя, и очевидно письмо пропало, странствуя вслед за Вами — в этом письме было прибытие к нам испанского республиканского корабля — беженцев из Сантандера¹, и день, проведенный с испанцем, ни слова не знавшим по-франц<узски>, как я — по-испански, — в оживленной беседе, в которую вошло решительно — все. Теперь друг — на всю жизнь.

20-го мы вернулись, а следующий за нами поезд, которым мы чуть-чуть не поехали, потерпел крушение: были стер-

* Она была бледна — и все же розова,
Маленькая — с длинными волосами... (фр.)

ты в порошок два вагона – п. ч. – деревянные. А мы тоже ехали в деревянном, я раньше и не разбирала.

Странно (верней – *не* странно), я как раз вчера вечером купила заграничную марку – писать Вам, а нынче утром – Ваше письмо. Я чувствовала, что Вы моего испанского не получили, – Вы никогда так долго не молчите.

Все лето писала свою Сонечку – повесть о подруге, недавно умершей в России. Даже трудно сказать «подруге» – это просто была *любовь* – в женском образе, я в жизни никого так не любила – как ее. Это было весной 1919 г. – это была весна 1919 г. И с тех пор все спало – жило внутри – и весть о смерти всколыхнула все глубины, а м. б. я спустилась в свой тот вечный колодец, где все всегда – живо. Словом, это лето я прожила с ней и в ней, и нынче как раз поставила последнюю точку. Писала все утра, а слышала, слушала ее внутри себя – целый день.

Эпиграф к ней:

*Elle était pâle — et pourtant rose,
Petite — avec de grands cheveux...**

Вышла большая повесть: 230 моих рукописных страниц. Пойдет (тьфу, тьфу, не сглазить) в новом русском шанхайском журнале «Русские Записки», где мне, пока что, дают полную волю.

Ничего другого не писала, только письма.

Очень боялась ехать сюда — и уже сбывается: столько черной работы, весь день до поздней ночи — мыть, стирать, сушить, разбирать, варить... Но я твердо решила — два утренних часа отвоевывать, п. ч. все равно — всего не переделаешь, а горечь неписания — как отравы, просто — жжет.

Еще новая «беда», даже две: менять квартиру, п. ч. все утра прошлой зимы у меня уходило на топку трех не желающих гореть печей — и вообще — дом разваливается — безвозвратно. И — вторая: переводить Мура в но-

* См. перевод на с. 280.

вую школу, п. ч. директор запросил вдвое против прошлого года, т. е. 200 фр<анков> в месяц: 600 фр<анков> в триместр, чего мы платить *не* можем. — Et pas un sou de moi!* — это об ученике, учившемся у него *четыре* года, из которых три — был первым, а один — вторым. И он *знает*, что я платить *не* могу. — Ну, Бог с ним!

Нет, дорогая Анна Антоновна, не хочу быть для Вас ни идеей, ни видением: если бы Вы знали, насколько я *жива*. Даже загнанная в невылазную щель *быта*.

...Сплошная обида: так часто люди ездят в Прагу — «съездил в Прагу», «неделя как вернулся из Праги», и — только я не могу, п. ч. у меня никогда не будет таких денег. (Откуда — у них? Должно быть — какие-нибудь казенные, общественные, кому-то нужно, чтобы такой-то ехал в Прагу, — и никому не нужно, чтобы ехала — я: только мне одной!) — Видела в кинематографе похороны Масарика²: его строгий замок, его белую бедную комнату с железной кроватью, — сопровождающие факелы — стражу у гроба, с молодыми прекрасными лицами, — плачущий народ... И его — в гробу. *Орлиное* лицо...

Частые письма от Али, но... простоватые. *Жизни* ее я из них не вижу — и не увижу. Она ведь вроде как приказала себе — переделаться, я этого *совсем* не понимаю и не вижу зачем ей это нужно было. Чтобы идти в шаг с веком?

Письма как будто очень сердечные, любящие, но — чему-то я в ней *не* верю. Пишу, отвечаю, оповещаю о всех наших событиях, но всё — только на известную глубину. О себе *по существу* я с ней говорить *не* могу, ибо она вся — отрицание меня и моего. *Не* сговоримся.

Внешне ей хорошо. Сотрудничает в хорошем литер<атурном> франц<узском> журнале, оплата приличная, ходит в театр, ездит в дом отдыха, сейчас учится стрелять и проходит курс санитарной обороны. Дай ей Бог!

* И не гроша меньше! (фр.)

Обнимаю Вас, дорогая Анна Антоновна, и сбегáю с нашей горки — на почту.

М.Ц.

Читали ли Вы Pearl Buck³:

- 1) La Terre Chinoise
- 2) Les Fils de Wan-Lung
- 3) La Famille dispersée*

Она дочь амер<иканского> миссионера, родившегося в Китае. Да, еще *замечательная* ее книга: *Mère***.

120

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

17-го ноября 1937 г., четверг

Дорогая Анна Антоновна,

Отвечаю сразу: С<ергей> Я<ковлевич> не при чем¹: та́к, как он жил с нами этим летом на́ море, мог жить только человек с спокойной совестью, а он — живая совесть. Еще 1-го октября мы с ним хотели отказаться от квартиры и строили всякие планы на эту зиму. Кроме того, я его знаю с 5-го мая 1911 г., то есть — 26 лет.

Полиция мне, в конце допроса, длившегося с утра до позднего вечера², сказала: — если бы он был здесь, он бы остался на свободе, — он нам необходим только как звено дознания.

Это у следователя, изведенного за долгий день не меньше меня, вместе с: *parole d'honneur!** Вырвалось.**

* 1. Китайская земля (*фр.*).

2. Сыновья Ван-Лунга (*фр.*).

3. Семья в рассеянии (*фр.*).

** Мать (*фр.*).

*** Честное слово! (*фр.*)

С их слов он по другим делам был связан с людьми, к<отор>ые «ont fait un mauvais coup»*. Вот все, что я об этом знаю.

Скажу Вам то, что сказала в Sûreté** — тем: — *C'est le plus noble, le plus loyal et le plus humain des hommes****.

В *правых* кругах, среди его бывших (да и оставшихся: *пребывших!*) друзей, читателей Возрождения, полное возмущение Возрождением, особенно подлейшим интервью П.П. Сувчинского, где он его аттестует «неумным, неталантливым» с кличкой «верблюду» — за смесь *патетизма* и *глупости*. Один такой читатель сказал, что при встрече с Сувчинским набьет ему морду, а другой — что «войди сейчас С<ергей> Я<ковлевич> в мою квартиру, я не только бы не испугался, а обрадовался бы и сделал для него все, что мог».

И это — *правые*: его идейные противники.

Ко мне — полное сочувствие, и вне всякой двусмысленности: ты, де, жертва... Нет, все любящие меня любят и уважают и его. Чудесно ведут себя *женщины*, не верящие. Мужчины же — *знают* как и кем пишутся газеты.

Словом, дорогая Анна Антоновна, будьте совершенно спокойны: ни в чем низком, недостойном, бесчеловечном он не участвовал. Вы помните его глаза? С такими глазами умирают, а не убивают. Над ним еще в Армии смеялись, что всех спасает от расстрела. *Он весь* — свои глаза.

Было *очень плохо*, я совсем умирала от атмосферы Бесов и особенно *Der Prozess — Kafka*⁵ — к<оторо>го читала летом. Не ела, не спала, — умирала. А потом пришел мой редактор Фондаминский⁶ и сказал: — Его

* «Занимались скверными делами» (фр.).

** Служба безопасности (фр.).

*** Это самый благородный, самый честный и самый гуманный человек на свете (фр.).

нет во Франции, а Вы ни в чем не виноваты — в чем же дело?! — и я воскресла, и теперь живу, хотя — все-таки — с трудом. (В те дни — и даже недели — я не прочла и не написала ни строки, я была *убита*, и первое, чему я (чуть-чуть!) обрадовалась была природа: река на закате: невинность воды...

Много, много работы по дому: налаживание печей (переключка с Вашей печкой...), починка вещей к зиме, отдача лишнего — а сколько его!

Мур учится с учителем, в школу его сейчас невозможно из-за франц<узских> газет, где «всё» было пропечатано. Учитель (бывший морской офицер, русский из немцев) — преданный, помогает.

...Было четверо, стало двое. Дом *ужасно* печален, из покинутой (навсегда!) комнаты дует нечеловеческим холодом. Висят осиротевшие старые пиджаки.

Читали ли Вы «*Vie de Ste-Thérèse de l'Enfant Jésus*» (la petite Ste-Thérèse) *écrite par elle même*?* Если нет — пришлю. Она умерла в 1894 г., прожив двадцать четыре года и оставшись четырехлетней⁷. — Ответьте. —

Конечно Кассандра (и *та* и *эта*!) И конечно — руины. У меня *вещее* сердце при слепых глазах: я всё — и ничего — не знаю.

Леонардовскую Кассандру я страстно любила, когда ее читала: шестнадцати лет⁸. У нее ведь тоже *Sehnsucht: die Sucht nacht dem Sehnen*** : тоска по тоске.

Обнимаю Вас и жду *скорой* весточки.

М.

Одна моя бельгийская (русская) приятельница прислала мне цветущее деревце (азалию) с подписью: Ваша сейчас и через сто лет. — Имя⁹. —

* «Жизнь Святой Терезы Младенца Иисуса Христа» (маленькой Св. Терезы) житие написанное ею самой (фр.).

** Тоска: тоска после поиска (нем.).

Vanves (Seine)

65, Rue J. B. Potin

3-го января 1938 г., понедельник

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна, и с прошедшими праздниками, с которыми я Вас, увы, не поздравила, хотя непрерывно о Вас думала, особенно под нашей маленькой елочкой, верней сказать – *над!* На ней еще чешские *настоящие* елочные шишки – из вшенорских лесов: самовызолоченные!

У нас началась зима, и печи (о, ирония!) совсем отказываются гореть (*ужасная тяга и ничего не помогает!*). Я в своей комнате, с начала осени сменила *четыре* печи (купила из них – только одну: худшую! Остальные – *были*, или – одолжены) и – *plus ça change plus c'est la même chose**, т. е. дым, зола, чернота и холод. Горят (уголь) только пока подкладываешь щепки, значит – нужно весь день рубить и колоть, у меня все руки в язвах и ожогах, не говоря уже о *цвете*. Так и бьюсь с утра до вечера, и даже ночью.

Это моя последняя зима в этом доме, в к<отор>ом мы живем без малого четыре года и который я, несмотря на все, а верней – смотря на все *вокруг*, мой каштан, Мурину бузину, неизвестно – чьи огороды – люблю и буду любить – пока жива буду. (Как *всё*, что когда-либо любила.) У меня сильнейшее чувство благодарности к «неодушевленным» предметам.

Жизнь идет тихо, Мур учится с учителем, учится средне, п. ч. – скучно: одному, без товарищей, без перерыва *игры*, и учитель – скучный: честный, исполнительный, но из русских немцев и неопишимо-однообразный. Но это все-таки лучше, чем полная незанятость. А я – не могу: из-за печей, и мелочей, и кухни, в к<отор>ой мороз и в к<отор>ой

* Чем больше все меняется, тем меньше перемен. (Должно быть лучше, на самом деле хуже) (*фр.*).

провожу полдня, а мне кажется, я всякого – всему – выучу, особенно – тому, что мне самой – трудно, п. ч. я отлично понимаю, как можно *не*-понимать. И потому что *каждое* дело – делаю *со страстью*.

– Какое скучное письмо! – Простите. Но если бы Вы вошли в мою комнату, Вы бы *поняли* – всю безнадежность в данную минуту писать о чем-н<и>б<удь> другом, кроме печей. Мне недавно один человек сказал: – «А это у Вас, как будто, уже – мания!» (Сам живет с центральным отоплением).

Но, раз – январь, скоро – весна (у меня – *тáк!*). Тогда я отмоюсь – о, главное отмоюсь! от всей этой золы, засоряющей и голову. (Душу – нет).

Обнимаю Вас, дорогая Анна Антоновна, и сердечно прошу меня простить за такую скуку: потому так долго и не писала, что *знала*, что напишу – такое. Сердечный привет и поздравления сестре.

М.

122

*Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
7-го февраля 1938 г.*

– мне все еще хочется писать 1937 – люблю эту цифру – любимую цифру Рильке –¹

Дорогая Анна Антоновна! В газетах опять началась травля С<ергея> Я<ковлевича>, его просто (NB! «по сведениям из Швейцарии», где его ноги не было) называют участником убийства, когда он (знаю *наверное*) ко всему этому делу *ни малейшего отношения* не имел, и это лучше всего знают те, кто *сидят* и один из коих, выгораживая себя и пользуясь его отсутствием его обвиняет – иль называет. *Никто* из знавших С<ергея> Я<ковлевича> в это *не верит*, – люди самых разнообразных кругов и убеждений, и в самой редакции сидит человек, к<отор>ый просто смеется

при мысли, что С<ергей> Я<ковлевич> мог *убить* или — *участвовать*, а — печатают, без единого доказательства, «по сведениям из Швейцарии»...²

Очень прошу Вас, если при Вас будет заходить об этом речь — *смело* говорите — *то́, что́* есть: человека — нет и вот, на него кто-то *валит и взводит*.

Конечно, все это мне не дает жить: за всю эту зиму не написала — ничего. Конечно — трудная жизнь, но когда она была легкая? Но просто нет душевного (главного и единственного) покоя, есть — обратное.

(Простите за *скучные* открытки: такие торжественные здания — *всегда* скучные, но сейчас ничего другого нет под рукой, а на *письмо я неспособна*.)

Утешаюсь погодой: сияющей, милостивой, совсем не зимней, мы уже две недели не топим: лучше сносный холод, чем этот (мелкий, жалкий!) *ад*. А на улице просто — расцветаю, хотя смешно так говорить о себе, особенно мне — сейчас: я самое далекое, что́ есть — от цветка. (Впрочем, и 16-ти лет им не была — и не хотела быть. Тогда же — стихи:

Это были годы роста:
Рост — жесток.
Я не расцвела просто —
Как цветок.

(Это — в 16 лет! Умная была, но не очень счастливая —)

Утешаюсь еще Давидом Копперфильдом³ (*какая книга!*) и записками Mistress Abel⁴ — бывшей маленькой Бетси Балькомб — о Наполеоне на Св<ятой> Елене: она была его *последней* улыбкой...

Мур растет, рисует, учится, *очень* хороший, *честный*, прямой, совсем не хочет «нравиться», говорят — красивый. 1-го февраля ему пошел четырнадцатый год. Я думала о Вас, вспоминала, как Вы к нам с ним приехали. — *Vorüber — vorüber* —⁴

Обнимаю Вас и *всегда* люблю.

М.

* Мимо — мимо — (нем.)

123

Vanves (Seine)
65, Rue J. B. Potin
23-го мая 1938 г., понедельник

Дорогая Анна Антоновна,

Думаю о Вас непрерывно – и тоскую, и болею, и него-
дную – и *надеюсь* – с Вами¹.

*Я Чехию чувствую свободным духом, над которым не
властны – тела.*

А в личном порядке я чувствую ее *своей* страной, *родной*
страной, за все поступки которой – отвечаю и под которы-
ми – заранее подписываюсь.

Ужасное время.

Я все еще погружена в рукописную работу, под кото-
рой – иногда – погибаю. Поэтому так долго не писала. Но
думала – каждый день.

Сейчас 6 ч. утра, пишу в кухне, за единственным столом,
могущим вместить 8 корректур сразу. Из кухни не выхожу:
не рукописи – так обед, не обед – так стирка, и т. д. Весны
в этом году еще не видела.

Жду от Вас весточки, – хотя бы нескольких слов.

Обнимаю Вас и благодарю за всё.

Будем надеяться!

М.Ц.

124

Шартр, 5-го авг <уста> 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечный привет из Шартра¹. – такого же чудного
(и *Вашего*) как Брюгге и как Прага. На днях – письмо.

Всё Ваше получила. Люблю и помню всегда — на весь остаток мне полагающихся лет.

М.Ц.

125

*Paris, 15-me,
32, Boulevard Pasteur,
Hôtel Innova, ch<ambre> 36
24-го сентября 1938 г., суббота*

Дорогая Анна Антоновна,

Нет слов, но они *должны* быть.

– Передо мной лежит Ваша открыточка: белые здания в черных елках – чешская Силезия. Отправлена она 19-го августа, а дошла до меня только нынче, 24-го сентября – между этими датами – всё безумие и всё преступление¹.

День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней, с ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое.

Глубочайшее чувство опозоренности за Францию, но это *не* Франция: вижу и слышу на улицах и площадях: вся настоящая Франция – и *толпы и лбы* – за Чехию и *против* себя. Так это дело *не* кончится.

Вчера, когда я на улице прочла про генерала Faucher² – у меня слезы хлынули: наконец-то!

До последней минуты и в самую последнюю верю – и буду верить – в Россию: в верность *ее* руки. Россия Чехию сожрать *не* даст: попомните мое слово. Да и насчет Франции у меня сегодня великие – и радостные – сомнения: не те времена, чтобы несколько слепцов (один, два – и обчелся) вели целый народ – зрячих. Не говоря уже о позоре, который народ на себя принять *не* хочет. С каждым *часом* негодование сильней: вчера наше жалкое Issy (последнее предместье, в котором мы жили)³ выслало на улицу четыре тысячи манифестантов. А нынче будет – сорок – и кончится громовым

скандалом и полным переворотом. Еще ничто не поздно: ничего не кончилось, – все только начинается, ибо французский народ – часу не теряя – спохватился еще до событий. Почитайте газеты – левые и сейчас единственно-праведные, под каждым словом которых о Чехии подписываюсь обеими руками – ибо я их писала, изнутри лба и совести.

А теперь – возьмите следующую страничку и читайте:

Nous sommes un peuple qui devant le tyran jamais ne s'est courbé
Et qui jamais n'a accepté d'être conduit par un homme injusté.
Nous avons conquis la gloire à la pointe de nos lances.
Notre voisin est respecté, et qui vit sous notre égide ne craint rien.
De nos pères nous avons hérité de solides épées.
Qui seules représentent leurs testaments.
Qui veut nous résister, qu'il résiste; et qui veut nous céder, qu'il
cède.
Nous distinguons la bonne et la mauvaise monnaie.

(El Korayz ibn Onayf)

...On nous blâme de ce que nous ne soyons pas nombreux.
Je leur répons: Petit est le nombre des héros!
Mais ils ne sont pas en petit nombre ceux qui sont représentés
Par des jeunes gens qui montent à l'assaut de la gloire –
Et d'être peu nombreux ne nous nuit guère.
Nous avons une montagne qui abrite ceux que nous
protégeons,
Inexpugnable, qui fait baisser les yeux de fatigue.
Sa base repose profondément dans la Terre
Et sa cime s'élève superbe jusqu'aux étoiles.
Notre race est pure, sans mélange, issue
De femmes nobles et des héros.
Nous sommes comme l'eau des nuages: utiles
A nos semblables: il n'est point d'avares parmi nous.
Nous donnons un démenti aux paroles d'autrui
Et personne ne peut démentir notre dire.
Si un d'entre nous vient à périr, un autre se lève

Eloquent, mettant en action les propos des âmes hautes.
Notre feu est toujours allumé pour accueillir le voyageur
Et jamais hôte n'eut à ce plaindre de notre hospitalité.

(El Samaoual)

...Qui dispense ses biens pour préserver sa gloire
La préserve, et qui ne répudie pas l'insulte, est insulté;
Qui est fidèle à son serment ne saurait être jugé,
Qui n'honore pas son âme, ne peut être honoré!
Qui ne protège pas son champ par les armes, est perdu.
La langue et le coeur, l'homme est fait de ces deux moitiés.
Le reste, chair et sang, n'est qu'une image.

Si tu es atteint par le malheur
Revêts-toi de patience – cela est plus digne.
Surtout garde-toi de te plaindre à tes semblables.
Ainsi tu te plaindrais du Dieu de la miséricorde –
à des gens sans miséricorde!

Si la fortune te combat – prends patience,
Car la fortune n'a pas de patience.
Prends courage. Jusqu'au dernier souffle de ta vie
Cache aux ennemis ton découragement.
La joie de tes ennemis est de te voir bas et las,
Mais ils sont dans la tristesse à te savoir patient.

C'est un temps difficile – mais il sera suivi par l'abondance.
C'est un malheur – il sera suivi d'une joie prochaine.
Réfléchis: un chagrin qui doit passer
Vaut mieux qu'un bonheur qui ne peut pas durer.
Si le malheur te frappe encore, de façon
A rendre vains tes malheurs passés,
Et si après cela de nouveaux malheurs arrivent
Qui te font prendre en horreur la vie –
Espère!
Car tes malheurs touchent à leur fin.
Hier m'a fait pleurer,
Aujourd'hui je pleure hier.

<П е р е в о д:

Мы народ, никогда не склонявшийся перед тираном,
Никогда не дававший себя вести несправедным людям.
Мы добыли славу остриями собственных копий,
Чтим соседа, и живущий под нашей защитой всегда спокоен.
Мы унаследовали от предков надежные шпаги,
Которые сами составляют свои завещания.
Кто решил нам противиться – пусть противится;
кто решил уступить нам – пусть уступает:
Мы всегда отделить сумеем зерно от плевел.

(Эль Кораиз ибн Онаиф)

Нас немного, но тем, кто за это нас порицает,
Я отвечаю: героев – единицы!
Хотя на самом деле не так уж и мало
Молодых людей, берущих приступом славу:
Наша малочисленность – нам не помеха.
Мы неприступной горой владеем – здесь могут укрыться
И очи смежить от усталости все, кто попросит нашей защиты:
Ее основание уходит в земные недра,
Ее вершина вздымается к самым звездам.
Род наш, чистый по крови, происходит
От героев и благородных женщин.
Мы подобны каплям дождя: мы служим поддержкой
Себе подобных – и никогда не скупимся.
Речи чужих мы опровергаем – но никто не в силах
Опровергнуть наши собственные речи.
Стоит пасть одному из нас – как другой, поднявшись,
Подхватывает слова и дела высоких порывов.
Наш огонь горит, привечая в пути скитальца,
Наш гость не посетует на недостаток гостеприимства.

(Эль Самауаль)

Кто раздаст нажитое, дабы не утратить славы, –
Ее не утратит, а кто не отвергнет обиды – будет обижен;
Кто верен клятве, того осуждать не станут,
Кто сам не чтит свою душу, не будет чтимым другими!
Не охраняющий поле оружием будет ограблен.
Язык и сердце – вот из чего состоит мужчина.
Все остальное – плоть и кровь – всего лишь воображение.
Ежели ты сокрушен несчастьем,
Облачись в терпенье – терпенье всему преграда.
Главное: остерегайся жаловаться себе подобным.
Помни: ты сетовать будешь на божественное милосердие –
людям немилосердным!

Тебя хватает за горло судьба – наберись терпенья,
Ибо как раз терпенья судьбе не хватает.
Будь мужественным. До последнего вдоха
Прячь от врагов упадок духа.
Недругам радостно видеть тебя уставшим и павшим,
Им невыносимо твое долготерпенье.
Настали суровые времена – но за ними последует изобилие.
Настали горести – но за ними последует грядущая радость.
Сам посуди: печаль, что уже проходит,
Дороже счастья, неспособного длиться дальше.
Если сразит тебя новое горе, перед которым
Прошлые беды станут пустой тщетою,
И если снова обступят тебя напасти,
Вызывая в тебе ужас перед жизнью, –
Надейся!
Ибо к концу подходят твои несчастья.
Вчера меня принудило плакать.
Сегодня я оплакиваю вчера.

(Пер. с фр. М. Яснова)

Это – арабская поэзия, чистым случаем попавшая мне в
руки – в *нужную* минуту. Все это сказано больше тысячи
лет назад.

Хочу знать о Вас и страстно жду весточки. Если бы события нас разъединили – говорю на всякий *невозможный* случай – знайте, что Вы – *всегда* со мной – но знайте еще, что я *всё сделаю*, чтобы и наша внешняя связь не порвалась.

Обнимаю Вас и в Вашем лице – всю мою родную Чехию: «mit dem heimatlichen “prosim”»⁴ – (Rilke).

М.

Мне сейчас – стыдно жить.

И всем сейчас – стыдно жить.

А так как *в стыде* жить нельзя...

– Верьте в Россию!

P.S. Полгода назад – здешний ясновидящий Pascal Fortuny⁵ – старинный и старомодный старичок с белой бородой – профессор – подошедши ко мне, севшей нарочно подальше, поглубже – сказал:

– Je Vous vois dans une ville ancienne... Beaucoup d'eau... beaucoup d'eau... Vous êtes sur un pont – avec des statues... pour ainsi dire... flottantes... Et je vois un crucifix, un très grand crucifix...

– J'ai bien été à Prague, Monsieur, mais beaucoup d'eau s'est écoulé sous le Karlov Most depuis que je m'y suis accoudée pour la dernière fois... **

Теперь я поняла: он просто видел – будущее (А тогда я обиделась за моего рыцаря – что *его* не помянул! Обнимите его за меня!)

* См. перевод на с. 97.

** – Я вас вижу в старинном городе... Много воды... много воды... Вы на мосту – со статуями... так сказать... плавающими... И я вижу распятие, очень большое распятие... – Я была в Праге, мсье, но уже много воды протекло под Карловым мостом с тех пор, как я в последний раз на него облокотилась... (фр.)

Paris 15-me
32, Boulevard Pasteur, ch<ambre> 36
3-го октября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Дней 8–10 назад отправила Вам большое письмо, но не знаю, дошло ли: в нем были арабские стихи (по-французски) о великом, свободном, верном слову, народе¹. Повторю вкратце: Чехия для меня сейчас – среди стран – единственный человек. Все другие – волки и лисы, а медведь, к сожалению – далёк. Но – будем надеяться, надеюсь – твердо.

Лучшая Франция: толпы и лбы – думают и чувствуют, как я, а те, что *поступают* – ничего не чувствуют и – мало думают.

Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу *плакать* над ней (над здоровым не плачут, а она, среди стран – единственная здоровая, больны – *те!*), итак, не хочу плакать над ней, а хочу ее *петь*.

Мне бесконечно жаль, что у меня нет ни одного отличия, чтобы сейчас их вернуть: швырнуть.

Нынче, среди бесчисленного списка протестующих, с радостью и даже со счастьем прочла имена François Joliot и Irène Curie², тех, что в этом темном мире продолжают светлейшее и труднейшее дело радия. (Madame Curie³, открывшая радий, мать нынешней, сама родилась в угнетенной, затемнённой стране, что не помешало ей – осветить весь мир – а может быть и *заставило*. Наравне с радием она любила родину. И свободу.) Прочтите книгу о ней ее дочери: Eva Curie – Madame Curie, лучший памятник дочерней любви и человеческого восхищения⁴.

Жду весточки. Поскорее. Надеюсь, что скоро начнут ходить настоящие письма. Получила письмо от Али: вспоминает детство, дремучие леса, игру Вашей мамы, Вас с сестрой, кота Муцика⁵.

Обнимаю Вас от всей души и жду, жду, жду – хотя бы нескольких слов. Ваша открытка из темных лесов – последнее.

М.

127

Paris 15-me
 32, Boulevard Pasteur
 Hôtel Innova, ch<ambre> 36
 24-го октября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваша открытка – большая радость, переписала ее Але. Счастлива знать, что хоть немножко ободрила Вас в Вашем семейном горе¹, которому сочувствуют все мои близкие, все когда-либо подошедшие к Вашей семье. Недавно, в кинематографе, я так живо вспомнила Вас и Ваших: секундное видение города – такой красоты, что я просто рот раскрыла (не хватило глаз!). Ряд мостов – где-то среди них – мой, с Рыцарем – точно ряд радуг – меня просто обожгло – красотой! Подпись: Прага. И я подумала: чтобы любить город, нужно никого в нем не любить, не иметь в нем любви, кроме него: *ego* любить – тогда и полюбишь и напишешь. («Любить» беру: неразумно, безумно – любить.) Вы для меня – настоящее лицо Вашего города. (А помните уроки вязания при лунном свете у лесничего? Я – помню...)

Читаю сейчас книжку «По золотой тропе», надписанную: «Дорогая М<арина> И<вановна>, мне очень хотелось посвятить Вам эту книгу» – декабрь 1928 г.: 10 лет (вечность!) назад². Книга, как всё этого автора – легкомысленная: слишком многое любил, кроме этой «золотой тропы», но все-таки – ландшафты, имена, кусочки истории, кусочки жизни... Не знаете ли Вы какой-нибудь другой вещи – в этом роде, но лучше – где бы и история, и география, и легенды – лучше всего: книга для юношества, хоро-

шо бы – с картинами, можно, в кр<айнем> случае, и на чешском: со словарем – справлюсь. Вроде: Родной край, для больших детей, мне это бы очень пригодилось для одной моей литературной мечты. И еще просьба: страстная: пришлите мне *большое* изображение моего Рыцаря³, если есть – коричневое, и сделайте это поскорей. Даже два: одно – Рыцаря, другое – города, снятого с Градчан⁴, – чтобы *весь* город, с рекой и мостами, а м. б. можно *и с* Градчанами? Словом, Вам виднее, но не снимок с картины и не цветное, а хорошую *точную* фотографию. Эти два изображения следовали бы за мной повсюду, как та каменная пряжа из Шартрского собора: уже 500 лет – в живом солнечном луче – сидит и прядет...

Вы мне однажды – тоже 10 л<ет> назад! – уже послали Рыцаря (большого, во весь рост), но у меня его тогда *вымолил* покойный Н.П. Гронский,⁵ и я сейчас давно уже – и тщетно – ищу его следов. (Часть вещей взяла мать, часть – отец, часть – сестра, часть – друзья...) Я бы хотела с *очень ясным* лицом, чтобы видны были черты и чтобы сам он был *большой*: поменьше фону и побольше его: *большую* фигуру. – Если мыслимо. – Очень, очень буду счастлива: заветная мечта, здесь – неосуществимая. И – поскорей!

О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала?! Думала – на две недели, а вышло – 13 лет. 1-го ноября будет ровно 13 лет, как мы: Аля, Мур, я – въехали в Париж. Мур был в Вашем голубом, медвежьем, вязаном костюме и таком же колпачке. Было ему – ровно – день в день – 9 месяцев. – Тринадцать лет назад. Обнимаю Вас и сестру, всегда и во всем – с Вами. Сердечный привет от Мура.

М.

Рыцаря – тоже *фотографию*, не снимок с картины!!!

Paris 15-me
32, Boulevard Pasteur
Hôtel Innova, ch<ambre> 36
10-го ноября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Все получила – и книгу и открытку. Книга – чудесная, как раз то, что мне нужно, и бесконечно Вам за нее благодарна, не расстанусь с ней никогда¹. Здесь, кстати, на днях пойдет пьеса Карла Чапека² в театре Rideau de Paris, и, как Вы наверное знаете, ведется лучшей частью интеллигенции горячая кампания за присуждение ему нобелевской премии, есть подпись Joliot-Curie (обоих, неизменно присущая под всяким правым делом: они для меня, некий барометр правды). О Рыцаре не беспокойтесь: пришлите мне, если есть простую открытку, где он возможно крупнее и яснее, чтобы можно было увеличить, это мне сделают, и будет у меня *большой* Рыцарь. Только не туманную (художественную), а простую фотографию, по возможности face. Очень рада, что дошло мое большое письмо, арабские стихи остаются в силе. А вот еще одна хорошая строка, из Мистралья. – Croire mère á la victoire!^{*3}. – и прочла я ее в вечер того дня, утром которого кому-то сказала: – «Я даже не выношу, чтобы ее жалели, *только* верили!» и вдруг, у Мистралья (читаю в переводе: писал на провансальском) этот возглас. Книгу показываю всем друзьям, и даже недрузьям, и даже недрузья – чувствуют. А на другом языке я бы сейчас ее и читать не стала. Я тоже (в первый раз в жизни!) читаю все газеты, и первый вопрос, утром, Муру, приходящему с газетой: – А что с Чехией? Вижу ее часто в кинематографе, к сожалению – слишком коротко, и стараюсь понять: что за стенами домов – таких старых, таких испытанных, столько выдавших – и перестоявших. А в магазинах (Uni-Prix), когда что-нибудь нужно, рука неизменно тянется –

* Больше верить в победу! (фр.)

к чешскому: будь то эмалированная кружка или деревянные пуговицы, то есть: сначала понравится, а потом, на обороте: «Made in Tchecoslovaquie»*. Вот и сейчас пью из такой эмалир<ованной> кружки. И недавно, у знакомой выменяла кожаный кошелек, на картонную коробочку для булавок, с вытесненной надписью: Praha, Václavské nám<esti> и Musea. Всё это, конечно, чепуха, но такую чепухой любовь – живет. Если бы я могла, у меня все бы было – чешское. Вы пишете о прохладности друзей – о 20-ти годах дружбы – эх! – Я давно отказалась понять других: *всё* по-другому, не с чего начать. Напр<имер>, вдова недавно умершего русск<ого> писателя⁴, живущая только им, не едет 1-го и 2-го ноября на кладбище⁵, п. ч. очереди на автобус, и *ее* могила в эти дни, когда у *всех* гости, остается – одна. Потому что трудно сесть на автобус. Убейте – не пойму. Любовь – дело, кто только чувствует – не любит: любит – свои чувства.

Что *мне* Вам прислать отсюда, дорогая Анна Антоновна? П. ч. изредка бывают оказии. Есть чудесные книги: Шартр, Реймс, раннее средневековье: не читать: только глядеть. Но м. б. у Вас есть какое-нибудь предпочтение? Отзовитесь непременно. И знайте, что из Ваших русских друзей я все эти месяцы от Вас *не* выходила.

О себе: живу как во сне, почти не пишу: почти все пришлось раздать по рукам – и руки опускаются. «Et pourtant il y avait quelque chose – là!»** (А. Шенье, указывая на лоб)⁶. Потом поймете. – Читаю сейчас, первый раз в жизни, полную Хижину дяди Тома: отличная книга, мужественная и – вполне современная. Прочла Le J. Süss*** – Фейхтвангера: тоже современно⁷. Все обиды – стары́ как мир.

Мур перерос меня почти на́ голову: хороший, умный, только очень медведь: я им осталась – всю жизнь. Очень хорошо рисует. Говорят, что красив, когда напишу большое письмо – пришлю карточку, снимала сама этим летом.

* «Сделано в Чехословакии» (англ.-фр.).

** А все же там кое-что было! (фр.)

*** Еврей Зюсс (фр.).

На вид ему 18 лет, а лицо — детское: до сих пор спит с чешским (Алиным) медведем, к<отор>ый — до сих пор мычит! Целую Вас крепко и бесконечно благодарна за чудную книгу о чудной стране. Пишите!

М.Ц.

129

Paris 15-me

32, Boulevard Pasteur

Hôtel Innova, ch<ambre> 36

24-го ноября 1938 г., четверг

Дорогая Анна Антоновна! Вот — стихи! Пометка к третьему стихотворению (если неясно): — Есть в груди народов — язва: *наш* убит! То есть народы *эту* беду оплакивают — как свою, ибо радости от этой беды не будет *ни одному народу*: только — лицам. И не только *как* свою (оплакивают) — а как *свою будущую*, если не... Но отсутствие выводов не только свойство народов и народа, а и так называемых «культурных людей». — «Какой ужас — опять отобрали 60 поселков...» «Какой ужас с евреями!»... «Какой ужас — вместо 65 сант<имов> — марки — 90 сантимов!» И все — «ужас», а *почему* все эти ужасы, и почему они все вместе — никто (из моего окружения: культурного: пишущего) не хочет понять — и даже вопроса не ставит — слишком боясь услышать *ответ*. Все это то же малодушие, и косность, и *жир* (или — тяга к нему!) — которые сделали то — что сделано. Я в цельности и зрячести своего негодования — совершенно одинока. Я не хочу, чтобы всех их — жалели: нельзя жалеть живого, зарытого в яму: нужно живого — выкопать, а зарывшего — положить. Такая жалость — откупиться. — «Какой ужас!» — нет, ты мне скажи — *какой* ужас, и, поняв, уйди от тех, кто его делают или ему сочувствуют. А то: — «Да, ужасно, бедная Прага», а оказывается — роман с черносотенцем, только и мечтающим

вернуться к себе с чужими штыками или – просто пудрит нос (дама), а господин продолжает читать Возрождение² и жать руку – черт знает кому. В лучшем случае – слабоумие, но видя, как все отлично умеют устраивать *свои* дела, как отлично *в них* разбираются – не верю в этот «лучший случай». Просто – lâcheté*: то, что (нынешним) миром движет.

Я вчера – после очень долгого промежутка – виделась с М<арком> Л<ьвовичем>, и мы во всем с ним спелись. Но такие беседы – раз в год, а «жить» мне приходится – с такими другими! Вернее – живу одна, с собой, с другими – не живу: или бьюсь о них лбом – как об стену – или молчу. Я думаю, что худшая болезнь души – корысть. И страх. Корысть и страх.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, большая просьба: 1) напишите мне, где именно, в точности, у Вас добывается радий? М<арк> Л<ьвович> назвал Иохимов³ – но это наверно город? Назвал еще – отроги Крконош, но м. б. у этих отрогов есть какое-нибудь особое, *местное* имя? (Здесь, в Савойе, напр<имер>, у каждой горы есть имя, кроме собирательного: у каждой вершины.) Где в точности, *в какой горе* добывается радий? Мне это срочно нужно для стихов. И дайте немножко ландшафт. Я помню – в Праге был франц<узский> лицей, как бы мне хотелось чешскую физическую (природную) географию для старших классов, со всеми названиями горных пород и земных слоев – и такую же историю. Два учебника – по возможности по-французски, но если – нет, постараюсь понять и по-чешски, куплю словарь. Я помню – в разговорах Гёте с Эккерманом – целый *словарь* горных пород!⁴ а дело ведь было в Богемии.

И еще просьба: дайте прочесть мои стихи чешским поэтам, и вообще своим друзьям – чтобы знали – что есть один бывший чешский гость, который добра – *не* забыл.

Еще одна просьба: безумно хочу ожерелье (*длинное*) из богемского *дымчатого* (*не* белого!) хрусталя, гранёного.

* Подлость (*фр.*).

Узнайте, сколько такое стóит: *не* вокруг шеи, а чтобы лежало на груди, т. е. длинное граненое, *дымчатое*, по возможности из круглых и крупных бус (бывают «moderne» – какие-то кривые, я их не люблю), и я тогда Вам вышлю нужную сумму с оказией, а Вы мне его пошлете – *échantillon recommandé** (не знаю как по-чешски). *Очень* прошу Вас! Хотелось бы, чтобы *все* бусы были одной величины, *не*: на шее крохотные, потом больше, потом громадные, но если одинаковой величины *не* делают, то узнайте мне и цену постепенного – *лучшего*. (Помню, в Москве, на Кузнецком мосту: *Богемский хрусталь графа Гарраха⁵*.) – Пишу Вам под звуки торжественного марша в честь парижского почетного гостя Чемберлена⁶, в *данную* минуту входящего в *Hôtel de Ville***. Ему *сейчас* подносят 2 тома «La Ville de Paris»***, переплетенных каким-то знаменитым мастером, с зóлотом вытесненной подходящей надписью – как Александру I на Венском Конгрессе⁷ – Ч<емберлен> вошел: «J'ai peine à me représenter que ce grand vieillard qui est en train de distribuer des sourires pleins de bonhomie a pu tenir dans ses mains fragiles le sort de millions et de millions d'êtres...**** (точные слова спикера)... Описание чая и сэндвичей – и огромного роста лорда Галифакса⁸ – и «la fine fleur de l'aristocratie française, qui est venue ici pour fair honneur à nos hôtes – их платьев и фраков – sous la lumière crue des lustres»*****. – Музыка (довольно легкомысленная). Спикер объясняет: ария из оперетки – «Une tasse de thé – prise dans l'intimité» – и уточняет: *c'est du thé du Ceylan******.

Встречать миротворца – арией из оперетки – такого бы и романист – и юморист – не придумал! Но м. б. они здесь

* Заказной почтой (*фр.*)

** Здание городской ратуши (*фр.*)

*** «Город Париж» (*фр.*)

**** «Я с трудом могу представить себе, что этот великий старец, занятый раздачей полных добродушия улыбок, мог держать в своих хрупких руках участь миллионов и миллионов существ...» (*фр.*)

***** «Верхи французской аристократии, пришедшей почтить наших гостей... под ярким светом люстр» (*фр.*)

***** «Чашка чаю – выпитая в интимной обстановке... цейлонского чаю» (*фр.*)

снизошли к его возрасту! полагая, что *такому* старику всё, кроме оперетки, уже трудно. Начались речи. «Madame, j'aurais voulu que tout Paris...»* (Это он жене говорит. Что он «touché jusqu'aux larmes»** и благодарит ее за «sourire»***. Это – Prevost de Launey). «L'homme d'Etat et l'homme de coeur qui avec la collaboration de notre Chef d'Etat et de son premier Ministre a su conjurer les horreurs de la guerre... Vous avez fait dans l'histoire une entrée impérissable... Pour avoir conçu et réussi une telle entreprise il a fallu être le continuateur de d'Israeli⁹ (!!! – еврейские погромы) et de Gladstone...¹⁰ M. le Premier Ministre est issu du même terroir que notre Duguesclin...¹¹ Je suis sûr, M. le M., d'exprimer les sentiments de tous les Parisiens, de toutes nos provinces et de toute la France...»**** (Говорил – Président du Conseil Municipal*****). Теперь – другой – не успеваю записывать, но приводится фраза самого Ч<емберлена>, что без «dignité morale la vie vaut pas d'être vécue...»*****. Теперь говорит – по-французски, к<оторо>го не знает – сам Ч<емберлен>: «Qu'il me soit permis d'exprimer ma profonde gratitude pour la réception que m'a faite Votre belle capitale...» – «je suis sûr que cette conviction est partagée par tous les peuples du monde... Ma tâche est noble et mérite tous nos efforts...» (Conviction***** – что сделанное им дело – единственное правильное) ...«Je pense – comme nos

* «Мадам, я хотел бы, чтобы весь Париж...» (фр.).

** «Растроган до слез» (фр.).

*** За «улыбку» (фр.).

**** ...Прево де Лоней. «Государственный деятель и человек большого сердца, который в сотрудничестве с главой нашего государства и его премьер-министром сумел предотвратить ужасы войны... Вы заняли в истории незабываемое место... Чтобы совершить подобное блестяще продуманное и имевшее успех предприятие, нужно быть продолжателем дела Дизраэли <...> и Гладстона... Господин премьер-министр происходит из той же страны, что и наш Дюгеклен... Я убежден, господин министр, что выражаю чувства всех парижан, всех наших провинций и всей Франции...» (фр.).

***** Президент муниципального совета (фр.).

***** Без «нравственного достоинства нельзя прожить жизнь» (фр.).

***** «Да будет мне позволено выразить мою глубокую благодарность за прием, который мне оказала ваша прекрасная столица... я уверен, что это убеждение разделяют все народы мира... Моя задача благородна и заслуживает всех наших усилий...» (Убеждение... (фр.))

amis du Figaro...»* (допотопная газета, к<отор>ую читают только vieux rentiers** и к<отор>ая вызывает только юмор). Словом, говорил старый благодушный господин, неспособный и мухи обидеть: *пребывший* первый ученик. Рукоплескания были – иначе не скажу – круглые: как портфели рукоплещущих. Вот бы Вашему Чапеку – живописать эту встречу: иллюминированный Hôtel de Ville – председатель с лентой – дамы в голом и мужчины в черном – никого из народа: ни одного из целого народа – благодарность – от имени этого (недопущенного) народа за... услугу – другому народу – ответная, наизустная речь на языке, которого не знает – марш и чай – оперетка и сэндвичи – и – моравская хата, новый пограничный столб, вся мрачность ноябрьской ночи...

Но другое: на Лионском вокз<але> – 100 арестов и отчаянная драка, а перед зданием англ<ийского> посольства женская англ<ийская> толпа кричала: Да здравствуют Черчилль¹² и Идэн¹³! И было столько свистков и улюлюканий по дороге с Лионского вокз<ала> в посольство, что пришлось прекратить радиорепортаж, но слушавшие – слышали. Нет! Французский народ – ни при чем, и скажите это всем. Ведь и Наполеону изменили маршалы (задáренные!), а не гренадеры, собственная жена, а не *troisième berceuse**** его сына приславшая ему на Св<ятую> Елену – под видом *своих* (седых!) волос собственному сыну: слуге Наполеона – золотую прядь его сына. *Les humbles***** – *всегда* верны, и всегда верно видят и судят. Ваша страна была (и вновь будет) страна этих *humbles*, где им были даны – *все* права, где решали – они. И за это я *Вашу* страну – люблю и чту – больше всех стран на свете. Вы не лили крови. Вы только – на всех полях – лили *свою*.

Я думаю, Чехия – мое первое такое горе. Россия была слишком велика, а я – слишком молода. Горюю и о том,

* «Я полагаю — как наши друзья из Фигаро...»... (фр.).

** Престарелые рантье (фр.).

*** Третья няня (фр.).

**** Обездоленные, смиренные (фр.).

что я и для той Чехии была слишком молода: еще слишком была занята людьми, еще чего-то от них ждала, *еще* чего-то хотела, кроме – страны: кроме Рыцаря и деревьев, что в Карловом Тыну¹⁴, глядя из окна на *море* вершин – еще чего-то хотела – кроме. И – тринадцать лет спустя – нет, уже пятнадцать! – скажу, что лучшее в Праге было – Рыцарь, а в Карловом Тыну – не мой юный спутник (к<оторо>го *давно* забыла!) а – сам старый Тын. – Un cas délicat se posera d'ailleurs aux autorités policières. Devant l'ambassade se trouvait un groupe d'Anglaises qui n'accueillirent pas les Ministres avec des cyclamens mauves, comme l'avaient fait quelques dames françaises dix minutes avant, sur le quai de la gare, mais avec les cris: «Vive Iden! Vive Churchill!»*

Кончаю – вместе с листом. Вопросы: гора ради 2) главный: пришлите мне поскорее и чешский текст и *дословный* перевод «Где мой дом»¹⁵ – *весь* текст 3) учебник физической геогр<афии> и истории 4) цену дымчатого хрустального ожерелья, самого лучшего. (Книг авионом *не* посылайте: дорого, буду ждать сколько угодно.) Напишите как понравились стихи. Писала их – потоком: они сами себя писали. Обнимаю и всегда помню.

М.

Очень жду весточки, хотя бы — открытки.

СТИХИ К ЧЕХИИ

1.

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов – моря.
Стало чехам – море –

* При этом щекотливый случай произошел в присутствии полицейских. Перед посольством находилась группа англичанок, которые встречали министров не сиреневыми цикламенами, как это сделало несколько французских дам за десять минут перед тем, на перроне вокзала, а криками: «Да здравствует Иден! Да здравствует Черчилль!» (фр.)

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей –
Божьей, человеческой.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий –

Всех – на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

– Всем. Огня и дома –
Всем. Игры, науки, –
Всем. Труда – любому –
Лишь бы были руки.

На поле и в школе –
Глянь – какие всходы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось – всей горстью!
Строилось – всей честью!

Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:

– Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы.

На орлиных скáлах
Как орел рассевшись –
Что́ с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы – откололи,
Оттянули – воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

В селах – счастье ткáлось –
Красным, синим, пестрым...
Что́ с тобою случилось,
Чешский лев двухвостый?

Лíсы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава:
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава – с славой.

Лишь на час – не боле –
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи –
Белый день свободы!

Париж, 12 ноября 1938 г.

2.

Горы – турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы – в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы – родина
Сына моего.

Долы – ланям пастбище:
Не смутить зверья –
Хаты крышей застытся,
А в лесу ружья.

Сколько бы ни пройдено
Верст – ни одного.
Эти доли – родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли – вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество...
Эти хаты – родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир – рождением в рай.
Бог, создав Богемию
Молвил: – «Славный край!

Все дары природные –
Все – до одного!
Пощеднее родины
Сына Моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию
Молвил: – «Добрый труд!»

Всё было – безродного
Лишь – ни одного
Нé было – на родине
Сына моего.

Прóкляты – кто зánяли
Тот смиренный рай,
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Трéкляты – кто прóдали,
– Век не прощены! –
Вековую родину
Всех, – кто без страны!

Край мой, край мой, проданный,
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо–огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
– Родина!
Родина моя!

Чехия! Богемия!
Не лежи как пласт!
Бог давал обеими –
И опять подаст.

В клятве – руку подняли
Все твои сыны –
Умереть за родину
Всех – кто без страны!

17-го ноября 1938 г.

3.

Есть на карте – место.
Взглянешь – кровь в лицо!
Бьется в мýке крестной
Каждое сельцо.

Поделил – секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца – до статных
Гор – до орльих гнезд –
В тысячи квадратных
Невозвратных вёрст –

Язва. Лег на отдых –
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Язва: *наш* убит!

Только край тот на́зван
Чешский – дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду чествуй!
Мы ж, в ком сердце – есть:
Есть на карте – место
Пу́сто: наша честь.

Париж, 22 ноября 1938 г.

130

Paris 15-me
32, Boulevard Pasteur
Hôtel Innova, ch<ambre> 36
12-го декабря 1938 г.

Дорогая А<нна> А<нтоновна>! Дошли ли мои два письма, одно — давнее — авионом, другое — дней 10 назад, простым, со стихами. Я бы очень хотела знать, дошли ли стихи, и очень прошу Вас ответить мне тотчас же¹. Если не дошло — дойдут. Мне это очень важно. Было три стихотворения, и я так мечтала о Вашем скором отклике. Горы — ту́рам по́прища! Черные леса — Дóлы — в воды смотрятся — Горы — в небеса. Край — всего свободнее, и щедрей всего. Эти горы — родина Сына моего (и так далее). Жду срочного ответа, а пока целую. Средний львенок подставляет морду для поцелуя.

М.

131

Paris 15-me
32, Boulevard Pasteur
Hôtel Innova, ch<ambre> 36
26-го декабря 1938 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Но каким ударом кончается — этот! Только что Мур прочел мне в газете смерть Карела Чапека. 48 лет! Мог бы жить — еще 20! И именно сейчас, когда так важен и нужен — каждый, когда человек уже значит — *герой*. От какой бо-

лезни умер?¹ В газете только – «après une courte maladie»*. Я просто – ушам не поверила: – Да это – ошибка! Не может быть! Ведь только что – разговоры о премии Нобеля! (NB! точно это может отвратить – смерть!) И только когда сама, глазами, прочла – поверила. Жалею в нем чеха, жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем – *свое* поколение. Нашего полку – еще убыло.

С сентябрьских дней – дня не прошло, чтобы я утром не спросила Мура: – А что – про Чехию? и как часто: – Про Чехию – ничего. А нынче – *чего*.

Я совсем оглушена этим ударом. Точно год, на прощание, поднес свой последний подарок: взяв – все, взял – еще это. И какое чувство – укора, точно я, живя во Франции, какой-то – соубийца. (Так нужно понимать третье стихотворение: оно от лица – лучшей – Франции. Я неустанно чувствую, что жизнь нации сейчас идет – помимо народа: против народа, и что это – почти везде на земном шаре: что *никогда* так не шли врозь: народ – и вожди.)

Бедный Чапек! Что он унес на прощание? Измену – предательство – победу грубой силы. *Горько* – так умереть.

Одно – немножко – утешает, смягчает: чудесность дня. Он, как Симеон, дождался Христа². Пусть – не ждал, все равно – дождался! Хочется сказать: в Рождество умирающий – *не* умирает. Еще думаю: может быть – в окно лечебницы – видел снег – большие хлопья – и от этого – тише уснул. Господи, дай, чтобы он когда-нибудь – откуда-нибудь – увидел свою страну – воскресшей! Чтобы оба воскресли – страна и он! – Амен**.

Вспоминаю в Праге, в Градчанах, церковь – которую я окрестила: Святой Георгий под снегом – потому что камень, из которого она построена – мерцающий, снежный – даже летом. Я помню, я раз зашла – и полчаса стояла – и всё

* «после непродолжительной болезни» (фр.).

** Аминь! (лат.)

время пела одно: – Святой Георгий, помилуй нас! Только эти слова. И вот, из-за снега, сейчас вспомнила. И тоже – стою и говорю: – Святой Георгий, помилуй нас!

Я страшно мерзну – и днем и ночью, и на улице и в доме: пятый этаж, отопление еле тэплится, ночью сплю в вязаной (еще – пражской) шапке, вспоминаю Вшеноры, нашу чудную печку, которую топила *своим*, дóбытым – хворостом. И ранние ночи с лампой, и поздние приходы занесенного снегом, голодного С<ергея> Я<ковлевича> – и Алю с косами, такую преданную и веселую и добрую – где всё это?? Куда – ушло??

Я – *страшно* одинока. Из всего Парижа – только два дома, где я бываю. Остальное все – отпало. Если бы эти мои друзья – случайно – уехали, у нас бы не осталось – *никого*. На весь трехмиллионный город. (У одних бываем – раз в неделю, у других – раз в две, а то и в три: не зовут – не идем: не позовут – не пойдем.)

Если бы я сейчас была в Праге – и Вам было бы лучше – и мне. Здесь мое существование – совершенно бессмысленно. А там бы я с новым жаром все любила. И может быть – опять стала бы писать. А здесь у меня чувство: к чему? Весь прошлый год я дописывала, разбирала и отбирала (потом – поймете), сейчас – всё кончено, а нового начинать – нет кураж́у. Раз – все равно не уцелеет. Я, как кукушка, рассовала свои детища по чужим гнездам. А растить – на убой...

Но елочка все-таки – была. Чтобы Мур когда-нибудь мог сказать, что у него не было Рождества без елки: чтобы когда-нибудь *не* мог сказать, что *было* Рождество – без елки. *Очень* возможно, что никогда об этом не подумает, тогда эта жалкая, одинокая елка – ради моего детства и ради тех наших чешских елок с настоящими еловыми и сосновыми шишками, которые сами золотили – жидким золотом.

Всё меня возвращает – в Чехию.

Я никогда, ни-ког-да, ни разу не жалела, что мне не двадцать лет. И вот, в первый раз – за все свои *не*-двадцать – говорю: Я бы хотела быть чехом – и чтобы мне было двадцать лет: чтобы дольше – драться. В Вашей стране собрано *всё*, что мне приходится собирать – и любить – врозь. А если у Вас нет *моря* – я его, руку на сердце положа, никогда не любила: не любила – *больше всего*, значит – не любила. (Читали ли Вы моего «Мой Пушкин» – там всё: о море и мне.)

Спасибо за Яхимов³. Но не было бы (верней: нет ли) у той радионосной горы – отдельного названия? Яхимов – город, где обрабатывали, а гору – как звали? Или, хотя бы – весь горный хребет? (Здесь, напр<имер>, в Савойе, в Арденнах, и в Alpes Maritimes*, есть *свое* имя – у каждой горы и даже вершины: la pic de... Мне это очень важно – для стихов).

Жду истории своего Рыцаря. Всё, что знаю – что это он добыл Праге двуххвостого льва⁴. Напишите мне, дорогая Анна Антоновна, *всё* про него: с кем дрался, где блуждал, откуда привёл льва? И еще одна просьба: знаю, что – трудная: записывайте про Чехию – всё, всё, все маленькие случаи, как с теми крестьянками (нарядами) и детьми (конфетами). – Ведите *дневник страны*. Кто будет перечитывать старые газеты? Да наверное и в газеты-то не всё попадает. Простые записи: там-то – и тогда-то – то-то. Несколько строк в день. Будет – *памятник*.

– Рада, что стихи дошли – до глаз и сердца. Я их *очень* люблю и они мне самой напоминают (особенно – второе) те несмолчные горночешские ручьи: так они и писались – потоком.

* Приморские Альпы (фр.).

Кончаю вечером, Мур уже спит. Нынче вечером – грустная радость: несколько слов о Кареле Чапеке – в одной из двух газет, под каждым словом о Чехии которых в те дни подписывалась. Автор – известный поэт и публицист⁶. Напишите – как понравилось.

Нет, дорогая Анна Антоновна, *не будем*.

Всё знаю, но зная еще, что все это – на час, что есть *la justice des choses*^{*}, наше народное: Бог правду видит – да не скоро скажет. Знаю еще, что бывают – чудеса, у которых – *свой закон*.

Дай Вам Бог в Новом Году – *новой надежды* – и веры. Вспомните «*La dernière classe*»⁷ Daudet («*Lettres de mon moulin*»)^{**} – и Польшу, давшую Шопена и открывшую радий.

– Да сбудется!

М.

Очень рада, что понравился мой львенок. Я такого гладила в Праге – в цирке. Он – жёсткий.

Нынче (27-го) читаю, что большинством голосов (4 тыс<ячи> на 2 тыс<ячи>) некий конгресс признал свою ошибку – 3 мес<яца> назад⁸. Чтó сказать, кроме: бессовестные идиоты, дальше носу своего не видящие? Где они *тогда* были?? Ах, ясно: когда дело коснулось собственных дел – прозрели, увидели, завопили. Вот чтó значит – жить нынешним днем и «своя рубашка к телу ближе». Вы не думаете, что это – начало *la justice des choses*? Ты предал – предадут и тебя. Кому предал – тот и предаст. Только жаль, что платить будут – невинные, не предавшие, знавшие – и не могшие ничего отвратить. Нельзя от лица народов – делать мерзости!

* Справедливость порядка вещей (*фр.*).

** «Последний класс» Доде («Письма с моей мельницы») (*фр.*).

Paris 15-me
32, B<oulevard>d Pasteur
Hôtel Innova, ch<ambre> 36
3-го января 1939 г.¹

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Поздравляю Вас вторично. После Вашего большого письма, где Вы писали о ради и о деревенских детях, было два больших моих: одно – сразу (т. е. недели 2 назад), другое – 26-го декабря, сразу после смерти Карела Чапека и всё письмо было о нем, с отзывами на смерть здешних писателей. Дошли ли, кстати, до Вас слова Б. Шоу²: – Почему он умер, а не я? Почему молодой, а не старый? Он его называет своим близким другом и оплакивает его – всячески. **Отложила для Вас этот отзыв, и еще другие, кроме уже посланных (было, как помню, два). Но может быть, за это время, оба моих письма уже дошли – задержку объясняю праздниками. Но не пошлю имеющихся отзывов раньше, чем уверюсь в дохождении прежних. Итак, ждите двух больших писем – с запоздалыми поздравлениями и пожеланиями. Не могли же Вы подумать, что я в эти дни – рождественские и новогодние – Вас не окликнула!!**

...У нас перед Рождеством были сильные морозы: здесь доходило до 15 градусов – чего не было ровно 10 лет. А до этого года Луара замерзла от Блуа до Тура – в 1776 г.! Я много ходила пешком в те дни (как, впрочем, всегда) и иногда, задумавшись, чувствовала себя в Праге – 15 лет назад! Как всё живо – и в свой час возвращается. Просила в тех письмах – прежних – непременно сообщить мне подробную историю Рыцаря: все что знаю – что добыл двуххвостого льва (львенка). – «А то é мало» – как говорила ехидная старушка, продававшая зеленину по хатам, в ответ на мое: Нынче – ниц. Я всю Чехию прожила в глубоком сне – снах – так и осталась

сном, вся, с зайцами и с ланями, с перьями фазаньими – которые, кстати, у меня еще хранятся, подобранные по лесным чашам, по которым я лазала – сначала с Алей, потом с молодым Муром на руках.

Мур (скоро 14 лет, ростом почти с отца) на подаренные мною на праздники деньги купил себе книгу про зверей, книгу странных историй (*Histoires á dormir debout**¹) и звериное вырезание (картонаж – всякие Мискеу, коровы и собаки). Мне – пепельницу и пачку папирос. У нас была (и еще есть) елочка, маленькая и пышная, как раздувшийся ежик. Получила от Али на Новый Год поздравительную телегр<амму>. Вот, кажется, и все наши новости. Теперь жду – Ваших. Никогда, когда долго нет вестей, не думайте, что я не пишу: пишу – всегда, и всегда сама отправляю. Ну, еще раз – с Новым Годом! Дай Бог – всего хорошего, чего нету, и сохрани Бог – то хорошее, что есть. А есть – всегда, – хотя бы тот моральный закон внутри нас, о к<отор>ом говорил Кант³. И то – звездное небо! Обнимаю Вас, сердечный привет и пожелания Августе Антоновне.

М.

**Пишите! Открытку с Вацлавом – получила⁴.
Письма до ответа писать не буду.**

133

*Paris 15-me
32, B<oulevard>d Pasteur, ch<ambre> 36
Hôtel Innova,
23-го января 1939 г.*

Дорогая Анна Антоновна! После Вашего большого письма – уже давнишнего – послала Вам два больших

* Истории-небылицы (фр.).

письма — и открытку — в ответ на Вашу. Но ни на что свое ответа не получила — не больны ли Вы? Если больны — напишите через кого-нибудь. В тех письмах я главным образом писала Вам о своем (и общем здесь) огорчении от смерти К. Чапека, и даже приложила один печатный отклик. Видите — как давно это было. А открытка была сравнительно недавно — тотчас же в ответ на Вашу, и с просьбой откликнуться тотчас же — и вот, молчание. Вообще, знайте, что я на каждый Ваш отклик отзываюсь сразу, либо в тот же день, либо на следующий.

Часто вижу в кинематографе Прагу, и всегда — как родной город, и еще чаще слышу ее по T. S. F-у (radio) — и всегда как родную речь и музыку. Это место, которое больше всего меня волнует — на всей карте. Недавно перечитывала Голема и сразу окунулась в тот мир туманов и видений, которым для меня осталась Прага¹. (Деревню я помню — сияющей, Прагу — сновиденной: цвета сна.)

Недавно — случайно — встретила одного своего приятеля — тех дней, и сразу почувствовала себя — на мосту, глядящей в воду.

Читали ли Вы что-нибудь Rosamond Lehman?² Я — две вещи: *Intempéries* — и *Poussière**, и есть в *Poussière* (да и в *Intempéries*) что-то от той меня, тех дней. Обе эти книги (да наверное — все ее) написаны — как будто не словами: как бы не написаны — а приснились. Я бы очень хотела, чтобы Вы их прочли, особенно *Poussière*: что-то от радуги — и паутины — и фонтана (и меньше всего от пыли!) и — в конце концов — в ладони — горстка золы.

Пишите о себе — здоровья, работе, чтении, встречах с людьми, есть ли такие — от которых верная радость? (У меня от Вас — всегда была верная радость — и всегда есть, потому — не забывайте меня!).

* Перемены погоды — и Пыль (фр.).

Обнимаю Вас, сердечный привет сестре, буду ждать ответа.

Всегда любящая Вас.

М.

134

Paris 15-me
32, B<oulevard>d Pasteur, ch<ambre> 36
Hôtel Innova,
28-го февраля 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Неделю назад, а м. б. уже десять дней, отправила Вам большое письмо – с благодарностью: благодарностями. Повторю вкратце: и Рыцарь и жизнеописание его – дошли, и в последнем меня поразил... страх Рыцаря перед ласковостью льва. Не боявшийся чудовищ – кротости убоился. Сам Рыцарь – чудесен, и очень хорош формат: весь в высоту. Еще раз – огромное спасибо: не расстанусь до конца дней.

...Любопытна легенда, повсеместно: и в баснях и в сказках и в рассказах первых путешественников – заставляющая льва жить в лесу и даже царить в нем, тогда как лев *никогда* в лесу не живет – только в пустыне – на всей свободе. Царь леса – тигр, и ласкового тигра бы и я испугалась. Жажду весны еще из-за зоологического сада: когда я долго не вижу (больших) зверей – у меня тоска, и уже был такой день со всеми блаженными дуновениями, когда мне *дика* – как зверю – захотелось к ним. Так же захотелось в зверинец, как зверям – *из* него... Вчера был исторический день¹ – и до чего я не выношу истории и до чего ей предпочитаю (Ваш словарь, к<отор>ый я оценила) «басенки»... А слышали ли Вы кстати про новый (американский) танец: «la chamberlaine»*, к<оторый> танцуют (кавалер – один) с зонтиком. Вчера слы-

* «Чемберлен» (фр.).

шала подробное и серьезное описание в Т. S. F. – Очень надеюсь, что мое большое письмо дошло, стихи (сбежавшие!) пришло в следующем. Отзовитесь! Ваш голос – неизменная радость. Обнимаю и горячо, горячо благодарю.

М.

135

22-го мая 1939 г., понедельник

Дорогая Анна Антоновна! Надеюсь, что Вы сейчас настолько поправились, что без труда сможете прочесть мое письмо¹. Стараюсь писать ясно.

Все последнее время я очень много пишу, – уже целая маленькая отдельная книжка, и всё никак не могу кончить – да и жалко расставаться, столько еще осталось сказать хорошего – и верного. Стихи идут настоящим потоком – сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то – ручьи. Есть резкие, есть певучие, – и они *сами* пишутся. Очень много о драгоценных камнях – недрах земли – но и камни – живые! Зная, как Вы любите стихи, все время, пока пишу, пока они пишутся, о Вас думаю. Часто бываю в кинематографе, особенно люблю – видовые, и при виде каждой старой башни – опять Вас вспоминаю. Словом, мы с Вами – точно и не расставались, и поэтому мне особенно грустно, именно сейчас, Ваше молчание. Я понимаю, что при недомогании – трудно, но я письма и не прошу – только открыточку...

Не знаю, дошла ли до Вас (давно уже) моя благодарность за фотографию – она у меня вставлена в (старинную) рамку и висит над изголовьем, но так как карточка – узкая, а рамка широкая, я вставила еще одну фотографию – совсем недавнюю и безумно похожую: одно лицо: случайного человека на мосту. И окружила все это народными деревянными бусами, к<отор>ые случайно нашла в здешнем Uni-Prix – Вы же знаете как я люблю народное искусство.

(NB! Я сама – народ.) Простите за все эти мелочи, но они – живые. — Кончаю и умоляю тотчас же отозваться по старому адресу — перемен пока никаких, но близится лето, всегда их приносящее. Мур растет молодцом: добрым и умным и серьезным — и все-таки веселым. Помните, что *Вы* — его настоящая крестная². Обнимаю. Жду. Сердечный привет сестре.

М.

136

31-го мая 1939 г., среда

Дорогая Анна Антоновна! Мы наверное скоро тоже уедем в деревню¹, далекую, и на очень долго. Пока общаю только Вам. Но где бы я ни была — я всю (оставшуюся) жизнь буду скучать по Вас, без Вас, которые для меня неразрывны с моим стихотворным потоком. Стихи я как раз сегодня получила в нескольких экз<емплярах> (машинка), сейчас (12 ч. ночи, Мур давно спит) буду править, а потом они начнут свое странствие. Аля уже получила, получит и Эдди², он ведь тоже любит стихи, как и ручьи, и леса. Так приятно доставить человеку радость! Получилась (бы) целая книжка, но сейчас мне невозможно этим заниматься. Отложу до деревни. Там — сосны, это единственное, что я о ней знаю. А помните рассказы из Вашего детства, как Вы уезжали из одной деревни — Вам не позволили взять с собой Вашу любимую (синюю, с цветами) шкатулку или коробку. Вы это рассказывали Але, а рядом Ваша мама играла Шопена. Я *все* помню! Господи! этому уже 14 лет (*Мурины* — 14!). А всего прошло — 17. И тоже был май.

У меня сейчас много работы и заботы: не хватает ни рук ни ног, хочется моим деревенским друзьям привезти побольше, а денег в обрез, надо бегать — искать «оказионов» или распродажу — и одновременно разбирать тетради — и книги —

и письма – и пришивать Муру пуговицы – и каждый день жить, т. е. готовить – и т. д. Но – я, кажется, лучше всего себя чувствую, когда *вся* напряжена. И – отдых будет долгий: друзья мои живут в полном одиночестве³, как на островке, безвыездно и зиму и лето. Барышня⁴ на работу ездит в город, а мне вовсе будет не за чем. Вспоминаю *мою* деревню, как я в последнюю минуту побежала попрощаться с кустом (верней, деревцем) можжевельника (кажется – Hollunderbaum – или – busch), к *который* меня всегда первый приветствовал наверху горы. А у нас сейчас мода (у меня – *всегда* была!) деревенские пестрые платья: вся юбка в сборку, лиф – обтяжной, темно-синие, с цветочками. И куклы такие есть: нашла два ожерелья, себе и Але – «moraves»* – и чувствую их *Вашими*. Свое ношу не снимая. – Что еще (сказать?) Радуюсь, что поправляетесь, лето зимы мудренее, время идет и пройдет. Вижу уже по почерку, я его отлично разбираю, хотя есть какая-то перемена. *Безумно* обрадовалась Вашей открытке, она пришла утром и была – как луч (из-под двери, п. ч. письма здесь просовывают под дверь). Я целый день ей радуюсь, и сейчас, перед сном, опять перечту – и буду с ней спать, под Вашей карточкой в рамке, с Вашими бусами на шее. Это – *всегда* будет со мной: пока буду – я. Обнимаю, отзовитесь сразу, можете еще застать. Перед отъездом еще напишу, и *бесконечно* Вас люблю. Сердечный привет Авг<усте> Антоновне. Я тоже вспоминаю Рильке Mit dem heimatischen prosim**. Книги его – везу⁵.

М.

137

7-го июня 1939 г., среда

Дорогая Анна Антоновна! Пишу поздней ночью – или очень ранним утром. (Я так родилась – ровно в полночь: –

* «Моравские» (фр.).

** См. перевод на с. 97.

Между воскресеньем и субботой – я повисла, птица вербная – На одно крыло – серебряная – На другое – золотая...¹⁾ Это – мой последний привет. Все дни – бешеная переписка, и разборка, и укладка, и *бешеная* жара (бешеных собак), в обычное время я бы задыхалась, но сейчас я – и так задохнулась: всем – и, как йог – ничего не чувствую. Жалею Мура, который – от всего – извелся – не находит себе места – среди этого развала. Ну – скоро конец, а конец – всегда *покой*. (Конца – нет, п. ч. сразу – начало).

Спасибо за ободрение, Вы сразу меня поняли, **всю мою глубочайшую неохоту, но неохота – иногда – пуще воли (пословица: «охота пуще неволи»)**, выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась, да и Муру в таком городе как Париж – не жизнь, не рост... – Ну – вот.

Спасибо за те тропинки детства, но и за другие не менее родные, спасибо – за наши. Тропинки, превратившиеся в поток – когда-нибудь – сами – докатится и до Вас: поток – всегда сам! и его никто не посылает – кроме ледника – или земли – или Бога... «Так и стою, раскрывши рот: – Народ! какой народ!»²⁾ Но Вы мой голос – всегда узнаёте.

Боже, до чего – тоска! Сейчас, сгоряча, в сплошной горячке рук – и головы – и погоды – еще не дочувствываю, но *знаю* что меня ждет: себя – знаю! Шею себе сверну – глядя назад: на Вас, на Ваш мир, на наш мир... Но одно знайте: когда бы Вы обо мне ни подумали – знайте, что думаете – *в ответ*. В моей деревне – тоже сосны, буду вспоминать тот можжевеловый куст.

...Вы человек, который исполнили *все* мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня – никто не любил. Помню всё и за всё бесконечно и навечно благодарна. – Ответить не успеете, едем 10-го, подумайте о нас, и долго думайте – каждый день, много дней подряд. Желаю хорошего лета, отдыха, здоровья, тихих людей и хороших книг. Спасибо за Lawrens-Tochter³⁾, увожу, не расстанусь никогда. *За всё спа-*

сибо, как только поправимся – напишу. А встреча – будет! Ваша всегда и навсегда.

М.

138

12-го июня 1939 г., в еще стоящем поезде

Дорогая Анна Антоновна! (Пишу на ладони, потому такой детский почерк.) Громадный вокзал с зелеными стеклами: страшный зеленый сад – и чего в нем не растет! – На прощание посидели с Муром¹, по старому обычаю, перекрестились на пустое место от иконы (сдана в хорошие руки, жила и ездила со мной с 1918 г. – ну, когда-нибудь со всем расстанешься: *совсем!* А это – урок, чтобы потом – не страшно – и даже не странно – было...) Кончается жизнь 17 лет. Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни – это – запомните! – Мокропсы и Вшеноры, и еще – та моя родная гора. Странно – вчера на улице встретила ее героя², кот<орого> не видала – годы, он налетел сзади и без объяснений продел руки под руки Мура и мне – пошел в середине – как ни в чем не бывало. И еще встретила – таким же чудом – старого безумного поэта с женою³ – в гостях, где он *год* н^е был. Точно все – почуяли. Постоянно встречала – всех. (Сейчас слышу, гулко и грозно: *Express de Vienne**... и вспомнила башни и мосты к<отор>ых никогда не увижу.) Кричат: – *En voiture, Madame!*** – точно *мне*, снимая меня со всех прежних мест моей жизни. Нечего кричать – сама знаю. Мур запасся (на этом слове поезд тронулся) газетами. –

– Подъезжаем к Руану, где когда-то людская благодарность сожгла Иоанну д'Арк⁴. (А англичанка 500 л<ет> спустя поставила ей на том самом месте памятник.) – Миновали Руан – рачьте дале! – Буду ждать вестей о всех вас, передайте

* Экспресс из Вены (*фр.*)

** В вагон, мадам! (*фр.*)

мой горячий привет всей семье, желаю вам всем здоровья, мужества – и долгой жизни. Мечтаю о встрече на Муриной родине, к<оторая> мне роднее своей. Оборачиваюсь на звук ее – как на свое имя. Помните, у меня была подруга Сонечка⁵, так мне все говорили: «Ваша Сонечка». – Уезжаю в *Вашем* ожерелье и в пальто с *Вашими* пуговицами, а на поясе – *Ваша* пряжка. Все – скромное и безумно-любимое, возьму в могилу, или сожгусь совместно. До свидания! Сейчас уже не тяжело, сейчас уже – судьба. Обнимаю Вас и всех ваших, каждого в отдельности и всех вместе. Люблю и люблюсь. Верю как в себя.

М.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Марина Цветаева

ДЕРЕВЬЯ

*(Моему чешскому другу,
Анне Антоновне Тесковой)*

1

В смертных изверясь,
Зачароваться не тщусь.
В старческий вереск,
В среброскользящую сушь,

– Пусть моей тени
Славу трубят трубачи! –
В вереск-потери,
В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
Голого камня нарост!
Удостоверясь
В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
Ключья последней парчи –
В вереск-руины,
В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
Дружб и удушье уродств.
Седью и сушью,
(Ибо вожатый – суров),

Ввысь, где рябина
Краше Давида-Царя!
В вереск-седины,
В вереск-сухие моря.

5 сентября 1922

2

Когда обидой – опилась
Душа разгневанная,
Когда семижды зареклась
Сражаться с демонами –

Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлѣстнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими косностями –

Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рѣва рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз – яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна! Ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы – пусть рушащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зелёных отсветов рои...
Как в руки – плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

8 сентября 1922

3

Купальщицами, в легкий круг
Сбитыми, стаей
Нимф-охранительниц – и вдруг,
Гривы взметая

В закинутости лбов и рук,
– Свиток развитый! –
В пляске кончающейся вдруг
Взмахом защиты –

Длинную руку на бедро...
Вытянув выю...
Березовое серебро,
Ручьи живые!

9 сентября 1922

4

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметён
След обиды земной.
Лес! – Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ
Кончу, трезвость избрав,
День – в тишайшем из братств.

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огонь
Роц! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: – Есть
Здесь, над сбродом кривизн –
Совершенная жизнь:

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Тая, где правда видней:
По ту сторону дней...

17 сентября 1922

5

Беглецы? – Вестовые?
Отзовись, коль живые!
Чернецы верховые,
В чащах Бога узрев?

Сколько мчащих сандалий!
Сколько пышущих зданий!
Сколько гончих и ланей –
В убеганье дерев!

Лес! Ты нынче – наездник!
То, что люди болезнью
Называют: последней
Судорогою древес –

Это – в платье просторном
Отрок, нектаром вскормлен.
Это – сразу и с корнем
Весь сорвавшийся лес!

Нет, иное: не хлопья –
В сухолистом потопе!
Вижу: опрометь копий,
Слышу: рокот кровей!

И в разверстой хламиде
Пролетая – кто видел?! –
То Саул за Давидом:
Смуглой смертью своей!

3 октября 1922

6

Не краской, не кистью!
Свет – царство его, ибо сед.
Ложь – красные листья:
Здесь свет, попирающей цвет.

Цвет, попранный светом.
Свет – цвету пятою на грудь.
Не в этом, не в этом
ли: тайна, и сила и суть

Осеннего леса?
Над тихую заводью дней
Как будто завеса
Рванулась – и грозно за ней...

Как будто бы сына
Провидишь сквозь ризу разлук –
Слова: Палестина
Встают, и Элизиум вдруг...

Струенье... Сквоженье...
Сквозь трепетов мелкую вязь –
Свет, смерти блаженнее
И – обрывается связь.

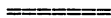

Осенняя седость.
Ты, Гётевский апофеоз!
Здесь многое спелось,
А больше ещё – расплелось.

Так светят седины:
Так древние главы семьи –
Последнего сына,
Последнейшего из семи –

В последние двери –
Простёртым свечением рук...
(Я краске не верю!
Здесь пурпур – последний из слуг!)

...Уже и не светом:
Каким-то свеченьем светясь...
Не в этом, не в этом
ли – и обрывается связь.

Так светят пустыни.
И – больше сказав, чем могла:
Пески Палестины,
Элизиума купола...

8–9 октября 1922

7

Та, что без видения спала –
Вздрогнула и встала.
В строгой постепенности псалма,
Зрительною скалой –

Сонмы просыпающихся тел:
Руки! – Руки! – Руки!
Словно воинство под градом стрел,
Спелое для муки.

Свитки рассыпающихся в прах
Риз, сквозных как сети.
Руки, прикрывающие пах,
(Девственниц!) – и плети

Старческих, не знающих стыда...
Отроческих – птицы!
Конницею на трубу суда!
Стан по поясицу

Выпростав из гробовых пелен –
Взлет седобородый:
Есмь! – Переселенье! – Легион!
Целые народы

Выходцев! – На милость и на гнев!
Види! – Буди! – Вспомни!
...Несколько взбегающих дерев
Вечером, на всхолмье..

12 октября 1922

8

Кто-то едет – к смертной победе.
У деревьев – жесты трагедий.
Иудеи – жертвенный танец!
У деревьев – трепеты таинств.

Это – заговор против века:
Веса, счета, времени, дроби.
Се – разодранная завеса:
У деревьев – жесты надгробий...

Кто-то едет. Небо – как въезд.
У деревьев – жесты торжеств.

7 мая 1923

9

Каким наитием,
Какими истинами,
О чём шумите вы,
Разливы лиственные?

Какой неистойой
Сивиллы таинствами –
О чём шумите вы,
О чём беспамятствуете?

Что в вашем веяньи?
Но знаю – лечите
Обиду Времени
Прохладой Вечности.

Но юным гением
Восстав – порочите
Ложь лицезрения
Перстом заочности.

Чтоб вновь, как некогда,
Земля – казалась нам.
Чтобы *под веками*
Свершались замыслы.

Чтобы монетами
Чудес – не чваниться!
Чтобы *под веками*
Свершались таинства!

И прочь от прочности!
И прочь от срочности!
В поток! – В пророчества
Речами косвенными...

Листва ли – листьями?
Сивилла ль – выстонала?
...Лавины лиственные,
Руины лиственные...

9 мая 1923*

* Два последних стихотворения перенесены сюда из будущего по внутренней принадлежности (*примеч. М. Цветаевой*).

[АВТОБИОГРАФИЯ]

Марина Ивановна Цветаева. Родилась в Москве, 26 сентября 1894 г. Отец, Иван Владимирович Цветаев, профессор истории искусств, выдающийся археолог, директор Румянцевского Музея, основатель первого в России музея скульптуры (бывший «Музей Александра III»), автор целого ряда ученых трудов. Мать – литературно и музыкально одаренная, владеющая пятью языками, кроме родного, ученица Рубинштейна.

Детство до 8 лет в Москве и городке Таруса, хлыстовском гнезде Калужской губернии. Отрочество, в связи с болезнью матери, за границей в странах: Италии, Швейцарии и Германии. В 1905 г. возвращение в Россию и смерть матери. С 1905 г. по 1912 г. – Москва с ежегодными поездками за границу (Германия, Париж). В 1912 г. – замужество. В 1922 г. отъезд из России. 1922г. – 1929 г. жизнь в странах: Германии, Чехии, ныне – Франции.

Первое воспитание – музыкальное. Ранний рост весь под влиянием матери. По сей день одна из любимых книг – Ундина (в подлиннике и переводе).

Писать начала шести лет, печататься – шестнадцати, еще в школе.

Книги	Дата написания	Дата и место издания
Вечерний альбом	1908 г. – 1910 г.	Москва, 1910 г.
Волшебный фонарь	1910 г. – 1912 г.	Москва, 1912 г.
Юношеские стихи	1912 г. – 1915 г.	не издана
Версты I	1916 г.	Москва, Госиздат, 1922 г.
Версты II	1917 г. – 1920 г.	не издана

Драматические поэмы:

Метель	1918 г.	Париж, Звено, 1923 г.
Фортуна	1919 г.	Париж, Современные Записки, 1923 г.
Приключение	1918 г.	Прага, Воля России, 1923 г.
Конец Казановы	1919 г.	Прага, Воля России, 1924 г.
Царь-Девница (поэма-сказка)	1920 г.	Москва, Госиздат, 1922 г.
		Берлин, Эпоха, 1922 г.
Ремесло	1921 г. – 1922 г.	Берлин, Геликон, 1922 г.

После России
Чехия 1922 г. – 1925 г.

После России	1922 г. – 1925 г.	Париж, 1928 г.
Молодец (поэма-сказка)	1922 г.	Прага, Пламя, 1924 г.
Поэма Горы	1924 г.	Прага, Версты I, 1926 г.
Поэма Конца	1924 г.	Прага, сборник Ковчег, 1925 г.
Крысолов	1925 г.	Прага, Воля России, 1925 г.
Тезей (I ч. трилогии)	1924 г.	Париж, Версты II

Франция 1925 г. – 1929 г.

Поэмы:

С моря	1926 г.	Париж, Версты III
Попытка Комнаты	1926 г.	Париж, Воля России
Лестница	1926 г.	Париж, Воля России
Письмо к Рильке	1926 г.	Париж, Версты III

Поэма Воздуха	1927 г.	Воля России, январь 1930 г.
Красный бычок	1928 г.	Воля России, 1928 г.
Федра (II ч. трилогии)	1928 г.	Современные Записки, 1928 г.
Перекоп	1929 г.	—

Антологии

Психея (из Верст I и II)		Берлин, Гржебин, 1922 г.
Стихи к Блоку (из Верст I и Ремесла)		Берлин, Геликон, 1922 г.
Разлука (из Ремесла)		Берлин, Геликон, 1922 г.

Проза

Световой ливень (о Борисе Пастернаке) Вольный проезд		Берлин, Эпопея, № 2 Париж, Современные Записки, 1923 г.
Мои службы		Париж, Современные Записки, 1924 г.
Герой труда (о Валерии Брюсове)		Прага, Воля России, 1925 г.
О благодарности		Брюссель, Благонамеренный, № 1
Твоя смерть (памяти Рильке)		Прага, Воля России, 1927 г.
Наталья Гончарова (жизнь и творчество)		Париж, Воля России, 1929 г.

ПИСЬМО М. ЦВЕТАЕВОЙ К А.Л. БЕМУ

Милый Альфред Людвигович! Простите, что задержала¹; заболел (возобновление легочного процесса на почве крайнего истощения) Сергей Яковлевич, все последние недели ушли на его болезнь. Доктора посылают в санаторию, а денег нет (NB! докторов сколько угодно!). Положение трудное, вся надежда на людей (друзей), своего нет ничего. Если увидите Катю Рейтлингер² – расскажите, едва-ли удосужусь написать ей.

Если «автобиография» длинна, сокращайте. Писала наспех, но даты точны.³

Рада, что понравилась книжка⁴.

До свидания – может быть весной, все еще не оставила надежду на Чехию, по которой страшно скучаю.

М. Цветаева

30 ноября 1929 г.

Meudon (S.et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

France

**ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
В МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ФРАНЦИИ**

ДОКУМЕНТ № 1

Осень 1937 года

[Первая страница]

[Наверху штамп с датой 28 окт. 1937]

**МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

ФРАНЦУЗСКАЯ РУСПУБЛИКА

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**СЛУЖБА НАДЗОРА
Уголовной полиции**

[На полях, слева]

№ 1

*Дело по обвинению ДЮКОМЭ Пьера
[DUCOMET Pierre] и пр. лиц в преступном
заговоре и преднамеренном убийстве.*

Выезд с обыском:

Ванв, улица

Жан-Батист Потен, дом 65.

ПРОТОКОЛ

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год.

Двадцать второго октября, семь часов утра.

Мы, ПАПЕН Роббер (RAPIN Robert), комиссар оперативной полиции, при Службе Надзора Уголовной полиции (Главное Управление

Национальной Безопасности), Париж, офицер Судебной полиции, помощник Прокурора Республики,

Согласно прилагаемому ордеру, выданному 21-го октября 1937 года господином БЕТЭЙ (BETEILLE), судебным следователем города Парижа, по делу, возбужденному против:

ДЮКОМЭ Пьера (DUCOMET Pierre) и пр. лиц, обвиняемых в преступном заговоре и преднамеренной убистве,

в сопровождении инспекторов нашего отдела БЮРО (BUREAU), СЮДРИ (SUDRY) и ГРАСЬЕН (GRATIEN), мы выехали в Ванв, ул. Ж.-Батист Потен, 65 (департамент Сена), где на 3-м этаже (2e etage), налево, в квартире, состоящей из прихожей, кухни и трех комнат, из коих две служат также кабинетом, нас встретила г-жа ЭФРОН (EFRON), урожденная Цветаева (TZWETAEVA) Марина (Marina), которой мы предъявили свои удостоверения и сообщили о цели нашего прихода.

Г-жа ЭФРОН заявила, что ее мужа, покинувшего супружеский кров около двенадцати дней назад, нет дома.

В безотлучном присутствии г-жи ЭФРОН мы провели тщательный обыск в разных комнатах квартиры, а также в подвале.

Во время обыска обнаружены и изъяты документы, письма на русском языке, записные книжки и разные рукописные тексты.

[Инициалы следователя]

[Вторая страница]

По окончании обыска мы попросили г-жу ЭФРОН проследовать с нами в отдел, дабы выслушать ее показания.

Г-жа ЭФРОН, как и сопровождавшие нас инспектора, подписала настоящий протокол.

Комиссар оперативной полиции,

[Подписи от руки:]

R. Papin

Marina Efron-Zwetaieff.

ПРИМЕЧАНИЕ: – В тот же день, около шестнадцати часов, инспектор БЮРО, вернувшись из Ванва, куда он ездил в связи со следствием, предоставил в наше распоряжение написанную от руки по-русски карандашную записку сиреневого цвета, найденную им между дверной рамой и дверью квартиры супругов ЭФРОН. Этот документ нами изъят.

Комиссар оперативной полиции

[Подпись от руки:]

R. Papin.

ОПЕЧАТАНЫ. – Нами опечатаны, как видно из нижеследующего списка, документы и письма, изъятые в присутствии г-жи ЭФРОН, которая, как и мы, подписала бланки каждого акта об изъятии.

АКТ ОБ ИЗЪЯТИИ № 1. – Фибролиновый чемодан цвета красного дерева, содержащий разные документы;

АКТ ОБ ИЗЪЯТИИ № 2. – Чемодан темно-коричневого цвета, фибролиновый, тоже содержащий разные документы;

АКТ ОБ ИЗЪЯТИИ № 3. – Записка сиреневого цвета, написанная по-русски, приложенная к делу инспектором БЮРО;

АКТ ОБ ИЗЪЯТИИ № 4. – Открытка из Сен-Троян-ле-Бен (St. Trojan-les-Bains), подписанная Боб (Bob); – письмо от 9 мая 1937, написанное по-русски, видимо из Испании; – шесть рецептурных бланков со штампом М. ГАВРОНСКИЙ (M. GAVRONSKY) зубной врач, 131 Бульвар Распай, Париж.

Комиссар оперативной полиции,

[Подпись от руки:]

R. Papin

[Круглая печать:] МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

Главное Управление Национальной Безопасности.
СЛУЖБА НАДЗОРА УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ.

[Далее следует приписка от руки, сделанная тем, кто прислал мне эти копии: «Документов этих в папке нет». – В. Л.]

ДОКУМЕНТ № 2

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

[Наверху штамп с датой 28 окт. 1937]

СЛУЖБА НАДЗОРА
Уголовной полиции

№ 2

Дело по обвинению Дюкомэ и пр. лиц;
[под фамилией *Ducomet*,
написанной от руки, можно прочесть
зачеркнутые фамилии *STEINER*,
SCHILDBACH, *ROSSI*],
обвиняемых в убийстве и пособничестве убийству.

Показания г-жи ЭФРОН,
ур. ЦВЕТАЕВА
Марина, литератор,
проживающая по улице
Жан-Батист Потен, дом 65,
Ванв, Департамент Сены

ПРОТОКОЛ

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год.
Двадцать второго октября

Мы, ПАПЕН Роббер (PAPIN Robert) комиссар оперативной полиции, при Службе Надзора Уголовной полиции (Главное Управление Национальной Безопасности), офицер Судебной полиции, помощник Прокурора Республики, заслушали г-жу ЭФРОН, урожденную Цветаеву, Марину (Madame EFRON, nee TZWETAEVA), родившуюся в Москве 31 июля 1894 г. от покойных Ивана и Марии Бернадских (Jean et Marie BERNADSKY) (Так в документе – В. Л.), литератора, проживающую в Ванве (Сена) по улице Жан-Батист Потен, дом 65, которая под присягой заявила следующее:

Я живу на заработок от моей профессиональной деятельности, сотрудничаю в русских журналах «Русские Записки» и «Современные Записки». Я таким образом зарабатываю от шестисот до восьмисот фр<анков> в месяц.

Что касается моего мужа, он – журналист, печатает статьи в журнале «Наша Родина». Этот орган издается Союзом Возвращения на Родину, который находится на улице Бюси в Париже.

Предполагаю, что мой муж каждый день посещал Союз, – вероятно, с самого его основания. Моя дочь Ариадна, родившаяся в Москве 5 сентября 1913, работала там в качестве художницы. Она ушла с работы в апреле прошлого года перед отъездом в Москву. В данный момент она находится в Москве и работает в редакции французского журнала, издаваемого в этом городе, – «Ревю де Моску» («Revue de Moscou»).

«Союз Возвращения на Родину», как указывает его название, ставит своей целью помочь нашим соотечественникам, находящимся во Франции, вернуться в Россию. Никого из руководителей этого союза я не знаю, однако год или два назад я познакомилась с неким АФАНАЗОВЫМ (AFFANAZOFF), членом Союза, который вернулся в Россию чуть больше года назад.

Я познакомилась с этим соотечественником, потому что он несколько раз заходил к нам, чтобы увидеться с моим мужем. Мой муж был офицером Белой Армии, но с тех пор, как мы приехали во Францию в 1926, его взгляды изменились. Он был редактором журнала «Евразия» («EURASIE»), который выходил в Париже и печатался где-то в Клараме или поблизости. Могу сообщить, что журнал этот больше не выходит. Лично я политикой не занимаюсь, но мне кажется, что вот уже два или три года, как мой муж политически примкнул к теперешнему русскому строю.

[Инициалы Цветаевой и Папена.]

[Вторая страница]

С тех пор, как началась испанская революция, мой муж стал страстным сторонником правительственной партии, и эта страсть еще усилилась в сентябре прошлого года, когда мы отдыхали в Лакано-Океан (Lacanau-Océan), Жиронда, где мы своими глазами видели массивный приезд беженцев из Сантандера (Santander). С этого момента мой муж проявил желание ехать в Испанию, чтобы воевать на стороне правительства.

Он покинул Ванв 11 или 12 октября сего года, и с тех пор у меня нет о нем никаких известий. Поэтому не могу сказать, где он в данный момент находится, и не знаю, уехал он один или нет.

О.В. [Ответ на вопрос] Среди знакомых моего мужа я не знаю никого по имени БОБ. Я так же не знаю ни СМИРЕНСКОГО (SMIRENSKY), ни РОЛЛЕНА Марселя (ROLLIN Marcel).

В конце лета 1936, в августе или сентябре, я поехала с сыном Георгием, рожденным 1 февраля 1925 г. в Праге, к соотечественникам, к семье ШТРАНГЕ (STRANGUE), которая живет в Шато д'Арсин (Château d'Arcine) в Сен-Пьер-де-Рюмийи, Верхняя Савойя (St. Pierre-de-Rumilly. Haute Savoie).

Чета Штранге содержит по этому адресу пансион. У них есть сын, по имени Михаил, лет 25 или 30, писатель. Михаил ШТРАНГЕ в Париже не проживает; он живет у своих родителей. Я не могу сказать, бывает ли он здесь и часто ли он встречается с моим мужем.

К моему мужу почти никто не приходил на дом, и я не всех его знакомых знаю.

О.В. На многочисленных фотографиях, которые вы мне показываете, я узнаю только КОНДРАТЬЕВА (KONDRATIEFF), которого я встречала у общих знакомых, у супругов КЛЕПИНИНЫХ (KLEPININE), проживавших в Исси-ле-Мулино (Issy-les-Moulineaux), по улице Мадлен Моро, дом 8 или 10 (8 ou 10 rue Madeleine Moreau). Встретились мы года два назад, в то время у КОНДРАТЬЕВА были намерения жениться на девице Анне Сувчинской (Anna SOUVTCHINSKY), работавшей няней у г-жи КЛЕПИНИНОЙ.

О.В. Мы с мужем с удивлением узнали из газет, что КОНДРАТЬЕВ бежал в связи с неким делом РЕЙССА (REISS).

О.В. Я узнаю так же г-на ПОЗНЯКОВА (Mr. POZNIAKOFF) на одной из этих фотографий. Господин этот по профессии фотограф, он увеличивал для меня фотографии. Этот соотечественник также знаком с моим мужем, но я не знаю, что с ним стало.

О.В. Мы с мужем никогда не говорили о деле РЕЙССА иначе, как с возмущением, мы оба против любого проявления насилия, с какой бы стороны оно ни шло.

О.В. Как я уже говорила, я не знаю знакомых моего мужа, кроме тех, кто приходил к нам домой, и я не могу сказать, был ли он знаком с г-жой ШТЕЙНЕР (M-elle STEINER) или другими лицами, фотографии которых мне были предъявлены.

Не могу дать никаких сведений о лицах, которые, видимо, вас интересуют.

О.В. Я уехала из Парижа с сыном в Лакано-Океан (Lacanau-Océan) 17 июля 1937; мы вернулись в столицу 20 сентября. Муж присоединился к нам 12 августа и вернулся в Париж 12 сентября 1937.

[Инициалы Папена.]

[Третья страница]

О.В. Во время нашего пребывания в Лакано мы занимали виллу «Боковая качка» (Coup de roulis), авеню Братьев Эстрад (Avenue des Frères Estrade), Лакано (Lacanau). Дом этот принадлежит г-ну и г-же КОШЕН (COCHIN).

О.В. Муж провел весь свой отпуск со мной и никуда не отлучался.

О.В. Муж время от времени уезжал на несколько дней, но никогда не говорил мне, куда он едет и зачем. Я же со своей стороны объяснений не требовала, или, вернее, когда я спрашивала, он отвечал, что уезжает по делам. Поэтому не могу сказать, куда именно он уезжал.

С подлинным верно

Комиссар оперативной полиции,

[Подпись от руки:]

R. Papin

M. Zvetaieff-Efron

[Круглая печать:]

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
Главное Управление Национальной Безопасности,
СЛУЖБА НАДЗОРА УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ.

ДОКУМЕНТ № 3

[Штампы:]

**МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**СЛУЖБА НАЗДОРА
Уголовной полиции**

№ 70

*Дело по обвинению ШТЕЙНЕР, Рене
(STEINER, Renee), ШИЛЬДБАХ
(SCHILDBACH), РОССИ (ROSSI) и пр.*

[На полях, слева: Показание свидетеля]

Г-жа ЭФРОН
ур. ЦВЕТАЕВА
Марина, литератор,
проживающая по улице
Жан-Батист Потен, дом 65,
Ванв (65 rue J.B. Potin)

ПРОТОКОЛ

Двадцать седьмого ноября *тысяча девятьсот* тридцать седь-
мого года

*Мы, БОРЕЛЬ Робер (BOREL, Robert), старший инспектор
оперативной полиции при Главной инспекции Уголовной полиции
(Главное Управление Национальной Безопасности), Париж, офицер
Судебной полиции, помощник Прокурора Республики,*

Согласно прилагаемому следственному отношению от 16 сентября 1937, за подписью г-на Субилла (Mr. Subilla), судебного следователя города Лозанна, врученному нам для исполнения в том же месяце господином старшиной судебных следователей департамента Сены и относящемся к делу, возбужденному против ШТЕЙНЕР Рене (STEINER Renee), РОССИ (ROSSI) и прочих лиц, обвиняемых в убийстве и пособничестве убийству,

Вызвали для дачи показаний в нашем присутствии г-жу ЭФРОН, урожденную ЦВЕТАЕВУ Марину (Madame EFRON, née TZWETAEVA Marina), родившуюся в Москве 30 июля 1894, литератор, проживающая в Ванве (Сена) по улице Жан-Батист Потен, дом 65,

которая, подтвердив, что не связана с обвиняемой ни родством, ни каким бы то ни было договором, а также не состоит у нее на службе, присягнув говорить правду и только правду, дала следующие показания:

Меня допрашивали 22 октября сего года, согласно распоряжению от 21-го того же месяца, подписанному г-ном БТЕЙ (BETEILLE), судебным следователем в Париже, относительно политической деятельности моего мужа. Я ничего не имею прибавить к этому первому показанию.

О.В. Мой муж уехал в Испанию воевать в правительственных войсках, 11 или 12 октября. С этого времени у меня нет о нем никаких известий.

Знаю, что до отъезда в Испанию он помогал уезжать соотечественникам, которые желали служить в рядах испанских правительственных войск; числа их не знаю. Среди них смогу назвать двоих: ХЕНКИНА Кирилла (HENKINE, Cyrille) и некоего Леву (Leowa, Léon).

О.В. Утверждаю, что мне ничего неизвестно о том, что мой муж в течение 1936 и начала 1937-го занимался организацией слежки за русскими и другими подданными с помощью некоей ШТЕЙНЕР Рене (STEINER, Renee), СМИРЕНСКОГО Дмитрия (SMIRENSKI, Dimitri), ЧИСТОГАНОВА (TCHISTOGANOFF) и ДЮКОМЕ Пьера (DUCOMET, Pierre). Не знаю так же, состоял ли мой муж с ними в переписке.

[Вторая страница]

О.В. Не берусь утверждать, что телеграмма от 22 января, фотографию которой вы мне показываете, написана рукой моего мужа.

По вашей просьбе вручаю вам девять документов (письма, конверты и одну открытку), написанные рукой моего мужа.

С подлинным верно

M. Zvetaiev-Efron.

Главный Инспектор Оперативной полиции,
офицер Судебной полиции [видимо, Папен, но без его подписи].

Дополнение: Дополняем, что опечатываем одной печатью девять вышеупомянутых документов, врученных нас г-жой ЭФРОН. Г-жа ЭФРОН вместе с нами подписывает указанную опись.

Инспектор Оперативной полиции, офицер Судебной полиции.

[Без подписи.]*

* Все документы переведены В. Лосской.

ПИСЬМО
А.Л. БЕМА к А.А.ТЕСКОВОЙ

Прага, 13 февраля 1942 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Когда мы с Вами последний раз говорили о Марине Ивановне, ее уже не было в живых. Сегодня я узнал из русской берлинской газеты «Новое слово» (от 11 февраля), что 11 августа прошлого года она в Москве на своей квартире покончила самоубийством. Какая страшная смерть в наше страшное время. Я сегодня весь день под впечатлением этого известия. Подробностей не знаю; пишет некий И. Горский из Смоленска, очевидно, какой-то незначительный писатель. Из его статьи можно только понять, что жизнь ее сложилась на родине не менее трагично, чем на чужбине. Она будто напечатала всего лишь одно стихотворение, за которое ее критика осудила, как за «не созвучное эпохе». Печататься она перестала. Дальше говорится, что «вскоре последовал разрыв с мужем и М.Ц. почувствовала себя совсем покинутой и одинокой на родной земле, среди чуждых ей людей.» В самые трагические дни «11 августа 1941 г., ночью, когда над Москвой грохотали разрывы зениток и тяжело ухали авиабомбы, М.Ц. покончила жизнь самоубийством: она повесилась у себя на квартире.» Что в этих подробностях отвечает действительности, не знаю, но, очевидно, самая смерть М.Ц. несомненна. И с этим сознание никак не хочет примириться. Я знаю, как и для Вас тяжело будет это известие. Храните ее письма, это драгоценный для

нас памятник о ней. До чего становится жить тяжело, временами уже сил не хватает. А все-таки жить надо, пока тебя не отзовут из жизни.

Ну, храни Вас обеих Христос.

Дружески Ваш А. Бем

**ПИСЬМО
А.А. ТЕСКОВОЙ к А.Л. БЕМУ**

Прага, 15 февраля 1942 г.

Дорогой Альфред Людвигович,

Какое неожиданное и какое ужасное известие! Но вся картина трагедии, о последнем действии которой Вы мне вчера дали знать, передо мною как на ладони. Корни этого ужасного решения очень-очень далеко. Будь Марина вне России, имея возможность переписки, она бы этого не сделала, я в этом уверена. Бывала же не раз на волосок от отчаяния, приводящего к таким концам. Конечно, там всё обострилось, приняло конкретный вид... Но была она до того мужественна, столько страданий прошло над ее головой... Да опять-же: там её умолчали, оскорбляли (что муж покинул, не считаю губящим ударом для неё, ей это давно не было новым)... и не было дружеской руки, которая бы к ней протянулась, не было дружеского сердца, понимающего, разделяющего ее горя... А при всём том: она так любила жизнь... Помните Кристину из романа Унсет? Последняя часть его, переполненная страданиями Кристины прямо до удушения, в которой Кристина буквально падает под крестом, но всё-таки мужественно доносит, пока её смерть от чумы не дает искупления, – была для Марины вроде символа. – И еще, способ самоубийства! Именно она, Марина, не могла этого сделать при здравом смысле (ненормальность, вызванную минутой, учитываю).

Со вчерашнего дня мы с Августой Антоновной о другом и думать не можем. Опять огонек впереди для меня погас.

Мечтали мы все время, вот явится как-нибудь Марина, отведем ей комнату возле кухни (кое-что уже для этого готовили), летом на Винуцу увезем... И как она желала пожить со мною! Не будь Мура, в Россию бы не поехала.

Письма храню. Сожжено только то, что Марина просила сжечь. Много освещающего жизнь, откровенного, интимного, ещё много придется над ними подумать. И все не верится...

На этой или следующей неделе будет всеношная в Францисканской церкви за упокой ее души – она любила св. Франциска Ассизского. Дня еще не знаю.

Не раз придется еще с Вами говорить о Марине.

Храни Вас Бог.

Душевно Вам преданная

А. Тескова

КОММЕНТАРИИ

Незадолго до смерти Анна Тескова передала 135 адресованных ей писем Марины Цветаевой инженеру, поэту и литературоведу Вадиму Владимировичу Морковину (1906–1973). В 1969 г. он подготовил и издал в Праге книгу «Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой». Тексты сохранившихся 135 писем М. Цветаевой были напечатаны с купюрами, составившими почти треть издания (см. вступительную статью А. Главачека к настоящему изданию), 13 писем были опущены целиком, но указаны их даты и количество исключенных строк. В письмах, напечатанных с пропусками, также обозначалось точное число выброшенных строк. Их общее число, по подсчетам Глеба Струве, составило около 3000. Готовя письма к публикации, В. Морковин выполнил со всех 135 писем машинописную копию, максимально приближенную, по нашему представлению, к оригиналам (по старой орфографии, с обозначениями подчеркиваний, ударений и др.). Указанное в книге количество пропущенных строк полностью совпадает с числом строк, зачеркнутых на страницах копии. Иными словами, издание книги было осуществлено, скорее всего, по этой машинописной копии.

В 1991 г. книга переиздана в России (СПб.: Внешторгиздат), при этом в публикацию были внесены отдельные уточнения и исправлены явные опечатки (подготовка издания и комментарии И.В. Кудровой). В 1995 г. письма воспроизведены в Собрании сочинений М. Цветаевой в 7 томах (СС-6). Там же были восстановлены некоторые купюры по публикации В. Морковина «Марина Цветаева в Праге» (Československá rusistika. Praha. 1962. № 1. С. 48–53).

В апреле 1967 г. В. Морковин передал цветаевские материалы, которые достались ему от А. Тесковой, в Литературный архив Музея национальной письменности (МНП) в Праге («Марина Цветаева.

Письма к А.Тесковой». С. 18, 19). По распоряжению В. Морковина после его смерти его архив, в том числе и письма Цветаевой, был закрыт на тридцать лет. В настоящее время цветаевские материалы, находящиеся в архиве В. Морковина, открыты для специалистов. В первую очередь, это две машинописные копии всех писем: одна, уже упоминаемая выше, – с зачеркнутыми, другая – с нетронутыми текстами. Оригиналы писем в архиве В. Морковина отсутствуют, и их судьба нам неизвестна. Проект публикации полных текстов писем М. Цветаевой к А.Тесковой был предпринят в соответствии с соглашением, достигнутым между Литературным архивом МНП в Праге и Мемориальным Домом-музеем Марины Цветаевой в Болшеве. По этому соглашению Музеем Цветаевой были предоставлены для работы обе копии.

136 писем в настоящем издании печатаются по архивным копиям (письмо 101 в предыдущих изданиях не упоминалось). Письмо 111, впервые опубликованное Г. Ванечковой в журнале «*Sovetská literatura*» (Прага. 1982. № 10. С. 182), было затем перепечатано в *СС-6*. Письмо 27 впервые опубликовано в сборнике «*Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939)*». Zdeněk Sladek, Ljubov Běloševská a kolektiv autorů. – Praha, 1998, č. 87–88 («Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике»). Печатается по копии с оригинала, хранящегося в архиве составителя.

Проблемы публикации текстов М. Цветаевой, уникальным образом подвергнутых сокращению, обсуждались со специалистами как в России, так и за рубежом. В итоге было решено, учитывая не только литературную важность, но и историческое значение публикации полных текстов писем, печатать их с выделением ранее вырезанных строк, например, другим шрифтом (что и принято в настоящей работе).

В остальном принципы подачи текста (подчеркивания в рукописи передаются курсивом, авторские сокращения раскрываются с помощью угловых скобок и т. д. и т. п.), а также составления комментариев и ссылок и др. сохранены те же, что и в *СС*. Ранее выполненные комментарии для настоящего издания переработаны и исправлены; кроме того, они дополнены с учетом изданий последнего десятилетия (*Сводные тетради и Записные книжки* М. Цветаевой, ее письма к Н. Гайдукевич, Н. Гронскому, В. Рудневу и др.).

Составитель выражает благодарность Литературному архиву Музея национальной письменности в Праге и лично госпоже *Н. Мацуровой* за предоставленные копии писем М. Цветаевой к А. Тесковой, А. Тесковой к А. Бему и В. Булгакову и др. и разрешение на их публикацию, а также *М. Бубениковой* и *М. Дандовой* (Прага), *М. Авриль*, *Т. Гладковой*, *Н. Дюбурвье* и *В. Лосской* (Париж), *Р. Дэвису* (Лидс), *Л. Ливаку* (Торонто), *Е. Айзенштейн*, *В. Максецкому*, *Л. Охрименко*, *В. Резвушкину*, *В. Телицыну*, *Е. Толкачевой*, *А. Трубицыной* за ценные советы и помощь при подготовке текста и комментариев.

Члены семьи М.И. Цветаевой:

Муж – Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941) – офицер, литератор, редактор. Участник Гражданской войны. В 1920 г. эвакуировался в Галлиполи, затем перебрался в Чехословакию. Учился в Карловом университете. Один из редакторов журналов «Своими путями» (Прага) и «Версты» (Париж). Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. С конца 1925 г. жил во Франции. Участвовал в издании газеты «Евразия». В 1931 г. подал прошение о советском гражданстве. Вскоре был завербован советской разведкой. В 1937 г. вернулся в СССР. В 1941 г. расстрелян.

Дочь – Эфрон Ариадна Сергеевна (Аля) (1912–1975) – художник, переводчик. В 1930-е в Париже сотрудничала в Союзе возвращения на родину. В 1937 г. вернулась в СССР. Была репрессирована, прошла лагеря и ссылку. После освобождения занималась творческим наследием матери, выполняла переводы.

Сын – Эфрон Георгий Сергеевич (Мур) (1925–1944) – в 1939 г. вернулся с матерью на родину. После ее смерти привез в Москву архив матери. Окончил школу в Ташкенте, посещал лекции в Институте философии, литературы и искусства в Москве. Погиб на фронте.

1

¹ Речь идет о выступлении Цветаевой на Первом интимном вечере («интимнике») пражского литературного содружества «Скит поэтов», который состоялся 20 ноября 1922 г. в «Русской беседе» (помещение в пражском районе Винограды). «Интимник» – узкое собрание членов содружества, на котором после выступлений участников шло их обсуждение. На упомянутом вечере А. Бем выступил

с докладом о лирике, свои стихи, кроме М. Цветаевой, прочли поэты С. Рафальский, М. Скачков, Х. Кроткова и др. Впечатления о выступлении Цветаевой занесла в свой дневник поэтесса, критик и журналист Христина Павловна Кроткова (1904–1965): «Я была на первом интимнике “Скита”, где читала свои стихи Марина Цветаева. На меня она произвела малоинтеллигентное впечатление, как это ни странно. Может быть, в этом виновата и ее манера держать себя. Напыщенность может быть искупаема только неподдельным пафосом, и отсутствие искренности в этом убийственно безвкуса-тельностью» (7 декабря 1922 г.), и, позднее, в виде мысленного письма к Цветаевой: «...встречалась я с Вами уже не раз, но разговаривать я избегала. Первый раз – в Мокропсах, у знакомых студенток. Вы вошли, сказали о своих квартирных неприятностях несколько фраз, говоря громко, глядя в окошко, думая не о том. День был осенний, но солнце светило ярко. В окно я видела, как Вы подымались на гору, где гулял веселый, осенний ветер, ведя за руку свою дочку (не ветер, а Вы). Второй раз в том же 1922 году читали в “Ските поэтов” свои стихи. Я рассматривала Вас с интересом и недружелюбием... Читали Вы красиво, как и соответствовало Вашим стихам. Они были сложны, мне же хотелось несколько фраз, исчерпывающих и осмысливающих весь мир. Волосы стрижены не то по-купечески, не то по-ямщицки, как-то по-московски. И говор московский. Этот размах, эта удаль меня и восхищала, и несколько обижала – она была высокомерна и поглощена собой» (запись в январе 1931 г.) (Минувшее: Исторический альманах. 21. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 2007. С. 385–386 / Публ. В.П. Нечаева).

О деятельности содружества «Скит» подробно см.: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Под общей ред. Л.Н. Белошевской. М.: Русский путь, 2006.

² Адрес студенческого общежития в Праге, где жил С.Я. Эфрон, учившийся на историко-филологическом отделении Карлова университета.

2

¹ Чешско-русская Еднота (Чешско-русское объединение) была организована в 1919 г. с целью оказания помощи русским военнопленным, участвовавшим в Первой мировой войне, облегчения

участи русских беженцев и т. п. Помимо благотворительности, Еднота широко занималась культурной деятельностью, устраивала литературные и музыкальные вечера. А.А. Тескова принимала в создании и работе Чешско-русской Едноты самое деятельное участие – руководила культурно-просветительской комиссией, затем была многолетним председателем всей организации. Вечера проходили в Праге, в «Японском зале» отеля «Беранек». Подробнее историю Чешско-русской Едноты см., например.: Бубеникова М. «Чешско-русская Еднота» в собраниях пражских архивов. – В сб.: Rusko v české historiografii. Praha, 2002. С. 375–394.

² Совместный литературный вечер Чешско-русской Едноты и Союза русских писателей и журналистов должен был состояться в Едноте 25 января 1925 г. (первоначальная дата – 14 января). В нем согласились принять участие Е.Н. Чириков, М.И. Цветаева, В.Ф. Булгаков (Последние новости. 1925. 14 янв.). Однако вечер удалось провести лишь 1 февраля. Стихи Цветаевой (из циклов «Але», «Плащ», «Анне Ахматовой») читал артист А. Брей, «имевший большой и шумный» успех (Там же, 12 февр.) Что касается упомянутой в письме даты «21 мая», то, по-видимому, А.А. Тескова заблаговременно приглашала Цветаеву принять участие в будущем майском вечере Союза русских писателей и журналистов (такой вечер прошел 20 мая).

3

¹ Лечебница «Государственная охрана матерей и младенцев», дом в Праге на острове Штванице (река Влтава). «Но это напоминало ей (Цветаевой. – Л.М.) о советских больницах, и она содрогалась при мысли о большой общей палате с тридцатью младенцами, чешских докторов и чешском языке, запрете курить, возможном затягивании пребывания там с девяти положенных дней до двадцати девяти», – писал в своих воспоминаниях Григорий Исаакович Альтшуллер (1895–1993), доктор медицины, профессор Карлова университета (цит. по кн.: «Годы эмиграции». С. 62).

4

¹ Сын Георгий родился во Вшенорах. Роды принимал Г. И. Альтшуллер. «... в один воскресный день, она пришла посоветоваться со мной и сказала: “Вы будете принимать моего ребенка”. Удивленный ее

неожиданным заявлением, я попытался возразить ей, что этого делать не буду, что ничего об этом не знаю, но она, улыбаясь, тихо повторила: “Вы будете принимать моего ребенка”, – не слушая ответ...

К тому времени Цветаева с мужем и дочерью переехала в соседнюю деревню Вшеноры, которая была и больше и лучше Мокропсов. Эти деревни были разделены густым лесом, протяженностью около двух километров. В зимнюю пору... добраться до Вшенор через лес было целым путешествием, а обычная дорога удваивала путь.

Это случилось ночью в последний январский день 1925 года, около девяти часов, когда уже стемнело. Шел снег – страшная метель... Из деревни, где жила Цветаева, ко мне прибежал чешский мальчик. Ее муж в тот день отсутствовал, дочь тоже уехала с отцом. Марина была одна. Мальчик вбежал в комнату и сказал: “Пани Цветаева хочет, чтобы вы немедленно к ней пришли, у нее уже схватки! Вам следует поторопиться, это уже началось”. Что я мог сказать? Я быстро оделся и пошел через лес... – в яростную бурю.

Я открыл дверь и вошел... Марина лежала на постели, пуская кольца дыма, – ребенок уже выходил. Она весело меня поприветствовала: “Вы почти опоздали!.. Я же сказала вам, что вы будете принимать моего ребенка. Вы пришли – и теперь это не мое, а ваше дело...” Я вернулся на следующий день, чтобы осмотреть ребенка, и в дальнейшем делал это каждое воскресенье в течение длительного времени» (Там же. С. 62–64).

5

¹ *Пакет до сих пор не найден...* – О посылке, которую Цветаева ждала от В.Г. Чириковой, см. письмо 7 и коммент. 1 к нему. *Письмо доктору.* – Вероятно, Цветаева собиралась написать письмо благодарности доктору, принимавшему роды (см. коммент. 1 к письму 4).

² *Видели ли на Петре Ч<ирико>вых...* – 8 февраля 1925 г. в Праге прошли торжества, посвященные памяти Императора Петра I (по случаю 200-летия со дня кончины). Утром состоялось юбилейное заседание и концерт хора под управлением А.А. Архангельского. На вечере, организованном Русским народным университетом, с докладами выступили профессора А.А. Кизеветтер и В.А. Мякотин, произведения русских писателей о Петре и петровской эпохе читали артисты русских театров. *Чириков* Евгений Николаевич

(1864–1932) – писатель, публицист. В Праге с 1921 г. Член Союза русских писателей и журналистов. Его жена, *Чирикова* (урожд. Григорьева) Валентина Георгиевна (1875–1966) – актриса, играла в Праге в любительских спектаклях, выступала с чтением стихов русских поэтов. Чириковы были соседями Цветаевой по Вшенорам. (Подробнее о пребывании семьи Чириковых в Чехословакии и отношениях с Цветаевой см.: «Письма М.И. Цветаевой к Л.Е. Чириковой-Шнитниковой» / Сост., подгот. текстов и примеч. Е.И. Лубянской. М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Изограф, 1997 и работу «Семья писателя Е.Н. Чирикова во Вшенорах» Евгения Е. Чирикова (младш.) в сб. «*Вшеноры 2000*». С. 29–39.

³ *Земгор*. – Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (пражский Земгор).

⁴ *Нидерле* Любор (1865–1944) – чешский историк-славист, археолог, этнограф, в 1898–1929 гг. профессор Пражского университета. *Кондаков* Никодим Павлович (1844–1925) – выдающийся историк византийского и древнерусского искусства. В Праге с 1922 г. Читал лекции на философском факультете Карлова университета. С.Я. Эфрон занимался в его семинаре по истории византийского, средневекового и восточнославянского искусства и должен был сдавать экзамен 18 февраля. Но накануне, 17 февраля, профессор Кондаков скончался. По поводу сложившейся ситуации Цветаева обратилась к Евгению Александровичу Ляцкому (1868–1942), профессору и заведующему кафедрой русского языка и литературы Карлова университета, с просьбой: «...Узнав, я, несмотря на горе по Кондакову, сразу учла трудность положения и посоветовала С<ереже> обратиться к Вам. Он же, по свойственному ему донкихотству, стал горячо возражать против устройства своих личных дел в такую минуту (“что значат мои экзамены рядом со смертью Кондакова” и т. п.). Поэтому... действую самостоятельно и сердечно прошу Вас подписать ему экзаменационный лист, который прилагаю. Остальной минимум (греческий, Нидерле) сдан блестяще» (СС-6, 782–783).

⁵ Речь, по-видимому, идет о женском журнале «Ева», который выходил в г. Оломоуце. Дневниковая проза Цветаевой была опубликована в этом журнале еще в 1924 г. (Отрывки из книги «Земные приметы» в переводе Отто Барблера. № 3. С. 94–95.)

⁶ К моменту написания настоящего письма были опубликованы следующие дневниковые записи Цветаевой: отрывки из

книги «Земные приметы» (Воля России. 1924. № 1/2), «Вольный проезд» (Современные записки. 1924. № 21), «Чердачное» (Дни. 1924. 25 дек.).

⁷ Правильно: XXI книга.

⁸ *Кубка* Франтишек (1894–1969) – чешский писатель, критик, переводчик. Автор книги «*Vásníci revolucního Ruska*» («Поэты революционной Москвы») (Прага, 1924), в которой даны творческие портреты Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Цветаевой. Цветаева могла знать и оценить перевод Ф. Кубкой ее стихотворения на чешский «Идешь, на меня похожий...», опубликованный в 1924 г. в журнале «*Cesta*» (Прага. 1924. № 29–30), а также отрывки из ее стихотворений в его книге о русских поэтах. О своих встречах с Цветаевой Кубка написал воспоминания «Грустный романс о Марине Цветаевой» («*Годы эмиграции*». С. 152–161). Там же он выразил свое отношение к переводам Цветаевой: «Это был мучительный труд. Строка за строкой – одни существительные, без глаголов. Как у импрессионистов. И все же это был не импрессионизм, и не поэтизм, и не сюрреализм. Рифмы ассонансные. Слова разделены паузами по напевности и ударению. Видение мира иллюзорно, но в то же время ритм, мелодия стиха в высшей степени реальны» (С. 156). См. также письма Цветаевой к Ф. Кубке в СС-7. С. 24–25.

⁹ *Михаил Архистратиг* – предводитель небесного воинства в решающей битве против зла; по Апокалипсису, сражался с драконом (ветхозаветн.).

¹⁰ *Ваша мама*. – Тескова (урожд. Севера) Анна Вацлавна (1852–1936) – пианистка, преподаватель музыки.

6

¹ См. предыдущее письмо и коммент. к нему.

² Данная статья С.Я. Эфрона была опубликована в пражском журнале «Своими путями» (1925. № 3/4). Сергей Эфрон и Марина Цветаева были активными сотрудниками журнала, при этом С. Эфрон являлся одним из его редакторов. В статье «Церковные люди и современность» ее автор, по словам А.А. Саакянц, «хотел найти истину посредине: между теми, кто отрекается от старого мира, и теми, кто отрекается от нового», пытался соединить «религиозное» и «земное устройство человечества» (Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис-Лак, 1997. С. 422).

¹ Нашлась потерянная посылка, собранная В.Г. Чириковой для новорожденного сына Цветаевой. Курц З.Я. – член правления Чешско-русской Едноты, руководила музыкальной комиссией, жена Антонина Курца (1855–1943), чешского общественного деятеля и переводчика, заместителя председателя Чешско-русского Едноты.

² См. письма 5 и 6 и коммент. к письму 5.

³ *Cesta* – чешский еженедельный журнал по вопросам литературы, общественности и искусства, выходивший в Праге (1919–1930). В нем был опубликован перевод одного из стихотворений Цветаевой (см. коммент. 8 к письму 5).

⁴ М.Л. Слоним был одним из редакторов журнала «Воля России». См. о М.Л. Слониме коммент. 1 к письму 14.

⁵ *Теплице* – минеральный курорт на северо-западе Чехословакии. В 1810-е гг. Бетховен жил здесь и проходил курс лечения расстроенного слуха.

¹ *Писала Вам о нынешней «Грозе»...* – Письмо, о котором упоминает Цветаева, по-видимому, не сохранилось. Любительский спектакль по пьесе А.Н. Островского «Гроза» с участием известной актрисы Н.Г. Коваленской состоялся в помещении Национального чешского объединения горожан «Мещанская беседа» (ныне здание чешского телевидения, Владиславова, 20). Цветаева присутствовала на спектакле. Об этом в ее письме А.В. Черновой от 25 апреля 1925 г.: «Да! самое главное: 20-го, на 2-ой день Пасхи, было Сережино выступление в “Грозе”. Играл *очень* хорошо: благородно, мягко, – себя. Роль безнадежная (герой – слюня и макарона!), а он сделал ее обаятельной.

За одно место я трепетала: “...загнан, забит, да еще сдуру влюбиться вздумал”... и вот, каждый раз, без промаху: “загнан, забит, да еще в дуру влюбиться вздумал!” Это в Катерину-то! В Коваленскую-то! (prima Александрийского театра, очень даровитая.) И вот – подходит место. Трепещу. Наконец, роковое: “загнан, забит, да еще...” (пауза)... Пауза, ясно, для того, чтобы проглотить дуру. Зал не знал, знали Аля и я. И Коваленская (!)

Был он в иждивенческом костюме, в русской рубашке и сапогах, т. е. крагах поверх (иждивенческих же) башмаков. Фуражку все время держал в руке, – вроде как от почтительности, на самом деле – оттого, что не налезала. (Гардероб и декорации из чешского театра.) Да! *Волга*, над которой я так умилялась, оказалась – Нилом. (Пальмы – вербы и т. д.) Жаль, что не было пирамид, я бы приняла их за *style russe* [здесь: русские (*фр.*) – Л.М.] – хаты» (СС-6, 674–675). Тому же адресату о спектакле написал и его «герой», С.Я. Эфрон: «...эта Пасха для меня отравлена моим театральным выступлением в “Грозе”. Увы!.. Я десять лет не был на сцене и потому очень волновался...» (Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 202).

Коваленская (по мужу Павлова) Нина Григорьевна (1888–1993) – актриса Александринского театра (1909–1919). Эмигрировала в Чехословакию, жила в Праге. На профессиональной сцене выступала редко. Ставила спектакли, участвовала в любительских постановках, выступала на вечерах как декламатор. В 1945 г. уехала в США.

² О какой родственнице идет речь, выяснить не удалось.

9

¹ Намечаемое на май выступление Цветаевой с лекцией (см. письмо 2 и коммент. 2 к нему) не состоялось ни в мае, ни в июне.

² *Степун* Федор Августович (1884–1965) – философ, историк, писатель, публицист. С 1922 г. в эмиграции. Жил в Германии. Участник Религиозно-философской академии. Выезжал с лекциями во Францию, Чехословакию и др. В Праге Степун выступил с двумя докладами, организованными Русским демократическим студенческим союзом: «О старых грехах и новых задачах русской демократии» (8 мая) и «Советская и зарубежная Россия» (11 мая).

³ Незавершенная поэма-сказка «Егорушка», при жизни автора не печаталась. Герой поэмы, *Егорий Храбрый* – народный вариант Георгия Победоносца, воина, по преданию, победившего дракона и спасшего царскую дочь. Содержанием народных легенд Цветаева почти не пользовалась, сюжет поэмы выдуман ею полностью. Текст поэмы и историю ее написания см. в СС-3. Строки поэмы, приведенные в письме, взяты из главы «Пастушество» (СС-3. С. 699).

⁴ *Андреева А.И.* – См. коммент. 3 к письму 88.

⁵ *Юрчинова* Эва (псевд. Анны Веберовой; 1889–1969) – чешская писательница.

10

¹ Датируется по содержанию.

² Речь идет о «стене плача», подпорной стене вокруг Храмовой горы в Иерусалиме. Представляет собой символ связи еврейского народа с его исторической родиной, место, где евреи оплакивают разрушение Храма и молят Бога о восстановлении Израиля в его стране.

³ 15-го мая, в пятницу, Союз русских писателей и журналистов организовал литературный вечер-диспут «Художественная словесность в СССР». С докладом выступил Д.А. Лутохин, литературный критик и прозаик, живший в те годы в Чехословакии (в 1927 г. вернулся в СССР). Председатель диспута – В.Ф. Булгаков. В прениях выступили: М.Л. Слоним, А.Л. Бем, А.А. Туринцев и др. (Студенческие годы. Прага. 1925. № 3. С. 25).

11

¹ PEN club (Пен-клуб) – международное объединение писателей, основанное в 1921 г. в Лондоне английскими писателями Дж. Голсуорси и К.Э. Даусон-Скотт (ум. в 1934 г.). Сначала его задачей было создание чисто светского объединения писателей. Впоследствии важное место в деятельности ПЕН-клуба заняли вопросы свободы слова и защиты авторских прав. Пражский ПЕН-клуб был создан 15 февраля 1925 г. Цветаева присутствовала на заседании клуба 18 июня 1925 г., устроенного в честь французского писателя Рони (одного из двух братьев, писавших под одним и тем же псевдонимом: Rosny). На встрече, кроме Цветаевой и Рони с женой, присутствовали: Карел Чапек, Е.А. Ляцкий, инженер Ф. Коль (основатель пражского Пен-клуба), Ф. Кубка и др. (Подробнее см.: *Морковин В.* Пражский Пен-клуб и его русские гости. *Československá rusistika.* Прага: 1968. № 5. С. 293–296).

12

¹ Письмо написано на почтовой карточке. Цветаева нередко писала письма на подобных карточках, а также на различных видовых и художественных открытках.

² В лечебницу устроить С.Я. Эфрона помог М.Л. Слоним.

³ Воспоминания о Брюсове под названием «Герой труда» были опубликованы в журнале «Воля России» (1925. № 9/10, 11) (см. СС-4).

⁴ *Pragerpresse* – правильно: *Prager Presse* – чешская газета на немецком языке (1921–1939).

⁵ Ф. Кубка был сотрудником этой газеты, в 1927–1937 гг. ее редактором.

⁶ ...*сестра*. – Тескова Августа Антоновна (1878–1960), учительница.

13

¹ См. предыдущее письмо.

14

¹ *Слоним Марк Львович* (1894–1976) – общественно-политический деятель, литературный критик, переводчик, журналист. После революции эмигрировал. С конца 1920 г. жил в Праге. Состоял членом комитета пражского Земгора, входил в состав правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. С 1927 г. подолгу жил в Париже, в 1932 г. поселился там окончательно. Один из редакторов журнала «Воля России», заведовал в нем литературной частью. Близкий друг Цветаевой. «Может быть, одна из самых больших его не только редакторских, но и просто человеческих заслуг было его отношение к творчеству Цветаевой. Изгой зарубежной литературы Марина никак не могла пожаловаться на охотно печатавшего ее стихи и прозу Марка Львовича. В их дружбе было прежде всего неконформистское притяжение двух высоких интеллектуальных уровней. Как люди они были мало сходны» (*Рафальский С.* Доброй памяти <М.Л. Слонима>. Париж. Русская мысль. 1976. 13 мая). М.Л. Слоним – автор обстоятельных воспоминаний «О Марине Цветаевой» (см.: «*Годы эмиграции*». С. 90–145).

² Летом 1909 г. Цветаева училась в Alliance Française (Курсы французского языка и литературы для иностранцев) в Париже. В письме к В.Н. Буниной Цветаева позднее вспоминала: «...мне даже было 16 лет, когда я впервые и одна была в Париже. Я не привезла ни одной шляпы, но привезла: *настоящий* автограф Наполеона (в Революцию – украли знакомые) и *настоящий* севрский бюст Римского Короля. И пуд книг – вместо пуда платья.

И страшную тоску внутри, что какая-то учительница в *Alliance Française* меня *мало* любила. Вот мой Париж – на полной свободе...» (СС-7. С. 280).

³ *Пражский рыцарь*. – Памятник легендарному герою чешского народа рыцарю Брунсвику, установленный в Праге, под Карловым мостом, над Влтавой. Н.А. Еленев, искусствовед и историк, в своих воспоминаниях рассказывает: «Однажды я показал Марине пражский Карлов мост с его статуями, рассказал ей его историю и легенды, связанные с этим замечательным архитектурным созданием средневековья. На одном из мостовых устоев высится изваяние так называемого пражского Роланда, иначе – Брунцвика... Пражский рыцарь, сооруженный в конце XV столетия, уничтоженный шведским обстрелом города в 1648 году и возобновленный... в 1884 году Людвигом Шимеком, понравился Марине больше всего. Стройная фигура юноши в доспехах, с поднятым мечом и щитом у ног отвечала ее вкусу... Сказочный образ юного витязя, как всякая сказка, говорил Марине больше, чем история...» («*Годы эмиграции*». С. 38, 39). Цветаева считала, что «пражский рыцарь» похож на нее лицом, вспоминала о нем долгие годы. Статуе пражского рыцаря на Карловом мосту посвящено стихотворение Цветаевой «Пражский рыцарь» (СС-2. С. 228).

⁴ О переезде А.И. Андреевой в Париж см. письмо 16. *Старший* – Андреев Савва Леонидович. О нем и других детях А.И. Андреевой см. письмо 88 и коммент. к нему.

15

¹ В первую очередь, это О.Е. Колбасина-Чернова. Узнав о намерении Цветаевой переехать в Париж, Ольга Елисеевна приняла близкое участие в связанных с этим приготовлениях. «Париж представляется мне источником всех чудодейственных бальзамов, <которые> должны залечить все Маринины <...> обретенные в Чехии от верблюжьего быта и пр., пр., и пр.», – писал С.Я. Эфрон О.Е. Колбасиной-Черновой незадолго до отъезда Цветаевой из Чехии (цит. по: СС-6. С. 755).

16

¹ *Заблуккий* Михаил Лазаревич (1861–1944) – юрист, адвокат. Член пражского Земгора, член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Заведовал материальной помощью русским

эмигрантам в Чехословакии. Преподавал на Русском юридическом факультете.

² Правительство Томаша Масарика выплачивало ежемесячные пособия многим русским ученым и писателям, поселившимся в Чехословакии после Октябрьской революции.

³ Название вокзала в Праге.

⁴ Со стороны матери Цветаева происходила из аристократического польского рода. См. письмо 85 и коммент. к нему. *Жорж Санд* (наст. имя Аврора Дюпен) (1804–1876) – французская писательница. Один из любимых авторов Цветаевой в юности, из числа, по ее словам, «наших родных писателей, не менее, чем им современных русских» (СС-4. С. 212).

17

¹ А.А. Тескова жила с матерью и сестрой.

² Ср. позднюю запись Цветаевой в тетради: «Не забыть – нет, не няню, доброго гения, фею здешних мест – Анну Антоновну Тескову. Приехавшую – с огромной довоенной, когда-то традиционной коробкой шоколадных конфет – в два РЯДА, без картона, без обмана» (*Сводные тетради*. С. 335).

18

¹ Первого ноября семья Цветаевой прибыла в Париж. Письма Цветаевой и Али к Тесковой, в которых все это было описано, не сохранились. С.Я. Эфрон вскоре вернулся в Прагу по делам, связанным с изданием журнала «Своим путями». А. Тескова с горечью писала позже А. Бему: «Жутко мне, когда уезжают те из русских, к которым успела привязаться искренней дружбой» (Письмо от 9 октября 1928 г. *Архив А.Л. Бема*).

² «*Крысолов*» – поэма Цветаевой, начата еще в Чехословакии, во Вшенорах. Последняя глава поэмы (шестая, «Детский рай») была завершена уже в Париже. По главам публиковалась в журнале «Воля России» (1925. № 4, 5, 6, 7–8, 12; 1926. № 1).

³ Собор Парижской Богоматери в Париже.

⁴ Речь идет об организации первого творческого вечера Цветаевой в Париже, стоившей ей большого нервного напряжения и многих унижений: никто не хотел давать бесплатно помещения, пробле-

мы с печатанием и распространением билетов и т. п. «...мало друзей и слишком много непроданных билетов. Если бы Вы только знали, как все это унизительно», – писала она В.Ф. Булгакову незадолго до вечера (СС-7. С. 11). Тем не менее вечер, сроки которого несколько раз переносились, состоялся 6 февраля 1926 г. в помещении Союза молодых поэтов и писателей (79, rue Denfert-Rochereau) (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. I. С. 234–235). Вечер прошел с огромным успехом. (Об этом подробно написал В.Б. Сосинский, очевидец выступления Цветаевой. См.: *«Годы эмиграции»*. С. 187–188).

⁵ По приезде в Париж Цветаева первое время жила на rue Rouvet, 8 (на севере города). Хозяйка квартиры, Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова (1886–1964) – писательница, журналистка, жена председателя Учредительного собрания Виктора Михайловича Чернова (1873–1952), помогла Эфронам с получением визы, прислала денег на дорогу (см. в СС-7 письма к ней и коммент. к ним). *«Лондонские трущобы»* («Люди бездны», 1903) – книга репортажей о жизни бедняков в трущобах английской столицы Джека Лондона (1876–1916).

⁶ ...кубковский мальчик – по-видимому, речь идет о сыне Ф. Кубки.

Приложение: письмо Али. При выполнении копий с писем М. Цветаевой В.В. Морковин тексты всех приложений (письма и приписки А. Эфрон, приписки С.Я. Эфрона и др.) опустил.

19

¹ У О.Е. Колбасиной-Черновой было три дочери. Сестры-близнецы Ольга Викторовна (в замуж. Андреева, 1903–1979) и Наталья Викторовна (в замуж. Резникова, 1903–1992), дочери Колбасиной-Черновой от первого брака с художником М.С. Федоровым, носили фамилию и отчество Виктора Михайловича Чернова. Речь в письме Цветаевой идет об одной из них (можно предположить, что об Ольге. В воспоминаниях Натальи Черновой (Резниковой) в отношении к Цветаевой много теплоты, понимания (*«Годы эмиграции»*. С. 191–198). Третья дочь, Ариадна Викторовна, в это время находилась еще в Праге. См. о ней коммент. 4 к письму 55.

² Цветаева, видимо, имеет в виду комнату для себя одной. Семье же Цветаевой была выделена отдельная комната. Из воспоминаний Н. Резниковой: «Квартира наша в 19-м округе была новая (в новом

доме), чистая и светлая... Из трех комнат одну, со светлыми обоями, мы дали Марине Ивановне с детьми...» («Годы эмиграции». С. 193–194); об этом же у В.Б. Сосинского: «Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова... отдала (Цветаевой. – Л.М.) в своей трехкомнатной квартире лучшую, самую вместительную комнату, освободив гостей от квартплаты...» (Там же. С. 178).

³ Лицо неустановленное.

⁴ Лицо неустановленное.

⁵ 25 декабря 1925 г., в один день, была опубликована проза Цветаевой: в газете «Последние новости» – «Из дневника», в газете «Дни» – «О любви».

⁶ «Ковчег». – Сборник Союза русских писателей в Чехословакии. Под редакцией В.Ф. Булгакова, С.В. Завадского, М.И. Цветаевой. – Прага: Пламя, 1926 (вышел в свет в декабре 1925 г.). В сборнике была опубликована «Поэма Конца» Цветаевой. О работе над сборником Цветаевой в качестве редактора см. ее письма к В.Ф. Булгакову (СС-7). Отзыв в «Днях» о «Ковчеге». – Подписанный инициалами «С.К.», отзыв появился в воскресном номере «Дней», 20 декабря 1925 г. По словам критика, «написанная в Праге “Поэма Конца” М. Цветаевой, где тема перешагнула географические границы, ибо вне времени и вне рубежа, – тем не менее будет причислена к одним из лучших русских произведений, написанных за последние годы».

Что касается неувязки даты написания письма (19 декабря) с датой выхода газеты (20 декабря), то либо Цветаева дописала письмо на следующий день, то есть когда газета вышла, и Цветаева смогла прочесть отзыв, либо она имела возможность просмотреть воскресный номер газеты накануне, например, непосредственно в редакции. (В письме: «Только что сдала в “Дни” и “Последние новости” рождественскую прозу...»)

Приложение: письмо Али.

20

¹ В 1919 г. Цветаева несколько месяцев проработала в информационном отделе Народного комиссариата по делам национальностей. См. об этом ее дневниковую прозу «Мои службы» (СС-4).

² Выдержки из дневника 1919 г. «О Германии» были опубликованы в газете «Дни» (1925. 13 дек.).

На обороте приписки Али и С.Я. Эфрон.

21

Письмо написано на открытке с изображением старинной миниатюры.

¹ Цветаева приехала в Лондон по приглашению Д.П. Святополк-Мирского, который взялся организовать ее платный вечер. Вечер состоялся 12 марта. Выступление Цветаевой предварил краткий вступительный доклад Д.П. Святополк-Мирского. Накануне Цветаева сообщала П.П. Сувчинскому: «Завтра вечер, билеты идут хорошо» (СС-б. С. 316). Спустя несколько дней Д.П. Святополк-Мирский писал тому же адресату: «Вечер М<арины> Ц<ветаевой> был удачен – особенно в денежном отношении (больше чем я ожидал)» (Письма Д.П. Святополк-Мирского П.П. Сувчинскому. С. 53). Святополк-Мирский Д.П. – См. коммент. 1 к письму 69.

² Речь идет о статье «Мой ответ Осипу Манделштаму» (СС-5). Об истории ее создания см. также письма, написанные Цветаевой в эти мартовские дни к П.П. Сувчинскому, и коммент. к ним (СС-б. С. 316–317, 328–329).

22

Письмо написано на открытке с видом St. Gilles-sur-Vie.

¹ «Версты» – журнал под редакцией Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского и С.Я. Эфрона при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова (Париж. 1926–1928. № 1–3). Целью журнала было «если не объединить все лучшее в современной русской литературе (это не под силу одному изданию)», то хотя бы «указывать на это лучшее». Подчеркивалось, что журнал не будет проводить различия между русской культурой, создаваемой на родине и за ее рубежами (Версты. 1926. № 1. С. 5). «“Версты” возникли, параллельно “Евразийским изданиям”, из общения Мирского со мной, с А.М. Ремизовым, Цветаевой, Шестовым, С.Я. Эфроном и другими. (Название “Версты” – взято из сборника стихов М. Цветаевой)», – вспоминал в 1974 г. П.П. Сувчинский (Письма Д.П. Святополк-Мирского П.П. Сувчинскому. С. 2). О создании журнала см. также письма Цветаевой к П.П. Сувчинскому и коммент. к ним (СС-б).

² Статья М. Цветаевой «Поэт о критике» посвящена эмигрантскому критику Г.В. Адамовичу и была напечатана в журнале «Благонамеренный» (Брюссель. 1926. № 2). Публикация вызвала в печати целый ряд гневных выступлений, направленных против автора статьи. См. коммент. 1 и 2 к следующему письму.

23

¹ Цветаева упоминает фрагмент из фельетона А. Яблоновского «В халате», напечатанного в газете «Возрождение» (1926. 5 мая) как отклик на ее статью:

«...Вот неуютно ли несколько примеров этой домашней бесцеремонности: “Ждать от поэта одинаковых стихов в 1915 г. и в 1925 г. то же самое что ждать – от него же в 1915 г. и в 1925 г. одинаковых черт лица. Время, как известно, не красит... И никто мне, тридцатилетней, которую знал двадцатилетней, не скажет “Как вы похорошели”. Тридцати лет я стала очерченной, значительней, своеобразней, – прекрасней, может быть. Красивей – нет. То же, что с чертами – со стихами”» (из статьи «Поэт о критике». – *Л.М.*).

Как видите, это очень трудно читать без чувства неловкости. Во-первых, о дамском возрасте говорить как-то не принято – это считается нелюбезностью. И уж совсем не принято, чтобы писательница говорила читателям о своей наружности:

– Нельзя сказать, чтобы я похорошела, однако, стала еще прекраснее и значительнее.

Это можно сказать мужу, жениху, тете Варе, наконец – но читателям (а в особенности, критику Адамовичу) этого положительно нельзя сказать.

– Почему?

Ну, хотя бы потому, что г. Адамович может не поверить».

² Кроме фельетона А. Яблоновского (см. выше), в ответ на эссе «Поэт о критике» появились статьи П.Б. Струве «Заметки писателя. О пустоутробии и озорстве» (Возрождение. 1926. 6 мая), М.А. Осоргина «Дядя и тетя» (Последние новости. 1926. 29 апр.), Ю. Айхенвальда «Литературные заметки» (Берлин. Руль. 1926. 5 мая), Е.С. Шевченко «Разгадка благонамеренности» (За свободу. 1926. 9 мая. Литерат. прилож.) и др. Что касается «героя статьи», Георгия Адамовича, то он на нее не откликнулся.

³ Имеются в виду двоюродный брат Николая II *Кирилл Владимирович* (1876–1938) и дядя Николая II *Николай Николаевич* (1856–1929). В русской эмигрантской прессе этого времени шли споры о том, кто именно из них должен считаться наследником русского престола.

⁴ *Ни одного голоса в защиту*. – Цветаева, возможно, не успела прочесть все отклики на свою статью. «Были голоса и в ее защиту». Ср., например, в других рецензиях на «Благонамеренный»:

Н. Мельникова-Папоушек, литературный критик: «Думаю, что не я одна прочла с чувством глубокого удовлетворения только что вышедшую в свет вторую книжку “Благонамеренного”. <...>

Статья М. Цветаевой “Поэт о критике” замечательная вещь, но это не статья, а исповедь о переживаниях поэта. Сейчас в зарубежной русской литературе <...> нет настоящей серьезной критики. Вообще, почти вся зарубежная литература страдает провинциализмом, а критика, как явление более точное, вследствие недостатка знаний впала в дилетантизм. Иными словами, сейчас нет критики, но есть частное мнение, и нет критиков, а есть публика, читатель же или публика очень легко переходят в то, что называется чернь. Так возникает в новой форме известный спор между поэтом и чернью. Замечания М. Цветаевой хлестки и остры, 99 раз они попадают в самую цель <...>. Данный как бы в виде приложения к предыдущей статье “Цветник” является яркой иллюстрацией. Это собрание цитат из критик Г. Адамовича, помещенных в “Звене” за 1925 г. Цитаты подобраны едко, умело и уничтожающе для Адамовича» (Воля России. 1926. № 5. С. 194–195).

Ф.А. Степун, философ, литературовед, критик: «В отделе статей интересна большая вещь М. Цветаевой “Поэт о критике”. О верности главных мыслей Цветаевой можно много спорить, но об остроте и даже блеске самого процесса мышления – спорить нельзя. У Цветаевой умны не только мысли, но и фразы; иногда не столько мысли, сколько фразы, самые жесты фраз: их темпы, перехваты, ракурсы. Читать Цветаеву всегда большое наслаждение; соглашаться же с нею часто опасно...» (Современные записки. 1926. № 28. С. 483).

⁵ Начальная строка стихотворения А.С. Пушкина «К морю».

⁶ Анри де ла Рошжаклен (1772–1794) – предводитель восстания в Вандее, направленного против Французской республики. Дата смерти, приводимая Цветаевой, ошибочна. В 1815 г. был убит брат

Анри – Луи де ла Рошжаклен (Вестник Русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; М. 1993. № 168. С. 177).

⁷ *Чирикова* (в замуж. Рождественская, Бирюкова, Ретивова) Новелла Евгеньевна (1894–1978) – старшая дочь писателя Е.Н. Чирикова, драматическая актриса. С 1922 г. в эмиграции, жила в Чехословакии. Работала в русской библиотеке Земгора в Праге, участвовала в любительских спектаклях.

⁸ *Булгаков* Валентин Федорович (1886–1966) – писатель, мемуарист, деятель культуры. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Секретарь Л.Н. Толстого. В 1923 г. был выслан из СССР. Жил в Праге. Председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (с 1925). Входил в редакцию сборника «Ковчег» (1926). Публиковался в журналах «Воля России», «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж) и др. В 1948 г. вернулся в СССР. Цветаева познакомилась с Булгаковым в ноябре 1924 г., когда создавалась редакционная коллегия сборника «Ковчег». Между ними возникла переписка, которая продолжалась некоторое время и после отъезда Цветаевой из Праги (см. СС-7). ...его жена – Булгакова (до замуж. Цубербилер) Анна Владимировна (1896 – 1964) – учительница.

⁹ *Тезей*. – Еще в Чехословакии Цветаевой была задумана драматическая трилогия под названием «Гнев Афродиты», позже переименованная в «Тезей». Главный персонаж трилогии – герой древнегреческой мифологии Тезей, удачливый в подвигах и несчастный в любви. Части трилогии должны были называться по именам женщин, которых любил Тезей: первая часть – «Ариадна», вторая часть – «Федра», третья – «Елена». Написаны были первые две.

¹⁰ На первый выпуск «Верст» Тескова откликнулась положительной рецензией в пражском журнале «Slovanský Přehled». 1926. XI. № 9. С. 715–716.

¹ Цветаева должна была вернуться в Прагу, чтобы не потерять ежемесячное чешское пособие. В эти же дни С.Я. Эфрон писал своим друзьям: «Мы попали в гнуснейшее положение и об этом до поры не хотелось писать. Чехи, давшие Марине отпуск до осени с сохранением литературной стипендии – неожиданно и без пре-

дупреждения прекратили ее. Мы попали в ловушку – ни вперед, ни назад. В последние недели мы бомбардируем Чехию прошениями, письмами и пр. Сейчас появилась некоторая надежда на продолжение стипендии. Но пока ничего твердого» (цит. по копии. Частный архив). Необходимость для Цветаевой вернуться в Прагу вскоре отпала. Пособие удалось отстоять, хотя оно и было уменьшено. Среди тех немногих людей, кто помог Цветаевой в это время, С.Я. Эфрон называет «скромную учительницу чешку, узнавшую, что М<арина> лишена стипендии» (*Там же*).

² *Завадский* Сергей Владиславович (1871–1935) – правовед, сенатор, общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1921 г. эмигрировал в Польшу, затем переехал в Прагу. С 1922 г. преподавал на факультете русского права. Председатель Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии, почетный член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Входил в редакцию сборника «Ковчег» (1926).

³ См. коммент. 10 к письму 5.

⁴ *Сталинский* Евсей Александрович (1880–1952) – публицист. До 1917 г. был парижским корреспондентом «Русского богатства». В эмиграции с 1919 г. Соредактор журнала «Воля России».

⁵ *Лебедев* Владимир Иванович (1884–1956) – журналист, политический и общественный деятель. В эмиграции с 1919 г., жил в Праге, Белграде, Париже. Соредактор журнала «Воля России». Семья В.И. Лебедева была тесно связана с семьей М.И. Цветаевой, помогала Цветаевой в Праге и Париже. Уехал в США. Цветаевой принадлежит перевод эссе В.И. Лебедева «Пераст» на французский язык (*Лебедев Владимир*. Цветаева Марина. Пераст. Perast. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997).

⁶ Д.А. Шаховскому в это время было 24 года, а не 22, как пишет Цветаева. Иоанн (в миру *Шаховской* Дмитрий Алексеевич), князь (1902–1989) – архиепископ, церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт. Эмигрировал в 1920 г. В 1926 г. организовал издание в Брюсселе «Журнала русской литературной культуры» («Благонамеренный») и стал искать сотрудничества эмигрантских авторов, близких ему по духу. В их числе была и М. Цветаева. Впоследствии посвятил ей несколько стихотворений. См. также письма Цветаевой к Д.А. Шаховскому (СС-7. С. 25–45).

25

¹ Датируется по содержанию.

² Пособие для русских писателей во Франции получали также, кроме Цветаевой и упомянутых ею лиц, С.Н. Булгаков, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, Б.А. Лазаревский, Д.С. Мережковский, А.М. Ремизов, И.С. Шмелев (*Документы к истории*. С. 91). См. коммент. 2 к письму 70.

26

¹ В один день, 24 сентября, Цветаева пишет два письма А. Тесковой: одно личное, искреннее, предназначенное только для адресата («для Вас одной»), и второе, хотя формально и адресованное А. Тесковой, но предполагающее другого адресата, человека, способного помочь Цветаевой. Цветаева просила Тескову непременно показать второе письмо этому человеку (письмо 27).

Таким человеком являлся Вацлав Гирса (1875–1954) – врач, политический и общественный деятель. Состоял уполномоченным министра иностранных дел Чехословакии, один из руководителей Русской акции помощи эмигрантам. (Цветаева не называет его фамилию, пишет: господин Г.)

² По завещанию матери, Цветаева и ее сестра Анастасия по истечении определенного срока должны были получить свою долю наследства. Однако деньги, хранившиеся в Государственном банке, были экспропрированы советской властью.

³ В пригороде Парижа Мёдон-Бельвю Цветаева сняла дом вместе с семьей А.З. Туржанской. *Туржанская* (урожд. Дмитриева) Александра Захаровна (1895–1974) – актриса, деятельница церкви. Жена известного кинорежиссера Виктора Константиновича Туржанского. После развода жила вместе с сыном. Крестная мать Георгия Эфрона. Помогала Цветаевой по хозяйству. Многие годы была старостой православного прихода в Мёдоне. Сын – Туржанский Олег Вячеславович (1916–1980) – артист. Друг детства Ариадны Эфрон.

⁴ *Добужинский* Мстислав Валерианович (1875–1957) – график, живописец, сценограф. В эмиграции с 1923 г. В конце 1920-х преподавал в Париже в Русском художественно-промышленном институте и Русской художественной академии, был ее членом.

Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) – художник, график, сценограф. В эмиграции с 1920 г. С 1925 г. в Париже. С 1926 г. преподавал в Русском художественно-промышленном институте и на Курсах прикладного искусства. В 1936 г. вернулся на родину.

⁵ «С моря» – поэма опубликована в «Верстах» (1928. № 3), «Попытка комнаты» – в «Воле России» (1928. № 3), «Лестница» – там же (1926. № 11).

⁶ *Руднев* Вадим Викторович (1879–1940) – врач, политический и государственный деятель, издатель, публицист, редактор. Избирался Московской городской головой. Член ЦК партии эсеров. В эмиграции с 1919 г., обосновался во Франции, жил в Париже. Один из основателей и соредaktor журналов «Современные записки» (с 1920 по 1940) и «Русские записки» (в 1937–1939). С 1921 г. Генеральный секретарь и член исполнительного комитета парижского Земгора.

История сложных отношений между поэтом и прозаиком Цветаевой и редактором и издателем Рудневым нашла свое отражение в их интенсивной переписке в 1933–1937 гг. (см.: *Цветаева М., Руднев В.В.* Письма 1933–1937 гг.). Одной из главных и справедливых претензий Цветаевой к Рудневу были его самовольные редакционные сокращения авторского текста.

В то же время Руднев, едва ли не единственный из редакторов и издателей, кто в тяжелые для Цветаевой 1930-е годы стремился всячески облегчить ее материальное положение. Будучи членом исполнительного комитета Земгора, он поддерживал ее обращения за помощью, изыскивал в журнале любые возможности оплатить ей публикации. Характерен в этом отношении эпизод, случившийся в новогодние дни 1935 г. В ответ на отчаянную просьбу Цветаевой от 4 января 1935 г.: «Оказывается – 15-го терм. Умоляю прислать мне, если только возможно, мой гонорар – полностью, – он, наверное, маленький?.. Доколе буду сопротивляться очевидности невозможности здешнего существования – не знаю. Одним здесь духовно нечем жить, а мне – физически...», Руднев тут же отвечает (9 января): «Получил Ваш термовый S.O.S. Выскреб до дна тощую кассу “С<овременных> З<аписок>”, и посылаю Вам – что могу... Ваше письмо такое грустное. И ободрить нечем. Действительно, жестокие времена и подлые. Но куда денешься? Всюду то же. В Россию – пути заказаны, а и были б свободны, –

там, убежден, было бы тысячекрат невыносимее. Просто дышать негде...» (Цветаева М., Руднев В.В. Письма. С. 69, 70).

К письму приложена открытка с видом Мёдонского леса и письмо Али.

27

¹ См. коммент. 1 к предыдущему письму.

² *1-ая часть трилогии*. – «Ариадна». См. коммент. 9 к письму 23.

³ *Варшавский Сергей Иванович* (1879 – после 1945). Присяжный поверенный, журналист, публицист. В эмиграции жил в Чехословакии. Преподавал на Русском юридическом факультете. Председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (1934–1939). В 1945 г. арестован советскими специальными службами и увезен в СССР.

⁴ См. коммент. 1 к письму 16.

28

¹ См. коммент. 3 к письму 26.

² *Брэй*. – См. коммент. 2 к письму 31.

29

¹ *...de Pompadour* – Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де (1721–1764) – фаворитка французского короля Людовика XV. Покровительствовала писателям и философам.

² *Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) – политический деятель, лидер партии кадетов, историк, публицист. В эмиграции жил в Париже, с 1921 г. бессменный главный редактор газеты «Последние новости». Цветаева не раз высказывалась о своих сложных отношениях с газетой и ее редактором. В письме к В.В. Рудневу называет его «могущественным врагом» (М. Цветаева, В.В. Руднев. Письма. С. 51). «Это гораздо глубже, чем вражда личная (да ее и нет!), это вражда – рас, двух особей, и моя, конечно, побита – везде, всегда» (Там же. С. 52)

Отклик «Последних новостей» на первый выпуск «Верст» был одним из самых резких: *Антон Крайний* (псевд. Зинаиды Гиппиус) «О Верстах и о прочем» (1926. 14 авг.). Автор рецензии обвинил

редакцию «Верст» в просоветских настроениях, а поэзию Цветаевой определил как беспринципную.

³ «Версты» (№ 2. 1927) опубликовали «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова (9 выпусков из 10).

30

¹ Цитата из стихотворения М. Цветаевой «Поэт – издали заводит речь...» (цикл «Поэты», 1923). (СС-2. С 184).

² *Сувчинский* Петр Петрович (1892–1985) – музыковед, философ, один из основателей евразийского движения. В эмиграции с 1920 г. Поселился в Берлине, затем в Париже. Знакомство Цветаевой с Сувчинским состоялось, по-видимому, во время ее непродолжительного пребывания в Берлине летом 1922 г. Оба сотрудничали в издательстве «Геликон». В Париже это знакомство перешло в более близкое. Подробнее см. письма Цветаевой к Сувчинскому (СС-6. С. 314–333). См. также коммент. 4 к письму 120.

Карсавин Лев Платонович (1882– 1952) – историк, философ, богослов. Один из лидеров евразийского движения. В 1922 г. был выслан из России. Поселился в Берлине, в 1926 г. переехал в Кламар (под Парижем). Цветаева и Карсавин нередко встречались. Именно через Карсавина, а затем, после его отъезда в Литву, через его семью, на четыре года задержавшуюся во Франции, А.А. Тескова пересылала из Праги Цветаевой денежную помощь (посредник, весьма вероятно, добавлял к этому кое-что от себя).

³ Речь идет о семье Туржанских. См. коммент. 3 к письму 26. *Взрослые сын и дочь...* – Туржанский Владимир Константинович (1888–1948) – правовед, артист, гример, и Туржанская Зинаида Константиновна (1886–1970), брат и сестра кинорежиссера Виктора Туржанского. *Жена другого сына.* – А.З. Туржанская.

⁴ Описка Цветаевой: Муру 1 февраля 1927 г. исполнялось 2 года.

⁵ *Германский Орфей.* – В мае 1926 г. Рильке прислал Цветаевой свой сборник «Сонеты к Орфею». 12 мая 1926 г. она писала Рильке: «Вторую ночь вчитываюсь в твоего Орфея. (Твой *Орфей* – страна, поэтому: в). (СС-7. С. 59). *Орфей.* – В греческой мифологии певец и музыкант. Своим пением очаровывал богов и людей.

⁶ 11 февраля 1927 г. М.Л. Слоним выступил в Чешско-русской Едноте с докладом о творчестве Цветаевой.

⁷ Речь идет о похоронах невесты М.Л. Слонима, Лариссы Бучковской, погибшей в автокатастрофе. Она попала под автомобиль председателя Совета Министров Чехословакии, и полиция попыталась скрыть обстоятельства ее гибели от печати и близких.

...*сломалась-то – новая*. – Слоним был глубоко задет словами Цветаевой. «Это все, что она почувствовала, узнав о трагической гибели Лариссы Бучковской, раздавленной автомобилем... Она ни словом, ни письмом меня не попыталась поддержать в этот момент, один из самых страшных в моей жизни. Это – странная какая-то ее жестокость, холод бесчувствия...» – писал он спустя годы (*Лосская В.* С. 318).

⁸ ...*сочла за ангела, второго за героя*... – Ангелом здесь, скорее всего, Цветаева называет Завадского Юрия Александровича (1894–1977), актера и режиссера, в которого одно время она была влюблена. Ему Цветаева посвятила цикл стихотворений «Комедьянт» (1918–1919). Ср. в эпиграфе к этому циклу: «– Комедьянту, игравшему Ангела, – или Ангелу, игравшему Комедьянта...» (СС-1. С. 450). Что касается *героя*, то, по предположению Е.О. Айзенштейн, им мог быть актер Владимир (Володя) Васильевич Алексеев (1892–1919). Пропал без вести во время Гражданской войны на юге России. Его имя Цветаева часто произносит вместе с именем Ю.А. Завадского (в «Повести о Сонечке», в «Записных книжках» и др.) В 1934 г. Цветаева увидела их обоих во сне (см.: *Айзенштейн Е.* Сны Марины Цветаевой. СПб.: Академический проект, 2003. С. 333). Ср. также запись Цветаевой 1920 г.: «Недавно мне снился во сне Володечка Алексеев <...> Володя – это достойный преемник Сережи! – Только этих двоих я, пожалуй, в жизни и любила!» (*Записные книжки*. II. С. 79). Однако, на наш взгляд, под *героем* Цветаева могла подразумевать и своего мужа, Сергея Эфрона («да, да»). См., например: *Аннинский Л.* Эфронт Марины Цветаевой. в кн.: *Цветаева М., Эфрон С.* Нет на земле второго Вас... М.: Вагриус, 2007. С. 9–12).

⁹ Цветаева вспоминает о своей встрече с Р. Штейнером на его публичной лекции в Праге 30 апреля 1923 г. Тогда после лекции между ними состоялся разговор или они обменялись репликами, после чего Штейнер и произнес запомнившиеся Цветаевой слова прощания. А.А. Тескова также могла быть на этой лекции, а, возможно, Цветаева рассказывала ей о встрече и сейчас напоминает о ней. Этот эпизод нашел свое отражение и в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой (СС-6. С. 747). Подробнее см.: *Кузнецова Т.В.* Цветаева и Штейнер. Поэт в свете антропософии. М.: Прицельс, 1996.

¹ Цветаева благодарит Тескову за рассказ о выступлении М.Л. Слонима 11 февраля 1927 г. (см. предыдущее письмо).

² *Брэй* – правильно: Брей Александр Александрович (1894–1931) – обрусевший англичанин, литератор, актер. Был соседом Цветаевой во Вшенорах под Прагой. Неоднократно выступал с чтением ее стихов (на литературном вечере в Праге 1 февраля 1925 г.; после выступления Цветаевой с воспоминаниями о Брюсове в Чешско-русской Едноте 22 октября 1925 г.; после доклада М.Л. Слонима о творчестве Цветаевой в Праге 11 февраля 1927 г. и др.).

³ Поэма «Новогоднее», написанная Цветаевой 7 февраля 1927 г. и посвященная памяти Р.М. Рильке. Опубликована в 1928 г. в № 3 журнала «Версты» (СС-3).

⁴ «Твоя смерть» опубликована в журнале «Воля России» (1927. № 5/6).

⁵ Неточная цитата из стихотворения Рильке «Gerüchte gehn, die dich vermuten» (вторая книга «Часослова»). У Рильке: «Dir liegt an den Fragenden nichts...»

⁶ *Возродившаяся «Русская мысль»*. – Журнал литературы и политики, издавался в 1880–1918 гг. в Москве. В 1921 г. П.Б. Струве возобновил его издание. Журнал выходил до 1924 г. в Софии, затем в Праге. Еще один номер, последний, вышел в Париже в 1927 г. (№ 1). О нем идет речь в письме Цветаевой. ...*называет Чингис-Хамами* – из статьи И.А. Ильина «Самобытность или оригинальность?», посвященной евразийству.

«...За последние двести лет Россия, якобы, утратила свою самобытную культуру, потому, что она подражала западу и заимствовала у него; чтобы восстановить свою самобытность, она должна порвать с германо-романским западом, повернуться на восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингис-Хан и татары...

...вся государственность от Петра I до Столыпина; вся поэзия от Державина до Пушкина и Достоевского; вся музыка от Глинки до Рахманинова; вся живопись от Кипренского до Сомова; вся наука от Ломоносова до Менделеева и Павлова... Где во всем этом здоровая и самобытная *стихия Чингис-Хана?*..

Каждый раз, как я слышу эту “теорию” и вхожу в ее атмосферу, я невольно вспоминаю некоторые жуткие моменты пребывания в

советской Москве. Бывало так, что из-за грубых, невежественных и глупых распоряжений и рассуждений советской власти вдруг на момент выглядывало недвусмысленное и неприкрытое *издевательство* над нами... становилось совершенно ясно... что говорящий *сам* знает, что все это вздор и погибель, знает не хуже нас и даже не скрывает свое знание...

Мы, пока еще. Слава Богу, не подчинены “евразийцам”; комсомол еще не весь “уверовал” в чингис-ханство, не передал еще власть над русским улусом изобретательным приват-доцентам и не развернул еще своего грядущего урало-алтайского чингис-х-а-м-с-т-в-а...» (С. 26–27).

⁷ С.Я. Эфрон примкнул к евразийскому движению еще в Чехословакии, но более заметной фигурой в движении он стал в 1926–1929 гг. в Париже. Активно занимался издательской работой, в 1928 г. вошел в редакционную коллегия газеты «Евразия», участвовал в работе евразийского «кламарского кружка» и др. Ср. в одном из его писем того времени: «Сейчас стою *во главе* Парижского Евразийского клуба. Мало-помалу все молодое и способное к самостоятельн<ому> творчеству переходит к нам. <...> Работать приходится на сотню фронтов и по сотням русл. Не хватает рук, головы и времени. Конечно – главное не здесь, а “там”. Но здесь – “точка”» (Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л. Зубовой. Турку, 1994. С. 44).

⁸ *Евразийские семинары*. – Евразийский семинар был открыт 1 ноября 1926 г., как «школа для выучки “нового поколения” из людей разных возрастов и разных направлений». Председательствовал В.П. Никитин. Первую лекцию «Общая характеристика евразийства» прочел Л.П. Карсавин. Семинар проходил по понедельникам в помещении, которое арендовало в Париже Общество взаимопомощи русских женщин (11-bis, rue de Magdebourg, 16-e). Л.П. Карсавин – один из основных участников семинара, выступал с докладами, читал циклы лекций. *Вышеславцев* Борис Петрович (1877–1954) – юрист, философ, богослов. В 1922 г. выслан из России. В Париже с 1924 г. С докладами на семинаре не выступал, изредка участвовал в прениях.

⁹ В первом номере за 1927 г. журнала «Русская мысль» помещен перевод письма Рильке к Л.П. Струве (без указания адресата), в котором был дан анализ повести И.А. Бунина «Митина любовь». Далее шла статья Г.П. Струве «Р.-М. Рильке о И.А. Бунине».

¹⁰ *Неандер* Борис Николаевич (1893–1931, Москва). Юрист, студенческий деятель, журналист. В эмиграции в Чехословакии, жил в Праге. Участвовал в деятельности студенческих организаций. Член редколлегии журнала «Студенческие годы» (Прага) (1923–1925). В 1925 г. переехал во Францию. Участник Российского Зарубежного съезда в Париже в 1926 г., представлял интересы национальной молодежи. Во второй половине 1920-х гг. перешел на сторону большевиков, уехал в Советский Союз. Работал в газете «Вечерняя Москва». *Орасо* – правильно: ОРЭСО (Объединение русских эмигрантских студенческих организаций).

¹¹ *Ходасевич* Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, прозаик, критик. По предложению М. Горького заведовал московским отделением издательства «Всемирная литература». С 1922 г. жил за границей. Встречался с Горьким, провел с ним зиму 1923 г. в Мариенбаде, жил в его доме в Сорренто. Из-за близости к Горькому некоторое время считался в эмигрантских кругах «советским». С 1925 г. в Париже. Сотрудничал в многочисленных эмигрантских журналах и газетах. В 1927–1939 гг. заведовал литературно-критическим отделом газеты «Возрождение». См. также письма М. Цветаевой к В. Ходасевичу (СС-7. С. 463–468).

¹² Заключительная сцена четвертой картины драмы «Тезей» («Ариадна»). В черновой тетради Цветаева записала: «*Чем-то* (сейчас еще не знаю, чем) Вакх одолевает. Тезей уже хочет склониться к спящей. Голос: – “Не искушай естества! От рук, протянувшихся навстречу, ты не уйдешь. Простись с ней в мыслях (внутри)”». – Тезей без оглядки идет на свет. Можно (после некоторой тишины) звук весел. Ариадна продолжает спать. // *Можно*, как последнее слово в картине, голос Вакха: – Бог!» (*Сводные тетради*. С. 300).

Приложение: письмо Али.

¹ *Вишняк* Марк Вениаминович (1883–1976) – публицист, редактор, общественно-политический деятель. Занимался революционной деятельностью, член партии социалистов-революционеров. В 1919 г. эмигрировал в Париж. Соредактор и секретарь редакции журнала «Современные записки» (1920–1936). Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. В 1940 г. уехал в США.

Стихи и проза Цветаевой были абсолютно чужды М.В. Вишняку. Позднее он признался: «...я всегда противился их напечатанию». (*Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора.* Bloomington, 1957. С. 148). В июле 1933 г. Цветаева писала Рудневу: «Мне очень жаль... что моя корректура (“Живого о живом”. – Л.М.) идет к Вишняку, а не к Вам, мы с Вами хотя и ссоримся – но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности...»

² Речь идет о напечатанных во втором номере «Верст» (1927) отрывках из уже опубликованных в Советской России романов А. Белого «Москва под ударом» (М., 1926) и Ю. Тынянова «Кюхля» (Л., 1925). Цветаева ставит рядом имена Юрия Тынянова и Марка Алданова как авторов исторических романов.

³ *Нашелся издатель...* – Путерман Иосиф Ефимович (ок. 1885–1940) – издатель, редактор, переводчик. Выходец из России, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. служащий советского торгпредства в Париже и пайщик издательства «Плеяда». Составитель и издатель по-французски сборника произведений А.С. Пушкина (1937).

⁴ В 1921 г. Цветаева подарила заочно мужу книгу «Стихи Духовные» (СПб., 1912) с надписью: «Моему дорогому Сереженьке – прежнюю Русь. Марина. – “Россия во мне, а не я в России!” (Ваши слова перед отъездом). Москва, 30-го р<усского> июля 1921 г.» (СС-6. С. 487).

⁵ Переводы прозы Цветаевой «Твоя смерть» на французский и немецкий языки при жизни Цветаевой осуществлены не были. Перевод очерка на чешский А.А. Тескова выполнила и опубликовала в журнале «Lumír» (Прага. 1928. № 6/7).

⁶ В письме Рильке сетовал на то, что не смог вспомнить, как по-русски будет слово «гнездо». В ответном письме Цветаева писала: «Nest – по-русски – г н е з д о (в единственном числе – рифм не имеет). Множественное число: «г н е з д а (с мягким е, ё, почти о – в произношении), рифма: з в е з д ы» (СС-7. С. 73).

⁷ *...его секретаршу, русскую...* – Последние два месяца жизни секретарем Рильке работала Евгения Александровна Чернозитова (1903–1974) – переводчик, преподаватель иностранных языков.

⁸ В сборнике стихотворений «После России» А.А. Тесковой посвящен цикл из девяти стихотворений «Деревья» (СС-2. С. 141–149). См. также прилож. в наст. изд.

¹ Правильно: *Зиновьева-Аннибал* (наст. фам. Зиновьева, во втором браке Иванова) Лидия Дмитриевна (1865/66–1907) – прозаик, драматург, критик. Вторая (а не первая, как пишет Цветаева) жена В.И. Иванова. По женской линии принадлежала к потомкам А.П. Ганнибала. Умерла от скарлатины, заразившись от крестьянских детей, за которыми ухаживала в деревне.

² *Варшавский* Владимир Сергеевич (1906–1978) – писатель, литературный критик. Сын С.И. Варшавского (см. коммент. к письму 27). В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Чехословакию. Окончил Русскую гимназию в Моравской Тршебове, затем юридический факультет Пражского университета. В 1926 г. уехал в Париж, окончил философский факультет Сорбонны. Публиковался в журналах «Современные записки», «Новый град», «Числа».

³ *Альтиулер* – правильно: *Альтиуллер*. См. коммент. 1 к письму 3.

⁴ *Еленев* Николай Артемьевич (1894–1967) – прозаик, историк искусств. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем поселился в Праге. Окончил Русский юридический факультет, философский факультет Карлова университета. Занимался историей русского искусства. Работал библиотекарем. Печатался в парижских и пражских периодических изданиях. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1931–1935 жил во Франции. Автор воспоминаний о Цветаевой («*Годы эмиграции*». С. 16–43).

¹ См. коммент. 5 к письму 24.

² О существовании дочери у М.Л. Слонима никаких сведений обнаружить не удалось. Скорее всего, это мистификация Цветаевой, и речь идет о соседской девочке. См. также письмо 35 («назвал свою дочь...»). Ср. с ее записью 1926 г. в черновой тетради своего поздравительного письма Слониму по случаю рождения первенца (!): «Почему скрыли? П<ерве>нец – такая радость! Сын. Сколько ему сейчас, – 6 или 7 мес<яцев>? Знали, конечно, все? кроме меня. Но – земля слухам<и> полнится!» (Цит. по кн.: *Айзенштейн Е. Сны Марины Цветаевой*. С. 270).

³ *Россия* – еженедельная газета под редакцией П.Б. Струве (1927–1928), с декабря 1928 (по 1934) – «Россия и славянство» (при участии П.Б. Струве и под редакцией К.И. Зайцева).

⁴ В состав третьего выпуска «Верст» вошли публикации: «Россия и евреи» Л.П. Карсавина, «Социальная база русской литературы» С.Я. Эфрона, «Ответ Л.П. Карсавину» и «Достоевский и еврейство» правоведа и философа А.З. Штейнберга. О возникшем конфликте между «Современными записками» и «Верстами» по поводу сотрудников-евреев журнала «Версты» и его содержания см. письмо Цветаевой Л.П. Карсавину и П.П. Сувчинскому и коммент. к нему (СС-7. С. 184–188).

35

¹ В своей переписке Цветаева смещает даты рождения: 8 октября (26 сентября) 1927 г. ей исполнилось 35 лет, ее дочери Ариадне в сентябре – 15 лет.

² Заключительные строки стихотворения «Frauen-Ritornelle» Теодора Шторма (1817–1888). Эти же строки Цветаева взяла эпиграфом к поэме «Перекоп». Трехстишие из этого стихотворения неоднократно цитируется в письмах М. Цветаевой.

³ См. письмо 23 и коммент. 9 к нему.

⁴ С.Я. Эфрон снимался в качестве статиста в фильме режиссера К.Т. Дрейра «La Passion de Jeanne d'Arc» («Страсти Жанны д'Арк») с французской актрисой Рене Фальконетти в главной роли (1928). Снимался в таком качестве и в других фильмах. Известна также его эпизодическая роль узника, которого выводят на расстрел, в фильме Марко де Гастина и Мориса Глэза «La Madone des sleeping» («Мадонна спальных вагонов», 1928), снятого по одноименному роману французского писателя Мориса Декобра (1888–1973) (см.: *Босенко В.* Сергей Эфрон – 12 экранных секунд. М. Литературная газета. 2001. 21–27 февр.)

⁵ См. коммент. 5 к письму 32.

36

¹ См. коммент. 2 к письму 30.

² Автор теории, что все языки происходят от четырех элементов, советский ученый Николай Яковлевич Марр (1864/65–1934). Док-

ладчиком, по предположению В.В. Морковина, был молодой филолог Борис Генрихович Унбегаун (см. коммент. 1 к письму 102).

³ Исключением можно считать стихотворение «Тише, хвала!..», написанное 26 января 1926 г. (не учитывая незавершенные).

⁴ Письмо к В.Ф. Булгакову см.: СС-7. С 16–17.

37

¹ Письмо написано на открытке с видом Мёдонского леса.

38

¹ К.Б. Родзевич. См. письмо 91 и коммент. 3 к нему.

² *Булгакова* (во втором браке Сцепуржинская) Мария Сергеевна (1898–1979) – жена К.Б. Родзевича, дочь о. Сергия Булгакова.

³ *Лета* – река забвения (*греч. миф*).

⁴ *...когда мне было 16 лет.* – Цветаева пишет о своем посещении Парижа летом 1909 г., когда она слушала в Школе языков курс старофранцузской литературы. Жила на улице Бонапарта, которая пересекает упоминаемую Цветаевой площадь (6-е).

⁵ См. коммент. 4 к письму 34.

⁶ *...хожу Иовом* – то есть в струпьях, как библейский пророк, веру которого Бог испытывал страданиями.

39

¹ В анонсе на новую книгу Цветаевой была оговорка, что «ограниченное число экземпляров (не более ста) этого издания, нумерованных и подписанных автором, будет отпечатано на роскошной бумаге и в продажу не поступит. Цена нумерованного экземпляра по подписке 100 франков» (Версты. 1928. № 3. С. [291]).

40

¹ Цитата из стихотворения немецкого поэта Иозефа Виктора фон Шеффеля (1826–1886) «Прощание молодого Вернера»; эти стихи были использованы в либретто оперы Виктора Несслера (1841–1890) «Трубач из Зекингена» (1884).

² Реально Цветаева получила тираж своей книги во второй половине апреля. Книга была напечатана в издательстве, которым владел Яков Евгеньевич (Моисеевич) Поволоцкий (1881–1945) – владелец книжного дела, издатель. С 1908 г. жил в Париже. Основал издательство «Общество Я. Поволоцкий и К^о».

³ Речь идет о рецензии Н. Дашкова (псевд. Владимира Вейдле) на № 3 «Верст», опубликованной в газете «Возрождение» 3 февраля 1928 г.

⁴ О поэмах Цветаевой Н. Дашков отозвался крайне отрицательно: «Два стихотворения (т. е. “С моря” и “Новогоднее”. – *Сост.*) этой поэтессы (я намеренно не говорю поэта, потому что стихи эти – именно дамские стихи) помещены в “Верстах”. Они крайне расплывчаты, многословны, написаны не только ни о чем, но и ни с чем. Род кликушества выдается в них за вдохновение и случайное привешивание слова к слову за глубокое сталкивание и срастание слов».

⁵ С 1910 г., когда вышел первый сборник Цветаевой «Вечерний альбом».

⁶ ...*хвалебную статью*... – Речь идет о статье «Световой ливень» (1922), опубликованной в литературном ежемесячнике «Эпопея». 1922. № 3 (СС-5. С. 231–245). ...*посвятила ему «Молодца»*. – Сказку «Молодец» (Прага, 1924) Цветаевой предваряет посвящение «Борису Пастернаку: «За игру твою великую, за утехи твои за нежные...» (СС-3. С. 280).

⁷ Выражение из арабской сказки «Али-баба и сорок разбойников». Означает ключ для преодоления препятствий.

⁸ *С.В. Завадский*. – См. коммент. 2 к письму 24. *Племянник*. – Иванов Владислав Дмитриевич (ок. 1901 – не ранее августа 1973) – поэт, автор книги «Концы и начала. Попытка эпоса» (Париж, 1930). Сотрудничал в газете «Евразия», в журналах «Воля России», «Своими путями», «Евразийская хроника».

¹ *Жегулина* – правильно: Жекулина (урожд. Евреинова) Аделаида Владимировна (1866–1950) – педагог, общественный деятель. Эмигрировала в Константинополь. Занималась созданием детских садов и гимназий. Основала гимназии, которые затем были переведены в Чехословакию (в Моравскую Тршебову) и Болгарию. Сотруд-

начала с русскими педагогическими организациями во Франции. С 1922 г. жила в Чехословакии.

² *Евреинов* Борис Алексеевич (1888–1933) – историк, писатель. Племянник А.В. Жекулиной. *Дочь* – Евреинова (в замуж. Андро де Ланжерон) Наталья Борисовна (род. 1913).

³ *Тэффи* (урожд. Лохвицкая, в замуж. Бучинская) Надежда Александровна (1872–1952) – русская писательница, автор юмористических рассказов и фельетонов. С 1920 г. в эмиграции. В 1932 г. Цветаева писала Тэффи: «...У Вас – иной круг (у меня – НИКАКОГО), но важно ведь не: круг, а: друг...» (СС-7. С. 437).

⁴ *Пастернак* Леонид Осипович (1862–1945) – живописец, график. С 1921 г. жил в Германии, затем в Англии. Л.О. Пастернак устроил Цветаевой три подписки (из пяти).

⁵ *Завадский* Владимир Александрович (1896–1928) – младший брат подруги Цветаевой, В.А. Аренской (Завадской). На его смерть Цветаева откликнулась поэмой «Красный бычок». Опубликована в «Воле России». 1928. № 12 (СС-3).

К письму приложен рисунок Мура.

42

¹ Речь идет о Наталье Матвеевне Андреевой (урожд. Стальниковой, 1883–1962), вдове брата писателя Л.Н. Андреева, Всеволода (1873–1916). Прожила в семье Цветаевой несколько месяцев, помогая по хозяйству.

² Н.П. Гронский. См. письмо 92 и коммент. 1 к нему.

³ Поэма «*Попытка комнаты*» была опубликована в журнале «Воля России». 1928. № 3 (СС-3). *Действительно ли непонятно?* – Ср.: Д.П. Святополк-Мирский, называя одновременно поэмы Цветаевой «С моря», «Новогоднее» и «Попытка комнаты», утверждал, что «динамика ее словотворчества перерождается здесь в автономную словесную вязь, которая не закрепляет тему, а уводит ее в сторону назойливых и утомительных фонетических ассоциаций» (*D. Sv'atopolk-Mirskij. Die Literatur der russischen Emigration // Slavische Rundschau. 1929. Nr. 4. S. 294.* Цит. по: «*Небесная арка*». С. 273). Поэт и литературный критик Н.А. Оцуп, один из немногих, отозвался на поэму «Попытка комна-

ть»: «Очень неблагоприятно самое задание этих стихов, нарочито бесцветных, как геометрический чертеж или алгебраическая формула» (Дни. 1928. 22 апр. С. 3).

43

¹ См. письмо 14.

² См. коммент. 1 к предыдущему письму.

³ См. письмо 88 и коммент. к нему.

⁴ *...моего вечера – был в июне...* – Вечер Цветаевой, на котором она прочла ряд своих последних вещей, состоялся 17 июня. Вступительное слово произнес М.Л. Слоним. *...перебила III Моск<овская> Студия...* – Московский драматический театр имени Евг. Вахтангова (бывшая *III студия*) начал свои гастроли в Париже 12 июня 1928 г. спектаклем Карло Гоцци (1720–1806) «Принцесса Турандот» (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. I. С. 465, 467)

⁵ *Лосский* Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ, историк философии. В 1922 г. выслан из СССР. Обосновался в Праге. Преподавал и вел научную работу на Русском юридическом факультете и в Русском педагогическом институте. Ездил с циклами лекций в Париж, Лондон и другие города. В Понтайяке находились и его сыновья: Владимир (1903–1958) – богослов, сохранился подаренный ему Цветаевой сборник «После России» с ее надписью: «Милому Владимиру Николаевичу Лосскому на память о лете 1928 г. Марина Цветаева. Понтайяк, 15/28 июля 1928 г.» (частное собрание), и Борис (1905–2001), историк искусств, написавший воспоминания о Цветаевой («Годы эмиграции». С. 84–89). *Алексеев* Николай Николаевич (1879–1964) – профессор, философ права. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь. В 1921 г. переехал в Прагу, затем жил в Берлине, Париже, Белграде и др. Ученый секретарь Русского юридического факультета в Праге. Участник евразийского движения. *... жена Сувчинского.* – Сувчинская (урожд. Гучкова) Вера Александровна (1906–1987). См. письма Цветаевой к ней (СС-7. С. 179–182). *Мягких* – правильно: *Мягков* Александр Геннадьевич (1870–1960) – горный инженер, эсер. *Мягкова* (урожд. Савинкова) Вера Викторовна (?–1942) – жена А.Г. Мягкова, сестра Б.В. Савинкова. С 1921 г. жили в Праге. Их дети – Геннадий и Лидия. *Иванов Владик.* – См. коммент. 8 к письму 40. *...евразийцы или нет – всех вместе слишком много, скучаю...* – Ср. у Бориса Лосско-

го: «Со всем этим неоевразийским кругом мы прожили в тесном и дружеском соседстве летние каникулы 1928 года на берегу океана...» («Годы эмиграции». С. 87–88).

⁶ *Белоснежка* – персонаж сказки братьев Гримм «Белоснежка» (в некоторых современных изданиях под названием «Снегурочка»).

⁷ А. Тескова собиралась заниматься вечером Цветаевой. Ср. ее августовское письмо А. Бему: «Марина Ивановна писала. Она там же проводит лето, где Лосские. Собралась вся евразийская колония. Всё подумываю, как бы М<арине> И<вановне> осенью Прагу на несколько времени устроить, хорошо бы для нее и для нас» (*Архив А.Л. Бема*).

44

¹ Н.П. Гронский. См. письмо 92 и коммент. 1 к нему.

² См. коммент. 1 к письму 40.

³ Из «Баллады о Новом Годе» Эдмона Ростана (1868–1918), французского поэта и драматурга.

⁴ *De Lespinasse* – Жюли де Леспинас (1732–1776) – французская писательница, автор книги, составленной из писем к горячо любимому человеку (опубликована в 1809 г.).

⁵ Из стихотворения М. Цветаевой «Ночного гостя не застанешь...» (1922). (СС-2. С. 131).

⁶ В письме от 10 мая к Цветаевой Рильке назвал семь «своим благословенным числом» («Небесная арка». С. 61).

⁷ См. коммент. 1 к письму 35. 26-го сент<ября> – 9-го окт<ября> – к датам рождения XIX в. по новому стилю прибавляется 12 дней, то есть день рождения Цветаевой 8 октября.

45

¹ Завадская (урожд. Гостинопольская) Калерия Ивановна (1876–1963).

46

¹ «Последние новости» в нескольких номерах 1928 г. публиковали стихи М. Цветаевой, написанные ею в 1916 г. («Посадила яблоньку...», «К озеру вышла. Крут берег...», «Не сегодня-завтра растает снег...», «Приключилась с ним странная хворь...» и др.).

² М.Л. Слоним.

³ Поэтический сборник, составленный Цветаевой из ее стихов 1913–1915 гг., при жизни Цветаевой издан не был. История с «Юношескими стихами» в изложении М.Л. Слонима выглядит совсем иначе: «Она дала мне их для “В<оли> Р<оссии>”, я ей сказал в 1927 г. или в начале 28-го, что лучше их напечатать в “Последних новостях” или “Современных записках”, ибо нигде, как в “В<оле> Р<оссии>”, может она печатать свое новое, самое смелое. Я предпочитал то, что другие боялись печатать. И поэтому такая чушь, что я не отослал бы “Юношеских стихов” – да я в тот же день с превеликим удовольствием это сделал бы, эта тетрадь мне, как редактору, была в тягость. Неужели она этого не понимала – несмотря на весь свой ум?» (В. Лосская. С. 320).

⁴ В поэме описаны события, связанные с прорывом Добровольческой армией укреплений Перекопского перешейка. Посвящена мужу Сергею Яковлевичу Эфрону, служившему во время Гражданской войны в Марковской дивизии Добровольческой армии. При жизни Цветаевой поэма не публиковалась (СС-3). См. также письмо 59 и коммент. 2 к нему.

⁵ См. коммент. 1 к письму 40.

47

¹ Цитата из пьесы «L'Obstacle imprévu» («Неожиданное препятствие») французского драматурга Детуша (наст. имя и фам. Филипп Нерико; 1680–1754).

² Неточно цитируемая первая строка стихотворения без названия. У А.А. Ахматовой: «Столько просьб у любимой всегда!..» (1913).

³ См. коммент. 5 к письму 32.

⁴ Райнер Мария Рильке родился в Праге (1895), там прошли его детство и юность. Цветаева перефразировала строку из его стихотворения «Im Dome» («В соборе»). У Рильке «Mit leisem: “Prosim!”» («С тихим: “Пожалуйста!”»). («Небесная арка». С. 43, 240).

⁵ Савицкий Петр Николаевич (псевд. П. Востоков; 1895–1968) – экономист, географ, видный деятель евразийского движения. В эмиграции с 1920 г., жил в Праге. Доцент Русского юридического факультета. Член Союза русских писателей и журналистов Чехословакии. Савицкая Вера Ивановна (1898–1960) – жена П.Н. Савицкого.

⁶ *Жакерия* – от *Jacquerie* (фр.): восстание французских крестьян в 1358 г., причиной которого явились тяготы и лишения крестьян, возросшие в связи со Столетней войной. Восстание получило название от бытовавшего среди аристократии презрительного прозвища крестьян *Jacques Bonhomme* – «Жак-Простак». В XIX в. порой означало: «Валять дурака» (коммент. *Екатерины Рей-Гонно*). Близко по употреблению к русскому: «Иванушка-дурачок».

⁷ В № 1 газеты «Евразия» от 24 ноября 1928 г. было опубликовано приветствие Цветаевой Маяковскому. См. текст опубликованного приветствия и письмо к В.В. Маяковскому (СС-7. С. 350–351). Позже Д.П. Святополк-Мирский отметил: «...своим приветствием Маяковскому она дала тон № 1 газеты. Для читателя вообще это было самое яркое и недвусмысленное в первых номерах» (*Письма Д.П. Святополк-Мирского П.П. Сувчинскому*. С. 126). Против этой публикации выступили евразийцы, в частности один из лидеров евразийского движения, член редакции «Евразии» Н.Н. Алексеев. Подробно о той роли, которую сыграла публикация приветствия Маяковского в расколе евразийцев см.: *Шевеленко И.Д.* К истории евразийского раскола 1929 года // *Themes and Variations. I Honor of Lazar Fleishman* (Темы и вариации. Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана). Stanford, 1994. С. 376–416.

⁸ Цветаева слышала выступление В. Маяковского с чтением стихов в кафе «Вольтер» (place de l'Odéon) 7 ноября 1928 г. (*Катанян В.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. М.: Сов. писатель, 1985. С. 445). Позже она оставила в своей записной книжке запись об этом вечере: «Мне в/на жизнь даны вылазки (именно на жизнь, как на врага, ибо – враг) схватить и заглотить – как того Маяков<ского> напр<имер> в Кафе Вольтер и пот<ом> годы самопитаться» (*Записные книжки. II*. С. 351).

¹ В письме к Цветаевой от 17 мая 1926 г. Рильке писал о русском языке: «Знаешь ли, что я переоценил свои силы? А ведь еще десять лет назад я почти без словаря читал Гончарова и все еще довольно свободно читаю русские письма, и часто какое-нибудь из них видится мне в таком свете, при котором все языки – один язык (а этот,

твой, русский, и без того очень близок ко *всеобщему!*) – не потому ли я переоценил свои силы?..» («Небесная арка». С. 76).

² Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) – живописец, график, сценограф. Правнучатая племянница Натальи Николаевны Гончаровой, жены А.С. Пушкина. С 1918 г. жила в Париже. Работала для русских балетных трупп, участвовала в салонах и выставках русских художников и т. д. См. письмо 51.

³ Речь идет о книге М.Л. Слонима «По золотой тропе. Чехословацкие впечатления» (Париж, 1928). См. также письмо 127.

49

¹ Завазал Зено (Зенон) Иосифович (ок. 1881–1934) – чешский чиновник Министерства иностранных дел, занимавшийся вопросами русской эмиграции. В конце января 1929 г. А.А. Тескова писала А.Л. Бему о задержке иждивения Цветаевой: «Была история с иждивением М<арине> И<вановне> Ц<ветаевой>, пришлось много переписываться за невозможностью личного посещения разных лиц...» (Архив А.Л. Бема). В феврале Цветаева получила иждивение сразу за два месяца.

² Публикация Цветаевой не только лишила ее места на страницах «Последних новостей» (вплоть до 1933 г.), но и способствовала расколу в рядах евразийцев. Как следует из содержания «Меморандума» П.Н. Савицкого, он и Н.С. Трубецкой категорически возражали против публикации приветствия Цветаевой Маяковскому. П.П. Сувчинский эти возражения проигнорировал (Савицкий П. Меморандум 1929 г. В сб.: Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. С. 395–397).

50

¹ Перевод Цветаевой писем Рильке был опубликован с ее предисловием в журнале «Воля России» (1929/ № 2). (СС-5).

² Цитата из письма Рильке молодому поэту от 23 декабря 1903 г. (СС-5. С. 651).

³ Цветаева пересказывает начало письма Рильке к ней от 28 июля 1926 г. В письме у Рильке это место выглядит следующим образом: «...и в первом твоём письме, и в каждом последующем меня удивляет твоё безошибочное умение искать и находить, неисто-

шимость твоих путей к тому, что ты хочешь сказать, и твоя неизменная правота. Ты всегда права, Марина (не редкий ли случай для женщины?) – права в самом обычном, самом безмятежном смысле. Это правообладание бесцельно и, должно быть, безначально. Но ты права своей чистой непритязательностью и полнотой целого, откуда ты черпаешь, и в этом – твое непрерывное право на бесконечность...» («Небесная арка». С. 98. Перевод К. Азадовского).

⁴ Имеется в виду перевод А. Тесковой прозы Цветаевой «Твоя смерть». См. коммент. 5 к письму 32.

⁵ См. коммент. 2 и 3 к предыдущему письму.

51

¹ «Дом на колесах» – книга французской писательницы де Штольц (Фанни де Бегон).

² В эти же дни Цветаева писала Н. Гончаровой: «Вы у меня выходите замечательная, – такая, какая Вы и есть» («Цветы и гончарня». С. 27).

³ Н.С. Гончарова сделала иллюстрации к поэме «Молодец» в расчете на отдельное издание на французском языке (в переводе М. Цветаевой). Сохранилась папка с 31 рисунком к поэме. (Подробнее см.: *Цветаева Марина. Marina Tsvetaeva. Молодец. Поэма. Иллюстрации Натальи Гончаровой. Le Gars. Poème. Illustration de Nathalie Gontcharova / Сост. А.А. Ивановой. М.: Эллис Лак 2000, 2005).*

52

¹ Толстая (урожд. Берс) *Софья Андреевна* (1844–1919), жена Л.Н. Толстого.

² Доклад М.Л. Слонима «Молодая зарубежная литература» состоялся на открытом литературном вечере объединения «Кочевье» 7 марта 1929 г. в таверне Дюмениль (бульвар Монпарнас, 73). Основные положения доклада были затем опубликованы под названием «Молодые писатели за рубежом» в журнале «Воля России» (1929. № 10/11).

³ *Лебедев* (псевд. Виктор Ляпин) Вячеслав Михайлович (1896–1969) – поэт, прозаик, входил в пражское литературное объединение

«Скит поэтов». Критика отмечала влияние Цветаевой на поэзию Лебедева. (См., например: *Струве Г.* Заметки о стихах. Вячеслав Лебедев. – Россия и Славянство. Париж. 1929. 24 авг.) Умер в Чехословакии.

⁴ *Эйснер* Алексей Владимирович (1905–1984) – поэт, прозаик. С 1925 г. жил в Чехии, с 1931 г. – во Франции. Вернулся в 1940 г. в СССР, был репрессирован. Оставил о Цветаевой воспоминания («*Годы эмиграции*»). С. 202–212).

⁵ *Поплавский* Борис Юлианович (1903–1936) – поэт, прозаик, один из наиболее ярких представителей молодой поэзии русского зарубежья. Поэзия Поплавского не была близка Цветаевой. Она отмечала отсутствие у него «воли» «довести творённое, до рожденного, заданное до данного...», добавляя при этом: «Сгубил малого Монпарнасс» (*Сводные тетради*. С. 463).

⁶ Очерк «Наталья Гончарова» в переводе на сербскохорватский был напечатан в журнале «Руски Архив» (Белград. 1929. № 4, 5/6).

⁷ В мае «Воля России» начала печатать «Наталью Гончарову» (1929. № 5/6, 7, 8/9).

⁸ См. коммент. 4 к письму 24.

⁹ Статья С. Эфрона (под псевд. S. Dournovo) «Les Poètes de la nouvelle Russie» («Поэты новой России») была опубликована в журнале «Cahiers de l'étoile», Paris, 1929. III–IV. С. 275–286. Посвящена русской советской поэзии (В. Маяковский, Б. Пастернак, Н. Тихонов). (С содержанием данной статьи составителя любезно ознакомил Леонид Ливак).

53

¹ Лицо неустановленное. Возможно, речь идет о жене Е.А. Станиславского, Людмиле Александровне.

² ...одна крестила... – А.З. Туржанская. См. коммент. 3 к письму 26. ...другую вписали... – О.Е. Колбасину-Чернову. Ко времени крещения Мура она уже находилась в Париже. О ней см. коммент. 5 к письму 18. Цветаева подробно описала ей в письме на следующий день сцену крещения Мура (СС-6. С. 746–748).

³ *Ремизов* Алексей Михайлович (1877–1957) – писатель. В эмиграции с 1921 г. Жил в Берлине, с 1923 г. в Париже. Отвечая на вопрос анкеты газеты «Возрождение», какие произведения русских

писателей в 1925 г. являются наиболее ценными, Цветаева назвала: «Вся творческая работа Ремизова» (Возрождение. 1926. 4 марта). В 1920-е гг. был близок к евразийскому движению.

⁴ *Булгаков Сергей* (Сергей Николаевич) (1871–1944). Философ, богослов, протоиерей. В 1922 г. выслан из Советской России в Константинополь. В 1923–1925 гг. профессор церковного права и богословия Русского юридического факультета в Праге. В 1925 г. переехал в Париж. Профессор Богословского института.

⁵ Источник цитаты нами не обнаружен. Цветаева еще раз приводит эти строки в письме 77.

⁶ *Волконский Сергей Михайлович*, князь (1860–1937) – театральный деятель, критик, писатель. С 1921 г. в эмиграции. Жил в Германии, Италии, в 1925 г. обосновался в Париже. Директор Русской консерватории. В 1937 г. переехал в США. Многолетний друг Цветаевой. Посвятил ей книгу «Быт и бытие» (Берлин, 1924).

⁷ Весной 1928 г. по инициативе М.Л. Слонима, В.Л. Андреева и В.Б. Сосинского в Париже было образовано литературное объединение «Кочевье», ставившее своей целью, как говорилось в его программе, «развитие творческих сил молодых писателей и самоутверждение их в эмигрантской литературной среде, в которой представители нового литературного поколения не всегда встречали поддержку и сочувствие». Еженедельные собеседования превратились в публичные собрания. За период с весны 1928 по осень 1931 г. их прошло 110 ([Памятка, посвященная вступлению «Кочевья» в четвертый год своего существования], Париж, 1931). Цветаева была участником многих собраний.

⁸ Неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Она сидела на полу...». У Тютчева: «Брала знакомые листы // И чудно так на них глядела...» и т. д.

¹ Тескова к этому времени уже предпринимала попытки сделать вечер Цветаевой «смешанным»: «Хочет (Цветаева. – Л.М.) пожить у нас недели две, дать вечер для того, что бы были деньги на обратный путь, походить по Праге и т. д. Была перед нашим отъездом Елена Максимовна Покровская. Я ее просила сыграть на вечере Цветаевой Скрыбина, – отказалась. Говорит, никто из русских

на вечер не пойдет, т. к. С<ергея> Я<ковлевича> чуть <ли> не большевиком считают (был какой-то инцидент). Как по Вашему? Ведь это могло бы поездку в Прагу испортить» (Из письма А. Тесковой А. Бему от 7 августа 1929 г. *Архив А.Л. Бема*). Покровская (Покровская-Ермолаева) Е.М. (?–1961) – пианистка, педагог. Выступала в Праге с сольными концертами.

² На вечере, который состоялся 25 мая 1929 г. в зале Vaneau, Цветаева прочла свои старые стихи, отрывки из поэм «Царь-Девница» и «Молодец», стихи из «После России», а закончила вечер чтением отрывков из новой поэмы «Перекоп». В вечере участвовал С.М. Волконский, прочитавший эссе «Репетиция и представление» (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. I. С. 574).

Георгий Адамович так описывает этот вечер:

«Литературный вечер Марины Цветаевой собрал много слушателей. У Цветаевой есть поклонники даже среди людей, не понимающих ее стихов. Покоряет “голос”, оживляющий всякую ее строчку, даже неудачную. Пленяет свободное, смелое и легкое дыхание этих строк. Одним словом, несомненная “Божья милость” цветаевского таланта привлекает к ней людей. Не все друзья поэзии долго остаются Цветаевой верными, но каждый из них испытал когда-нибудь хотя бы мимолетное ее очарование.

Цветаева читает стихи старые и первую часть новой своей поэмы “Перекоп”. В старых стихах очень хороши “Стихи о Москве”. Если мне не изменяет окончательно память, они появились в “Северных Записках” весной 17-го года. Я помню впечатление, которое они произвели – особенно в Петербурге. Может быть, в этом сыграло роль уже начавшееся тогда соперничество двух городов, – кому быть, кому не быть столицей. В Петербурге очень болезненно все ощутили тогда “конец императорского периода” – независимо от политических симпатий и чувств, конечно, – и с ревнивой опаской поглядывали на Москву. Над цветаевским циклом петербургские поэты “ахнули” – над прелестью, над неожиданностью ее Москвы» (Иллюстрированная Россия. Париж. 1929. № 24. С. 14).

³ В том же письме А. Тесковой А. Бему: «Писала Марина Ивановна. Был у нее удачный вечер в Париже. Вырученные деньги залепила в конверт и спрятала для осенней поездки в Прагу» (*Архив А.Л. Бема*).

¹ *Лебедевы* — Владимир Иванович (см. коммент. 5 к письму 24). *Лебедева* (урожд. баронесса Спенглер) Маргарита Николаевна (1880–1958) — жена В.И. Лебедева, врач. В эмиграции с 1908 г. Близкий друг Цветаевой. *Лебедева* (в замуж. Колль) Ирина Владимировна (род. 1916), их дочь. Подруга А. Эфрон. По словам А.С. Эфрон, в доме Лебедевых «никогда не уставали от Марининых бед, нужды, неурядиц, никогда не отстранялись от ее неподъемного таланта и неподъемного характера, *всегда* радовались ей. <...> дружба эта не только длилась без спадов, путь ее шел в гору и достиг наивысшей, дозволенной жизнью, точки в самые тяжелые, самые затравленные эмиграцией годы, непосредственно предшествовавшие Марининому возвращению на родину» (*Эфрон А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989. С. 204–205*). См. также письмо 116.

² Получив письмо Цветаевой, А. Тескова обратилась с просьбой к А. Бему и его жене: «Мой взгляд на поездку М<арины> И<вановны> в Прагу такой же как и Ваш. На днях она опять писала. И вот вследствие того просьба к Антонине Иосифовне: М<арине> И<вановне> нужна теплая шуба. Мечтает о пальту (так!) на овчине. Пожалуйста, Антонина Иосифовна, спросите там кого-нибудь знающего (сообщаю, что в Прикарпатской Руси такие есть) можно ли там купить хорошую овчину (легкую и хорошо вычищенную) и — главное — *на сколько?*» (Письмо от 17 августа 1929 г. *Архив А.Л. Бема*).

³ *Хашек* (Гашек) Ярослав (1883–1923) — чешский писатель-сатирик, автор романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» (1921–1923).

⁴ *Сосинский* Владимир Брониславович (по паспорту: Сосинский-Семихат Бронислав Брониславович; 1900–1987) — писатель, литературный критик. В эмиграции с 1920 г., с 1924 г. в Париже. Работал секретарем Франко-славянской типографии. Публиковал рассказы, критические статьи. Многолетний друг семьи Цветаевой. Автор воспоминаний о Цветаевой («*Годы эмиграции*»). С. 178–188) и адресат ее писем (СС-7. С. 79–96). *Младшая дочь* — Чернова Ариадна Викторовна (1908–1974) — переводчик, жена В.Б. Сосинского.

⁵ В «Воле России» были напечатаны рассказы В.Б. Сосинского «*Ita-Vita*» (1926. № 4). «*Махно*» (1927. № 5/6), «*Рассказы о не-*

существующем» (1929. №2), «В гостях у времени» (1929. № 12), «Трус» (1930. №10) и ряд рецензий. Публиковался также в журналах «Своими путями» (Прага), «Благонамеренный» (Брюссель) и «Числа» (Париж).

56

¹ *Pen Club* (ПЕН-клуб) – см. коммент. к письму 11. Об одном из его заседаний Цветаева писала Тесковой 26 июня 1925 г.: «О Pen Club'е расскажу – непосредственно, как всегда. Очень жалею, что Вас там не было, сидели бы вместе». (Подробнее о заседании ПЕН-клуба 18 июня 1925 г. с участием Цветаевой см.: Морковин В. Пражский ПЕН-клуб и его русские гости. – *Československá rusistika*. 1968. № 5. С. 293–295).

² *Была, впрочем, на Шаляпине и Стравинском.* – Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – оперный певец (бас). В эмиграции с 1922 г. За время пребывания Цветаевой в Праге Шаляпин дал единственный концерт, который прошел с участием пианиста М. Рабиновича и скрипача Я. Штепанека в зале «Люцерна» 9 октября 1925 г. В программе: «Ночь» Чайковского, ария Кончака («Князь Игорь»), «Ночной смотр» Глинки, «Два гренадера» Шумана, «В гробнице темной» Бетховена, «Как король шел на войну» Кенемана, «Титулярный советник» Даргомыжского, ария Лепорелло («Дон-Жуан»), «Эй, ухнем!», «Песня о блохе» Мусоргского, «О, если б мог выразить в звуке» Малашкина, «Вдоль по Питерской» (*Хроника жизни русской эмиграции в Чехословакии*. Т. I. С. 211). Газета «*Lidové noviny*» отмечала после концерта: «Как только Шаляпин появляется на сцене, между ним и публикой возникает живой и сердечный контакт... Он убеждает и не допускает, чтобы в момент исполнения им какого-либо произведения кто-нибудь в зале мог не поверить ему...» (11 октября). (Цит. по: *Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаляпина*: В 2 кн. Кн. 2. 2-е изд. / Сост. Ю. Котляров, В. Гармаш. Л.: Музыка, 1989. С. 240).

Стравинский Игорь Федорович (1882–1971) – композитор, дирижер. В эмиграции жил в Швейцарии, Франции, США. Его концерт в Праге с участием певицы Р. Киттен, на котором могла присутствовать Цветаева, состоялся в зале «Люцерна» 13 ноября 1924 г. (*Хроника жизни русской эмиграции в Чехословакии*. Т. I. С. 168). Были исполнены: Концертная сюита для трио из «Сказки о

солдате», Три стихотворения из японской лирики, Песня Соловья из оперы «Соловей». «Этот концерт ожидался с большим интересом и поэтому зал “Люцерны” был почти полон чрезвычайно разнообразной публикой. Больше всего была представлена немецкая публика, так как концерт устраивали немецкие импресарио, немало было, однако, и чехов, меньше же всего – русских, так как огромные цены не дали возможности русской Праге придти на концерт <...> по окончании одна половина зала горячо аплодировала и вызывала композитора, а другая не менее ожесточенно свистела и выражала свое неодобрение» (Руль. Берлин. 1924. 18 нояб.).

³ *Рейтлингер* (в замуж. Кист) Катерина (Екатерина) Николаевна (1901–1989) – архитектор. В эмиграции с 1919 г. Цветаева познакомилась с ней через С.Я. Эфрона, учившегося на одном факультете с ее старшей сестрой – Юлией Николаевной. В Праге нередко сопровождала Цветаеву в поездках. Была в то время студенткой строительно-архитектурного отделения Пражского политехнического института. Автор воспоминаний о Цветаевой («Годы эмиграции». С. 66–71). В 1955 г. вернулась в СССР. ...отец. – Рейтлингер Николай Александрович (1862–1931) – политэконом, получил юридическое образование. В эмиграции с 1920 г.

⁴ *Завадские* С.В. (см. коммент. 2 к письму 24) и К.И. (коммент. 1 к письму 45).

⁵ См. предыдущее письмо и коммент. 2 к нему.

57

¹ По-видимому, попытки А. Тесковой организовать вечер Цветаевой сопровождаются все возрастающими трудностями. Получив данное письмо Цветаевой, она в отчаянии пишет А. Бему: «У меня много хлопот с приездом Марины Ивановны. От нее письмо, из которого видно, что соображения ее об устройстве вечера в Праге совершенно неправильны. И с Еднотой беда. Всё бы бросила и убежала бы в деревню» (письмо от 4 октября 1929 г. *Архив А.Л. Бема*).

² *Н.А. Еленев*. – См. коммент. 4 к письму 33.

³ Ср.: в письме к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 30 сентября 1930 г. Цветаева писала по аналогичному поводу: «Да! Забавная история: письмо от Оцупа – редактора “Чисел” – с просьбой о пяти стихотворных автографах для пяти тысячефранковых экз<емпля-

ров> III книги. Я: “Автографы либо даю, либо продаю, а продаю 100 фр<анков> штука”. Ответ: “Числа бедны, большинство сотрудников работают бесплатно, не говоря уже о редакторах – словом, *давай даром*”.

Я: – *На продажу* не дарю, – впрочем – вот вам “Хвала богатым” – хотите пять раз?!

(...И за то, что их в рай не впускают,
И за то, что в глаза не смотрят...)

Убью на переписку целое утро (40 строк по пяти раз, – итого 200) – хоть бы по франку за строку дали!» (СС-7. С. 132–133).

⁴ В «Книге образов» Рильке есть стихотворение «Die Liebende» («Любящая»).

⁵ *Беттина* Брентано (в замуж. фон Арним; 1785–1859) – немецкая писательница. Цветаева хорошо знала ее творчество, нередко обращалась к изданным Беттиной перепискам: с Гёте, с подругой Каролиной фон Гюндероде, братом Клеменсом Брентано. О высказывании Беттины, приведенном в письме Цветаевой, см. также в ее статье «Несколько писем Райнер Мария Рильке» (СС-5. С. 320–321).

⁶ *Одоевцева* (урожд. Гейнике) Ирина Владимировна (наст. имя Ираида Густавовна) (1895 (по другим сведениям 1901) – 1990) – поэтесса, прозаик, мемуарист. В 1922 г. эмигрировала в Ригу, затем переехала в Берлин. С 1923 г. жила во Франции. Автор мемуарных книг «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983), в последней одна главка посвящена Цветаевой (см.: «Годы эмиграции». С. 301–307). «Ангел Смерти» – роман печатался не в «Последних новостях», как пишет Цветаева, а в газете «Дни». Затем роман вышел отдельным изданием (Париж, 1928). Оценку Цветаевой романа Одоевцевой ср. с отзывом Г. Адамовича: «“Ангел смерти” прелестно задуман и очень искусно написан... надо было бы признать в нем большие достоинства: вкус, простоту, которую только самый неопытный глаз примет за небрежность, свободу, точность...» (Звено. 1928. № 6. С. 293–294).

⁷ Очередная неточность Цветаевой, связанная с указанием возраста. Але исполнилось 17 лет. См. коммент. 1 к письму 35.

⁸ Еженедельник «Евразия», в редакции которого работал С.Я. Эфрон, перестал выходить осенью 1929 г.

⁹ Булгаков В.Ф. (см. коммент. 8 к письму 23). Цветаева, по-видимому, намеревалась просить его помочь с организацией ее вечера в Праге.

58

¹ Письмо Цветаевой написано на небольшом листке бумаги и двух открытках с фотографиями знаменитого брюссельского фонтана «Маннекен-Пис».

59

¹ Датируется по содержанию. (В машинописи В.В. Морковина данное письмо идет вслед за предыдущим).

² М.Л. Слоним вспоминал: «...в начале 1929 года М<арина> И<вановна> заканчивала свой “Перекоп” и дала мне прочесть эту “белогвардейскую поэму”, как она называла ее с усмешкой. При ближайшей встрече она спросила, стоит ли предложить ее “Воле России”. Я сказал, что если “Перекоп” нельзя устроить в другом журнале, мы можем его напечатать, ведь мы ни одной ее вещи не отвергли – но, честно говоря, сделаем это без особого энтузиазма, она сама должна решить. “Это значит по дружбе и снисхождению, а не по убеждению”, – заметила М<арина> И<вановна>... Затем, подумав, прибавила: “Ну, ничего, пускай полежит”. Сергей Яковлевич, как я узнал впоследствии, посоветовал ей не торопиться с “Перекопом”, и – редкий случай – она его послушалась» («Годы эмиграции». С. 126).

³ Было похоже, что приезд Цветаевой в Прагу окончательно провалился. 17 декабря 1929 г. А. Тескова писала А. Бему о проблемах с публикациями о Достоевском, а затем перешла к положению дел с помощью Цветаевой: «Ходатайство мое в деле Марины Ивановны тоже мне показывает, что повеяло там, где меня всегда радушно встречали, каким-то враждебным ветерком. Ну, Бог с ними со всеми! Я рада оказии. Побоявшись, что таковой не будет, послала М<арине> И<вановне> денежку, чтобы там купила; но все же еще кое-что найдется для посылочки. Придется списаться с Катериной Николаевной <Рейтлингер>. А с г<оспо>жой Крамарж не выйдет ничего. Раз, она сейчас в Париже. Второй, – кто-то уже постарался очернить Марину Ивановну. Когда пробовала обратить внимание сих

«мощных» (посредничеством моей знакомой, которая с г<оспо>жой К<рамарж> на «ты») и на М<арину> И<вановну>, мне сказали – это дело пропавшее» (*Архив А.Л. Бема*). *Крамарж* (урожд. Хлудова) Надежда Николаевна (1862–1936) – жена премьер-министра Чехословакии К. Крамаржа (1860–1937), общественная деятельница, почетный председатель Успенского братства. Покровительствовала русским эмигрантским организациям в Чехословакии.

⁴ *Бем* Альфред Людвигович (1886–1945?) – историк литературы, публицист, переводчик, критик. С 1922 г. жил в Праге. Организатор литературного объединения «Скит поэтов» и Общества Достоевского в Праге. Один из ведущих литературных критиков русской эмиграции. Публиковал свои статьи («Письма о литературе») в газетах «Руль» (Берлин), «Молва» (Варшава), журнале (затем газете) «Меч» (Варшава) и др.

Знакомство Цветаевой с А. Бемом состоялось в Праге, возможно, на одном из заседаний «Скита поэтов». Сложившиеся между ними уважительные отношения сохранялись многие годы. А.Л. Бем отводил Цветаевой первое место среди современных поэтов эмиграции (Меч. 1938. 12 июня), неоднократно откликался в своих статьях 30-х годов на публикации Цветаевой в периодической печати; тяжело переживал ее смерть (см. его письмо А. Тесковой в прилож. к наст. изд.). Подробнее см. обстоятельную работу: *Бубеникова М. А.Л. Бем и М.И. Цветаева. – «Вишеноры 2000»*. С. 302–315. ...*анкету для Бема*. – По-видимому, потеряв адрес Бема, Цветаева пересылает ему анкету со своим письмом через Тескову. См. прилож. 1.

60

¹ *Уединенный замок*. – Замок д'Арсин (Château d'Arcine) недалеко от города Франжи в Верхней Савойе, в нем размещался русский пансион. В те годы открыто говорили, что замок является центром советской разведки.

² Сразу после окончания «Перекопа» Цветаева летом 1929 г. приступила к работе над «Поэмой о Царской Семье». 1 февраля 1930 г. она говорит об этом более подробно: «Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское – Речная дорога до Тобольска – Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск до Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда – страна

Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург – дорога на Рудник Четырех братьев (там жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за “левизны” (“формы”, – кавычки из-за гнусности слов), там – туда просто не дойдет, физически, как все, и больше–меньше – чем все мои книги. “Для потомства?” Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, – дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна» (Из письма к Р.Н. Ломоносовой. СС-7. С. 317).

³ «Как птицы небесные...» – От иносказательного «Как птица небесная питаться», т. е. неизвестно чем. Ср.: «Взгляните на *птиц небесных*: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец наш Небесный питает их» (Мф. 6, 26).

61

¹ Вечер Романтики состоялся 26 апреля 1930 г. в большом зале Географического общества (бульвар Сен-Жермен, 184). Назвав вечер таким образом, организаторы хотели тем самым отдать дань отмечаемому в Париже столетнему юбилею французского романтизма. Участвовали С.М. Волконский (читал «Воспоминания юности»), Г.В. Адамович, Г.В. Иванов, Н.А. Оцуп, В.Л. Андреев, Б.Ю. Поплавский (все с чтением своих последних стихов), Н.А. Тэффи (рассказы). Вечер закончился выступлением М.И. Цветаевой (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. II. С. 50–51).

² По предположению И.В. Кудровой, речь идет о сердечном увлечении, которое переживал в это время С.Я. Эфрон (*Письма к Тесковой*. С. 172).

³ *Махин* Федор Евдокимович (1882–1945) – полковник, общественный деятель, издатель. Во время революции возглавлял штаб военной организации эсеров. В эмиграции с 1919 г. Жил во Франции, Англии, Югославии. Сотрудничал в «Воле России». На момент встречи с Цветаевой был председателем Земгора в Югославии. Основал сербско-русский журнал «Руски архив» (Цветаева печаталась в нем).

⁴ К осени 1930 г. перевод «Молодца» на английский язык был выполнен поэтом и переводчиком Алеком Броуном (1900–1962). Английское издание поэмы осуществлено не было. «С моим английским “Молодцем” произошла странная вещь, а именно: вещь

переведена, а переводчик (Алек Броун, живет в Сербии) – скрылся, просто – канул – кстати с четырьмя иллюстрациями Н. Гончаровой, которые, в бытность свою в Париже, месяцев восемь <а то и девять?> назад, захватил с собой на показ лондонским издателям. С тех пор – ничего ни Гончаровой ни мне» (Из письма Р.Н. Ломоносовой от 15 ноября 1930 г.; *СС-7*. С. 324).

62

¹ Датируется по содержанию.

² С городом Аннесу, недалеко от которого находилась Цветаева, связан эпизод в биографии французского писателя Жан-Жака Руссо. Несправедливо наказанный в мастерской гравировщика, которому он был отдан в учение, Руссо бежал от него и прибыл без всяких средств в Аннесу. Здесь юношу приютила одна госпожа, сделавшаяся, несмотря на разницу лет, его любовницей. Об этом он повествовал в автобиографической книге «Исповедь».

³ Цикл «Маяковскому» из семи стихотворений был опубликован в № 11/12 «Воли России» за 1930 г. (*СС-2*. С. 273–280).

63

¹ *Булгакова* Мария Сергеевна. См. коммент. 2 к письму 38. О каком эпизоде в письме идет речь, неизвестно.

² См. ниже коммент. 8.

³ *Лагерлёф* Сельма (1858–1940) – шведская писательница. Ее роман «Сага о Иесте Берлинге» (1891) был одним из самых любимых произведений Цветаевой.

⁴ *Унсет* (Ундсет) Сигрид (1882–1949) – норвежская писательница. Главное ее произведение – исторический роман-трилогия «Кристин, дочь Лавранса» (1920–1922) – одно из самых любимых Цветаевой. См. письмо 77.

⁵ Речь идет о Нанни *Вундерли-Фолькерт* (1878–1952) – близкой знакомой Рильке в последний период его жизни. Согласно завещанию Рильке, была его душеприказчицей и распоряжалась его литературным и эпистолярным наследием. Поводом для возникновения переписки между Цветаевой и Вундерли-Фолькерт послужило письмо последней, в котором она обратилась к Цветаевой с воп-

росом, как поступить с ее письмами к Рильке, находящимися в архиве поэта (см. также письма Цветаевой к Н. Вундерли-Фолькарт: СС-7. С. 354–376).

⁶ См. коммент. 8 к письму 40.

⁷ Проза «Наталья Гончарова» с вклейками фотографий картин художницы была напечатана в журнале «Руски архив» в № 4 и 5/6 за 1929 г.

⁸ В феврале 1931 г. в Праге отмечалось 50-летие со дня смерти Ф.М. Достоевского (9 февраля). Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии, Семинарий по изучению Достоевского и Философское общество провели заседание 7 февраля. С докладами выступили А. Бем и С. Франк. 9 февраля в торжественном собрании, организованном Обществом Достоевского, членом которого была А. Тескова, участвовали преимущественно чешские слависты и писатели (*Хроника жизни русской эмиграции в Чехословакии. II*. С. 47). В письме, скорее всего, речь идет о будущем собрании 7 февраля. А. Тескова, очевидно, была участником обоих собраний.

⁹ *Ипполит, Иван* – персонажи романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Братья Карамазовы» (соответственно).

¹⁰ А. Эфрон исполнилось 18 лет.

64

¹ *Лебедева* Маргарита Николаевна. – См. коммент. 1 к письму 55.

² О каком предполагаемом съезде русских писателей в Праге идет речь, выяснить не удалось. В отчетах о деятельности Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии за 1930-е гг. сведений о таком съезде не обнаружено («*Документы к истории*». С. 95–103). С другой стороны, не исключено, что речь идет об одном из съездов Лиги православной культуры. Первый такой съезд прошел в мае 1930 г. во Франции с участием С.Н. Булгакова, Г.П. Федотова, Н.А. Бердяева и др., и в дальнейшем подобные съезды собирались более или менее регулярно. Участвовать в очередном таком съезде Г.П. Федотов, один из организаторов съездов, пригласил Цветаеву. «Про съезд думаю и с ответом не задержу», – писала она Г.П. Федотову в конце ноября 1932 г. (СС-7. С. 427). По прошествии некоторого времени Цветаева возвращается к вопросу

о своем участии в съезде: «Еще вопрос, даже – запрос. С моим докладом на Съезде Православной Культуры *не* безнадежно, и вот почему: у меня есть начатая вещь: Две Совести <...> непроходимый черновик <...> Но – важный вопрос – выступление бесплатно? Ведь мне бы пришлось работать полных две недели, т. е. в это время не делать ничего для заработка, а как ни плохо оплачиваются самые случайные переводы – они все-таки что-то дают.

Нельзя ли было бы выяснить этот вопрос заранее?» (СС-7. С. 428). В итоге ее участие в съезде не состоялось.

³ *Лебедев* Владимир Иванович. – См. коммент. 5 к письму 24.

65

¹ Датируется по содержанию. (В машинописи В.В. Морковина данное письмо идет вслед за предыдущим).

66

Письмо написано на почтовой карточке с видом зеркального зала в Версальском дворце.

67

¹ От известного выражения «Куры денег не клюют», означающего: много чего-либо.

² См. коммент. 1 к письму 55 и письмо 116.

³ По преданию, на перстне царя Соломона было написано: «И это пройдет». См. об этом стихотворение Цветаевой «Минута» (СС-2. С. 217).

⁴ *Извольская* Елена Александровна (1897–1975) – писательница, публицистка, переводчица. «Моя встреча с Мариной Ивановной Цветаевой, – вспоминала Извольская, – относится к двадцатым годам в Париже, или, вернее, под Парижем. Марина только что переехала с семьей в Париж из Праги. <...> Особенно близко я подружилась с Мариной Цветаевой летом 1930 года. Сергей Эфрон в то время лечился в санатории, расположенном в Савойе. Марина наняла поблизости старый, полуразвалившийся и очень живописный крестьянский дом. К ней я переехала на каникулы. Мне отвели единственное свободное помещение, нечто вроде погреба. <...>

Мы жили как в пустыне, в самой примитивной обстановке. А были неизмеримо счастливы» («Годы эмиграции». С. 219, 220, 225).

⁵ Зимой 1928–1929 гг. Аля занималась рисунком с Н.С. Гончаровой. С 1930 г. училась в Школе прикладного искусства при Лувре («Arts et Publicité»).

68

¹ «*Quotidien*» – французская правая газета.

² «*Числа*» – литературно-художественные сборники, выходившие в Париже в 1930–1934 гг. под редакцией И.В. де Манциарли (первые четыре выпуска) и Н.А. Оцуа (всего вышло 10 номеров).

³ Ср. с воспоминаниями Е.А. Извольской: «В надежде облегчить трудную жизнь Марины мы однажды попытались заинтересовать в ее творчестве французские литературные круги. Как раз в то время она закончила французский перевод своего “Мблодца” и была приглашена в один из известных в то время парижских литературных салонов. Я сопровождала Марину и очень надеялась, что она найдет в нем и помощь, и признание. Марина прочла свой перевод “Мблодца”. Он был выслушан в гробовом молчании. Увы! <...> ...после неудачного выступления Марина замкнулась в свое одиночество» («Годы эмиграции». С. 239). О том же в письме к Р.Н. Ломоносовой: «С франц<узским> Мблодцем – ничего. Читала – порознь – четырем поэтам. Восхищение – поздравления – и никто пальцем не двинул» (СС-7. С. 331).

⁴ Речь идет о Брисе Парэне (1897–1971) – писателе и философе, члене редколлегии крупнейшего журнала «*Nouvelle Revue Française*», секретаре издательства Gallimard. «Свели меня (на блинах) с одним из редакторов *Nouvelle Revue Française* <...> Тип французского коммуниста, советофил. Слушал – слушал – и: “В стихах я ничего не смыслю, я заведу отделом статей по такому-то вопросу. Но – при случае скажу. – Приносите, только будьте готовы к отказу. Кроме того, денег у нас всё равно нет”» (Там же).

⁵ Поэму Цветаевой перепечатывал Н.П. Гронский. См. о нем коммент. 1 к письму 92.

⁶ Правильно: «*Новая газета*». *Двухнедельник литературы и искусства*, выходила в Париже в 1931 г. (выпущено пять номеров). Редактор М.Л. Слоним. Цветаева дважды участвовала в ответах

на анкеты, предложенные редакцией «Новой газеты» писателям (СС-4. С. 625). *Написала о новой детской книге.* – «О новой русской детской книге». Статья опубликована в журнале «Воля России» (1931. № 5–6). (СС-5).

⁷ «Петр I» – исторический роман А.Н. Толстого.

69

¹ *Святополк-Мирский* Дмитрий Петрович, князь (1890–1939) – критик, историк литературы. С 1921 г. жил в Англии. Профессор Школы славянских исследований Королевского колледжа Лондонского университета. Участник евразийского движения. Автор двухтомной «Истории русской литературы» (на английском языке). Учредитель и соредaktor журнала «Версты» (1926–1928). Член редколлегии еженедельника «Евразия» (1928–1929). В 1932 г. вернулся в СССР. Погиб в лагере. Многие годы был горячим поклонником таланта Цветаевой, писал рецензии на ее поэмы («Молодец», «Крысолов»), отвел ей заметное место в своей «Истории русской литературы». В 1926 г. организовал Цветаевой поездку в Лондон (см. письмо 21 и коммент. к нему).

² ...*вечер (будет весной)*... – Этот вечер состоялся 30 мая (см. письмо 72 и коммент. 1 к нему).

³ *Svistounoff* – *Свистунова* (урожд. Масленникова) *Нина* (Антонина) Александровна (1895–1974) – общественная деятельница, литератор. В эмиграции жила в Париже. Организатор и участница благотворительных вечеров русской колонии в 1930-е гг. в Мёдоне. Писала пьесы. Цветаева дает чужой адрес, чтобы домашние не узнали про перевод.

70

¹ *Бем* – см. коммент. 4 к письму 59. О его сотрудничестве в газете «Россия и славянство» можно говорить с большой натяжкой (см.: Alfred Liudvigovich Bem. Bibliography. By M. Bubeniková, L. Vachalovská. – Prague, 1995).

² 24 декабря 1930 г. Министерство иностранных дел Чехословацкой республики направило своему генеральному консулу в Париже письмо о пособиях для русских писателей во Франции.

В письме говорилось: «Так как средства Фонда помощи для русских на следующий год значительно ограничены, Министерство иностранных дел может оказать содействие в поддержке за границей только тех русских эмигрантов, которые имели заслуги перед ЧСР в прошлом и которые в настоящее время работают в пользу ЧСР. По этой причине Министерство иностранных дел оставляет возможность предоставления пособия только следующим русским эмигрантам: Алексею Ремизову, Константину Бальмонту, Марине Цветаевой, остальным <...> пособие приостанавливается с 31.12.1930 г.» (*Документы к истории*. С. 91). Цветаева получала пособие до конца 1931 г. См. также письмо 25 и коммент. 2.

³ В письме от 11 ноября 1930 г. С.Я. Эфрон писал своей сестре Е.Я. Эфрон в Москве: «...я порешил “перевозоружиться”» и обрести профессию, могущую предоставить мне относительную свободу и независимость. И вот на старости лет я поступил на высшие курсы кинематографии Пате. Я хочу основательно ознакомиться с кинематографической техникой во всем ее объеме, одновременно по возможности устроившись на работу в какую-либо киностудию...» (цит. по кн.: *Саакянц А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество*. М.: Эллис Лак, 1997. С. 537–538). Однако по окончании курсов С.Я. Эфрон постоянную работу получить не смог (недолго служил во французском кинематографическом обществе, затем в частной лаборатории и др.). Опубликовал о кино статьи: «Долой вымысел. О вымысле и монтаже» (*Новая газета*. Париж. 1931. № 4. Апр.) и «Советская кинопромышленность» (*Воля России*. 1931. № 3/4).

71

¹ Приехавший из Москвы писатель Борис Пильняк рассказал Цветаевой, что Пастернак разошелся с женой. О возникшем у Цветаевой чувстве ревности и обиды говорится в ее письме Р.Н. Ломоносовой от 13 февраля: «– С Борисом у нас вот уже (1923 г. – 1931 г.) – восемь лет тайный уговор: дожить друг до друга. Но КАТАСТРОФА встречи все оттягивалась, как гроза, которая где-то за горами. Изредка – перекаты грома, и опять ничего – живешь. Поймите меня правильно: я, зная себя, наверное от своих к Борису бы не ушла, но если бы ушла – то только к нему. Вот *мое* отношение. Наша реальная встреча была бы прежде всего большим горем

(я, моя семья – он, его семья, моя *жалость*, его *совесть*). Теперь ее вовсе не будет. <...> Знаю, что будь я в Москве – или будь он за границей – что встретиться он хоть раз – никакой З<инаиды> Н<иколаевны> бы не было и быть не могло бы, по громадному закону *родства по всему фронту*: СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ. Но – я здесь, а он там, и всё письма, и вместо рук – Рукописи. Вот оно, то “Царствие Небесное” в котором я прожила жизнь. <...> Потерять – не имел» (СС-7. С. 329). *Зинаида Николаевна* Еремеева (1897–1966), жена пианиста Генриха Густавовича Нейгауза (1888–1964), стала второй женой Пастернака в 1934 г.

² ...за десять лет целый список: Блок, Гумилев, Есенин, Сологуб, Маяковский.

³ *Жена*. – Пастернак (урожд. Лурье) Евгения Владимировна (1899–1965) – художница, *сын* – Пастернак Евгений Борисович (род. 1923).

⁴ Свое впечатление, полученное от прочтения «Поэмы Конца», Пастернак описал 25 марта 1926 г. в письме к Цветаевой: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дымно-туманной ночной Праги, с мостом то вдали, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь, подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти, и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, Микеланджеловской раскидистости и Толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца...» и т. д. (*Марина Цветаева. Борис Пастернак. «Души начинают видеть»*: Письма 1922–1936 годов / Изд. подгот. Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко. М.: Вагриус, 2004. С. 148).

72

¹ 30 мая 1931 г. Цветаева выступила с чтением стихов и прозы «История одного посвящения» (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. II. С. 195). На следующий день после вечера она писала С.Н. Андрониковой: «Вечер прошел с полным успехом, зала почти полная. Слушали отлично, смеялись где нужно, и – насколько легче (душевно!) читать прозу. 2-ое отд<еление> были стихи – мои к М<андельшта>му» (СС-7. С. 140).

² Международная Колониальная выставка проходила в Париже в мае – октябре 1931 г.

³ ... *московская сестра* – А.И. Цветаева (см. коммент. 5 к письму 105).

К письму приложен пригласительный билет:

Invitation
Soirée Littéraire
Marina Zvétaiéva
Samedi 30 mai a 21 heures
6 bis, Rue Campagne Première

73

¹ Речь идет о Саломее Николаевне Андрониковой-Гальперн (1888–1982). В эмиграции жила в Париже, затем в Лондоне. До 1934 г. выплачивала Цветаевой «иждивение» в размере от 300 до 500 франков. Перебравшись в Англию, она периодически приезжала в Париж. Сохранилось 125 писем Цветаевой к С.Н. Андрониковой-Гальперн (СС-7). 21 августа 1931 г. Цветаева напомнила ей в письме о денежной помощи, которую вскоре и получила, о чем свидетельствует письмо от 7 сентября 1931 г. («иждивение получила, спасибо за все» (СС-7. С. 142, 143).

Практически в это же время в Париже по инициативе Е.А. Извольской был организован Комитет (Общество) помощи Марине Цветаевой (цитируемое ниже письмо А.А. Тесковой позволило уточнить дату создания Комитета. В комментариях к «Письмам М. Цветаевой к В. Рудневу» ошибочно было указан 1933 г.). В Комитет вошли Е.А. Извольская, С.Н. Андроникова-Гальперн, Л.Н. Карсавина, М.Н. Лебедева, французская писательница Натали Клиффорд-Барни и др. Было составлено обращение Комитета с призывом помочь Цветаевой. «Маринины друзья создали “Общество помощи Цветаевой”, и им удалось найти деньги, чтобы оплатить ее квартиру», – писала Е.А. Извольская («Годы эмиграции». С. 230).

Обращение Комитета дошло и до Праги. В письме от 20 сентября 1931 г. А.А. Тескова просит совета у А.Л. Бема: «А ведь у меня опять заботы, заботы с Цветаевой! Получила на машинке писанную грамоту от г-жи Карсавиной. Извещает меня, что Цветаевой всегда в последнем времени было плохо (относительно денег), но сейчас уже так плохо, прямо нищета. Сошлись несколько друзей, основали “Комитет помощи Цветаевой” и т. к. им знакомо мое доброе отношение к ней, просят меня немедленно заявить, сколько буду ей высылать ежемесячно, и в которое число, дать им дальнейшие советы, и приобрести членов Комитета в Праге. Вдогонку за этим

письмом второе письмо самой Цветаевой, отчаянное: иждивения в этом месяце не получили, лавочник, где брали на прокат, потребовал немедленной уплаты и отказал в дальнейшем кредите, 1.X у них 1200 fr. За квартиру заплатить надо (а то хоть под мост переезжай) и еще как в этом же месяце какие-то проценты и какие-то уплаты, кругом 3000 fr. – ну просто ужас. И я, признаться, в виду своих всесторонних забот, совсем смутилась. Право, не знаю, как за дело взяться. Был бы досуг!..

Очень бы мне нужно выслушать Ваш совет насчет Цветаевой, и пожалуй не совет, а мнение (именно можно ли располагать, что найду членов для Комитета помощи). Подумывала о Надежде Николаевне Крамарж, но вспомнила ее отрицательное отношение к стихам М<арины> И<вановны> и т. д. Чехов, знающих М<арину> И<вановну>, очень мало. Почитающий ее, например, Кубка – не согласится на расходы, также и другие; публиковать ли воззвание в газетах?...» (*Архив А.Л. Бема*). Судя по всему, регулярную помощь из Праги организовать не удалось.

74

¹ Очерк «История одного посвящения» при жизни Цветаевой опубликован не был (СС-4).

² Окончательное название цикла – «Стихи к Пушкину». Четыре стихотворения цикла были опубликованы в № 63 и 64 «Современных записок» (1937). *Дом* («Из-под нахмуренных бровей...») – в № 51 этого журнала (1933). Стихотворения «Ода пешему ходу» и «Бузина» при жизни поэта не публиковались (СС-2). Историю написания «Стихов к Пушкину» и других стихотворений лета-осени 1931 г. см. также: *Саакянц А.* Марина Цветаева. С. 547–555.

75

¹ М.Н. Лебедева и ее дочь Ирина. См. коммент. 1 к письму 55.

76

¹ Речь идет о задуманном Цветаевой еще осенью 1931 г. трактате о творчестве, которое назвала «Искусством при свете совести». Работа над ним продолжалась вплоть до весны следующего года.

Фрагменты из этой большой работы были опубликованы в «Современных записках» (1932. № 50 и 1933. № 51). В 1932 г. в журнале «Руски архив» также были напечатаны фрагменты эссе в переводе на сербскохорватский язык, в котором были главы, отсутствующие в русском тексте. Подробнее об истории публикации см. в кн.: *Цветаева М. Искусство при свете совести (Реконструкция полного текста статьи, выполненная Ю.П. Клюкиным)*. М.: Дом Марины Цветаевой, 1993.

77

¹ «Искусство при свете совести».

² Словами «мне больше ничего не нужно» ответила французская королева Мария Антуанетта в день своей казни на предложение тюремной служащей съесть специально приготовленный для нее суп.

³ Цветаева имеет в виду свое замужество. Оно состоялось, когда ей было 19 (а не 17) лет.

⁴ *Alain Gerbault* – французский писатель Алэн Жербо (1893–1941), совершивший в одиночку кругосветное путешествие по морю, описал его в своей книге «Один через Атлантический океан» (1929).

⁵ Имя поэтессы установить не удалось. Эти же строки приведены Цветаевой в письме 53.

⁶ Доклад Цветаевой состоялся в Доме Мютюалитэ. 21 января 1932 г. 17 января «Последние новости» опубликовали содержание доклада: «Большой поэт неизбежно современен. Что такое современность? В какую минуту и почему поэт перестает быть современным? Поэт в эмиграции и поэт в Сов<етской> России. Всякий поэт по существу эмигрант. Обыватель и новое искусство. Причина гибели Есенина. Быть современным – творить свое время. Что такое время и почему я должна ему служить?»

⁷ См. коммент. 1 к предыдущему письму.

⁸ А.С. Штейгер. См. письмо 110 («...он мне когда-то обещал...») и коммент. к нему.

⁹ Речь идет о повести Рильке «Песня о любви и смерти корнета Кристофа Рильке».

¹⁰ А.А. Тескова выполнила просьбу Цветаевой и прислала ей книгу «Die Frau» (Франкфурт-на-Майне, 1930) с дарственной

надписью: «Дорогой Марине Ивановне Цветаевой на радость... с любовью. А.А. Teskova 24.III.32. Прага». (Книга находилась в собрании Л.А. Мнухина. Передана в Литературный архив Музея национальной письменности в Праге). См. также письмо 79.

¹¹ На доклад Цветаевой (см. выше коммент. 6) были приглашены «в качестве собеседников»: В. Андреев, Н. Бердяев, И. Бунаков (Фондаминский), В. Вейдле, Е. Зноско-Боровский, Л. Карсавин, Н. Оцуп, Б. Поплавский, М. Слоним, В. Сосинский, Г. Федотов, А. Эйсер (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. II. С. 268).

¹² *Зноско-Боровский* Евгений Александрович (1884–1954) – прозаик, критик, историк театра, шахматист. В эмиграции во Франции с 1920 г. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Автор рецензии на книгу Цветаевой «Ремесло» (Воля России. 1924. № 3).

¹³ *Яблоновский* (наст. фам. Потресов) Сергей Викторович (1870–1953) – журналист, театральный критик. В 1920 г. эмигрировал в Египет, затем переехал в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже.

¹⁴ Доклад А. Эйсера «Генеральная линия современной русской литературы» состоялся 28 января не в объединении «Кочевье», а на Евразийском семинаре в помещении Дома Мютюалите. Помимо Цветаевой на доклад были приглашены Н.Н. Алексеев, М.Л. Слоним, В.Н. Ильин и др. (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. II. С. 270).

¹⁵ «Трусоват был Ваня бедный...» – Начальная строка стихотворения А.С. Пушкина «Вурдалак» («Песни западных славян», 1834).

¹ Речь идет о Всеволоде Александровиче Богенгардте (1892–1961) – однополчанине и друге С.Я. Эфрона. В эмиграции обосновался с женой в Чехии, где они работали воспитателями в русской гимназии в Тршебове. Затем семья переехала во Францию. Работал шофером такси. См. письма Цветаевой к семье Богенгардтов (СС-7. С. 643–654).

² По свидетельству самого Эйсера, Цветаева вскоре изменила отношение к нему: «...где-то с 32-го года я бросил писать стихи. Тут Цветаева стала очень плохо ко мне относиться, потому что... я ее обманул. Поэт не может бросить писать стихи. Она считала, что я

поэт, и она ко мне хорошо, нежно относилась. А я бросил, значит, я притворялся поэтом. Она ко мне потеряла интерес, больше со мной не имела дела, то есть руку мне подавала, я руку целовал, но она со мной почти не разговаривала, цедила что-то сквозь зубы» («Годы эмиграции». С. 209).

79

¹ См. письмо 77 (в приписке от 27 января).

80

¹ К.Н. Рейтлингер-Кист (см. коммент. 3 к письму 56).

² *Волошин* (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932) – поэт, критик, художник. С М.А. Волошиным Цветаева познакомилась и подружилась в конце 1910 г. Их встречи продолжались до 1917 г. Воспоминания о нем «Живое о живом» Цветаева опубликовала в «Современных записках». 1933. № 52, 53. (СС-4; см. также письма Цветаевой к Волошину: СС-б. С. 39–80).

³ Чтение Цветаевой прозы «Живое о живом» состоялось 13 октября 1932 г. в Доме Мютюалите (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. II. С. 338).

⁴ Правильно: Реймский собор – архитектурный памятник французской готики в г. Реймс. Отличается богатейшим скульптурным убранством. Место, где до 1825 г. короновались французские короли.

⁵ Неточная цитата из басни И.А. Крылова «Змея» (1830). Эту же цитату, но уже точную, Цветаева приводит в «Сводных тетрадах» (С. 267).

⁶ Речь идет, по-видимому, об окончательном переезде семьи *Карсавиных* в Литву. Л.П. Карсавин (см. коммент. 2 к письму 30) и Карсавина (урожд. Кузнецова) Лидия Николаевна (1881–1961) – преподавательница, жена Л.П. Карсавина.

81

¹ *Даманская* Августа Филипповна (1877–1959) – писательница, переводчик, журналист. В Париже с 1923 г. Постоянный сотрудник газеты «Последние новости». Опубликовала свои впечатления от

выступления Цветаевой на вечере памяти А.С. Пушкина в Париже в 1937 г. (Рига. Сегодня. 1937. 6 марта).

² *...перевод своей собственной вещи на французский...* – Речь идет об эпистолярной прозе «Флорентийские ночи» («рассказом в письмах» называла ее А.С. Эфрон), в основу которой были положены письма Цветаевой к владельцу русского издательства «Геликон» в Берлине – Абраму Григорьевичу Вишняку (1895–1943), который в начале знакомства с ней передал ей для перевода новеллу Г. Гейне «Флорентийские ночи». Их переписка длилась недолго, все письма Цветаевой были ей *адресатом* возвращены. См. двуязычное издание: *Цветаева М.* Девять писем с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным, – и Послесловием. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999.

³ *Рейтлингер* Юлия Николаевна, в монашестве сестра Иоанна (1898–1988) – художник, иконописец. В 1919 эмигрировала в Польшу, в 1920 г. переехала в Прагу. Училась в Академии художеств, изучала искусство иконописи. Как и Цветаева, с 1925 г. жила в Париже. В 1935 г. приняла монашество «в миру». Одной из ее работ была роспись церкви Иоанна Воина в Мёдоне. В 1933 г. Религиозно-педагогический кабинет при Православном богословском институте в Париже предпринял издание серии «Листков для детского чтения». Всего издано 24 выпуска. Начиная с 10-го в качестве художницы была привлечена сестра Иоанна (Рейтлингер). О своем предложении Цветаевой написать тексты для детских листков Юлия Николаевна рассказывает: «...когда я, отчаявшись найти человека для писания текстов религиозных листков для детей, обратилась к ней с просьбой писать их, она очень живо откликнулась, но сказала, что может писать только о том, что сама пережила, и набросала свое переживание: стоя девочкой в церкви, она глядела в окно на ветку дерева – эта ветка очень много выражала, и она хотела идти от нее в своем описании» (Воспоминания о Марине Цветаевой: Сборник. – М.: Сов. писатель, 1992. С. 291). В итоге сотрудничество поэта и художника не состоялось.

⁴ Цветаева пишет о единственной в Париже Русской гимназии, основанной в 1920 г. Первоначально находившаяся в самом Париже, к 1933 г. она переехала в Булонь, прилегающий к Парижу район. «А в Булонь нам нужно непременно – хоть под булоньские каштаны – ибо Мур с 1-го окт<ября> начнет ходить в гимназию, к<отор>ая мне, кстати, *очень* понравилась. (Была на акте)», – писала летом

1933 г. Цветаева (*Цветаева М., Руднев В.В. Письма. С. 27*). Занятия в этой гимназии проходили по программам русских гимназий и реальных училищ, гимназия была в подчинении французского Министерства просвещения, которое предоставляло ей права французских лицеев. Ее аттестаты приравнялись к французским и открывали выпускникам двери высших учебных заведений. В октябре Цветаева с грустью констатировала: «В Булонь из-за того же безденежья не переехали, и сын мой, пока, во франц<узской> школе, но мечты своей о русской не оставляю ибо не могу и не хочу видеть, как ребенок на моих глазах, неотвратимо и неуклонно, превращается в нечто чуждое – не только мне, а всем своим корням. Слава Богу – время еще не упущено, но что делать, чтобы в *будущем* году переехать?..» (*Там же. С. 32*). Однако переезд Цветаевой в Булонь так осуществлен и не был.

⁵ Возможно, речь идет о стихотворении «Роландов рог», которое сохранилось в архиве А.Л. Бема с надписью: «Марина Цветаева – без даты – ибо всю жизнь. – Альфреду Людвиговичу Бему на добрую память. М.Ц. Париж, 1933 г.».

82

Письмо написано на почтовой карточке.

¹ В *Посл<едних> Нов<остях> от 16-го июля... «Башня в плюще»... М. б. видели?* – По-видимому, Цветаева заранее оповещает Тескову о своей публикации (письмо написано 5 июля).

83

¹ История создания очерка «Дом у Старого Пимена» подробно изложена Цветаевой в ее письмах к В.Н. Буниной, а также в коммент. к ним (*СС-7*). *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832–1920) – историк монархического направления. На дочери Иловайского Варваре Дмитриевне (1858–1890) был женат первым браком Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), отец М.И. Цветаевой. Очерк был напечатан в «Современных записках». 1934. № 54 (*СС-5*).

² Статья под названием «Два “Лесных Царя”» была опубликована в журнале «Числа». 1934. № 10 (*СС-5*).

³ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «А.О. Смирновой» (1840).

⁴Чествование И.А. Бунина русскими организациями по случаю присуждения ему Нобелевской премии по литературе состоялось в Париже 26 ноября 1933 г. (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. II. С. 491).

⁵*Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель, критик. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже. Цветаева в юности увлекалась его историческими романами. Жена Мережковского, *Гиптиус* Зинаида Николаевна (1869–1945) – поэтесса, прозаик, критик, публицист. Эмигрировала вместе с мужем.

⁶*Посл<едние> Новости, сравнивавшие его стиль с толстовским...* – В статье «Искусство Бунина» ее автор, М.А. Алданов, говоря о «технике» создания образов и «волшебстве внешних приемов» в прозе Бунина, приводит схожие примеры из Л.Н. Толстого (Последние новости. 1933. 16 нояб. С. 2).

⁷Об отношениях между Цветаевой и Буниным подробнее см.: *Дэвис Р., Мнухин Л.* Цветаева и Бунин // В сб.: *Марина Цветаева в XXI веке: XV и XVI Цветаевские чтения в Болшеве*. М.: Музей Цветаевой в Болшеве, 2005. С. 22–34.

⁸*Жена И.А. Бунина, Бунина Вера Николаевна.* – См. коммент. 4 к письму 103.

⁹В.И. Цветаева. – См. коммент. 1 к письму 85.

84

¹ Книга шведской писательницы Хильдур Дикселиус (1879–1969).

²Правильно: *Olav Duun* – Улав Дуун (1876–1939) – норвежский писатель. Цветаева страстно хотела иметь эту книгу, она писала своей новой знакомой Н. Гайдукевич: «Вы спрашиваете, дорогой друг, что Вы для меня можете сделать. В будущем – *очень много* (у меня целый план, вполне осуществимый, но отдаленный, много зависит от *Вас*, да всё – кажется. Напишу подробно. По-моему – чудный! Для нас обеих.)

Пока же – подарите мне книгу:

Olav Duun

Die Juwikingen...

Об этой вещи я люто мечтаю вот уже пять лет. Не куплю ее никогда, ибо дорого́, как все немецкие книги...» (*Письма к Н. Гай-*

дукевич. С. 38–39). Книгу в подарок Цветаева получила: «Теперь о книге... Прочла пока треть I тома. Это – поток. Поток *рода*, кровь создающая и передающая те же лица вдоль недвижных берегов времен. Лиц нет, есть лицо – рода... Лицо – рода и лицо – природы. Такую книгу (не книгу, а глыбу!) мог написать, поднять только мужчина, я бы – не могла, (и Унсет, моя *равная* сила, уже не смогла)... Великолепные ландшафты. Как беден богатый юг перед бедным севером! Я теперь четырех северян знаю: Андерсен, Лагерлёф, Сигрид Унсет и Олаф Дуун» (*Там же*. С. 46.)

Прислала Цветаевой книгу Олафа Дууна и А.А. Тескова. В трудные дни Цветаева предлагает своей приятельнице Ариадне Берг купить у нее лишний экземпляр (письмо от 13 февраля 1935 г.): «Маленькое предложение. Я нахожусь в крайней нужде и хотела бы реализовать книгу – сочинение – которую получила вторично, и вот – как. У меня есть друг в Чехословакии – одна старая очаровательная чешская дама, которая мне присылает каждое Рождество в подарок книги. И вот она прислала мне снова ту же книгу, о которой я мечтала и которую получила в прошлом году – сочинение поэта (я говорю поэт, хотя он пишет прозой) Олава Дууна – *Die Juwikingen* – история норвежской семьи в трех или даже четырех поколениях. Но тут важна не семья – а *море*, фьорд, труд, рок. Вещь самой первой силы. Написанная самими стихиями *через* людей. Дуун должен получить следующую нобелевскую премию. По-немецки. Красивое издание. Два тома в переплете, совершенно новые, так как не раскрытые; я продаю оба за 50 фр<анков>, цена *одного* тома. Я бы Вам их *подарила* от всего сердца, но я в такой полной нищете...» (СС-7. С. 476)

³ Речь идет о попытке напечатать в «Последних новостях» статью «Два “Лесных Царя”», окончившейся неудачей.

⁴ *...наконец ответила...* – 9 декабря 1933 г. Цветаева написала В.В. Рудневу подробное письмо, где выразила свое возмущение по поводу редакционных сокращений «Дома у старого Пимена» (*Цветаева М., Руднев В.В. Письма*. С. 38–40). Ответ В. Руднева был незамедлительным: «Дорогая Марина Ивановна! Присылайте рукопись Вашего “Домика у Старого Пимена”: согласно Вашему желанию она будет напечатана полностью» (*Там же*. С. 41).

⁵ О спорах между Цветаевой и В. Рудневым по поводу сокращений очерка «Живое о живом» см. их бурную переписку в мае 1933 г. в кн.: *Цветаева М., Руднев В.В. Письма*. С. 18–24.

⁶ Речь идет об автоматических фотографических аппаратах Photomaton (устанавливались в магазинах и метро, работали при опускании монет в специальную прорезь), созданных в 1920-х гг. в США и нашедших свое применение в Европе к началу 1930-х.

85

Верх первой страницы письма подклеен, и на нем адрес написан рукой А. Тесковой.

¹ ...*восьмилетняя девочка*. – Цветаева (в замуж. Шевлягина) Валерия Ивановна (1883–1966), сводная сестра М. Цветаевой. *Брат* – Цветаев Андрей Иванович (1890–1933), сводный брат М. Цветаевой, искусствовед, музейный работник. *Мать* – Мейн Мария Александровна (1868–1905).

² *Бабушка*. – Мария Лукинична Бернацкая (1841–1869) происходила из обедневшего польского дворянского рода. *Дед* – Александр Данилович Мейн (1836–1899) – чиновник канцелярии московского генерал-губернатора.

³ *Шухаев* Василий Иванович (1887–1973) – художник, график, педагог. В эмиграции с 1920 г., в Париже с 1921 г. Держал вместе с художником А.Е. Яковлевым школу-мастерскую. В 1929–1930 гг. вел занятия по живописи и рисунку в Русской художественной академии. В 1935 г. вернулся в СССР.

⁴ ...*я – тиран, она – жертва...* – См. коммент. 1 к письму 101.

⁵ *Белый Андрей* (наст. фам. и имя Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934) – поэт, прозаик. Известие о его кончине, последовавшей 8 января 1934 г., стало поводом для написания мемуарного очерка «Пленный дух». Опубликовано в журнале «Современные записки». 1934. № 55 (СС-4).

⁶ Имеется в виду *Степанов* Иван Владимирович (ок. 1896–1933) – писатель, правовед, бывший капитан лейб-гвардии Семеновского полка. В эмиграции жил в Бельгии, возглавлял брюссельскую группу евразийцев. Один из основателей эмигрантского журнала «Утверждения». Отравился газом в ночь на 1 января 1934 г. В редакционном предисловии к посмертной публикации его дневниковых записей «Carnets d'un chômeur» («Записки безработного» – *фр.*) во французском журнале «Esprit» (Париж. 1934. № 17) было сказано: «...в Брюсселе покончил с собой безработный человек. Он оставил странички Дневника <...> В нем увидят человека, обнаженного

перед лицом Системы, которая лишила его всякого желания продолжать жить, внутреннего или внешнего, и у которого даже нет революционных мифов, чтобы создать себе хоть иллюзию спасения» (пер. с фр. В. Лосской).

¹ *Чемодан рукописей*. – Некоторые из этих рукописей Цветаева безуспешно пыталась пристроить в печать («Лазарет ее Величества», «Обедня» и др.). Рассказ «Обедня» был дан ею на прочтение В. Рудневу как редактору «Современных записок»: «Очень прошу Вас (*и заклинаю* – не потерять дорогой! – единственный экземп<ляр>, а все черновики сожгла жена – ушедшая к другому: потому и открыл под Новый – 1934 – Год – газовый кран!). Стало-быть, очень прошу Вас принести на <вечер> Бальмонта – “Обедню”. <...> Очень интересно – как Вам понравилась или *не*-понравилась “Обедня”. У меня другая его рукопись есть – “Записки безработного”...» (*Цветаева М., Руднев В.В. Письма*. С. 99).

86

¹ Цветаева сообщает о получении книги Х. Дикселиус «Дочь священника». См. далее текст данного письма и письмо 84.

² *Людвиг Эмиль* (1881–1948) – немецкий писатель, автор множества беллетризованных биографий великих людей, в том числе книги «Наполеон» (1906). Эту книгу Э. Людвиг («Napoléon». Paris, 1928) в составе оставшейся части своей библиотеки Цветаева привезла в 1939 г. в Москву. (Сб. «Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу: 1920–1940». Международная научная конференция. – М.: Русский путь, 2007. С. 230).

87

¹ *...на соборной кремлевской площади...* – Рильке дважды был в России (1899 и 1900). В 1899 г. Пасхальную ночь Рильке праздновал в Кремле. «Событие это оказалось столь мощной силы, что оставалось в памяти поэта в течение всей его жизни» (*Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни* / Пер. с нем. Н. Болдырева. – Челябинск: Урал LTD, 1998. С. 57).

² Цветаева по памяти приводит слова Рильке из его письма к Лу Андреас-Саломе, написанного спустя несколько лет после

памятной Пасхальной ночи. В письме: «Das war damals in jener langen, ungewöhnlichen, ungemainen, erregten Nacht, da alles Volk sich drängte und *als Iwan Welikij mich schlug in der Dunkelheit* (Купсив здесь и далее мой. – *Сост.*), «Schlag für Schlag. Das war mein Ostern, und ich glaube, es recht für ein ganzes Leben aus; die Botschaft ist mir in jener Moskauer Nacht seltsam grob gegeben worden, ist mir ins Blut gegeben worden und *ins Herz*»* (*Рильке Р.* Лирика: Сборник. М.: Прогресс, 1981. На нем. яз. С. 423).

³ *Катя Альтшуллер. – Еленева* (урожд. Альтшуллер) Екатерина Исааковна (1897–1982). Первая жена Н.А.Еленева (см. коммент. 3 к письму 33). Эмигрировала в Чехословакию. Жила в Праге, затем в Берлине, Париже. Училась в Сорбонне. Работала в парижском ателье мод и гувернанткой на юге Франции. Переехала в США. После Второй мировой войны в течение 30 лет была диктором на радиостанции «Голос Америки». Многие годы собирала материалы, связанные с жизнью и творчеством М.И. Цветаевой.

⁴ Чтение Цветаевой прозы «Моя встреча с Андреем Белым» состоялось 15 марта 1934 г. в Географическом зале (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции.* II. С. 542).

⁵ *Вересаев В.В.* Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.; Л.: Academia, 1933.

88

¹ О наболевшем Цветаева в эти же дни пишет другому своему адресату: «Я, когда выходила замуж, была (впрочем, отродясь) человеком сложившимся, он – нет, и вот, за эти двадцать лет непрерывного складывания, сложился – в другое, часто – неизвестное. Главное же различие – его общительность и общественность – и моя (волчья) уединенность. Он без газеты жить не может, я в доме и в мире, где главное действующее лицо – газета – жить не могу. Я – совершенно вне событий, он – целиком в них. Встретила я чудесного одинокого мальчика (17 лет) только-что потерявшего боготво-

* «Это случилось в ту долгую, необычную, необыкновенную, волнующую ночь, когда вокруг теснились толпы народа, а *Иван Великий ударял меня* в темноте, удар за ударом. То была моя Пасха, и я верю, что мне ее хватит на всю жизнь; весть в ту московскую ночь была дана мне странно большой, она была дана мне прямо в кровь и *в сердце*» (*Хольтузен Г.Э.* Райнер Мария Рильке... С. 58).

риму ю мать и погодка-брата*. Потому и «вышла замуж», т.е. сразу заслонила собой смерть. Иначе бы – навряд ли вообще “вышла”. Теперь скажу: ранний брак – пагуба. Даже со сверстником» (*Письма к Н. Гайдукевич.* С. 49–50).

В тетради Цветаевой сохранилась ее запись от 5 декабря 1923 г. с поздней припиской в 1933 г.: «Личная жизнь, т.е. жизнь моя (т. е. в днях и местах) не удалась. Это надо понять и принять. Думаю – 30летний опыт (ибо не удалась *сразу*) достаточен. Причин несколько. Главная в том, что я – я. Вторая: ранняя встреча с человеком из прекрасных – прекраснейшим, долженствовавшая быть дружбой, а осуществившаяся в браке. (Просту: слишком ранний брак с слишком молодым. 1933 г.) (*Сводные тетради.* С. 270–271).

² Максимилиан Волошин.

³ *Андреева* (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая) Анна Ильинична (1883–1948), вдова писателя Л.Н. Андреева. Знакомство М. Цветаевой с А.И. Андреевой, состоявшееся в 1924 г. во Вшенорах в Чехии, со временем переросло в настоящую дружбу, сохранявшуюся до самого отъезда Цветаевой из Франции. В своем прощальном письме Цветаева писала Андреевой: «Спасибо за всё – от Вшенор до Ванва... Помню и буду помнить – всё... Живописнее, увлекательнее, горячее, *даровитее*, неожиданнее и, в чем-то *глубоком* – НАСТОЯЩЕЕ человека – я никогда не встречу» (СС-7. С. 657).

⁴ ...*старшая (не-андреевская)*. – Карницкая Нина Константиновна (1906–1987) – дочь А.И. Андреевой от первого брака.

⁵ *Второй – Савва – Андреев* Савва Леонидович (1909–1970) – художник, артист балета.. В эмиграции с 1920 г. Учился живописи в Художественной академии в Праге, Художественной школе в Риме. Жил во Франции. Учился в Русской гимназии в Париже, окончил Школу изящных искусств. Увлёкся балетом. Окончил балетное училище. Был занят в балетных труппах И. Рубинштейн и «Casino de Paris».

Рубинштейн Ида Львовна (1885–1960) – балерина, ученица балетмейстера М.М. Фокина (1880–1942). В 1928–1935 гг. руководила в Париже собственной труппой.

* (В 1910 г. трагически погиб младший брат С.Я. Эфрона, Константин (1895–1910). Не пережив горе, покончила с собой их мать, Елизавета Петровна Дурново (1855–1910), профессиональная революционерка).

⁶ *Вера – Андреева* (в замуж. Рыжкова) Вера Леонидовна (1911–1986) – прозаик, мемуарист. В 1920 г. с семьей эмигрировала. Окончила Русскую гимназию в Праге. Переехала во Францию. Училась в Медицинской школе в Париже, окончила курсы медицинского массажа. Работала прислугой, медицинской сестрой. В середине 1930-х вернулась в Чехословакию, в 1960 г. – в СССР. Автор воспоминаний о Цветаевой («Годы эмиграции». С. 163–170).

⁷ *Четвертый – Валентин – Андреев* Валентин Леонидович (1913–1978) – художник, переводчик. В эмиграции с 1920 г. Жил в Германии, Италии, Чехословакии, затем с семьей переехал во Францию. Учился в Русской гимназии в Париже. Сотрудник одной из французских технических фирм. Занимался графикой.

⁸ Речь идет о корректуре очерка «Хлыстовки», публикуемого в № 6 журнала «Встречи», который основал и редактировал вместе с Г.В. Адамовичем в 1934 г. (№ 1–6, Париж) Михаил Львович Кантор (1884–1970).

89

¹ Герой одноименной средневековой поэмы, написанной немецким поэтом Вольфрамом фон Эшенбахом (конец XII – начало XIII в.). Отличался чистосердечностью и мужеством.

² Правильно: «*Ida-Elisabeth*» («Ида-Элизабет») – роман, на содержании которого сказалось обращение С. Унсет в 1924 г. в католическую веру. См. также письмо 118.

90

¹ Автобиографическая проза «Черт» напечатана (с редакционными сокращениями) в «Современных записках». 1935. № 59 (СС-5).

² Рассказ «Китаец» (СС-5). Поводом для его написания послужила «чудная встреча на почте с китайцем, ни слова не говорившим и не понимавшим по-французски», говорившим, Вера, *по-немецки!* в полной невинности» (из письма Цветаевой к В.Н. Буниной от 28 апреля 1934 г., СС-7. С. 271).

91

¹ Первая строка стихотворения «*Ständchen*» («Серенада», «Вечерняя серенада») немецкого романиста, поэта и драматурга Людвиг Рельштаба (1799–1860). «Серенада», положенная на музыку

Ф. Шубертом, вошла в его знаменитый цикл «Песни Шуберта». По первой строке стихотворения был назван посвященный Шуберту австрийско-немецкий художественный фильм режиссера Вилли Форста (1903–1980) (1933).

² А. Эфрон работала в редакции журнала «Наш Союз», общественно-политического и художественного издания Союза возвращения на родину.

³ Цветаева имеет в виду свой роман с Константином Болеславовичем Родзевичем (1895–1988), героем ее «Поэмы Конца» и «Поэмы Горы». Тогда, в 1923 г., она пережила одно из самых глубоких своих чувств. «С Р<одзевича> – никого не любила. Его вижу часто, он мне предан, обожает Мура, ничего не чувствую» (из наброска письма к Пастернаку в начале 1930-х гг., занесенного Цветаевой в *Сводные тетради*. С. 525). См. также: *Марина Цветаева. Письма к Константину Родзевичу* / Подгот. Е.Б. Коркиной. – Ульяновский Дом печати, 2001.

⁴ Неточно цитируемые Цветаевой строки из предсмертного письма Маяковского («Я с жизнью в расчете и не к чему перечень // Взаимных болей бед и обид...»).

⁵ Об этом в письме от 10 января 1935 г. к В.Н. Буниной: «...у меня над столом карточки Рильке и З. Унсет, гляжу на них и чувствую, что я – их» (СС-7. С. 282)

⁶ *Патти Аделина* (1843–1919) – знаменитая итальянская певица. В 1860-х гг. гастролировала в России.

⁷ Этажом ниже квартиры Цветаевой жила семья Михаила Порфирьевича Айканова (1877–1964) – юриста, выпускника юридического факультета С.-Петербургского университета. В эмиграции жил во Франции. Работал ночным сторожем в Париже в Бюро помощи престарелым рабочим. Писал стихи. Покидая квартиру в Ван-ве, Цветаева оставила ему свой письменный стол. Это вдохновило М.П. Айканова на создание стихотворения, обращенного к Цветаевой (*Сводные тетради*. С. 552). ...внук – сын *М.П. Айканова*, Айканов Митрофан Михайлович (1905–1995) – сокольский деятель.

⁸ Это двустипшие со ссылкой на авторство немецкого писателя Альберта фон Шамиссо (1781–1838) Цветаева цитирует в письме А.Э. Берг (СС-7. С. 502).

⁹ ...еще одно горе... – Если предположить, что Цветаева закончила и отправила это письмо 22 ноября, когда принесли утренние газеты, то речь могла бы идти о гибели Н.П. Гронского (см. следу-

ющее письмо). С другой стороны, написанное Цветаевой письмо В.Н. Буниной от 22 ноября (см.: СС-7. С. 277–281) практически повторяет содержание данного письма к А.Тесковой, восстановленного в настоящем издании с учетом купюр. И в том и в другом случае дана картина окончательно испортившихся отношений Цветаевой с дочерью Алей. (Отсюда могли бы быть слова: «обида, дико-незаслуженная»). В письме, датированном именно 22 ноября (В.Н. Буниной), Цветаева не упоминает о гибели Н.П. Гронского.

92

¹ *Гронский* Николай Павлович (1909–1934) – поэт. Во Францию ребенком был вывезен родителями в 1920 г. Окончил Русскую гимназию в Париже и факультет права Парижского университета. Писал диссертацию о Г.Р. Державине. Жил в Мёдоне недалеко от Цветаевой. Погиб в результате несчастного случая: упал на рельсы парижского метро.

² Первое известие о гибели Н. Гронского появилось 22 ноября 1934 г. в «Последних новостях».

³ Переписка Цветаевой с Гронским сохранилась и была опубликована: *Цветаева М., Гронский Н.* Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов / Сост. Ю.И. Бродовская и Е.Б. Коркина. М.: Вагриус, 2003.

⁴ *Отец*, Гронский Павел Павлович (1883–1937) – специалист по праву, профессор С.-Петербургского университета, видный деятель партии кадетов. С 1920 г. в эмиграции. Преподавал историю в Русской гимназии в Париже, читал лекции в высших учебных заведениях. Работал в редакции «Последних новостей». Через Николая Гронского Цветаева передавала в газету свои стихи. *Мать*, Гронская (урожд. Слободзинская, во втором браке Гронская-Лепехина) Нина Николаевна (1884–1958) – скульптор, автор портретов генерала А.И. Деникина, Б.К. Зайцева, П.Н. Милюкова и др.

⁵ Цветаева присутствовала 24 ноября на похоронах Н. Гронского на Новом кладбище в Мёдоне и сказала прощальное слово.

⁶ Речь идет о статье «Посмертный подарок», вошедшей в более обширное эссе «Поэт-альпинист», напечатанное при жизни Цветаевой лишь по-сербскохорватски в журнале «Руски Архив» (1935. № 32/33). *Белла-Донна* – правильно: Белладонна – название горной

цепи под Греноблем в Альпах. Поэма имела первоначальное название: «Поэма пика Мадонны и трех альпинистов». Поэма появилась в печати в «Последних новостях» 9 декабря 1934 г. Сама Цветаева писала о поэме: «Лучшая вещь Гронского – Белла-Донна. Вещь его 18–19–20-летия: когда дружил со мной... *Гронского в Белла-Донне я чувствую своим духовным сыном*» (СС-7. С. 402). «...Гронский был *моей* породы» (СС-7. С. 397).

⁷ Единственный посмертный сборник Н. Гронского «Стихи и поэмы» вышел в 1936 г. в Париже в издательстве «Парабола». Рецензия Цветаевой на этот сборник была опубликована в «Современных записках» (1936. № 61).

⁸ На гибель Гронского Цветаева написала стихотворный цикл «Надгробие» (опубликован под заголовком «Памяти Н.П. Гронского» в «Современных записках», 1935. № 58. (СС-2. С. 324–327). Стихотворение 1928 г. при жизни поэта не публиковалось.

⁹ См. письмо 94 и коммент. 2 к нему.

¹⁰ Публикацию поэмы Н.П. Гронского «Белла-Донна» в «Последних новостях» предваряло вступление Г.В. Адамовича. Ср. с оценкой Цветаевой суждение А. Бема: «Поэме этой предпослано предисловие Г. Адамовича, в котором он с большим сочувствием отзывается о погибшем поэте и дает высокую оценку его произведению. На этот раз я в полной мере к этой положительной оценке Г. Адамовича присоединяюсь...» (*Бем А. Письма о литературе*. С. 201).

93

¹ См. коммент. 6 к предыдущему письму.

² ...*тех юношей везших мать в храм – знала...* – Возможно, Цветаева имела в виду историю, записанную в трудах античного историка Геродота. По преданию, греческую жрицу Геру Аргосскую в храм привозили волы. Однажды они еще не прибыли с пастбища, и тогда ее сыновья Клеобис и Битон сами запряглись в колесницу и повезли мать в храм, находившийся на расстоянии около пяти миль. В знак благодарности она попросила богов наградить сыновей высшим благом, доступным людям. Когда же она исполнила в храме свой обряд, ее сыновья здесь же уснули в храме, чтобы больше не проснуться (Геродот. Труды. Кн. 1, гл. 31).

¹...ушла – Аля. – 2 февраля 1935 г., после крупной ссоры с матерью, Аля, с одобрения отца, ушла из дома. Цветаева не могла удержаться от того, чтобы не сообщить о своей семейной драме почти всем друзьям и знакомым, с кем она в это время активно переписывалась: В.Н. Буниной (11 февраля), Н. Гайдукевич и А. Тесковой (18 февраля), Ю. Иваску (8 марта).

² *Меч* – еженедельная русская газета, издававшаяся под редакцией Д.В. Философова и Д.С. Мережковского в Варшаве (1934–1939). А.Л. Бем регулярно публиковал в ней свои «Письма о литературе» (критические и обзорные статьи). В письме речь идет о статье «О Н.П. Гронском и его поэме “Беладонна”» (*Меч*. 1935. № 6. 10 февр.). ...но и к стиху. – Отдав должное поэме, Бем не забыл и про стихи Гронского: «Четыре стихотворения, напечатанные “Последними новостями”, убеждают только, что он поэт цельный, с установившимися литературными вкусами».

Тонкий и внимательный критик Альфред Бем, говоря о Гронском как ученике Цветаевой, отмечал уже в то время, что их «глубокое поэтическое сродство здесь не подлежит сомнению. Может быть, это первый случай, где можно говорить о преемственности поэзии Цветаевой. И не только со стороны формальной, но и по глубокой связи поэзии с современностью» (*Там же*). О том же, чуть позже, писал и польский историк литературы С. Кулаковский в своей книге «Пятьдесят лет российской литературы. 1884–1934» (Варшава, 1939. С. 354): «На его (Гронского. – *Сост.*) творчество в значительной мере повлияла поэзия Цветаевой, что нашло отражение в его склонности к эпическим произведениям (поэмам) и торжественности поэтической речи, родственной со стилем поэзии 18 века».

³ Вечер памяти А.А. Блока состоялся 2 февраля 1935 г. в зале Общества ученых (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции. III. С. 20*). Текст выступления Цветаевой на этом вечере не сохранился.

⁴ *Пруст* Марсель (1871–1922) – французский писатель. Цветаева высоко ценила его творчество. 25 февраля 1930 г. в Париже на Литературном франко-русском собеседовании, посвященном М. Прусту, она выступила с защитой его творчества, недооцененного, по ее мнению, докладчиком Б.П. Вышеславцевым (*СС-7*).

С. 171). Подробнее см.: *Таганов А.Н.* Марина Цветаева и Марсель Пруст // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Сборник. Иваново, 1993. С.179–188

⁵ См. письмо 96 и коммент. 2 к нему.

95

¹ *Головина* (урожд. Штейгер, во втором браке de Pelychy) Алла Сергеевна (1909–1987) – поэтесса, прозаик. В эмиграции с 1920 г. Жила в Чехословакии. Окончила Русскую гимназию Моравской Тршебове, училась в Пражском университете. Входила в пражский «Скит поэтов». В 1935 г. переехала в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Последние годы жила в Бельгии.

² Познакомившись поближе с А.С. Головиной, Цветаева изменила свое мнение о ней. См. письмо 116.

³ Впервые было опубликовано в сборнике Н.П. Гронского «Стихи и поэмы» (С. 16) (см. коммент. 7 к письму 92). Цветаева приводит его с незначительными разночтениями. Там же напечатано и второе стихотворение Гронского, посвященное Цветаевой: «Отпер дверь я. – Два синих крыла, // Отступила на шаг и вошла. // «Друг, поверь, я...» – и крыльями складки плаща – // «О, не в дверь, в жизнь твою я вошла» (октябрь 1928) (С. 15).

⁴ Эпизод с кошкой описан Н. Гронским в его письме Цветаевой от 10 июля 1928 г. (*Цветаева М., Гронский Н. Письма*. С. 17–18).

⁵ Речь идет о стихотворении «Встреча», посвященном В.Д. (лицо неустановленное): «Пусть дважды будет приговор // Над золотой Твоей главою, – // Я заключаю договор // С Твоей бессмертной душою. // *В крылатости безруких плеч* (Курсив мой. – *Сост.*), // Из стран последних вдохновений, // – Зову Тебя из вихря встреч, // Зову из ветра посещений. // Так, крылья на груди крестом // – Не сломит Веры вероломность. – // Приди, покинь высокий дом, // – Зову тебя в мою бездомность» (Bellevue, 1928) («Стихи и поэмы». С. 21).

96

¹ Встреча Цветаевой и Ахматовой состоялась лишь в Москве, после возвращения Цветаевой на родину, 7 и 8 июня 1941 г. Ахматова оставила запись об этой встрече: «Наша первая и последняя двухдневная встреча произошла в июне 1941 г. на Большой

Ордынке, 17, в квартире Ардовых (день первый) и в Марьиной Роще у Н.И. Харджиева (день второй и последний). Страшно подумать, как бы описала эти встречи сама Марина, если бы она осталась жива, а я бы умерла 31 августа 41 г.

Это была бы “благоуханная легенда”, как говорили наши деды. Может быть, это было бы причитание по 25-летней любви, которая оказалась напрасной, но во всяком случае это было бы великолепно...» и т. д. (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. К.Н. Суворовой. – М. ; Torino, 1996. С. 278). См. также: *Ардов В.* Встреча Анны Ахматовой с Мариной Цветаевой. Франкфурт-на-Майне. Грани. 1970. № 76. С. 110–114; *Харджиев Н.* Последняя встреча двух поэтов. Вопросы литературы. М. 1989. № 6. С. 227).

² *Демидов* Игорь Платонович (1873–1946) – журналист, в прошлом член Государственной думы, кадет. После революции эмигрировал во Францию. Член редакции «Последних новостей», фактически был редактором газеты. ...*потомок Петра по боковой линии...* – один из предков И.П. Демидова был женат на представительнице потомства А.Ф. Лопухина, брата первой жены Петра I, Евдокии Федоровны Лопухиной (см.: История родов русского дворянства: В 2 т. Т. 2. СПб.: Книгоиздательство Германа Гоппе, 1886).

³ «*La Bataille*» – французский кинофильм (режиссер Н. Фаркас, 1933). В фильме играл русский актер Валерий Инкижинов.

⁴ «*Nur ein Spilmann*». – Переведенный с датского на немецкий роман Х.К. Андерсена «*Kun en spillemand*» («Только скрипач») (1837). Роман посвящен трудной судьбе молодого талантливого человека, судьба которого зависит от прихоти «сильных мира сего».

⁵ Автобиографический очерк «Мать и музыка» был напечатан в «Современных записках». 1935. № 57 (СС-5).

⁶ См коммент. 6 к письму 92.

97

¹ ...*парк Кинского*. – Имеется в виду сад, расположенный в северной части района Смихов Праги. Парк окружает виллу Кинских, построенную около 1830 г. *Кинский* – чешский княжеско-графский род, который восходит до XII в.

² См. письмо 91 и коммент. 1 к нему.

³ То есть в родительском доме в Москве (Трехпрудный переулок, дом 8), в котором прошло детство, отрочество и юность Цветаевой.

⁴ Свой доклад «Поэт-альпинист» о поэзии Н.П. Гронского Цветаева прочла 11 апреля 1935 г. в зале Географического общества. Программа доклада: «Может ли в эмиграции возникнуть поэт? – Чего ждать от еще одной поэмы? – Потомок Державина. – Что такое поэтическая “невнятица”. – Смысл гибели Николая Гронского. – Письма с Альп. – Альпинизм спортсмена и альпинизм поэта. – Поэма Белла-Донна: суть и форма. – Белла-Донна и Мцыри. – Эмиграция так же бессильна поэта – дать, как поэта – взять. Законы поэтической наследственности. – Корни поэзии» (Последние новости. 1935. 11 апр.).

⁵ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант, командующий Добровольческой армией. С 1920 г. в эмиграции. Отец Николая Гронского, П.П. Гронский был знаком с А.И. Деникиным со времен Гражданской войны. В 1919 г. он исполнял обязанности товарища министра внутренних дел в правительстве Деникина. Во Франции семьи Деникиных и Гронских (включая Николая) несколько раз отдыхали вместе в деревне Аллемон (деп. Изер) (Цветаева М., Гронский Н. Письма. С. 284).

⁶ Багрицкий (наст. фам. Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895–1934) – русский советский поэт.

⁷ То есть о книге Н. Гронского «Стихи и поэмы». См. коммент. 7 к письму 92.

К письму присоединен отрывок той же бумаги, с оторванным верхом. Можно прочитать лишь часть фразы, а именно: – Вы: душа. У Вас и для Вас. (Примеч. В. Морковина).

¹ Алексинский Иван Павлович (1871–1945) – выдающийся русский хирург. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, в 1923 г. переехал в Париж. Один из основателей франко-русского госпиталя в Вильжюифе (предместье Парижа), работал в нем хирургом.

² Врангель (урожд. Елпатьевская, в первом браке Кулакова) Людмила Сергеевна, баронесса (1877–1969) – писательница, журналистка. В 1920 г. эмигрировала в Югославию, в 1924 г. переехала в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов

в Париже. Автор книги «Воспоминания и стародавние времена» (Вашингтон, 1964), в которой глава «Ла-Фавьер» посвящена жизни в 1930-х годах дачной колонии русских. «Куприн, Марина Цветаева и другие читали свои произведения» – упоминает автор о пребывании Цветаевой в Ла-Фавьер (С. 142). 29 июля 1935 г. Цветаева писала своим друзьям Богенгардтам: «Баронесса Врангель, у к<отор>ой мы сняли, оказалась рожденной Елпатьевской, дочерью писателя и врача Елпатьевского, который был двоюродным братом моего отца. Ее это мало взволновало, меня – очень (не ее врангельство, а ее *елпатьевство*: наше общее *владимирство*)». Владимирская губерния – родина И.В. Цветаева, отца поэта.

³ *Елпатьевский* Сергей Яковлевич (1854–1933) – русский писатель, публицист. Родственник Цветаевых. На его даче в Ялте семья Цветаевых жила в 1905–1906 гг.

⁴ *Главкомандующий*. – Врангель Петр Николаевич (1878–1928) – генерал-лейтенант. В 1918–1919 гг. командующий Добровольческой армией, в 1920 г. – Вооруженными силами Юга России и Русской армией. В эмиграции с 1920 г. Основал и возглавил Русский общевоинский союз.

⁵ *Врангель* Николай Александрович, барон (1887–1961) – специалист в области мостостроения. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, в 1924 г. переехал в Париж. Профессор Русского высшего технического института в Париже.

⁶ Речь идет о встрече Цветаевой с Пастернаком в дни Международного конгресса писателей в защиту культуры, который проходил в Париже с 21 по 25 июня 1935 г. Пастернак, которому было «приказано» ехать, прибыл на конгресс в подавленном состоянии 24 июня. Их общение происходило в отеле, затем в магазине, где Пастернак хотел купить платье своей жене. В результате Цветаева встретила не своего «заоблачного брата», а несчастного, находящегося в депрессии человека. Она с сыном 28 июня уехала в Фавьер. (Подробно о поездке Пастернака в Париж см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. С. 236–266). 12 августа А.А. Тескова писала А.Л. Бему: «О Пастернаке писала Цветаева давно (с тех пор 3 письма), совсем коротко, и с обещанием написать о встрече подробно, но до сих пор этого обещания не исполнила. У нее было много забот, Мур болел аппендицитом, ему делали операцию, должна была везти к морю и т. д., но в последнем письме

я ее прямо спросила; если узнаю литературные подробности о пребывании Пастернака в Париже, сообщу» (*Архив А.Л. Бема*). Своего обещания, по-видимому, Цветаева так и не выполнила.

К письму приколот засушенный цветок.

99

¹ *Мария Вечёра* — правильно: Мария Вёчера (1871–1889) — румынская баронесса, возлюбленная эрцгерцога Рудольфа фон Габсбурга (1858–1889). Из-за невозможности заключить брак (эрцгерцог был женат) оба покончили самоубийством в охотничьем замке Мейерлинге близ Вены 30 января 1889 г. Фамилию баронессы, превратив ее в «славянку» Вечёру (Вечёру), сознательно изменил В. Хлебников. См. его стихотворение «Мария Вечора» и коммент. к нему в кн.: *Хлебников В.* Творения (М.: Сов. писатель, 1986). Ср. также у М.А. Алданова: «Мария Вечера была немного Наташа Ростова, немного тургеневская Елена...» (Последние новости. 1938. 29 сент.).

К письму приклеен засушенный цветок.

100

¹ Художественная автобиография Х.К. Андерсена.

² *T.S.F.* (Transmission sans fil — передача без проводов — *фр.*) — радиоприемник.

³ *Сметана* Бедржих (1824–1884) — чешский композитор, дирижер, пианист.

⁴ Речь идет о Елизавете Эдуардовне Малер (1882–1970), профессоре славянской филологии в Базельском университете (Швейцария). С 1920 г. жила в Швейцарии. Уезжая в СССР, Цветаева оставила ей часть своего архива.

101

¹ Ср. воспоминания писателя Василия Яновского (1906–1989): «Дочь Аля, милая, запуганная барышня, тогда лет 18, была добра, скромна и по-своему прелестна. То есть — полная противоположность матери. А Марина Ивановна ее держала воистину в черном теле <...> в быту обижала, эксплуатировала дочь, это было заметно

и для постороннего наблюдателя» (Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983. С. 241).

Уже на родине, отбывая срок в исправительно-трудовом лагере, Ариадна Эфрон писала своей тетке, Анастасии Цветаевой, о сложных отношениях с матерью: «...Меня любила иначе, чем сына, и иначе, чем когда я была маленькой. Не любила во мне медлительность, лень, склонность к “дешевому” (журналы, газетному чтению, дружбу с бакалейщиками и дворничихами, смешливость и вообще мой смех). Любила во мне ум, быструю реплику, поэтическое чутье, щедрость, мое рисование и писание. Очень многое во мне просто раздражало ее. <...> Родная мама! Я вижу, с каким молчаливым презрением она оглядывала меня, уныло возвращавшуюся домой с какой-нибудь до глупости невинной прогулки! Но это всегда была любовь, принявшая со временем такие формы. Она всегда любила меня, и это всегда была любовь яростная и героическая, ее любовь, которая была выше и больше тех, кого она любила. Ее любовь, отдавшая все, требовала так же абсолютного служения, без отклонений и компромиссов, без совместительства. А я *тогда* пыталась совместить свою любовь к ней с дружбой с девочками и мальчишками, кино, работой, с “самостоятельностью”. Она, зная себе цену, презирала во мне мелкую разносторонность. Мне тогдашней мать была не под силу. Нужно было самой много выстрадать, чтобы явилась эта огромная сила любви, ей теперь ненужная. На самом деле <...> у меня была только одна любовь — она. Пусть были затмения, отступления, собственная глупость и молодость — ни отца, ни брата, ни мужа я так не любила. И она меня всегда любила» (Нева. СПб. 2003. №4. С. 172–173).

² См. коммент. 8 к письму 53.

³ По-видимому, этот же самый эпизод описан Цветаевой в ее письме от 2 сентября 1935 г. к А. Берг (см. СС-7. С. 488–489) и более подробно позднее изложен в письме А. Эфрон к А. Цветаевой (см.: Нева. 2003. № 4. С. 200–201). В комментариях к последнему говорится, что «молодым собеседником» М. Цветаевой, весьма вероятно, был Евгений Евсеевич Сталинский (1905–1995), горный инженер, сын Е.А. Сталинского (см. коммент. 4 к письму 24). Окончил Горную школу в 1934 г. Был дружен с А. Эфрон.

⁴ «Марина нас грызет, каждого в отдельности. И волей-неволей спасаемся от ее гнева вместе в горы, а то и в море (из письма А. Эфрон. Там же. С. 200).

⁵ Заключительная строфа стихотворения Цветаевой «Родина» («О, неподатливый язык...», 1932). Опубликовано в «Современных записках». 1936. № 61 (СС-2. С. 302).

102

¹ *Унбегаун* Борис Генрихович (1898–1973) – русский ученый-лингвист, филолог-славист, библиограф. Эмигрировал в Югославию. В 1924–1937 гг. жил в Париже. Окончил курс Школы восточных языков и Сорбонну. Заведовал библиотекой Славянского института. *В тине Даля...* – Даль Владимир Иванович (основной псевд. Казак Владимир Луганский; 1801–1872) – русский писатель, лексикограф, этнограф. ...*о нем был отзыв...* – имеется в виду рецензия Николая Карловича Кульмана (1871–1940) на книгу – докторскую диссертацию Б.Г. Унбегауна «La langue russe au XVI siècle (1500–1550). I. La flexion des noms». Paris, 1935 («Русский язык в XVI в. I. Именные флексии») (*фр.*). (Современные записки. 1935. № 58. С. 483–484).

² Унбегаун (урожд. Мансурова) Елена Ивановна (1902–1992).

³ Речь идет о поэме «Певница». Не была завершена. (СС-3. С. 348–352). При жизни поэта было напечатано начало «Певницы» в виде отдельного стихотворения «Дом» («Лопушиный, ромашный...») в «Современных записках». 1936. № 61.

⁴ См. коммент. 4 к письму 100.

⁵ *Юлия (сестра)...* – Рейтлингер Ю.Н., сестра Иоанна. См. коммент. 3 к письму 81. С *С.Н. Булгаковым* встретила в 1917 г., под его влиянием оставалась до конца жизни, впоследствии стала его духовной дочерью. *Жена* – Булгакова (урожд. Токмакова) Елена Ивановна (1868–1945) – церковный деятель. Эмигрировала в 1923 г. Жила в Праге, с 1925 г. – в Париже. Церковный староста Сергиевского подворья. *Сын* – младший сын С.Н. Булгакова, Сергей (род. 1911).

103

¹ Речь идет о новогоднем вечере Парижского Политического Красного Креста, который состоялся в зале на авеню Ош 31 декабря 1935 г. с участием русских артистов. На вечере в благотвори-

рительной лотерее разыгрывались картины русских художников. (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции. III. С. 130*).

² Вечера Союза возвращения на родину организовывались, как правило, редакцией журнала «Наш Союз», органа общественных организаций граждан СССР во Франции. О каком именно вечере пишет Цветаева, установить не удалось, так как объявления о подобных вечерах в разделах хроники русских эмигрантских газет практически не помещались. На вечерах выступали артисты Драматической студии Союза, хор Союза, певцы, танцовщики. Среди артистов, выступавших в любительских спектаклях, и художников, оформлявших залы для вечеров, была Ариадна Эфрон. Известно о двух выступлениях Цветаевой в Союзе возвращения на родину с чтением своих стихов: 16 февраля 1936 г. на концерте союзного хора в помещении Союза и 21 февраля 1937 г. в Театре Раймона Дункана в концертном отделении, посвященном 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина.

³ *Бухарин* Николай Иванович (1888–1938) – революционер, политический деятель, теоретик большевизма. Репрессирован.

⁴ ...старшая сестра из сказки... – Жавотта, одна из сводных сестер Золушки, более злая по отношению к падчерице. Из сказки Ш. Перро «Золушка».

⁵ *Бунина* (урожд. Муромцева) Вера Николаевна. (1881–1961) – писательница, мемуаристка. Жена И.А. Бунина. Окончила естественный факультет Высших женских курсов в Москве, где И.В. Цветаев, отец поэта, читал курс истории искусств. Переписка Цветаевой с В.Н. Буниной началась во Франции весной 1928 г. и продолжалась почти 10 лет. Благодатной почвой для дружбы явились общие воспоминания о доме историка Д.И. Иловайского. Его внучка, Валерия Цветаева, и Вера Николаевна были школьными подругами. См. письма Цветаевой к В.Н. Буниной (СС-7. С. 234–312). Эти письма являются ценным дополнением к автобиографическому очерку Цветаевой «Дом у Старого Пимена».

⁶ *Кузнецова* (в браке Петрова) Галина Николаевна (1900–1976) – писательница, поэтесса. Эмигрировала в 1920 г. в Константинополь, в 1921 г. уехала в Прагу. Училась во Французском институте. В 1924 г. переехала в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов. В 1927–1942 гг. (с перерывами) жила в доме И.А. и

В.Н. Буниных в Париже и Грассе (департамент Приморские Альпы). В декабре 1933 г. ездил вместе с ними в Стокгольм на церемонию вручения Бунину Нобелевской премии.

⁷ Вечер Цветаевой («Вечер новых стихов») состоялся 20 декабря 1935 г. в зале Общества ученых (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции. III. С. 126*).

⁸ Цитата из первой части «Фауста» Гёте.

⁹ *Фаворские* – о ком идет речь, установить не удалось. С определенной степенью вероятности можно предположить, что это описка Цветаевой и речь идет о семье священника Георгия Васильевича *Флоровского* (1893–1979), бывшего участника евразийского движения (1920-е). Эндрю Блейн, биограф Г. Флоровского, в своем очерке «Жизнеописание отца Георгия» писал о переезде Флоровских из Праги в Париж в сентябре 1926 г.: «Как и в Праге, одной из главных забот вновь стала проблема жилья. Поначалу они снимали квартиру в Медоне... В одном доме с ними жила Марина Цветаева – ее квартира находилась прямо под ними» (Г. Флоровский, священнослужитель, богослов, философ. Пер. с англ. – М., 1995. С. 40). Но: «Я с ней так и не познакомился. Я видел ее только в окно или издали на улице. ...ее дочь к нам иногда заходила...» – вспоминал позднее Г. Флоровский (*Там же. С. 185*). *Унбегауны* – см. коммент. 1 и 2 к предыдущему письму. *Замятины* – Замятин Евгений Иванович (1884–1937) – писатель. С 1932 г. в эмиграции. «Мы с ним редко встречались, но всегда хорошо, он тоже, как и я, был: *ни* нашим, *ни* вашим», – писала Цветаева на следующий день после кончины Е.И. Замятина в одном из своих писем (СС-7. С. 298). *Его жена* – Замятина (урожд. Усова) Людмила Николаевна (1883–1965) – врач. После смерти мужа занималась его наследием, готовила к изданию его произведения. Умерла в эмиграции.

¹ Герои романа Л.Н. Толстого «Война и мир». ...дом *Ростовых* – описанный в романе известный дом в Москве на Поварской улице (№ 52). После революции – Дворец Искусств, затем – помещение Союза писателей.

²Эти же стихи Цветаева приводит в главе «Трехпрудный» в очерке «Наталья Гончарова». Под ними приписка: «Этих стихов нигде нет – что знала, то сказала, – и дома нигде нет...» (СС-4. С. 72).

³...*брат Андрей*... – См. коммент. 1 к письму 85.

⁴Комедия В.М. Киршона (1902–1938), советского драматурга.

105

¹ Летом прошлого года Цветаева писала Н. Гайдукевич: «Бесстрашие. Вы бесстрашней – даже меня! Я всегда боюсь *сглазить* моих, когда на них жалуясь, причинить им зло. (Не «жалуюсь», а бесстрастно и бесстрашно – оцениваю)» (*Письма к Н. Гайдукевич*. С. 108).

² См. коммент. 6 к письму 98. Распоряжение Сталина о поездке Б.Л. Пастернака на конгресс было передано его секретарем, Поскребышевым, Пастернаку по телефону.

³ «Члены семьи Цветаевой настаивали на ее возвращении в Россию. Частью в них говорила тоска по родине и симпатии к коммунизму и Советскому Союзу, частью же соображения, что Цветаевой не житье в Париже и она там пропадет в пустоте без отклика читателей.

Цветаева спрашивала, что я думаю по этому поводу. У меня на этот счет не было определенного мнения...» (*Пастернак Б. Люди и положения*. Новый мир. 1967. № 1. С. 233).

⁴ «Последние новости» прекратили печатать Цветаеву после публикации ее «Сказки матери» (15 февраля 1935 г.).

⁵ *Ася* – Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993) – младшая сестра М. Цветаевой, прозаик, поэт, мемуарист. Автор «Воспоминаний» о семье, сестре, современниках. ...*единственный сын*. – Трухачев Андрей Борисович (1912–1993), сын А.И. Цветаевой от первого брака. От второго брака у нее был сын Алексей Минц, который умер в годовалом возрасте (1917).

⁶ Героиня романа С. Унсет «Кристин, дочь Лавранса».

⁷ Литературный вечер, устроенный «Объединением писателей и поэтов» 15 февраля 1936 г. в помещении Общества ученых. Для участия в нем было приглашено более тридцати поэтов, среди них Г. Адамович, И. Бунин, З. Гиппиус, Г. Иванов, Д. Мережковский, И. Одоевцева, В. Ходасевич и др. (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. III. С. 156).

⁸ См. коммент. 2 к письму 103.

¹ *Керенский* Александр Федорович (1881–1970) – политический деятель, глава Временного правительства. Познакомились они 14 или 15 февраля 1924 г. в Праге. «Познакомилась с Керенским – читал у нас два доклада. Вручила ему стихи – свои к нему (17 года) и пастернаковские. Взволновался, дошло», – сообщила Цветаева Гулю 30 марта 1924 г. (СС-6. С. 533). Керенскому посвящено стихотворение Цветаевой «И кто-то, упав на карту...» (1917) (СС-1. С. 350–351). В 1923 г. она послала ему свою книгу «Царь-Девица» с дарственной надписью. В целом же, как считала Цветаева, Керенский ее стихов не понимал. Подробнее см.: *Мнухин Л.* Цветаева и Керенский / Вестник Русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; М. 1994. № 169. С. 147–163.

В 1936 г. А.Ф. Керенский выступил в Париже с докладами, объединенными общей темой «Трагедия царской семьи». Они были прочитаны в зале Социального музея на рю Ласказ. Первый (а всего их было три) – «Революция, царь и монархисты» – состоялся 26 февраля 1936 г., второй «Гибель царской семьи» – 7 марта. 17 марта два первых доклада были объединены в один – «Крушение монархии и гибель царской семьи», при этом было предусмотрено время на вопросы. На первый вечер Цветаева не смогла достать билет. 6 марта, накануне второго выступления Керенского, Цветаева просит помочь ей В.В. Руднева: «Огромная и насущная просьба: мне необходимо попасть на завтрашний доклад Керенского о Царской семье – это моя тема, у меня есть об этом большая вещь – к<отор>ую как раз сейчас привожу в порядок – это не праздное любопытство, а необходимость.

И, конечно – у меня нет билета, п. ч. понадеялась на при входе, а никакого при входе нет и уже всё распродано.

Картина ясная: будет толпа – таких же как я желающих, и я сквозь нее во всяком случае не продерусь, и никакие заявления о том, что я – такая-то – не помогут. В таких случаях – все такие-то, и все пролезают кроме меня... Мне нужен билет, о котором – умоляю» (*Цветаева М., Руднев В.В. Письма.* С. 93–94). Руднев обеспечил Цветаеву билетами на два оставшихся вечера.

² В редактируемой А.Ф. Керенским газете «Дни» Цветаева опубликовала за три с лишним года (с февраля 1923 г.) 32 стихотворения

и значительную часть своей дневниковой прозы. ...*встречались и в домах*... — о их встрече в одном из парижских домов см. воспоминания В.Б. Сосинского («Годы эмиграции». С. 183–186).

³ Панкратов В.С. — начальник караула царской семьи в Тобольске, уполномоченный Временным правительством. Яковлев В.В. — комиссар, направленный ЦИКом вместе с отрядом красноармейцев вывезти царя из Тобольска. Кобылинский Е.С. — полковник Лейб-гвардии Петроградского полка, осуществлявший охрану царской семьи в первые дни ее пребывания в Тобольске. Был предан царю. После приезда Панкратова должен был перейти в его подчинение. (Подробнее об этом см., например, в кн.: Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин: Слово, 1925.)

⁴ Ср. у И. Бабеля в рассказе «Линия и цвет». На слова автора «Купите очки, Александр Федорович...», Керенский ответил: «Полтинник за очки — это единственный полтинник, который я сберегу» (Бабель И. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1990. С. 106).

⁵ А.Ф. Керенский в это время редактировал двухнедельный парижский журнал «Новая Россия» (1936–1940).

⁶ В своем докладе А.Ф. Керенский говорил: «Мы арестовали царя потому, что в этих условиях свобода становилась опасной для него самого». Тобольск был выбран Керенским, потому что там «хороший губернаторский дом, нет рабочих» (Последние новости. 1936. 10 марта).

⁷ М.А. Кузмин оказал влияние на раннюю поэзию Ахматовой, но близким ее другом, вопреки утверждению Цветаевой, никогда не был. На одном из своих сборников, подаренных Кузмину, Ахматова сделала надпись: «Михаилу Алексеевичу, моему чудесному учителю» (Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991. С. 66). В поздние годы А. Ахматова пересмотрела свое отношение к личности и творчеству Кузмина, что отразилось в «Поэме без героя».

⁸ Очерк Цветаевой о М.А. Кузмине «Нездешний вечер». Цветаева в эти дни обратилась к Рудневу с просьбой о публикации очерка: «Оставьте мне, если можете, в следующих С<овременных> З<аписках> лист на прозу — хочу написать о только что умершем в Петербурге поэте Михаиле Кузмине — свою единственную встречу с ним в Петербурге, в войну.

Больше листа не будет, но и меньше – нет: он, *дом где мы встретились, эпоха, его стихи (чтение вслух) – хочу дать островок*» (*Цветаева М., Руднев В.В. Письма. С. 95–96*). Руднев ответил согласием, очерк вскоре был опубликован в журнале (1936. № 61).

107

¹ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «И скучно и грустно» (1840).

² Наиболее дорогие для нее книги Цветаева привезла в 1939 г. в Москву. В 1940 г., ввиду тяжелого материального положения и отсутствия постоянного жилья, она вынуждена была начать продавать свою библиотеку. Список книг, подготовленных ею к продаже, сохранился и находится в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (Ф. 1190, оп. 2). Перечень включает в себя 10 русских книг (Пушкин, Баратынский, Щеголев, К. Павлова, Фет, «Крылатые слова» и др.), 4 немецких («Фауст» Гёте, Ленау, Шамиссо, «Сказки» Андерсена) и 54 французских. Большинство французских книг – это классика XVIII–XIX вв. (Беранже, Бюффон, Виньи, Гюго, Доде, Дюма, Мольер, Мюссе и др.). Полный список французских книг см.: Сб. «Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу: 1920–1940». Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2007. С. 229–230.

³ *Мальро* Андре (1901–1976) – французский писатель и государственный деятель. В 1930-е гг. сотрудничал в литературном отделе газеты «Юманите».

⁴ В последующих сохранившихся письмах к Тесковой Цветаева имя Керенского больше не упоминает. Возможно, под *инцидентом с Керенским* Цветаева имеет в виду их диалог на вечере 9 марта во время перерыва. Об этой встрече Цветаева уже писала 19 марта Тесковой, но, видимо, забыла об этом (см. письмо 106 и коммент. к нему). В том письме Цветаева почти дословно повторила эпизод, описанный ею ранее в письме к В.В. Рудневу (*Цветаева М., Руднев В.В. Письма. С. 95*).

108

¹ Цветаева второй раз ездила в Брюссель (первый в 1929 г.) по приглашению своей знакомой Ольги Николаевны Вольтерс (урожд. Богдановой) (1904–1969) и пробыла там неделю (с 20 по 27 мая

1936 г.) Дважды выступила в доме Вольтерс с чтением своих произведений. Первое письмо Цветаевой из Бельгии, адресованное А.А. Тесковой, по-видимому, не сохранилось.

² Очерк «Отец и его музей». Цикл, состоящий из нескольких новелл, был написан по-французски. При жизни Цветаевой не публиковался (СС-5). ...*музей*... – Музей изящных искусств имени Александра III в Москве, ныне Музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. И.В. Цветаев был инициатором его создания.

³ *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867–1942) – поэт, переводчик. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже и его предместьях. С Бальмонтом Цветаева подружилась в молодости в Москве. Теплые, сердечные отношения сохранились между поэтами и в эмиграции. *Слово о Бальмонте* было написано и ранее прочитано на посвященном поэту благотворительном вечере, состоявшемся в Париже 24 апреля 1936 г. Вечер, хотя и с опозданием, был приурочен к пятидесятилетию его творчества (декабрь 1935 г.). Главной целью вечера был призыв о срочной помощи больному поэту. При жизни Цветаевой «Слово о Бальмонте» было опубликовано лишь в переводе на сербохорватский язык (Белград. Руски архив. 1936. № 38/39) (СС-4. С. 271–280).

⁴ См. письмо 106 и коммент. 8 к нему.

⁵ Вольтерс О.Н.

⁶ *Шварцвальд* – горная местность на юго-западе Германии. В 1904–1905 гг. юные Марина и сестра Ася учились здесь в пансионе во Фрейбурге. (С 1902 г., когда мать Цветаевой заболела чахоткой, семья подолгу находилась за границей.)

109

Письмо написано на трех открытках с видами небольшого города Moret-sur-Loing.

¹ В письме к А. Бему от 4 августа 1936 г. Тескова сетовала по поводу выбранного Цветаевой места отдыха: «Цветаева на лето поселилась в маленьком городке – Moret, не понимаю, почему: ни лесу, ни моря; старинные дома ведь не дадут освежения уставшему организму. – Опять все сочувствуем» (*Архив А.Л. Бема*).

² *Такой, каким его послал римскому сенату Публий Лентул*. – Цветаева говорит об увиденной иконе, которая вызвала у нее непо-средственные ассоциации с письмом-портретом, посланным

Лентулом Цезарю, в котором дан живой и яркий портрет Иисуса. «Я слышал, о Цезарь, что ты хотел бы знать о добродетельном муже, который наречен Иисусом Христом и на которого народ взирает как на пророка, как на Бога <...> Он среднего роста, на взгляд – Он добрый и благородный, что выражается и в его лице <...> Его волосы до ушей имеют цвет готовых орехов и оттуда до плеч светящийся светло-коричневый цвет; посередине головы пробор обычаю назареев. Лоб гладкий, лицо без морщин и чистое. Его борода цвета волос, вьющаяся и так как не длинная, то в середине разделена. Взгляд строгий и имеет силу солнечного луча <...> Его руки красивы и одухотворены и выразительны. Всю Его речь считают приятной и привлекательной. <...> Его выдержка, осанка очень благородна, Он красив. При этом Его мать самая красивая женщина, какую когда либо видели в этом округе <...>» и т. д. (Твоя библия. Христианский форум: <http://bible.maranatha.org.ua/forum/ftopic>). *Публий Лентул* – управляющий Иудеей (до Понтия Пилата).

³*Лука Евангелист* – один из учеников Христа, писатель третьего Евангелия и Деяний Апостольских. По преданию, занимался иконописью, и ему приписывается начертание икон Иисуса Христа и Божьей Матери. Одна икона Богородицы, приписываемая св. Луке, долгое время находилась в Успенском соборе в Кремле. В настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее. Видимо, ее имеет в виду Цветаева. Другая икона Божьей Матери, им написанная и называемая «Милостивая», находится в монастыре Пресвятой Богородицы Киккской на о. Кипр.

⁴В феврале 1937 г. исполнялось сто лет со дня смерти великого поэта. В преддверье юбилейной даты Цветаева начала работу над переводами на французский стихотворений Пушкина. Первые из ее переводов предназначались для пушкинского сборника, который должен был выйти к юбилею под редакцией З.А. Шаховской. Кроме того, Цветаева предполагала напечатать часть переводов в бельгийском «Журналь де поэт» и составить для французского издательства сборник своих любимых стихотворений. Всего было переведено более двадцати стихотворений. Однако, несмотря на все старания Цветаевой, ничего из переводов Пушкина в этих изданиях ей опубликовать не удалось. При ее жизни один перевод («Бесы») был напечатан в однодневной газете «Пушкин 1837–1937», изданной ко «Дню русской культуры» и еще два (Песня Председателя из «Пира во время чумы» и «Няне») в доминиканском журнале «La Vie

Intellectuelle» (Paris, 1937. Vol. XLVIII. № 2. С. 316–318). Последнюю публикацию Цветаевой устроил профессор православного богословского института Владимир Васильевич Вейдле (1895–1979). См. его воспоминания в кн.: *«Годы эмиграции»*. С. 266.

Подробнее см.: *Клюкин Ю.* Пушкин по-французски в переводе Марины Цветаевой. (К истории создания). – В сб.: *Цветаева М.* Статьи и тексты. – Wien. Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 32. 1992. С. 63–84.

⁵ Стихотворение М. Цветаевой «Прокрасться» («А может, лучшая победа...») в переводе на чешский Яна Ржихи было напечатано в газете «*Národní listy*» (1936. № 177. 28 июня) и в антологии «*Vybor z ruské lyriky*», Hradec Králove (1936. С. 192). В уже упомянутом письме Тесковой к А. Бему есть строки: «...напечатали перевод стихотворения “Прокрасться” Цветаевой. Вы ли <были> инспирированы?»

110

¹ *Штейгер* Анатолий Сергеевич, барон (1907–1944) – поэт. Из старинного швейцарского рода, одна из ветвей которого обосновалась в России в начале XIX в. В 1920 г. семья Штейгеров эмигрировала в Константинополь, оттуда в Чехословакию. В начале 1930-х гг. Штейгеры переехали в Швейцарию. Поводом для переписки стал сборник стихов «Неблагодарность», посланный Цветаевой тяжело больным туберкулезом поэтом летом 1936 г. Переписка со Штейгером – один из последних эпистолярных романов Цветаевой (см.: *СС-7*. С. 565–625). К нему же обращен цикл стихов «Стихи к сироте» (1936), опубликован в «Современных записках». 1938. № 66 (*СС-2*. С. 337–341).

² Цветаева и А. Бем, действительно, по-разному оценивали творчество брата и сестры. А. Бем критически относился к поэзии А. Штейгера. «Очень “прост” в своей поэзии А. Штейгер. Но прост не “простотой”, а тем, что за этой простотой ничего нет. Это голая форма простоты и пустоты», – писал в 1934 г. критик (*Бем А.* Письма о литературе. С. 179). Зато иная картина была в его отношении к стихам А. Головиной. В своем вступительном слове на вечере Аллы Головиной в Праге осенью 1933 г. Бем охарактеризовал ее как «настоящего поэта во всей полноценности этого слова» (*Там же*. С. 150).

³ ...немецкую книгу – «Die Frau» С. Унсет. См. письмо 77.

⁴ Накануне отправки письма к Тесковой Цветаева получила от Штейгера письмо, где он, по-видимому, обмолвился о предстоящей встрече в Париже с Адамовичем. Ответ Цветаевой был категоричен: «Там, где нужен Адамович – не нужна я, упразднена я, возможен Адамович – не возможна я...» (СС-7. С. 620). Сохранилась дневниковая запись А. Штейгера (от 1 января 1937 г.), дополняющая уже известную историю взаимоотношений Цветаевой и Штейгера и разрыва между ними, которую составитель приводит с некоторыми сокращениями и которую следует рассматривать с учетом содержания сентябрьских писем Цветаевой Штейгеру (СС-7): «Вчера пришло письмо от Марины Цветаевой, в котором она сообщает, что не хочет перетаскивать в новый год того, что было в старом, и поэтому говорит мне “все”. Что она говорит... Между прочим, теперь я уверен (раньше у меня этой уверенности не было), что то ужасное ее письмо от 15 сентября было продиктовано ненавистью к Адамовичу или даже ревностью. Как она может думать, что наши отношения после этого письма могли оставаться прежними...

Написал ей следующее, очень искренно (правда, я мечтал о ее дружбе и от этой дружбы ожидал почти чуда): “Марина, Вы спрашиваете, что случилось между моими зовами к Вам и последующим “молчанием, отписками, оттяжками, изъявлениями благодарности”? Вы не знаете, что случилось? “Случилось” Ваше письмо от 15 сентября, которое меня убило своей незаслуженностью и неожиданностью – так черепица падает с крыши на ничего не ожидающего прохожего, – своим ледяным тоном, своим пренебрежением, почти брезгливостью, своей безжалостностью – Вы, ведь, знали, что помимо самой настоящей невыдуманной болезни, я был как и всегда почти без сил от привычного отчаяния перед жизнью и вообще всем, – Вы все это знали и все же Вы это письмо мне написали и мне отослали...

Я был всегда с Вами честен до конца и еще в моем первом письме сделал все, чтобы себя не приукрасить. Вы знали, что я такое (или должны были знать), пока случайная моя фраза о том, что я сижу на Монпарнасе и люблю говорить с Адамовичем (но, ведь, это было и в первом письме) – Вас не поразила (в первом моем письме Вы об этом наверное просто не захотели читать, этого не заметили), – не поразила Вас настолько, что Вы изменили ко мне все Ваше

отношение и, вместо слов и тона, к которым я привык и которых я ждал, – я услышал чужой пренебрежительно-ледяной голос о том, что Вы “не распластываетесь перед духовной немощью”, что Вы “холоднее звезды” говорите “нет”, – что “ноги сами выносят Вас из всякого ложного положения...”

У меня руки опустились. Я не спорю, ни о чем не спорю, – конечно ничтожество – ничтожно, конечно Монпарнас не Бог вещь какое достойное место (только Адамовича не отдам, он говорит замечательные вещи), – да и фраза моя о Монпарнасе и Адамовиче вероятно была неловкая, – но меня просто оглушило то, что Вы, после всех Ваших слов высокого человеческого внимания, высокой любви, высокой дружбы, – вдруг нашли возможность со мной говорить *таким* тоном и таким ужасным голосом...

И я сразу сделал вывод, – значит, никогда *меня* не любила, значит, не я, такой как я есть, нужен (о Монпарнасе можно было написать, что он ничтожен, но если бы это писалось человеку, которого любишь, – то слова бы пришли совсем иные, и тон иной, – более даже убеждающие в ничтожестве Монпарнаса и могущие действеннее помочь из “Монпарнаса” выбраться), – значит любила не меня, а кого-то воображенного, на меня не похожего, – если даже руку не смогла остановить самая обыкновенная жалость и пощады не было уже до конца...

На наши отношения я смотрел как на чудо и я верил Вам... Я думал, что Вы мне поможете жить, снова жить научите, заразите своей жизнью. Вместо этого Вы вдруг резко выдернули руку...» (*Архив А. Головиной*).

⁵ Первое из шести стихотворений цикла «Стихи сироте», обращенного к А.С. Штейгеру. Цветаева приводит его с вариантом первой строки. В окончательном тексте: «Ледяная тиара гор – ...» (СС-2. С. 337).

111

¹ Мать А.А. Тесковой скончалась 20 сентября 1936 г. Цветаева получила от А. Тесковой траурное извещение: «Всем, кто в последний раз видел нашу дорогую мамочку, от нас в эти минуты наша глубокая благодарность. Анна и Августа Тесковы. В Праге-Жижкове 26 сентября 1936» (*пер. с чешск.*).

² Три последние строфы стихотворения А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»: «...И где мне смерть пошлет судьбина? //

В бою ли, в странствии, в волнах? // Или соседняя долина // Мой примет охладельный прах? // И хоть бесчувственному телу // Равно повсюду истлевать, // Но ближе к милому пределу // Мне все б хотелось почивать. // И пусть у гробового входа // Младая будет жизнь играть, // И равнодушная природа // Красною вечною сиять» (1829).

³ Сестра А.А. Тесковой. См. коммент. 6 к письму 12.

113

¹ Речь идет о состоявшемся в августе 1936 г. открытом процессе Зиновьева и Каменева. Среди многочисленных обращений и резолюций собраний «трудящихся» с требованием высшей меры наказания, заполнивших страницы газет, в «Правде» от 21 августа было опубликовано групповое письмо литераторов под заглавием «Стереть с лица земли!» Пастернак вынужден был поставить под ним свою подпись. (Подробнее см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак в тридцатые годы. Jerusalem, 1984. С. 366–370).

² Приложенная к письму «Элегия» Рильке, обращенная к Цветаевой, была написана им 8 июня 1926 г., в разгар переписки между ними. Стихотворение примыкает к известному сборнику Рильке «Дуинские элегии». (Подробнее см.: «*Небесная арка*». С. 277–278).

³ Цветаева неточна. 10 августа 1926 г. Рильке пишет стихотворение «Ни разума, ни чувственного жара...», обращенное к поэту Карлу Ланцкоронскому. Запись последнего стихотворения Рильке («Ты – цель последняя моих признаний...») относится к середине декабря 1926 г., то есть сделана за две недели до смерти.

⁴ Рильке умер 29 декабря 1926 г.

⁵ Цветаева, переписав «Элегию» для А. Тесковой, предваряет ее строками из письма Рильке к ней.

«Элегия» приведена в переводе Виктора Франка. (Впервые опубликована в «Вестнике русского студенческого христианского движения». Париж; Нью-Йорк. 1972. № 106. С. 243–244). Непосредственным поводом для включения в книгу этого перевода вместо прежних послужило письмо переводчика, адресованное 1 декабря 1969 г. В.В. Морковину. «Милый Вадим! Не знаю, вспомните ли Вы меня: мы с Вами встречались в допотопные времена, в 1930–1931 гг. в Вашей Праге. Я с радостью сначала узнал о Вашем литера-

туроведческом труде, а затем сам весьма внимательно ознакомился с ним. Вы оказали огромную услугу цветаевоведению, и отныне о Цветаевой нельзя будет писать, не привлекая в качестве одного из главных источников Вашего труда.

Очень надеюсь, что Вам удастся выпустить второе издание «Писем» – надеюсь отчасти из-за того, что в первом издании есть целый ряд погрешностей в области немецкого языка... В частности, текст стихотворения Рильке и напечатан с опечатками, и переведен с ошибками... Я позволил себе сделать новый перевод рильковского стихотворения – далеко не совершенный (я – не поэт!), но все же более близкий к подлиннику, чем тот, который Вы печатаете в примечании» (*Архив В.В. Морковина*). Виктор Семеновича Франк (1909–1972) – радиожурналист, литературовед, эссеист, переводчик. Сын философа С.Л. Франка. Автор статей о Пастернаке, Ахматовой, Солженицыне, о России, русской культуре и др. Его перу принадлежит перевод романа Дж. Джойса «Портрет художника в юности». Более пятнадцати лет он работал на радио «Свобода», был его руководящим сотрудником. Помещая его перевод «Элегии» Рильке в настоящее издание, составитель хотел не только выполнить пожелание В.С. Франка, но и отдать дань памяти этому замечательному человеку.

114

¹ Немецкий писатель А. Шамиссо, француз по происхождению, долгое время был в Германии чужаком. Лишь в 1828 г., в возрасте сорока семи лет, после второго издания «Необыкновенной истории Петера Шлемиля» (в книгу вошли также двадцать лучших его стихов) Шамиссо получает всеобщее признание.

² Проза «Мой Пушкин» была опубликована в журнале «Современные записки». 1937. № 64 (СС-5). В начале октября 1936 г. Цветаева получила восторженное письмо о своей ранее напечатанной прозе от писателя и литературного критика Петра Петровича Балакшина (1898–1990). В 1936 г. он состоял редактором журнала «Земля Колумба» (Сан-Франциско). На такое письмо Цветаева, по ее словам, «не могла не отозваться» (СС-7. С. 636). «Мне, например, страшно хочется написать о Пушкине, – сообщала она в ответном письме, – Мой Пушкин – дошкольный, хрестоматический, тайком читанный, а дальше – юношеский – и т. д. – мой Пушкин – через

всю жизнь – Вы же знаете, как я пишу – но поймите: буду работать по крайней мере месяц, поёт – Я, работаю: всем существом, ни на что не глядя, а если и глядя – не видя – а могут не взять (как не взяли *моего* Блока), а у меня же столько невзятых рукописей. Просто – руки опускаются.

Если бы Вы, например, посоветовали С<овременным> З<апискам> – в виде пожелания (да еще на бланке, да еще на машинке!) – “...Хорошо бы если бы Ц<ветае>ва написала о Пушкине”. На них такие вещи (со стороны – да еще из другой страны – не говоря уже о другом материале) производят неотразимое впечатление...» (СС-7. С. 637). Балакшин незамедлительно направил в «Современные записки» письмо с отзывом. Повлияло ли это на решение редакции журнала, неизвестно, но «Мой Пушкин» Цветаевой в журнале был опубликован.

³ Вечер, о котором упоминает Цветаева, состоялся 2 марта 1937 г. в зале Социального музея (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. III. С. 293). «...в общем, вечер прошел отлично, чистых, пока, около 700 фр<ранков> и еще за несколько билетов набегит. Я уже уплатила за два Муриных школьных месяца, и с большой гордостью кормлю своих на вечеровые деньги, и домашними средствами начала обшивать себя и Мура <...> Получаю множество восторженных, но и странных писем, в одном из них есть ссылка на Ивана Алексеевича — непременно покажу при встрече <...> (Никто не понял, почему Мой Пушкин, все, даже самые сочувствующие, поняли как присвоение, а я хотела только: у всякого – свой, это – мой. Т. е. в полной скромности...)» – писала Цветаева после вечера В.Н. Буниной (СС-7. С. 298).

⁴ Речь идет о записке Р.М. Рильке для Б.Л. Пастернака от 3 мая 1926 г., которую Пастернак получил через Цветаеву. В ней Рильке сообщал, что отправил Цветаевой две свои книги («Элегии» и «Сонеты к Орфею») и что они «уже в руках *поэтессы!*» А.А. Тескова могла прочесть его в том же письме Рильке (R.-M. Rilke. Briefe aus Muzot 1921 bis 1926. Leipzig, 1935. С. 355).

⁵ А. Эфрон шел 25-й год.

¹ Героиня романа С. Унсет «Кристина, дочь Лавранса».

² «Стихи к Пушкину» были напечатаны в 1937 г. в журнале «Современные записки»: № 63 («Бич жандармов, бог студентов...»)

и «Петр и Пушкин») и № 64 («Станок» и «Преодоление...»). Цитируемое в письме стихотворение опубликовано не было (СС-2. С. 289).

³⁵ Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) – литературовед, историк. Его труд «Дуэль и смерть Пушкина» выдержал, начиная с 1916 г., несколько изданий. Несмотря на *негодование*, книгу Щеголева Цветаева сохранила и привезла с собой при возвращении на родину в 1939 г. (Сб. «Русские писатели в Париже: взгляд на французскую литературу: 1920–1940». Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2007. С. 226).

⁴ См. коммент. 3 к предыдущему письму.

⁵ Цветаева, скорее всего, писала данное письмо 27 января, так как *вчера ... в Сорбонне* французское чествование проходило 26 января (*Хроника жизни русской эмиграции во Франции*. III. С. 275). В этот день в большом амфитеатре Сорбонны состоялось посвященное памяти А.С. Пушкина торжественное собрание, организованное особым французским комитетом. Вот что писала газета «Возрождение» от 30 января о собрании: «...официальное признание силы и величия гениального русского поэта во Франции, само по себе явление значительное и отрадное. Вероятно, никогда в этом огромном амфитеатре не звучали слова, подобные тем, которые были сказаны 26 января; и если бы не было тенденции навязать творчеству и духовному облику поэта некие политические устремления, совершенно ему чуждые, если бы можно было забыть параллели, проводимые между ним и бездарными советскими писателями, очевидно по ошибке называемыми его литературными наследниками, – это собрание и впрямь могло бы быть крупным событием в истории двух народов в процессе их взаимного изучения... Вход на чествование по личным приглашениям. У дверей строгий контроль, осуществляемый при помощи внушительного наряда полицейских. К десяти часам большой амфитеатр Сорбонны переполнен. Собралось свыше трех тысяч человек. Кто они? – Большинство молодежи, вероятно, обитатели латинского квартала, много русских, не посещающих эмигрантских собраний... Выступления докладчиков перемежались с музыкальным исполнением произведений русских композиторов на пушкинские темы.» На вечере присутствовали министр народного просвещения Ж.Зей, писатели Поль Валери, Поль Клодель, Андре Моруа, проф. Ж. Легра, А. Лирондель и А. Мазон, председатель палаты Эдуард Эррио и др.

⁶ *Мазон* Андре (1881–1967) – французский филолог-славист, историк русской литературы. Начал научно-педагогическую деятельность в России. В 1928 г. был избран иностранным членом-корреспондентом Академии наук СССР.

⁷ *Профессор*. – Возможно, это Лирондель Андре (1879 – не ранее 1950), преподаватель русского языка и литературы, сотрудничал с А. Мазоном в деятельности Института славяноведения в Париже, переводчик стихотворений А.С. Пушкина.

⁸ *Трианон* – название двух королевских дворцов в Версальском парке, недалеко от Парижа. Малый Трианон был построен Людовиком XV. Сад дворца был известен строениями, предназначенными для забав королевского двора.

⁹ В Фонтенбло 22 июня 1815 г. Наполеон подписал отречение от престола.

116

¹ Имеется в виду отъезд А. Эфрон в СССР. Письмо Цветаевой от 10 марта 1937 г. о надвигающемся отъезде дочери (уехала из Парижа 15 марта), по-видимому, не сохранилось. Отвечая на майское письмо Цветаевой, Тескова писала: «Ваше последнее письмо (перед этим) с 10.III. А про отъезд Али слыхала уже от... Если не хотите, чтобы Прага узнала о Вас что-либо, совет (дружеский): будьте осторожны перед переписывающимися с Прагой! От меня не бойтесь...». Предостережение Тесковой вызвано, скорее всего, просоветской деятельностью С.Я. Эфрона («Где мой дом?». С. 35, 109).

² *М.Н. Лебедева*. – См. коммент. 1 к письму 55. Ср. слова в записной книжке от 17 июня 1939 г. на пароходе по пути в СССР. «Все время думаю о М<аргарите> Н<иколаевне>, только о ней, как хотелось бы ее – сюда, ее покой и доброжелательство и все-понимание. Еду совершенно одна. Со своей душою» (*Записные книжки*. II. С. 447).

³ *Ирина Лебедева*. – См. коммент. 1 к письму 55.

⁴ *Эфрон* Елизавета Яковлевна (1885–1976) – сестра С.Я. Эфрона, педагог, режиссер.

⁵ *Цветаева А.И.* См. коммент. 5 к письму 106.

⁶ А.С. Эфрон приехала в Москву 18 марта 1937 г. Почти сразу по приезде она получила работу переводчика в ежемесячном журнале «*Revue de Moscou*». Сначала работала по договорам и брала работу на дом, затем была зачислена в штат редакции.

⁷ Речь идет о книге: Schmid (Chanoine). *Contes*. 1843 (пер. с нем., первое издание, с гравюрами Гаварни). Шмид (Шмидт) Йохан Христоф (1798–1854) – немецкий католический писатель, доктор богословия, автор более 20 книг для детей. «...мы с Алей ежедневно читаем le chanoine Schmidt – чудовище добродетели – 190 сказок, негодяй, написал. Я заметно глупею», – так об этой книге в 1924 г. писала Цветаева О.Е. Колбасиной-Черновой (СС-б. С. 690).

⁸ См. письмо 110 и коммент. к нему.

⁹ В 1937 г. в Париже открылась Всемирная выставка.

117

Письмо написано на трех видовых открытках: советский и немецкий павильоны на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.; букинист на набережной Сены.

¹ Из «Элегии» Гёте, получившей название «Мариенбадской». Написана в 1823 г. в Мариенбаде, как отклик 75-летнего поэта на свою любовь к 19-летней Ульрике фон Левецов. В машинописной копии В.В. Морковина цитата приведена с ошибками, которые нами устранены по оригинальному тексту Гёте.

² Из той же «Элегии». В вольном переводе В. Левика эта строка вместе с ее продолжением: «– *Ins Herz, zurück! Dort wisst du's besser finden, // Dort regt sie sich in wechselnden Gestalten*» выглядит следующим образом: «Она верней в твоём воображенье – // Подобна той, но каждый миг другая».

³ У входа в советский павильон на Всемирной выставке в Париже была установлена скульптурная группа В.И. Мухиной (1889–1953) «Рабочий и колхозница» (1937). Напротив советского павильона располагался павильон Германии.

⁴ А это – мой павильон. (И фон и передний план... – Цветаева имеет в виду изображение на присланной ею открытке. На набережной Сены сидит букинист у книжной лавки. На заднем плане – вид на собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам).

⁵ См. коммент. 6 к письму 116.

⁶ *Русские Записки* – общественно-политический и литературный журнал. Париж; Шанхай, затем Париж, 1937–1939 / Под ред. (с № 4) П.Н. Милюкова. Эссе Цветаевой «Пушкин и Пугачев» было опубликовано в 1937 г., № 2 (СС-5).

118

¹ См. также письмо 89 и коммент. 2 к нему.

² *Jenny* – название раннего романа С. Унсет (1911).

³ Родовая усадьба Лагерлёф *Marbacka* (Морбакка) – одно из самых ярких воспоминаний детства писательницы. С. Лагерлёф описала ее в своих произведениях «Морбакка» (1922), «Мемуары ребенка» (1930), «Дневник» (1932) и др.

⁴ «Повесть о Сонечке» была посвящена актрисе Софье Евгеньевне Голлидэй (1894–1934). Цветаева была дружна с ней в 1918–1919 гг. Для нее она тогда же написала роли в своих пьесах «Фортуна», «Приключение», «Каменный ангел», «Феникс». Кроме того, Цветаева посвятила ей цикл стихотворений (*СС-1*). Первая часть повести была опубликована при содействии И.И. Фондаминского в журнале «Русские записки». 1938. № 3 (*СС-4*).

⁵ Начало стихотворения В. Гюго без названия из сборника «*Les contemplations*» («Созерцания») (1856).

⁶ Письмо написано на пяти страницах трех листов. На последней чистой странице рисунок Мура: изображен потрепанный человек с чемоданом, сзади – жандарм. Надпись: «Сердечный привет – Мур».

119

¹ Город-порт в Испании, расположенный на берегу Бискайского залива.

² *Масарик* Томаш (1850–1937) – президент Чехословакии в 1918–1935 гг. С 1882 г. был профессором философии Пражского университета.

³ *Buck Pearl* (Бак Перл, псевд.– И. Седж; 1892–1973) – американская писательница, публицистка. Лауреат Нобелевской премии 1938 г. Сюжеты своих произведений черпала исключительно из китайской жизни.

120

¹ К машинописной копии этого письма В.В. Морковин дает примечание: «Пока не публикуется». В книге 1969 г. письмо было целиком опущено: В.В. Морковин указал лишь дату его написания и количество строк в письме (64). В последующем издании (1981)

его комментатор И.В. Кудрова высказала предположение, которое оказалось совершенно верным: содержание данного письма было непосредственно связано с событиями, разыгравшимися незадолго перед тем в Париже и за его пределами. В начале сентября в Швейцарии был убит видный советский резидент Игнатий Рейсс, а 22-го того же месяца русский Париж был потрясен известием о похищении генерала Е.К. Миллера, председателя Русского общевоинского союза. Следы преступлений привели французскую службу безопасности, Сюрте насиональ, в Союз возвращения на родину, имеющий непосредственное отношение к работе советских спецслужб во Франции. У деятелей этого Союза были проведены обыски. В квартире Цветаевой также был произведен обыск. Заподозренный в причастности к преступлениям, С.Я. Эфрон исчез из Парижа. Эмигрантские газеты широко освещали события тех дней. В своем письме Цветаева просит А. Тескову не верить прессе и слухам

² Первый допрос Цветаевой в полиции состоялся 22 октября 1937 г. (в ноябре она вторично была приглашена в полицию для дачи показаний). Через два дня в «Последних новостях» был напечатан материал под названием «Исчезновение ген. Е.К. Миллера» с подзаголовком «Бегство С.Я. Эфрона». В заметке говорилось, что после исчезновения генерала Е.К. Миллера и обыска в помещении Союза друзей советской родины в Париже распространились слухи о бегстве из страны С.Я. Эфрона и якобы не одного, а «с женой, известной писательницей и поэтессой М.И. Цветаевой». Чтобы проверить эти слухи, сотрудник «Последних новостей» 23 октября поехал в Ванв, где жили С.Я. Эфрон и М.И. Цветаева. В своем репортаже о посещении М.И. Цветаевой, которая по-прежнему пребывала в Ванве и никуда не уезжала, корреспондент приводит ее ответ на вопрос «Где С.Я. Эфрон?»:

«Дней двенадцать тому назад, – сообщила нам М.И. Цветаева, – муж мой, экстренно собравшись, покинул нашу квартиру в Ванве, сказав мне, что уезжает в Испанию. С тех пор никаких известий о нем я не имею. Его советские симпатии известны мне, конечно, так же хорошо, как и всем, кто с мужем встречался. Его близкое участие во всем, что касалось испанских дел (как известно, “Союз возвращения на родину” отправил в Испанию немало количество русских добровольцев), мне также было известно. Занимался ли он еще какой-нибудь политической деятельностью, и какой именно, – не знаю.

22 октября, около семи часов утра, ко мне явились четыре инспектора полиции и произвели продолжительный обыск, захватив в комнате мужа его бумаги и личную переписку.

Затем я была приглашена в Сюрте националь, где в течение многих часов меня допрашивали. Ничего нового о муже я сообщить не могла» (Последние новости. 1937. 24 окт. С. 1–2). Протоколы допросов Цветаевой см. в прилож. к наст. изд.

³ Спустя четыре дня после первого допроса Цветаева написала А. Берг: «Сейчас больше писать не могу потому что совершенно разбита событиями, которые тоже *беда*, а не *вина*. Скажу Вам, как сказала на допросе – *C'est le plus loyal, le plus noble et le plus humain des hommes. – Mais sa bonne foi a pu être abusée. – La mienne en lui – jamais*»*. Слова Цветаевой, сообщенные ею А. Берг и А. Тесковой, в протоколе отсутствуют (возможно, они просто не были туда занесены).

⁴ *Сувчинский* – См. коммент. 2 к письму 30.

В ответ на просьбу корреспондента газеты рассказать о С.Я. Эфроне П.П. Сувчинский заявил, «что с августа 1929 года, когда вышел последний номер газеты “Евразия”, он утратил всякую связь с Эфроном <...> тогда вышел из евразийского движения и с тех пор евразийцев ни правых, ни левых, а равно и возвращенцев не видал, более того – избегал с ними встречаться. Вышел он из евразийского движения, разочаровавшись в его возможностях, и ныне никакой решительно политической деятельностью не занимается <...> Эфрон был всегда близок к кн. Святополк-Мирскому, как известно, перешедшему к большевикам <...> П.П. Сувчинский невысокого мнения о талантах Эфрона. Такого же мнения придерживаются и некоторые другие лица, знавшие Эфрона по евразийскому движению. Евразийцы будто бы называя Эфрона “верблюдом”, смеялись над тем, что в нем сочетается глупость с патетизмом». Можно представить себе состояние Цветаевой, если даже одни заголовки заметок на газетной полосе могли вызвать у нее поток негодования («Эволюция Эфрона», «Верблюд», «Его идеология», «Злобный заморыш», «Семейные дела» и т. п.) (Возрождение. 1937. 29 окт. С. 3).

* Он самый честный, самый благородный, самый человеческий человек. Но его доверие могло быть обмануто. – Мое к нему — никогда (*фр.*).

⁵ «Бесы» – роман Ф.М. Достоевского (1871–1872). *Kafka – Kafka* Франц (1883–1924) – австрийский писатель. *Der Prozess* («Процесс», 1915–1918) – его незаконченный роман. Герой романа, Иозеф К., уполномоченный крупного банка, попадает под следствие, которое ведет некий неофициальный суд. Поначалу герой думает, что если делать вид, будто ничего не случилось, то все само собой образуется. Когда же он, будучи несогласным с несправедливым решением суда, начинает сопротивляться, его убивают. Цветаева не могла не провести аналогию между ситуацией, в которую попал герой романа, и событиями, связанными с С.Я. Эфроном. Ср. у Кафки: «Кто-то, по-видимому, оклеветал Иозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» (*Кафка Ф.* Америка. Процесс. Из дневников. М.: Политиздат, 1991. С. 243). В подтверждение сказанного см. в ее письме Вадиму Андрееву от 4 декабря 1937 г.: «Если можете – достаньте где-нибудь *Le Procès – Kafka* (недавно умершего изумительного чешского писателя) – это я – в те дни. А книга эта была последняя, которую я читала до. Читала ее на Океане – под блеск, и шум, и говор волн – но волны прошли, а процесс остался. *И даже сбылся*» (Последний курсив сост. – Л.М.) (СС-7. С. 648, 650). Андреев Вадим Леонидович (1903–1976) – поэт, прозаик, сын писателя Л.Н. Андреева (от первого брака). В 1921 г. эмигрировал, с 1924 г. жил в Париже. Автор воспоминаний о Цветаевой («Годы эмиграции». С. 171–177).

⁶ *Фондаминский* (Бунаков-Фондаминский) Илья Исидорович (1880–1942) – общественно-политический деятель, историк, издатель, редактор. В эмиграции жил в Париже (с 1919 г.). Соредатор журнала «Современные записки» (1920–1940). В 1937–1939 гг. участвовал в издании журнала «Русские записки». Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

⁷ Речь идет о автобиографической книге святой Терезы маленькой: Тереза Лизьеская (Мари Франсуаза Тереза Мартен; 1873–1897; канонизирована в 1925 г.), французская монахиня-кармелитка. В ноябре в одном из своих писем Цветаева писала, что книга св. Терезы была первой книгой, которую она стала читать после «катастрофы». (СС-7. С. 511).

⁸ *Кассандра та...* – Дочь царя Приама, получившая от Аполлона пророческий дар. Аполлон, отвергнутый Кассандрой, сделал так, что ее прорицаниям перестали верить (*миф. греч.*) *Леонардовская Кассандра...* (эта!) – Речь идет, по-видимому, о составленном

Леонардо да Винчи сводом научных пророчеств и предвидений. (Множественно переиздавались в томах «Избранного» и отдельными выпусками. Одно из последних: *Леонардо да Винчи*. Пророчества и предвидения. М.: Современный литератор, 2006.) «...читала шестнадцати лет...» – Ср. появление вместе имен Леонардо и Кассандры в четвертой книге Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» («летающая Кассандра» и «механик Леонардо») и реплику Цветаевой: «Я Мережковского знаю и люблю с 16 лет...» (СС-6. С. 550).

⁹ *Одна... приятельница... – Берг* (урожд. Вольтерс) Ариадна Эмильевна (1899–1979) – дочь бельгийского инженера, приехавшего в Россию строить первые трамваи, по матери русская. Родилась и училась в России, после революции жила за границей, сначала во Франции, затем в Бельгии. Знакомство Цветаевой с А. Берг состоялось в конце 1934 г. и вскоре переросло в настоящую дружбу, продолжавшуюся вплоть до отъезда Цветаевой на родину. В один и тот же день Цветаева сообщает Тесковой, что получила в подарок азалию, и пишет письмо благодарности А. Берг: «Откуда Вы знаете, что я больше всех цветов на свете люблю деревья: цветущее дёревце?! Когда мне было шестнадцать лет, я видела сон: меня безумно, с небесной страстью, полюбила маленькая девочка, которую звали Маруся. Я знала, что она должна умереть и я ее от смерти прятала – в себя, в свою любовь. Однажды (все тот же сон: не дольше трех минут!) я над ней сидела – была ночь – она спала, она спала, я ее сторожила – и вдруг – легкий стук – открываю – на пороге – *цветок в плаще*, огромный: цветущее деревце в плаще, в человеческий (нечеловеческий!) рост. Я – подалась и он – вошел.

Потом это видение отобразилось в моем Мблodge, где сама Маруся становится дёревцем: барин влюбляется в деревце, не зная, что оно – женщина.

Вы ведь всего этого *не* знали, как не знали магии надо мной слова *азалия*, моей вечной мечты о деревце, которое будут звать *азалия* – как женщину, – только лучше <...> Ариадна, я третий день живу этим деревцем и над этим деревцем...» (СС-7. С. 510, 511)

122

Письмо написано на двух открытках: с видами Пантеона и Триумфальной арки.

¹ В письме к Цветаевой от 10 мая 1926 г. Рильке обмолвился: «Семь – мое благословенное число» («*Небесная арка*». С. 61).

Цветаева сама была равнодушна к этому числу. Достаточно вспомнить ее стихотворения: «Семь холмов – как семь колоколов...» (1916), «Семь мечей пронзали сердце» (1918), «Ты думаешь: очередной обман!.. И семь печатей спят на сердце сем...» (1919), «Семеро, семеро...» (1921) и др.

² Т. е. страны, где произошло убийство Игнатия Рейсса (см. коммент. 1 к письму 120). «Сведениями из Швейцарии» Цветаева называет публикации во французской прессе. Так, 13 января 1938 г. в «Journal» была помещена статья, посвященная «лозаннскому» делу. Из этих публикаций следовало, что среди тех, против кого швейцарские власти возбудили уголовное дело, был и С.Я. Эфрон. Итоги пятимесячного расследования, предпринятого швейцарской полицией, публиковались в парижском журнале «Новая Россия» писателем и журналистом В. Зензиновым под названием «Мокрое дело» в Лозанне. В материалах следствия, по словам автора публикации, С.Я. Эфрону была отведена роль организатора слежки за лицами, которыми интересовалось ГПУ (1938. 16 мая. С. 9–11).

³ *Давид Копперфильд*. – Имеется в виду автобиографический «роман воспитания» Чарлза Диккенса (1812–1870) «Дэвид Копперфильд» (1850).

⁴ *Abel* – Абель Лючия-Елизабет (Бетси Балькомб) – автор книг о Наполеоне, в том числе книги «Napoléon à Sainte-Hélène. Souvenirs de Betzy Balcombe». Paris, 1898.

123

¹ В связи с надвигающейся угрозой вторжения со стороны фашистской Германии, в Чехословакии была объявлена частичная мобилизация. Получив обеспокоенное письмо Цветаевой, А. Тескова поделилась его содержанием с А. Бемом: «Очень меня обрадовала Цветаева письмом, родным словом, выражающим участие, понимание, и сочувствие с преданностью Чехословакии, которую считает “второй своей родиной”. Давно не читала и не слыхала так теплых слов» (письмо от 1 июня 1938 г. *Архив А.Л. Бема*).

124

¹ Письмо написано на открытке с видом моста в Шартре.

125

¹ Письмо Цветаевой написано в дни, когда в Чехословакии развернулись трагические события. В результате Мюнхенского сговора (соглашения, заключенного между Германией, Италией, Англией и Францией) от Чехословакии была отторгнута Судетская область и поделена между гитлеровской Германией, буржуазной Венгрией и панской Польшей. Отсюда последующие слова Цветаевой: «глубочайшее чувство опозоренности за Францию».

² 24 сентября 1938 г. лондонская газета «Дейли Телеграф» сообщила:

«Чрезвычайную радость в Праге вызвало то обстоятельство, что начальник французской военной миссии в Чехословакии, генерал Фошэ (*Faucher*) послал в Париж отставку и записался на время войны волонтером в чехословацкую армию». Под заголовком «Жест генерала Фошэ» «Последние новости» перепечатали эту информацию 25 сентября 1938 г.

³ После выезда из квартиры в Ванве Цветаева приблизительно месяц в июле-августе 1938 г. жила в гостиничной комнате в Исси-ле-Мулино («последнее предместье»).

⁴ См. коммент. 4 к письму 47.

⁵ *Fortuny*... – Фортюни Паскаль, журналист. Попробовал свои силы в ясновидении, после чего оставил журналистику. Стал экстрасенсом.

126

¹ В ответном письме от 11 октября 1938 г. А.А. Тескова писала: «Дорогая Марина, что могу написать? Связали народ по рукам и ногам, плевали на него, били, – тысячелетнюю границу его земли отрезали, искалечили то, что было родиной чешского народа за тысячу лет... Трудно понять... А привыкнуть? – едва ли. – Народ силен, с ним правда, и чести своей не потерял. Будет жить и бороться» («Где мой дом?» С. 40).

² *François Joliot* – правильно: Фредерик Жолио (с 1934 г. Жолио-Кюри; 1900–1958) – ученый-физик и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии. *Irène Curie* – Ирен Кюри (с 1934 г. Жолио-Кюри; 1897–1956) – ученый-радиолог, дочь Марии Склодовской-Кюри, жена Фредерика Жолио.

³ *Madame Curie* – Склодовская-Кюри Мария (1867–1934) – ученый-физик и химик. Совместно с мужем П. Кюри открыла радий. Лауреат Нобелевской премии.

⁴ *Eva Curie* – Ева Кюри (1904–2007) – писательница, журналистка, вторая дочь М. Склодовской-Кюри, автор книги «*Madame Curie*», вышедшей в 1938 г. в Париже в издательстве «Gallimard» и выдержавшей во Франции более 100 изданий. Переведена более чем на двадцать пять языков, в том числе на русский. После смерти М.И. Цветаевой ее сын Георгий, отвечая на письма сестры Ариадны, писал: «Насчет книги о маме я уже думал давно, и мы напишем ее вдвоем – написала же Эва Кюри про свою знаменитую мать» (Встречи с прошлым. Вып. 4. М.: Сов. Россия, 1982. С. 420).

⁵ В том же ответном письме (от 11 октября) А.А. Тескова благодарит Цветаеву: «Спасибо за память Али – как все это было хорошо... Вшеноры...» («Где мой дом?» С. 42).

127

¹ По-видимому, иносказание. Подразумевается отторжение пограничных областей Чехословакии. В уже цитированном письме к Цветаевой от 11 октября 1938 г. А.А. Тескова с благодарностью писала: «Ваше сочувствие и сочувствие всех, кто не утратили чувства правды и справедливости, – дает возможность дышать, не задохнуться в атмосфере подлости и лжи. Спасибо!» («Где мой дом?» С. 42).

² См. письмо 48 и коммент. 3 к нему.

³ См. письмо 14 и коммент. 3 к нему.

⁴ Часть Праги, расположенная на возвышенном месте, откуда открывается прекрасный вид на пражскую котловину.

⁵ Гравюру с изображением Пражского рыцаря Цветаева подарила Н.П. Гронскому с надписью: «Пражский рыцарь. Н. Г. – М. Ц. Понтайяк, 1-го сентября 1928 г.». (В настоящее время хранится в архиве Дома-музея Марины Цветаевой в Москве).

¹ А.А. Тескова в ответ на просьбу Цветаевой (см. письмо 127) прислала ей книгу о Чехословакии на французском языке. «Вчера послала Вам издание (на французском)... хотя, по-моему, в отношении истории и культуры совершенно недостаточное. Но, Вы не поймете на чешском именно более обширного; а на немецком нет объективного, у них своя правда и своя история» («Где мой дом?» С. 42).

² Чапек Карел (1890–1938) – чешский писатель. 8 ноября 1938 г. в парижском театре des Arts (а не Rideau de Paris) состоялась генеральная репетиция пьесы Чапека «L'Époque où nous vivons» («Время, в котором мы живем»). С 11 ноября по 20 декабря спектакль шел ежедневно. По поводу кампании за присуждение ему Нобелевской премии А.А. Тескова обмолвилась в письме к Цветаевой своим негативным отношением к происходящему: «...насчет цены Nobela Карлу Чапку – несогласна, мелка рыбка!» («Где мой дом?» С. 45).

³ Мистраль Фредерик (1830–1914) – французский поэт.

⁴ Возможно, речь идет о Е.И. Замятине (скончался в Париже 10 марта 1937 г.) и его жене. См. коммент. 9 к письму 103.

⁵ 1 ноября, в день всех святых, французы, по традиции, посещают кладбища.

⁶ Шенье Андре (1762–1794) – французский революционный поэт. Был казнен якобинцами накануне падения диктатуры. Цветаева посвятила А. Шенье цикл из двух стихотворений (1918) (СС-1. С. 393–394). Слова А. Шенье, которые приводит Цветаева, были произнесены им перед гильотиной 25 июля 1794 г. Эту фразу Цветаева приведет позже, на родине, в письме к В.А. Меркурьевой. 31 августа 1940 г., ровно за год до своей гибели, она напишет о «нежизни» в Москве: «...Москва меня не вмещает. Мне некого винить. И себя не виню, п. ч. это была моя судьба <...> о себе говорить не буду, нет, все-таки скажу – словом Шенье, его последним словом: – Et pourtant il y avait quelque chose là... (указал на лоб) – я не могу, не кривя душой, отождествить себя с любым колхозником – или одесситом – на <оторо>го тоже не нашлось места в Москве <...> она меня вышвыривает: извергает» (СС-7. С. 686, 687).

⁷ «Хижина дяди Тома» – роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896). Фейхтвангер Лион (1884–1958) – немецкий писатель. «Еврей Зюсс» – один из его ранних романов (1925).

¹ К письму приложены три первых стихотворения из цикла «Стихи к Чехии».

² То есть газету «Возрождение». Прекратила свое существование летом 1940 г.

³ *Иохимов* – город Яхимов. См. письмо 131.

⁴ В течение всей своей жизни Гёте интересовался геологией и минералогией, собрал коллекцию камней и минералов. По его собственным словам, «не было такой высокой горы, на которую он не взобрался бы, ни столь глубокой шахты, в которую он не спустился бы» (*Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.; Л.: Academia, 1934. С. 56).

⁵ *Гаррах* Иоганн Францевич – граф, австрийский политический деятель (XIX в.). Занимался благотворительной деятельностью в пользу чехов.

⁶ *Чемберлэн* – правильно: Чемберлен Невилл (1869–1940) – премьер-министр Великобритании (1937–1940), сторонник политики умиротворения фашистских держав. В 1938 г. подписал Мюнхенское соглашение.

⁷ *Венский конгресс* (1814–1815) европейских государств, которым завершились войны коалиций европейских держав с Наполеоном. На конгрессе были удовлетворены территориальные притязания держав-победительниц.

⁸ *Галифакс* Эдуард Фредерих Вуд (1881–1959) – министр иностранных дел Великобритании (1938–1940), проводил политику Чемберлена в отношении фашистских государств.

⁹ *Disraeli* – Дизраэли Бенджамин (1804–1881) – премьер-министр Великобритании (1868, 1874–1880), проводил политику колониальной экспансии.

¹⁰ *Gladstone* – Гладстон Уильям Юарт (1809–1898) – премьер-министр Великобритании (1868–1874, 1880–1885 и др.). Правительство Гладстона подавляло национально-освободительное движение в Ирландии, осуществило захват Египта.

¹¹ *Duguesclin* – правильно: Guesclin, du – Гесклен Бертран дю (1314–1380) – французский генерал, успешно воевал с англичанами во время войн их с французским королем Иоанном II.

¹² *Черчилль* Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955), в 1939–

1940 – военно-морской министр. Выступал против политики соглашения с Германией.

¹³ *Иден* Антони, лорд Эйвон (1897–1977) – министр иностранных дел Великобритании (1935–1938, 1940–1945 и др.), единомышленник Черчилля.

¹⁴ Средневековый замок в Чехии, расположен неподалеку от Вшенор, где жила Цветаева.

¹⁵ «*Где мой дом?*» – начальные слова чешского национального гимна. Перевод чешского гимна А.А. Тескова выслала Цветаевой в письме от 15 декабря 1938 г.

130

Письмо написано на видовой открытке со львятами.

¹ В эти дни А.А. Тескова уже получила письмо Цветаевой с ее стихами. И тут же откликнулась (15 декабря): «...стихи – не стихи, а голос сердца, горячего и благородного, и еще – *родного*. И не произношу благодарений, ибо всякое слово прозвучит банально перед лицом того, что есть. Особенно 2 и 3 удачны – на диво!» («*Где мой дом?*» С. 44).

131

¹ К. Чапек умер 25 декабря 1938 г. от воспаления легких. Сообщение о его смерти было напечатано в «Последних новостях» 26 декабря 1938 г.

² Симеону, праведному старцу, жившему в Иерусалиме, было предсказано Духом Святым, что он не умрет, пока не увидит Христа. Симеон увидел Иисуса на сороковой день рождения в храме, куда Младенца принесли, чтобы представить Господу (*библ.*).

³ См. письмо 129.

⁴ В средневековых преданиях Брунsvик отождествлен с королем Пршемыслом II, много сделавшим для укрепления Чешского государства. По легенде, на третий год своего правления Брунsvик отправился странствовать по свету. Рискуя жизнью, он спас льва, который стал его другом и помогал ему в его подвигах. После смерти рыцаря лев умер на его могиле. С именем Брунsvика связывают возникновение чешского герба, на котором до сих пор сохранилось изображение льва.

⁵ См. коммент. 1 к письму 129.

⁶ К письму была приложена вырезка из французской газеты со статьей о К. Чапеке. Название газеты и дату ее выпуска по вырезке установить не удалось (*Письма к Тесковой*. С. 209). См. следующее письмо.

⁷ Сборник рассказов французского писателя Альфонса Доде (1840–1897).

⁸ Речь идет о Чрезвычайном социалистическом конгрессе, где в заключительный день работы большинством голосов (4322 против 2837) была принята резолюция лидера социалистической партии Леона Блюма (1872–1950), направленная против Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. См. также письмо 125 и коммент. 1 к нему.

132

¹ В оригинале письмо ошибочно датировано 1938 г. Дата исправлена по почтовому штемпелю на конверте (*Письма к Тесковой*. С. 183).

² Шоу Джордж Бернард (1856–1950) – английский писатель.

³ Одна из формулировок основного закона этики немецкого философа Иммануила Канта (1724–1804) гласит: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» (*Кант И. Сочинения*: В 4 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 260). Иными словами, поступок будет моральным лишь в том случае, если он совершается единственно из уважения к нравственному закону.

⁴ Святой Вацлав – покровитель Праги.

133

¹ *Голем* – название романа австрийского писателя Густава Мейринка (наст. фам. Майер; 1868–1932). Место действия романа – Прага.

² *Lehman* – Леман Розамонд (1903–1990) – английская писательница. Ее первый роман «Пыль» (или «Ответ из пыли», 1927) был переведен на французский в 1938 г. О том же в письме Ариадне Берг 16 января 1939 г. «Если не читали – прочтите Rosamond Lehmann – Poussièrè (Dusty Answer) – она о нас – я них. Очень прошу! (Poussièrè – из<дательст>во Feux Croisés)» (CC-7. С. 536).

134

¹ Речь идет о годовщине Февральской революции в России (23–27 февраля 1917 г.). 27 февраля произошел массовый переход войск на сторону революции, захват важнейших пунктов Петрограда, образование Временного правительства и т. д.

135

¹ А.А. Тескова перенесла длительное осложнение после гриппы (на среднее ухо).

² См. письмо 53.

136

¹ В письме от 26 мая А.А. Тескова написала Цветаевой, что после выздоровления собирается уехать в деревню к знакомым («Где мой дом?» С. 61). Цветаева же в иносказательной форме сообщает о своем предстоящем отъезде в СССР. В прощальном письме (от 2 июня) Анна Антоновна писала: «Дай Бог, чтобы жизнь в деревне была для вас благополучна и счастлива! Там тропинки Ваших детских и юных лет... дорогие, свои. Не забудьте, ходя по ним, той скромной тропы, на которой встретились мы с Вами! Спасибо Вам за всё! Ваше кольцо ношу непрерывно. – Хотела бы Вам помочь в работах и заботах!..» («Где мой дом?» С. 62).

² Эдди – Бенеш Эдуард (1884–1948) – политический и государственный деятель, в 1935–1938 гг. президент Чехословакии. В архиве Бенеша стихи Цветаевой не обнаружены (*Письма к Тесковой*. С. 183).

³ То есть муж и дочь, которые в это время уже жили в России, в поселке Болшево под Москвой.

⁴ Речь идет о дочери Цветаевой Ариадне.

⁵ У Цветаевой были следующие книги Рильке: «Das Buch der Bilder» («Книга образов», 1921, с владельческой надписью Цветаевой), «Die Sonette an Orpheus» («Сонеты Орфея», 1923, с дарственной надписью Рильке), «Duineser Elegien» («Дуинские элегии», 1923, с дарственной надписью Рильке), «Vergers» («Сады», 1926, с дарственной надписью Рильке), «Auguste Rodin» («Огюст

Роден», 1928, с надписью Н.П. Гронского Цветаевой). (Книги, принадлежавшие М. Цветаевой. В кн.: *Марина Цветаева. Поэт и время / Выставка к 100-летию со дня рождения (1892–1992)*. – М.: ГАЛАРТ, 1992. С. 128–129).

137

¹ *Между воскресеньем и субботой...* – Цветаева приводит начальные строки своего стихотворения без названия (1919).

² Из стихотворения М. Цветаевой «Народ» (20 мая 1939 г.), цикл «Стихи к Чехии».

³ См. письмо 77 и коммент. 10 к нему.

138

¹ Об отъезде Цветаевой с сыном из Франции в СССР см. также письмо того же дня к А. Берг: «Едем без проводов: как Мур говорит – “ni fleurs ni couronnes”^{*} – как собаки – как грустно (и грубо) говорю я. Не позволили, но мои близкие друзья знают – и *внутренне* провожают» (Отправлено из Гавра в 16. 30. 12.06.1939). (СС-7. С. 539).

² Речь идет о К.Б. Родзевиче. См. коммент. 3 к письму 91.

³ *...безумный поэт с женою*. – К.Д. Бальмонт и его жена (третья) Елена Константиновна Цветковская (1880–1943), переводчица. Последние десять лет жизни поэт страдал душевной болезнью, лечился в клиниках для нервных больных. См. также письмо В.Н. Буниной от 2 июня 1935 г. (СС-7. С. 289).

⁴ *Жанна д'Арк* (1412–1431) была сожжена англичанами в Руане на площади Старого рынка. Ср. у Цветаевой в стихотворении «Руан» (1917):

И был Руан, в Руане – Старый рынок...
– Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня... (СС-1. С. 379).

⁵ С.Е. Голлидей. См. коммент. 4 к письму 118.

* «Ни цветов, ни венков» (*фр.*). – принятая в траурных объявлениях формула, означающая просьбу не приносить цветов на похороны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Деревья (1–9)

К письму 32. Стихотворения 1–7 впервые опубликованы в «Воле России» (1926. № 5. 8–9). Два последних стихотворения в журнале «Окно» (Париж. 1923. № 3). Целиком цикл с посвящением был включен Цветаевой в ее сборник «После России» (Париж, 1928), экземпляр которого поэтом был подарен А.Тесковой.

«В смертных изверьясь...» – ...Рябина // Краше Давида-Царя... – по Библии, иудейский царь Давид отличался красотой.

«Когда обидой – опилась...» – Авессалом – сын царя Давида, восстал против отца, чтобы овладеть престолом. Спасаясь от преследования, он запутался волосами в ветвях дуба, повис «между небом и землей», был настигнут врагами и убит. Давид горько оплакивал сына.

«Други! Братственный сонм!..» – Стогны – площади.

«Беглецы? – Вестовые?...» – Чернецы – монахи. ...Саул за Давидом:// Смуглой смертью своей. – По Библии, Саул, завидовавший славе и добродетелям Давида, будущего царя Иудеи, стремился его убить и всюду преследовал. Саул погиб в борьбе с филистимлянами. Он был сильно изранен стрелами и, чтобы не сдаваться врагу, закололся мечом.

[Автобиография]

К письму 59. В 1929 г. А.Л. Бем обратился к Цветаевой с просьбой прислать ему автобиографию. В течение многих лет он собирал биографические сведения о русских писателях, живших в эмиграции в Чехословакии. Откликнувшись на просьбу Бема, она направила ему в качестве своей автобиографии сокращенный вариант ответа на анкету, присланную ей в 1926 г. Б. Пастернаком (СС-4. С. 621–624). Была ли между Цветаевой и Бемом регулярная переписка, неизвестно. Мы располагаем лишь одним ее письмом, текст которого в оригинале идет после автобиографии, являясь как бы дополнением к ней. Автобиография и письмо печатаются по копии с оригинала, хранящегося в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге (с сохранением особенностей авторского

написания). (Письмо М.И. Цветаевой А.Л. Бему. [Автобиография]. – В межвузовском сб.: Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Вып. 3 / Публ. Л. Мнухина. – Иваново, 1998. С. 191–195.).

Письмо М. Цветаевой к А. Бему.

¹...*задержала*. – Имеется в виду отправка автобиографии.

²*Рейтлингер Катя*. – См. коммент. 3 к письму 56.

³...*даты точны*. – Это не совсем верно. В датах и названиях Цветаева допустила большое число неточностей: «Ремесло» вышло в 1923 г., а не в 1922-м; «Ковчег» – в 1926 г., а не в 1925-м; «Письмо к Рильке» опубликовано под другим названием – «Новогоднее» (1928, а не 1926); своим годом рождения указывает, как это бывало уже неоднократно, 1894 (вместо 1892) и т. д. Подробнее см.: М. Цветаева. Библиография / Сост. Т. Гладкова, Л. Мнухин. Париж; М., 1993.

⁴...*понравилась книжка*. – Вероятнее всего, речь идет о последнем сборнике Цветаевой «После России» (Париж, 1928). «...Ее книжка “После России”, на мой взгляд, объективно куда более значима, чем мы сейчас это осознаем», – писал позднее А. Бем в статье «В защиту читателя» (Руль. Берлин. 1931. 16 июля). По-видимому, у Бема не было своего экземпляра сборника «После России». Во всяком случае, после гибели Цветаевой, готовясь на очередном литературном вечере рассказать о ее творчестве, он попросил А. Тескову одолжить ему экземпляр этой книги. А. Тескова ответила: «После России» у меня есть, и очень дорожу этой книжкой – первым подарком от Марины. Могут Вам ее дать на несколько времени. Но, не слишком ли рано говорить перед публикой о Цветаевой? Нет отступи, нет ее последних стихов...» (Письмо от 13 марта 1943 г. *Архив А.Л. Бема*)

Протоколы допросов Марины Цветаевой в Министерстве внутренних дел

Все протоколы оформлены на типографских бланках французской полиции.

К письму 120. Оригинальный французский текст протоколов был опубликован П. Хубером и Д. Кунци в сборнике «*Cahiers du*

Monde russe et soviétique», XXX11 (2), avril-juin 1991. С. 285–310. Затем русский перевод опубликовала И. Кудрова в своей книге «Гибель Марины Цветаевой». М.: Изд-во «Независимая газета», 1995. С. 278–289. В настоящем издании протоколы публикуются в переводах В. Лосской, напечатанных в кн.: Марина Цветаева: Песнь жизни. Материалы Международной конференции. Париж, 1992 / Под ред. Е. Эткинды и В. Лосской. Париж, 1996. С. 402–414.

«Конечно, бросается в глаза, – пишет в предисловии к публикации В. Лосская, – противоречие в показании Марины Цветаевой, когда она говорит, что С.Я. Эфрон проводил отпуск с ней неотлучно, а потом, на вопрос следователя, отвечает, что он не раз уезжал “по делам” и она не знает, по каким именно делам и с кем он встречался. Но в своих показаниях Цветаева говорит: “Я не беру на себя утверждать...”, снимая этой фразой причастность мужа к этому очень важному факту. Наконец, в длинном допросе, который в письменном отчете передан, видимо, лишь частично, цель Цветаевой, несомненно, – “обелить” мужа, это видно из разных подробностей ее ответов» (*Там же*. С. 403).

Ниже приводятся краткие сведения о лицах, названных во время допросов.

Дюкоме Жан-Пьер (1902–1961) – французский фотограф. Сотрудничал с советской разведкой. Участник оперативной группы по ликвидации И. Рейсса.

Афанасов Николай Ванифатьевич (1902–1941) – в эмиграции жил в Болгарии, затем во Франции. Работал таксистом, подолгу оставался без работы. Был завербован в советскую разведку. Вернулся в Советский Союз. Репрессирован.

Смиренский Дмитрий Михайлович (1897–?) – в эмиграции жил во Франции с 1922 г., работал на заводе Рено. Завербован С. Эфроном в советскую разведку. Участник оперативной группы по ликвидации И. Рейсса. Вернулся в СССР в 1939 г. Арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.

Штранге Михаил Михайлович (1907–1968) – сын русских эмигрантов, владельцев русского пансиона-санатория в Верхней Савойе. Занимался литературным трудом. Был завербован С. Эфроном в советскую разведку. Вернулся в СССР в 1947 г.

Кондратьев Вадим (1903–1939) – в эмиграции во Франции. Работал таксистом, подолгу оставался без работы. Был завербован

в советскую разведку. Участник оперативной группы, преследовавшей И. Рейсса. Умер в Москве.

Позняков Николай Сергеевич (?–1960-е). В эмиграции во Франции, имел в Париже фотоателье. Вернулся в СССР.

Штейнер Рената (1908–1986) – швейцарская учительница, завербованная советской разведкой в середине 30-х годов. Исполняла поручения С. Эфрона.

Шильдбах (урожд. Нейгебауэр) Гертруда (1894–?) – немецкая коммунистка, сотрудница спецслужб, работавшая в Италии. Согласилась помочь оперативной группе, выслеживавшей И. Рейсса. По данным П. Хубера и Д. Кунци, жила затем в СССР, в 1938 г. была арестована и сослана в Казахстан.

Росси Франсуа (он же Р.-Ж. Аббиат), он же Правдин Виктор (1905–?) – на момент участия в «лозаннской операции» гражданин Монако. Работал на НКВД с 1929 г. Вошел в оперативную группу, преследовавшую И. Рейсса.

Хенкин Кирилл Викторович (1916–2008) – из России вывезен родителями в 1923 г. Участник Гражданской войны в Испании. Завербован в советские спецслужбы. Вернулся на родину в 1941 г. Покинул СССР в начале 1970-х гг. Работал на радиостанции «Свобода».

Лева. – Лев Борисович Савинков (1912–1987) – сын Б.В. Савинкова, известного деятеля партии эсеров и писателя. Жил во Франции. Сражался в Испании на стороне республиканской армии. Завербован С. Эфроном в 1937 г.

Чистоганов Анатолий (1910–194?) – член Союза возвращения на родину. Завербован в советские спецслужбы.

Письмо А.Л. Бема к А.А. Тесковой

Это письмо и ответное на него А.А. Тесковой впервые были опубликованы в работе В. Морковина «Пражские отклики на смерть Марины Цветаевой». *Československá rusistika. Praha. 1969. № 2. С. 84–86.* Письмо А. Бема печатается по тексту первой публикации.

Статья И. Горского, из которой А. Бем узнал о гибели Цветаевой, была опубликована в смоленской газете «Новое слово» (1942. 8 февр.), затем перепечатана в берлинской газете под таким же названием. Статья изобиловала ошибками, вызванными, главным образом, отсутствием достоверной информации.

Письмо А. Тесковой к А. Бему

Письмо А.Тесковой печатается по копии с оригинала, хранящегося в *Архиве А.Л. Бема*. Было представлено в 1998 г. на выставке «Эмигрантский период жизни и творчества А.Л. Бема» в Музее Ф.М. Достоевского в С.-Петербурге (Каталог выставки. СПб., 1999. С. 29. Автор выставки – М. Бубеникова).

Вслед за ответом А. Бему А.Тескова пишет письмо, полное боли и горечи, В. Булгакову: «Ужаснее всего: ведь могла жить! Никак на ум нейдет, что этот мужественный человек с неизмеримым богатством в душе, любящий жизнь, принимавший и оценивавший не только ее солнечные лучи, но и глубокие тени страданий – что этот человек – сломился.

Ужасно жаль, что прервалась на время (роковое время) наша с нею переписка. Что-то в душе твердит: это ужасное бы не случилось!.. Письма буду беречь как драгоценность не только по литературным соображениям, и как память о близком и дорогом человеке» (*Архив В.Ф. Булгакова*).

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВЫ

(принятые сокращения)

Бем А. Письма о литературе. – *Бем А.Л.* Письма о литературе / Сост. М. Бубеникова и Л. Вахаловска. – Прага, изд-во Еурославика, 1996.

«*Вшеноры 2000*». – «Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000: Новые результаты исследований» (Материалы Международной конференции. 12–14 июня 2000. Вшеноры и Прага). Прага: Славянская библиотека при Национальной библиотеке Чешской республики, 2002.

«*Где мой дом?*» – *Цветаева М.* «Где мой дом?: Стихи к Чехии. Документы, письма, фотографии» / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000.

«*Годы эмиграции*». – Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции. М.: Аграф, 2002.

Документы к истории. – Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / Сост. З. Сладек, Л. Белошевская и др. Прага: Еурославика, 1998.

Записные книжки. I, II. – *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: В 2 т. / Сост. Е.Б. Коркина и М.Г. Крутикова. М.: Эллис Лак 2000, 2001.

Письма Д.П. Святополк-Мирского П.П. Сувчинскому. – *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995 (Birmingham Slavonic Monographs. № 26).

Лосская В. – *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. М.: Культура и традиции, 1992.

Письма к Тесковой. – Цветаева М. Письма к Анне Тесковой / Подгот. изд. И. Кудровой. СПб.: Внешторгиздат, 1991.

«Небесная арка». – Небесная арка. Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. 2-е изд. / Подгот. К. Азадовского. СПб.: Эгида, 1999.

Саакянц А. Марина Цветаева. – *Саакянц А.* Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997.

Сводные тетради. – Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997.

СС -1 (2–7). – Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995 // Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина (Т. 1–5), Л. Мнухина (Т. 6, 7).

Хроника жизни русской эмиграции в Чехословакии. – Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. 1919–1939: В 2 т. / Под общ. ред. Л. Белошевской. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000, 2001.

Хроника жизни русской эмиграции во Франции. – Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции во Франции. 1920–1940: В 4 т. / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Paris: YMCA-PRESS; М.: ЭКСМО, 1995–1997.

Цветаева М., Гронский Н. Письма. – Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов / Сост. Ю.И. Бродовская и Е.Б. Коркина. М.: Вагриус, 2003.

Цветаева М., Руднев В.В. Письма. – Цветаева М., Руднев В.В. «Надеюсь – сговоримся легко»: Письма 1933–1937 годов / Сост., подгот. текста, примеч. Л.А. Мнухина. Предисл. В.К. Лосской. – М.: Вагриус, 2005.

«Цветы и гончарня». – Цветы и гончарня: Письма М. Цветаевой к Н. Гончаровой. 1928–1932. М. Цветаева. Наталья Гончарова: Жизнь и творчество / Подгот. текста писем Н.А. Громовой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006.

Архив А.Л. Бема. – Архив А.Л. Бема. Литературный архив Музея национальной письменности в Праге.

Архив А. Головиной. – Архив А.С. Головиной. Музей Марины Цветаевой в Болшеве.

Архив В.В. Морковина. – Архив В.В. Морковина. Литературный архив Музея национальной письменности в Праге.

Часто упоминаемые в письмах периодические издания

«Возрождение» – ежедневная газета под ред. П.Б. Струве. С 1928 г. ред. Ю.Ф. Семенов. – Париж, 1925–1940.

«Воля России» – ежемесячный журнал политики и культуры под ред. М.Л. Слонима и В.В. Сухомлина, с № 6/7 (1924) – В.И. Лебедева, М.Л. Слонима, Е.А. Сталинского, В.В. Сухомлина. – Прага, 1922–1932.

«Дни» – русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы (с 1 июля 1924 г. – русская республиканская ежедневная газета). Ред. А. Милашевский (1922–1923), М.М. Тер-Погосян (1923–1927), А.Ф. Керенский (с 1927). – Берлин, с 16 сентября 1925 г. – Париж, 1922–1928.

«Звено» – еженедельная литературно-политическая газета. Под ред. М.М. Винавера и П.Н. Милюкова. – Париж, 1923–1925. В 1926–1928 ежемесячный журнал литературы и искусства. С 1927 – ред. М.Л. Кантор.

«Последние новости» – ежедневная газета под ред. М.Л. Гольдштейна С 1 марта 1921 г. гл. ред. П.Н. Милюков. – Париж, 1920–1940.

«Современные записки» – ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издаваемый при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского, В.В. Руднева. – Париж, 1920–1940.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги:

Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. – Прага: ACADEMIA, 1969. – 216 с., с илл. // Изд. подгот. В. Морковин. Вступит. статьи З. Матгаузера и В. Морковина.

Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. – Иерусалим: изд-во «Версты», 1982. – 214 с. // Репринт с издания 1969 г. Переиздано Обществом друзей Марины Цветаевой.

Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. – СПб.: Внешторгиздат, 1991. – 189 с. // Подгот. изд., предисл. и коммент. И. Кудровой. Воспроизведены статьи З. Матгаузера и В. Морковина.

В собрании сочинений:

Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой. В кн.: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 334–514 // Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина.

О письмах:

Морковин В. Марина Цветаева в Чехословакии. – *Československá rusistika.* Praha. 1962. № 1. С. 42–53.

Матгаузер Зденек. Катарзис Марины Цветаевой. – В кн.: *Марина Цветаева.* Письма к А. Тесковой. Прага: ACADEMIA, 1969. С. 5–15; то же. – Иерусалим: изд-во «Версты», 1982. С. 5–15; то же. – СПб.: Внешторгиздат, 1991. С. 9–14.

Морковин В. О письмах М.И. Цветаевой к А.А. Тесковой. – В кн.: *Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой.* – Прага: ACADEMIA, 1969. С. 17–21; то же. – Иерусалим: изд-во «Версты», 1982. С. 17–21; то же. – СПб.: Внешторгиздат, 1991. С. 15–22.

Струве Г. Марина Цветаева: ее последнее письмо из Франции. (Об издании писем Цветаевой к А. Тесковой). – Русская мысль. Париж. 1969. № 2747. 17 июля. С. 4.

Струве Г. Дневник читателя: Письма М. Цветаевой к А. Тесковой. – Русская мысль. 1969. № 2748. 24 июля. С. 6–7.

Струве Г. Дневник читателя: Еще о письмах М. Цветаевой к А. Тесковой. – Русская мысль. 1969. № 2749. 31 июля. С. 5; № 2750. 7 авг. С. 5.

Струве Г. Дневник читателя: Марина Цветаева о людях, о книгах, о себе. – Русская мысль. 1969. № 2751. 14 авг. С. 5; № 2752. 21 авг. С. 5; № 2753, 28 авг. С. 5.

Струве Г. Дневник читателя: Послесловие к письмам Марины Цветаевой к А. Тесковой. – Русская мысль. 1969. № 2754. 4 сент. С. 5.

Карлинский С. Новое об эмигрантском периоде Марины Цветаевой (По материалам ее переписки с А.А. Тесковой). – В сб. статей: Русская литература в изгнании / Под ред. Н. Полторацкого. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 209–214.

Кудрова И. Предисловие к переизданию. – В кн.: *Марина Цветаева. Письма к А. Тесковой.* СПб.: Внешторгиздат, 1991. С. 5–8.

Обрусникова Л. Марина Цветаева и Прага: Рец. на кн.: *Цветаева М. Письма к А. Тесковой.* Прага, 1969. – Новое русское слово. Н.-Й. 1970. 9 авг. С. 5.

Панченко А.М., Смирнов И.П. Рец. на кн.: *Цветаева М. Письма к А. Тесковой.* – Прага: Academia, 1969. – Советское славяноведение. М., 1970. № 4. С. 93–95.

Андреев Н. Кончина русского литератора в Праге: (В.В. Морковин, 1906–1973). – Русская мысль. 1973. № 2968, 11 окт. С. 8. (Об издании В. Морковиным писем Цветаевой к А. Тесковой).

Струве Г. Дневник писателя: Памяти В.В. Морковина. – Новое русское слово. 1973. 14 окт. С. 5. (Об издании В. Морковиным писем Цветаевой к А. Тесковой).

БИБЛИОГРАФИЯ

Ванечкова Г. Письма Марины Цветаевой в пражских архивах. – В сб.: Марина Цветаева и Чехословакия. Материалы Международной конференции. 1992. Прага-Брно, 1993. С. 46–53.

Главачек А. Марина Цветаева и Анна Тескова. – В кн.: «Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000: Новые результаты исследований» (Материалы Международной конференции. 12–14 июня 2000. Вшеноры и Прага). – Прага: Славянская библиотека при Национальной библиотеке Чешской республики, 2002. – С. 290–295.

На чешском языке:

VD [*Dostál Vladimír*]. Marina Cvetajevová a Čechy... – Tvorba. Praha. 1969. № 7. С. 11. (О knize Pis'ma k A. Teskovoj).

Arnautová Maita. Dopisy Cvetajevová jako komentář k dilu. – Československá rusistika. Praha. 1970. № 1. С. 45–47.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абель Л.-Е. (Балькомб) 288, 462
Авессалом (библ.) 330, 471
Авксентьев Н.Д. 478
Авриль М. 359
Адамович Г.В. 35, 36, 206, 259, 374, 375, 400, 404, 407, 428,
431, 442, 449–450
Азадовский К.М. 397, 477
Айзенштейн Е.О. 359, 382, 387
Айканов М.М. 203, 429
Айканов М.П. 429
Айхенвальд Ю.И. 374
Алданов М.А. 62, 386, 422, 437
Александр I 303
Александр III 338
Алексеев В.В. 382
Алексеев Н.Н. 89, 103, 392, 395, 418
Алексинский И.П. 86, 224, 435
Альтшуллер Г.И. 16, 19, 29, 67, 361–362, 387
Альтшуллер Е.И. см. Еленева Е.И.
Андерсен Х.К. 218, 230, 236, 423, 434, 437, 445
Андреас-Саломе Лу 425–426
Андреев В.Н. 391
Андреев Вадим Л. 399, 407, 418, 460
Андреев Вал. Л. 89, 193, 428

* Ввиду многократных упоминаний в указатель не включены члены семьи Цветаевой: муж С.Я. Эфрон и дети А.С. Эфрон (Аля) и Г.С. Эфрон (Мур).

- Андреев Л.Н. 391, 427, 460
 Андреев Н.Е. 480
 Андреев С.Л. 26, 28, 89, 193, 195, 369, 427
 Андреева А.И. 22, 26, 28, 29, 38, 43, 51, 83, 89, 109, 169, 171,
 193–195, 202, 207, 211, 215, 218, 246, 251, 366, 367, 427
 Андреева В.Л. 89, 193, 428
 Андреева Н.М. 87, 391
 Андроникова-Гальперн С.Н. 151, 403, 414–415
 Аннинский Л.А. 382
 Антиопа (миф.) 73
 Аполлон (миф.) 460
 Ардов В.Е. 434
 Аренская В.А. 85, 391
 Ариадна (миф.) см. Ариадна (произведения)
 Архангельский А.А. 362
 Афанасов (Афаназов) Н.В. 346, 473
 Ахматова А.А. 96, 120, 217, 249, 361, 394, 433–434, 444, 452
- Бабель И.Э. 444
 Багрицкий Э.Г. 222, 435
 Бак П. см. Buck Pearl
 Балакшин П.П. 452–453
 Балькомб см. Абель Л.-Е.
 Бальмонт К.Д. 42, 253, 325, 413, 446, 470, 471
 Баратынский Е.А. 445
 Барблер О. 363
 Белошевская Л.Н. 8, 358, 360, 476–477
 Белый А. 62, 185, 189, 196, 386, 424
 Бем А.И. 401
 Бем А.Л. 4, 8–9, 127, 145, 172, 206, 208, 211, 212, 216, 223,
 257, 341, 352–354, 359, 367, 370, 393, 396, 400, 401, 403, 405–406,
 409, 412, 415–416, 421, 431, 432, 436, 446, 448, 462, 471–472,
 474–477
 Бенеш Э. (Эдди) 322. 469
 Беранже П.Ж. 445
 Берг А.Э. 285, 423, 429, 438, 459, 461, 468, 470
 Бердяев Н.А. 409, 418
 Бернацкая М.Л. 181, 345, 424

- Бернацкие 345
Бетховен Л. ван 20, 365, 402
Билибин И.Я. 46, 379
Битон (миф.) 431
Бичер-Стоу Г. 300, 465
Блейн Э. 441
Блок А.А. 364, 414, 432, 453
Блюм Л. 468
Богенгардт В.А. 162, 418
Богенгардты, семья 418, 436
Болдырев Н. 425
Брей А.А. 51, 57, 67, 81, 84, 361, 380, 383
Брей Н.В. 51
Брентано Б. (Беттина) 121, 404
Брентано К. 404
Бродовская Ю.И. 430, 477
Бродский И.А. 3
Броун А. 407–408
Брунвик (Пражский рыцарь) 26, 315, 317, 320, 369, 467–468
Брэй А.А. см. Брей А.А.
Брюсов В.Я. 23, 24, 368, 383
Бубеникова М. 8, 359, 361, 406, 412, 475, 476
Булгаков В.Ф. 38, 40, 74, 77, 79, 123, 359, 361, 367, 371, 372,
376, 389, 404, 475
Булгаков С.С. 237, 439
Булгаков Сергей (С.Н.) 109, 236–237, 378, 389, 399, 409, 439
Булгакова А.В. 38, 376
Булгакова Е.И. 236–237, 439
Булгакова М.С. 78, 132, 389, 408
Бунаков И.И. см. Фондаминский И.И.
Бунин И.А. 59, 175, 240–241, 378, 384, 422, 440–442, 453
Бунина В.Н. 175–176, 240–241, 368, 421, 422, 428–431, 440–441,
453, 470
Бухарин Н.И. 238, 440
Бучковская Л. 56, 69, 382
Бюффон Ж. 445

В.Д. 215–216, 433
Вакх (миф.) 60

- Валери П. 454
 Ванечкова Г. 358, 480
 Ванчуровы 52
 Варшавский В.С. 67, 70, 387
 Варшавский С.И. 49, 67, 380, 387
 Вахалковска Л. см. Vachalovská L.
 Вахтангов Е.Б. 392
 Вацлав, св. 318, 468
 Вейдле В.В. 390, 418, 448
 Вейс 51
 Вересаев В.В. 426
 Вечера М. 227, 437
 Винавер М.М. 478
 Виньи А. 445
 Вишняк А.Г. 170–171, 420
 Вишняк М.В. 61–62, 385–386, 478
 Волконский С.М. 110, 399, 400, 407
 Волошин М.А. (Макс) 165, 170, 179, 192, 254, 419, 427
 Вольтерс О.Н. 253–254, 445–446
 Врангель Л.С. 224, 435–436
 Врангель Н.А. 224, 436
 Врангель П.Н. 224, 436
 Вундерли-Фолькарт Н. 134, 408–409
 Вышеславцев Б.П. 58, 384, 433
- Г. см. Гирса В.
 Габсбург Р. фон 437
 Гаварни П. 456
 Гавронский М. 344
 Гайдукевич Н.А. 358, 422, 423, 427, 432, 442
 Галифакс Э. 303, 466
 Ганнибал А. 387
 Гармаш В. 402
 Гаррах И. 303, 466
 Гастин Марко де 388
 Гашек Я. 115, 401
 Георгий Победоносец, св. 17–18, 313–314, 366
 Гера Аргосская (миф.) 431
 Геродот 431

- Гесклен Б. дю 466
Гёте И. В. 167, 174, 191, 275–276, 302, 404, 441, 445, 456, 466
Гиппиус З.Н. 175, 378, 380, 422
Гирса В. 45, 47–49, 378
Главачек А. 3–10, 357, 481
Гладкова Т. 359, 472
Гладстон У. см. Gladstone W.
Глинка М.И. 383, 402
Глэз Морис 388
Гоголь Н.В. 168, 189, 426
Голлидэй С.Е. 279–281, 326, 457, 470
Головина А.С. 212–213, 216–217, 219, 220, 257, 274–275, 433, 448, 450, 477
Голсуорси Дж. 367
Гольдштейн М.Л. 478
Гомер 29
Гончаров И.А. 395
Гончарова Н.Н. 105
Гончарова Н.С. 99, 195, 107, 108, 110, 115, 122, 130, 132, 136, 139, 141, 171, 184, 396, 397, 408, 411, 442, 477
Гоппе Г. 434
Горский И. 352, 474
Горький М. 59, 175, 385
Гоцци К. 392
Гримм, бр. 89, 393
Громова Н.А. 477
Гронская Н.Н. 205–208, 211, 215, 218–219, 221–223, 262, 430
Гронские, семья 298, 435
Гронский Н.П. 87, 90–92, 204–208, 211–222, 251, 262, 298, 358, 391, 393, 429–433, 435, 464, 469–470, 477
Гронский П.П. 205–207, 211–215, 218, 222–223, 430, 435
Гуковский А.И. 478
Гуль Р.Б. 443
Гумилев Н.С. 414
Гюго В. 280–281, 445, 457
Гюндероде К. фон 404

Давид (библ.) 330, 333, 471
Даль В.И. 232, 439

- Даманская А.Ф. 170, 419–420
 Дандова М. 359
 Дантес Ж. 270
 Даргомьжский А.С. 402
 Даусон-Скотт К. 367
 Дашков Н. см. Вейдле В.В.
 Декобра М. 388
 Демидов И.П. 212, 217–218, 434
 Деникин А.И. 222, 430, 435
 Деникины, семья 435
 Державин Г.Р. 383, 430, 435
 Детуш 394
 Джойс Дж. 452
 Дизраэли Б. см. Disraeli В.
 Диккенс Ч. 288, 462
 Дикселиус Х. см. Dixelius Н.
 Добужинский М.В. 46, 378
 Доде А. 316, 445, 468
 Достоевский Ф.М. 7, 8, 133, 135, 383, 388, 405, 406, 409, 460, 475
 Дрейр К. 388
 Дункан Р. 440
 Дурново Е.П. 427
 Дуун О. см. Duun О.
 Дэвис Р. 359, 422
 Дюбурвье Н. 359
 Дюкомэ П. 342, 343, 345, 350, 473
 Дюма А. 445

- Евреинов Б.А. 85, 391
 Евреинова Н.Б. 85, 391
 Егорий Храбрый 21, 366
 Елена (миф.) см. Елена (произведения)
 Еленев Н.А. 67, 120, 122, 369, 387, 403, 426
 Еленева Е.И. 189, 426
 Елпатьевский С.Я. 224, 436
 Еремеева З.Н. см. Пастернак З.Н.
 Есенин С.А. 364, 414

- Жанна д`Арк 74, 325, 470
Жегулина см. Жекулина А.В.
Жекулина А.В. 84–85, 390, 391
Жербо А. см. Gerbault A.
Жолио-Кюри Ф. см. Joliot F.
- Заблоцкий М.Л. 28, 49, 369–370
Завадская К.И. 89, 94–95, 117, 393, 403
Завадский В.А. 85–86, 391
Завадский С.В. 40, 42, 83–84, 89, 94, 117, 134, 372, 377, 390, 403
Завадский Ю.А. 382
Завазал З.И. 100, 396
Зайцев Б.К. 42, 430
Зайцев К.И. 388
Замятин Е.И. 241, 441, 465
Замятина Л.Н. 241, 441, 465
Занд Ж. см. Санд Ж.
Зей Ж. 454
Зензинов В.М. 462
Зиновьев Г.Е. 451
Зиновьева-Аннибал Л.Д. (ошиб.: Зиновьева-Ганнибал) 66, 387
Зноско-Боровский Е.А. 161, 418
Зубова Л.В. 384
- Иванов В.Д. (Владик) 83, 89, 134, 390, 392
Иванов Вяч. И. 66, 387
Иванов Г.В. 407, 442
Иванова А.А. 397
Иваск Ю.П. 432
Иден (Идэн) А. см. Iden A.
Извольская Е.А. 139–141, 146, 148, 157, 162, 166, 169, 410–411, 415
Иисус Христос 256, 313, 447, 467
Иловайская В.Д. 174, 243, 421
Иловайский Д.И. 174, 175, 179, 243, 421, 440
Ильин В.Н. 418
Ильин И.А. 383
Инкижинов В.И. 434
Иоанн (библ.) 214

- Иоанн Грозный 187
 Иов (библ.) 79, 389
- Каменев Л.Б. 451
 Кант И. 318, 468
 Кантор М.Л. 428, 478
 Карлинский С.А. 480
 Карницкая Н.К. 193, 427
 Карсавин Л.П. 55, 58, 89, 103, 381, 384, 388, 418, 419
 Карсавина Л.Н. 415, 419
 Карсавины, семья 169, 381, 419
 Кассандра (миф.) 285, 460–461
 Катанян В.А. 395
 Кафка Ф. 284, 460
 Керенский А.Ф. 248–249, 253, 443–445, 478
 Кизеветгер А.А. 362
 Кинский, род 221, 434
 Кипренский О.А. 383
 Кирилл Владимирович 36, 375
 Киришон В.М. 442
 Кист Е. см. Рейтлингер Е.Н.
 Киттен Р. 402
 Клеобис (миф.) 431
 Клепинины 347
 Клиффорд-Барни Н. 415
 Клодель П. 454
 Клюкин Ю.П. 417, 448
 Кобылинский Е.С. 248, 444
 Коваленская Н.Г. 365, 366
 Колбасина-Чернова О.Е. 32, 109, 115, 369, 371, 372, 398, 456
 Коль Ф. 367
 Кондаков Н.П. 16, 363
 Кондратьев В. 347, 473
 Коркина Е.Б. 414, 429, 430, 476–477
 Котляров Ю. 402
 Крайний Антон, см. Гиппиус З.Н.
 Крамарж К. 406
 Крамарж Н.Н. 405–406, 416

- Кратохвилова 33
Кроткова Х.П. 360
Крутикова М.Г. 476
Крылов И.А. 169, 419
Кубка Ф. 17, 23, 24, 35, 364, 367, 368, 371, 416
Кудрова И.В. 357, 407, 458, 473, 477, 479–480
Кузмин М.А. 249, 253, 444
Кузнецова Г.Н. 240–241, 440–441
Кузнецова Т.В. 382
Кулаковский С. 432
Кульман Н.К. 439
Кунци Д. 472
Куприн А.И. 378, 436
Курц А. 365
Курц З. 19, 365
Кюри Е. см. Curie E.
Кюри И. см. Curie I.
Кюри П. см. Curie P.
- Лагерлёф С. 133, 177, 191, 251–252, 279, 408, 423, 457
Лазаревский Б.А. 378
Ланцкоронский К. 451
Лебедев В.И. 41, 69, 136–137, 377, 401, 410, 478
Лебедев В.М. 107, 397
Лебедева И.В. 138, 154, 401, 416, 455
Лебедева М.Н. 136–137, 154, 272, 401, 409, 415, 416, 455
Лебедевы 113, 138, 151, 184, 246, 251, 274, 377, 401
Лева см. Савинков Л.Б.
Левцов У. фон 456
Левик В.В. 275, 456
Легра Ж. 454
Ледоховская (Ледуховская) М. 181
Леман Р. см. Lehman R.
Ленау Н. 445
Леонардо да Винчи 7, 285, 460–461
Лермонтов М.Ю. 445
Лесков Н.С. 133
Леспинас Ж. см. Lespinasse J., de

- Ливак Л. 359, 398
 Лирондель А. 454, 455
 Ломоносов М.В. 383
 Ломоносова Р.Н. 407, 411, 413
 Лондон Дж. 30, 371
 Лопухин А.Ф. 434
 Лопухина Е.Ф. 434
 Лосская В. 344, 351, 359, 382, 394, 425, 472, 476–477
 Лосские 393
 Лосский Б.Н. 392–393
 Лосский В.Н. 392
 Лосский Н.О. 89, 392
 Лубяникова Е.И. 363
 Лука Евангелист, св. 256, 447
 Лутохин Д.А. 367
 Людвиг Э. 187, 425
 Людовик XV 380
 Людовик XI 187
 Ляцкий Е.А. 363, 367
- Мазон А. 271, 454, 455
 Максецкий В.А. 359
 Малашкин Л.Д. 402
 Малер Е.Э. 231, 236, 437
 Мальро А. 252, 445
 Мандельштам О.Э. 373
 Манциарли И.В. де 411
 Мария (Богоматерь) 256, 447
 Мария Антуанетта 417
 Марк Львович см. Слоним М.Л.
 Марр Н.Я. 75, 388
 Масарик Т. 370, 457
 Матгаузер З. 479
 Махин Ф.Е. 130, 407
 Мацурова Н. 359
 Маяковский В.В. 8–9, 98, 100, 108, 130, 132, 202, 364, 395,
 396, 398, 408, 414, 429
 Мейн А.Д. 181, 269, 277, 424

- Мейн М.А. 6, 338, 370, 378, 424
Мейринк Г. 319, 468
Мельникова-Папоушек Н.Ф. 375
Менделеев Д.И. 383
Мережковский Д.С. 7, 175, 248, 378, 422, 432, 442, 461
Меркурьева В.А. 465
Метерлинк М. 89
Микеланджело Б. 414
Милашевский А.В. 478
Миллер Е.К. 458
Милюков П.Н. 53, 174, 380, 430, 456, 478
Минц А. М. 442
Мирский Д. см. Святополк-Мирский Д.П.
Мистраль Ф. 465
Михаил Архистратиг (ветхозаветн.) 364
Мнухин Л.А. 418, 422, 443, 471, 477, 479
Мольер 445
Морковин В.В. 3, 4, 357, 367, 371, 389, 402, 405, 410, 435,
451–452, 456, 458, 474, 477, 479–480
Моруа А. 454
Муромцева-Бунина В.Н. см. Бунина В.Н.
Мусоргский М.П. 402
Мухина В.И. 456
Мюссе А. 445
Мягких см. Мягков
Мягков А.Г. 89, 392
Мягков Г.А. 89, 392
Мягкова В.В. 89, 392
Мягкова Л.А. 89, 392
Мякотин В.А. 89, 362
- Наполеон I 25, 116, 187, 249, 271, 288, 305, 368, 425, 455, 462, 466
Наполеон II (сын) 187, 305
Неандер Б.Н. 59, 385
Недзельский Е.Л. 384
Неедлы З. 8
Нейгауз Г.Г. 414
Немцова Б. 6

- Неруда Я. 6
 Несслер В. 389
 Нечаев В.П. 360
 Нидерле Л. 16, 363
 Никитин В.П. 384
 Николай I 270
 Николай II 248, 375, 444
 Николай Николаевич 36, 375
 Нобель А. 175, 313
- Оболенские 228
 Обрусникова Л. 480
 Одоевцева И.В. 121–122. 404, 442
 Орфей (миф.) 55, 381
 Осоргин М.А. 35, 36, 374
 Островский А.Н. 20, 365
 Охрименко Л.В. 359
 Оцуп Н.А. 391–392, 403, 407, 411, 418
- Павлов И.П. 383
 Павлова К.К. 445
 Палацкий Ф. 6
 Панкратов В.С. 248, 444
 Панченко А.М. 480
 Папен Р. см. Papin R.
 Парэн Б. 142, 411
 Пастернак Б.Л. (Борис) 17, 64, 82, 83, 85, 101, 110, 147, 187,
 202, 225, 240, 241, 245, 263, 268, 277, 364, 390, 398, 413–414,
 436–437, 453, 442, 451, 452, 471
 Пастернак Е.Б. 147, 414
 Пастернак Евг. В. 147, 413
 Пастернак З.Н. 147, 414
 Пастернак Л.О. 85, 391
 Пастернаки, семья 414
 Патти А. 202, 429
 Перро Ш. 440
 Петр I 16, 143, 217, 362, 383, 412, 434
 Пильняк Б.А. 147, 413

- Поволоцкий Я.Е. 390
Позняков Н.С. 347, 474
Покровская Е.М. 399–400
Полторацкий Н.П. 480
Помпадур, маркиза см. Pompadour J.
Понтий Пилат 447
Поплавский Б.Ю. 107, 398, 407, 418
Порецкий см. Рейсс И.
Прево де Лоней см. Prevost de Launey
Приам (миф.) 460
Пршемысл II 467
Пруст М. 211, 432–433
Публий Лентул 256, 446–447
Пугачёв Е.И. 456
Путерман И.Е. 62, 82, 386
Пушкин А.С. 152, 153, 161, 256–257, 260–262, 268–271, 383, 386, 396, 418, 440, 445, 447–448, 450–456
- Рабинович М.А. 402
Рафальский С.М. 360, 368
Рахманинов С.В. 383
Резвушкин В.Н. 359
Резникова Н.В. см. Чернова Н.В.
Рей-Гонно Е. 395
Рейсс И. 5, 347, 458, 462, 473–474
Рейтлингер (Кист) Е. (К.) Н. 117, 120, 165, 167, 171, 236, 341, 403, 405, 419, 472
Рейтлингер Н.А. 117, 120, 403
Рейтлингер Ю.Н. (сестра Иоанна) 171, 236–237, 403, 420, 439
Рельштаб Л. 198, 428
Ремизов А.М. 109, 146, 373, 378, 398–399, 413
Ржиха Я. 448
Рильке Р.М. (Rilke) 7, 55–59, 63–65, 74, 92, 96–97, 99, 101–102, 104–105, 108, 120–121, 134, 160, 189, 202, 211, 263–268, 276–277, 287, 295, 323, 381, 383, 384, 386, 393–396, 404, 409, 417, 425–426, 429, 451–453, 461, 469–470, 477
Роден О. см. Rodin A.
Родзевич К.Б. 78, 201, 325, 389, 429, 470

- Розанов В.В. 53, 381
 Роланд 369
 Роллен М. 347
 Рони, писатель 367
 Росси Ф. 345, 349–350, 474
 Ростан Э. 91, 393
 Ротшильд 197
 Рошжаклен А., де ла см. Rochejaguelin H., de la
 Рошжаклен Л. де ла см. Rochejaguelin L., de la
 Рубинштейн А.Г. 338
 Рубинштейн И.Л. 193, 427
 Руднев В.В. 47–48, 174, 358, 379, 380, 386, 415, 423, 425,
 420–421, 443–445, 477, 478
 Руссо Ж. Ж. 131, 408
- Саакянц А.А. 364, 413, 416, 477
 Савинков Б.В. 392, 474
 Савинков Л.Б. (Лева) 474
 Савицкая В.И. 97–98, 394
 Савицкий П.Н. 97–98, 101, 103, 394, 396
 Санд Жорж 28, 240, 267, 370
 Саул (библ.) 333, 471
 Свистунова Н.А. 145, 412
 Святополк-Мирский Д.П. 62, 144, 151, 373, 391, 395, 412,
 459, 476
 Семенов Ю.Ф. 478
 Симеон (библ.) 313, 467
 Скачков М.Н. 360
 Склодовская-Кюри М. 296, 464
 Скотт В. 187
 Скрябин А.Н. 399
 Сладек З. см. Sladek Z.
 Слоним М.Л. (Марк Львович) 19, 25, 41, 55–57, 59, 68–70, 72,
 73, 79, 83, 95–96, 100, 102, 106–107, 110, 115–117, 120–121, 127,
 136, 141, 142, 146, 167–168, 252, 263, 271, 297, 302, 365, 367, 368,
 381–382, 383, 387, 392, 394, 396, 397, 399, 405, 411, 418, 478
 Сметана Б. 230, 437
 Смиренский Д.М. 347, 350, 473

- Смирнов И.П. 480
Соколов Н.А. 444
Солженицын А.И. 452
Соловьев В.С. 7
Сологуб Ф.К. 414
Соломон (библ.) 139, 410
Сомов К.А. 383
Сосинский В.Б. 115, 371, 372, 399, 401, 418, 444
Сталин И.В. 238, 245, 246, 442
Сталинская Л.А. 108–109, 398
Сталинский Е.А. 41, 107–108, 377, 398, 438, 478
Сталинский Е.Е. 438
Степанов И.В. 185, 424–425
Степун Ф.А. 21, 366, 375
Столыпин П.А. 383
Стравинский И.Ф. 117, 402
Струве Г.П. 357, 384, 398, 480
Струве Л.П. 384
Струве П.Б. 35, 36, 58, 59, 374, 383, 388, 478
Суворова К.Н. 434
Сувчинская А. 347
Сувчинская В.А. 89, 392
Сувчинский П.П. 55, 74–75, 77, 89, 284, 372, 381, 388, 395,
396, 459, 476
Сухомлин В.В. 478
- Таганов Л.Н. 433
Тезей (миф.) см. Тезей (произведения)
Телицын В.Л. 359
Тереза Лизьеская (Тереза маленькая), св. 285, 460
Тер-Погосян М.М. 478
Теска А. 6
Тескова А.В. 6, 18, 24, 28, 44, 60, 90, 129, 163, 172, 229, 261,
322, 364, 370, 450
Тескова Августа (А.А.) 6, 28, 44, 60, 107, 129, 262, 263, 267,
271, 287, 318, 323, 353, 368, 370, 450–451
Тихонов Н.С. 398
Толкачева Е.В. 359

- Толстая С.А. 106, 397
 Толстой А.Н. 143, 412
 Толстой Л.Н. 7, 106, 175, 191, 376, 414, 422, 441
 Трубецкой Н.С. 396
 Трубицына А. 359
 Трухачев А.Б. 245, 442
 Тургенев И.С. 255
 Туржанская А.З. 50, 55, 102, 109, 378, 381, 398
 Туржанская З.К. 55, 381
 Туржанские 55, 378
 Туржанский Виктор К. 378, 381
 Туржанский Владимир К. 50, 55, 381
 Туржанский О.В. 55, 378
 Туринцев А.А. 367
 Тынянов Ю. Н. 62, 386
 Тэффи Н.А. 42, 85, 391, 407
 Тютчев Ф.И. 234, 399
- Унбегаун Б.Г. 232, 389, 439
 Унбегаун Е.И. 232, 439
 Унбегауны 241, 441
 Унсет (Унсед, Унстед, Unsed) С. 13, 160, 164, 177–178, 195,
 196, 202, 246–247, 251–252, 278–279, 324, 353, 408, 423, 428–429,
 442, 449, 453, 457
- Фаворские 241, 441
 Фальконетти Р. 388
 Фаркас Н. 434
 Федоров М.С. 371
 Федотов Г.П. 409, 418
 Федра (миф.) см. Федра (произведения)
 Фейхтвангер Л. 300, 465
 Фет А.А. 445
 Философов Д.В. 432
 Флейшман Л.С. 395, 396, 436, 451
 Флоровский Г.В. 441
 Фокин М.М. 427
 Фондаминский (Бунаков) И.И. 284–285, 418, 457, 460, 478

Форст В. 429

Фортуни П. см. Fortuny P.

Фошэ см. Faucher

Франк В.С. 265–267, 276, 451–452

Франк С.Л. 409, 452

Франциск Ассизский, св. 354

Харджиев Н.И. 434

Хашек Я. см. Гашек Я.

Хенкин К.В. 350, 474

Хлебников В.В. 437

Ходасевич В.Ф. 59, 208, 213, 385, 442

Хольтхузен Г.Э. 425–426

Хубер П. 472

Цветаев А.И. (Андрей) 181, 243, 424, 442

Цветаев И.В. 174, 181, 187, 224, 243, 253, 338, 421, 436

Цветаева А.И. (Ася) 149, 245, 252, 273, 378, 414, 438, 446, 455

Цветаева В.И. (Валерия) 175, 181, 240, 422, 424, 440

Цветковская Е.К. 325, 470

Цезарь Г.Ю. 447

Чайковский П.И. 402

Чапек К. 299, 305, 312–313, 316–317, 319, 367, 465, 467, 468

Чемберлен Н. 303, 304, 466

Чернов В.М. 371

Чернова А.В. (Адя) 115, 365, 371, 401

Чернова Н.В. 371–372

Чернова О.В. 371

Чернова О.Е. см. Колбасина-Чернова О.Е.

Черносвитова Е.А. 64, 386

Черчилль У. (Churchill) 305, 306, 467

Чехов А.П. 230

Чингис-Хан 58, 383

Чириков Е.Е. 363

Чириков Е.Н. 224, 361, 362–363, 376

Чирикова В.Г. 19, 362, 363, 365

Чирикова Н.Е. 38, 51, 376

Чирикова-Шнитникова Л.Е. 363

- Чириковы 16, 38, 55, 362, 363
 Чистоганов А. 350, 474
- Шаляпин Ф.И. 117, 402
 Шамиссо А. фон 267–268, 429, 445, 452
 Шаховская З.А. 447
 Шаховской Д.А. (архиепископ Иоанн) 41, 377
 Шваб Г. (Schwab) 39
 Шевеленко И.Д. 395, 414, 477
 Шевченко Е.С. 374
 Шенье А. 300, 465
 Шестов Л. 373
 Шеффель И.В. фон 81, 82, 96, 389
 Шильдбах Г. 345, 349, 474
 Шимек Л. 369
 Шмелев И.С. 378
 Шмид (Шмидт) Й.Х. 274, 456
 Шопен Ф. 24, 28, 80, 240, 316, 322
 Шоу Б. 317, 468
 Штейгер А.С. 160, 257–259, 260, 274–275, 417, 448–450
 Штейгеры, семья 448
 Штейнберг А.З. 388
 Штейнер Рената 345, 347–350, 474
 Штейнер Рудольф 57, 382
 Штепанек Я. 402
 Штольц де 104, 397
 Шторм Т. 71, 74, 90, 388
 Штранге М.М. 347, 473
 Штранге, семья 347
 Шуберт Ф. 198, 221, 428–429
 Шуман Р. 402
 Шухаев В.И. 184, 424
- Щеголев П.Е. 270, 445, 454
- Эйснер А.В. 107, 161, 163, 398, 418–419
 Эккерман И.П. 302, 466
 Эль Кораиз ибн Онаиф (El Korayz ibn Onayf) 291, 293
 Эль Саманаль (El Samaoual) 292, 293

Эткинд Е.Г. 473

Эфрон Е.Я. 413, 455

Эфрон К.Я. 427

Эшенбах В. фон 428

Юрчинова Э. 22, 23, 27, 28, 31, 33, 35, 129, 366

Яблоновский А.А. 35, 36, 374

Яблоновский С.В. 161, 418

Яковлев А.Е. 424

Яковлев В.В. 248, 444

Яновский В.С. 437

Яснов М. 293–294

Abel см. Абель Л.-Е.

Arnautová М. 481

Běloševská L. см. Белошевская Л.Н.

Bém A.L. см. Бем А.Л.

Beteille 343, 350

Bleichroder 197

Borel R. 349

Bubeniková М. см. Бубеникова М.

Buck Pearl 283, 457

Bureau 343, 344

Cochin, супруги 348

Curie E. 296, 464

Curie I. 296, 299, 464

Curie P. 464

Disraeli B. 304, 466

Dixelius H. 177–178, 188, 422, 425

Dostál Vladimír 481

Ducomet P. см. Дюкомэ П.

Duguesclin см. Гесклен Б. дю

Duun O. 178, 422–423

Faucher 290, 463

Fortuny P. 295, 463

Gerbault A. 157–159, 417

Gladstone W. 304, 466

Gratien 343

- Iden A. 305, 306, 466
Joliot F. 296, 299, 464
Lehman R. 319, 468
Lespinasse J., de 92, 393
Papin R. 342–346, 348, 351
Pompadour J. 52, 380
Prevost de Launey 304
Robert J. 57, 60, 63
Rochejaguelin H., de la 37, 375
Rochejaguelin L., de la 375–376
Rodin A. 469–470.
Rollin M. см. Роллен М.
Rossi F см. Росси Ф.
Schildbach G. см. Шильдбах Г.
Schmid (Chanoine) см. Шмид Й.Х.
Sladek Z. 358, 476
Smith G.S. 476
Steiner R. см. Штейнер Рената.
Subilla 349
Sudry 343
Svistounoff см. Свистунова Н.А.
Vachalovská L. 8, 412, 476

**УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ,
УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ**

- Але (цикл) 361
Анне Ахматовой (цикл) 361
Ариадна 73, 76, 376, 380

Башня в плюще 173, 421
«Беглецы? – Вестовые?..» (Деревья, 5) 332, 471
«Бич жандармов, бог студентов...» (Стихи к Пушкину) 453–454
Бузина («Бузина цельный сад залила!..») 153, 416

«В смертных изверьясь...» (Деревья, 1) 329, 471
Версты I, сб. 338
Версты II, сб. 338
Вечерний альбом, сб. 338, 390

- Волшебный фонарь, сб. 338
Вольный проезд 17–19, 340, 364
«Вся его наука – ...» (Станок, Стихи к Пушкину) 454
- Герой труда 23, 24, 340
Гнев Афродиты 376
«Горы – турам поприще!...» (Стихи к Чехии, 2) 309–312, 315, 467
- Два «Лесных Царя» 174, 178, 421, 422, 423
Деревья (1–9) 9, 64, 329–337, 386, 471
Дом («Из-под нахмуренных бровей...») 153, 416
Дом («Лопушиный, ромашный...») 439
Дом у Старого Пимена 173–174, 178–179, 188, 421, 423, 440
«Други! Братственный сонм!...» (Деревья, 4) 331, 471
- Егорушка 21, 366
Елена 73, 76, 376
«Есть на карте – место...» (Стихи к Чехии, 3) 301, 311–312, 467
- Живое о живом 165, 170, 179, 385, 419, 423
- Записные книжки 358, 382, 455, 477
«Засыхали в небе изумрудном...» 243, 441
Земные приметы 364
- «И кто-то, упав на карту...» 443
«Идешь, на меня похожий...» 364
Из дневника 372
Искусство при свете совести 156, 159, 163, 416–417
История одного посвящения 151, 152, 414, 416
- «К озеру вышла. Крут берег...» 393
«Каким найдем...» (Деревья, 9) 336
Каменный ангел 457
Китаец 197, 428
«Когда обидой – опилась...» (Деревья, 2) 330, 471
Комедьянт (цикл) 382
Конец Казановы 339
Красный бычок 340, 391

- Крысолов 30, 68, 339, 370, 412
 «Кто-то едет – к смертной победе...» (Деревья, 8) 335, 471
 «Купальщицами. В легкий круг...» (Деревья, 3) 331, 471
- «Ледяная тиара гор – ...» (Стихи к сироте) 450
 Лестница 47, 339, 379
- Мать и музыка 220, 434
 Маяковскому (цикл) 132, 408
 «Между воскресеньем и субботой...» 323–324, 470
 Метель 17, 339
 Минута («Минута: минушая: минешь!...») 410
 Мои службы 340, 372
 Мой ответ Осипу Манделъштаму 35, 373
 Мой Пушкин 268, 271, 315, 452–453
 Мблodeц 68, 83, 339, 390, 400, 407–408, 412, 461
 Мблodeц (Le Gars) (фр.) 105, 130, 132–134, 136, 139, 141–142, 151, 171, 397, 411
 Моя встреча с Андреем Белым см. Пленный дух
- Надгробие (цикл) 431
 Народ («Его и пуля не берет – ...») (Стихи к Чехии) 324, 470
 Наталья Гончарова 99, 105, 107, 108, 110, 115, 128, 135, 141, 340, 398, 409, 441
 «Не краской, не кистью!...» (Деревья, 6) 333, 471
 «Не сегодня-завтра растает снег...» 393
 «Не флотом, не потом, не задом...» (Петр и Пушкин, Стихи к Пушкину) 454
 Нездешний вечер 249, 253, 444–445
 Несколько писем Райнер Мария Рильке 102, 104–105, 108, 396, 404
 Новогоднее 57, 63, 83, 263, 383, 390, 391, 472
 «Ночного гостя не застанешь...» 92, 393
- О благодарности 340
 О Германии 34
 О книге Н.П. Гронского «Стихи и поэмы» 431
 О любви 372
 О новой русской детской книге 142, 412

- Ода пешему ходу 152, 153, 416
Отец и его музей 253, 446
- Памяти Н.П. Гронского (цикл) см. Надгробие
Певица 236, 439
Переводы А.С. Пушкина (на фр. язык) 256–257, 260–262, 271, 447–448
Перекоп 96, 126, 128, 139, 141–142, 145, 340, 388, 400, 405, 411
Письмо к Рильке (Новогоднее) 339
Плащ (цикл) 361
Пленный дух 196, 424, 426
Повесть о Сонечке 279–281, 326, 382, 457
«Полон и просторен...» (Стихи к Чехии, 1) 306–308
Попытка комнаты 47, 87, 339, 379, 391
«Посадила яблоньку...» 393
После России, сб. 62, 68, 70, 80–82, 85, 211, 339, 386, 389–390, 392, 400, 471, 472
Посмертный подарок. см. Поэт-альпинист
«Потусторонним...» (Поэт и царь, Стихи к Пушкину) 270, 454
Поэма Воздуха 340
Поэма Горы 68, 76, 339, 429
Поэма Конца 68, 76, 78, 147, 201, 339, 372, 414, 429
Поэма о Царской Семье 134, 139, 149, 406–407, 443
«Поэт – издалика заводит речь...» 55, 381
Поэт и время 159, 161, 251
Поэт о критике 35, 36, 374–375
Поэт-альпинист 205, 207, 215, 217, 219, 220, 222–223, 430, 435
Поэты (цикл) 381
Пражский рыцарь 369
«Преодоление...» (Стихи к Пушкину) 454
Приключение 34, 339, 457
«Приключилась с ним странная хворь...» 393
Прокрасться («А может, лучшая победа...») 257, 448
Психея, сб. 340
Пушкин и Пугачев 277, 456
- Разлука, сб. 340
Ремесло, сб. 339, 418, 472
Родина («О, неподатливый язык...») 234, 439
Роландов рог («Как нежный шут о злом своем уродстве...») 421

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

- С моря 47, 83, 339, 379, 390, 391
Световой ливень 340, 390
Сводные тетради 358, 398, 419, 427, 429, 477
«Семеро, семеро...» 462
«Семь мечей пронзали сердце...» 462
«Семь холмов – как семь колоколов...» 462
Сказка матери 211, 442
Слово о Бальмонте 253, 446
«Снеговая тиара гор – ...» (Стихи к сироте) 260, 450
Стихи к Блоку, сб. 340
Стихи к Пушкину (цикл) 152–153, 269–270, 416, 453–454
Стихи к сироте (цикл) 448
Стихи к Сонечке (цикл) 457
Стихи к Чехии (цикл) 301, 306–312, 315, 321–322, 466, 467
Стихи о Москве (цикл) 400
- «Та, что без видения спала – ...» (Деревья, 7) 335, 471
Твоя смерть 7, 57, 63, 85, 96–97, 102, 340, 383, 386, 397
Тезей 39, 48, 52, 60, 68, 73, 76, 83, 339, 376, 385
«Тише, хвала!...» 389
«Ты думаешь: очередной обман!...» 462
- Федра 63, 73, 76, 83, 96, 100, 128, 340, 376
Феникс 34, 457
Флорентийские ночи 170, 420
Фортуна 34, 339, 457
- Хвала богатым 404
Хлыстовки 194, 428
- Царь-Деввица 339, 400, 443
- Чердачное 364
Черт 197, 428
- Юношеские стихи, сб. 95, 338, 394
- Le Gars см. Мблodeц (фр.)

СОДЕРЖАНИЕ

Антонин Главачек. Ваш голос – неизменная радость
(Марина Цветаева и Анна Тескова) 3 –

Письма

1. 2\15 ноября 1922	13	359
2. 5 декабря 1924	13	360
3. 11 января 1925	15	361
4. 2 февраля 1925	15	361
5. 10 февраля 1925	16	362
6. 15 февраля 1925	18	364
7. 26 февраля 1925	19	365
8. 20 апреля 1925	20	365
9. 3 мая 1925	21	366
10. <14 мая 1925>	22	367
11. 26 июня 1925	22	367
12. 12 августа 1925	23	367
13. 9 сентября 1925	24	368
14. 1 октября 1925	25	368
15. 6 октября 1925	27	369
16. 26 октября 1925	28	369
17. 28 октября 1925.....	29	370
18. 7 декабря 1925	30	370
19. 19 декабря 1925	32	371
20. 30 декабря 1925	34	372
21. 24 марта 1926	35	373
22. 9 мая 1926	35	373
23. 8 июня 1926	36	374
24. 20 июля 1926	39	376
25. <Около 1-го августа 1926>	42	378
26. 24 сентября 1926	44	378
27. 24 сентября 1926	48	380
28. 12 октября 1926	50	380
29. 18 декабря 1926	52	380
30. 15 января 1927	54	381
31. 21 февраля 1927	57	383
32. Третий день Пасхи 1927	60	385

СОДЕРЖАНИЕ

33. 4 октября 1927	65	387
34. 20 октября 1927	68	387
35. 28 ноября 1927	70	388
36. 12 декабря 1927	74	388
37. Сочельник 1927	77	389
38. 3 января 1928	78	389
39 10 февраля 1928	80	389
40. Февраль 1928	81	389
41. 11 марта 1928	84	390
42. 10 апреля 1928	87	391
43. 1 августа 1928	88	392
44. 9 сентября 1928	90	393
45. 25 сентября 1928	94	393
46. 18 ноября 1928	94	393
47. 29/30 ноября 1928	96	394
48. 1 января 1929	99	395
49. 9 января 1929	100	396
50. 22 января 1929	101	396
51. 19 февраля 1929	103	397
52. 17 марта 1929	106	397
53. 7 апреля 1929	108	398
54. 19 июня / 7 июля 1929	111	399
55. 7 августа 1929	113	401
56. 6 сентября 1929	116	402
57. 30 сентября 1929	118	403
58. 26 октября 1929	124	405
59. <1929>	126	405
60. 25 декабря 1929	127	406
61. 21 апреля 1930	129	407
62. <Сентябрь 1930>	131	408
63. 17 октября 1930	132	408
64. 17 ноября 1930	135	409
65. <Декабрь 1930>	137	410
66. 31 декабря 1930	137	410
67. 22 января 1931	138	410
68. 25 февраля 1931	140	411
69. 27 февраля 1931	143	412
70. 12 марта 1931	145	412

СОДЕРЖАНИЕ

71. 20 марта 1931	147 413
72. 3 июня 1931	148 414
73. 31 августа 1931	150 415
74. 14 сентября 1931	152 416
75. 8 октября 1931	153 416
76. 18 ноября 1931	155 416
77. 1/27 января 1932	156 417
78. 8 апреля 1932	162 418
79. 17 апреля 1932	164 419
80. 16 октября 1932	165 419
81. 7 марта 1933	169 419
82. 5 июля 1933	173 421
83. 24 ноября 1933	173 421
84. 11 декабря 1933	177 422
85. 26 января 1934	180 424
86. 2 февраля 1934	186 425
87. 9 апреля 1934	188 425
88. 26 мая 1934	190 426
89. 24 августа 1934	194 428
90. 24 октября 1934	196 428
91. 21 ноября 1934	198 428
92. 27 декабря 1934	204 430
93. 24 января 1935	206 431
94. 18 февраля 1935	208 432
95. 23 февраля 1935	212 433
96. 12 марта 1935	217 433
97. 23 апреля 1935	221 434
98. 2 июля 1935	223 435
99. 12 июля 1935	226 437
100. 11 августа 1935	229 437
101. 31 августа 1935	232 437
102. 30 сентября 1935	235 439
103. 28 декабря 1935	237 439
104. 20 января 1936	242 441
105. 15 февраля 1936	245 442
106. 19 марта 1936	248 443
107. 29 марта 1936	250 445
108. 7 июня 1936	253 445

СОДЕРЖАНИЕ

109. 10 июля 1936	255	446
110. 16 сентября 1936	257	448
111. 24 сентября 1936.....	261	450
112. 26 октября 1936	262	–
113. 14 ноября 1936	263	451
114. 2 января 1937	267	452
115. 26 января 1937	268	453
116. 2 мая <1937>	272	455
117. 14 июня 1937	275	456
118. 16 июля 1937	277	457
119. 27 сентября 1937	280	457
120. 17 ноября 1937	283	457
121. 3 января 1938	286	–
122. 7 февраля 1938	287	461
123. 23 мая 1938	289	462
124. 5 августа 1938	289	463
125. 24 сентября 1938	290	463
126. 3 октября 1938	296	463
127. 24 октября 1938	297	464
128. 10 ноября 1938	299	465
129. 24 ноября 1938	301	466
130. 12 декабря 1938	312	467
131. 26 декабря 1938	312	467
132. 3 января 1939	317	468
133. 23 января 1939	318	468
134. 28 февраля 1939	320	469
135. 22 мая 1939	321	469
136. 31 мая 1939	322	469
137. 7 июня 1939	323	470
138. 12 июня 1939	325	470

ПРИЛОЖЕНИЕ

Марина Цветаева. Деревья (1–9)	329	471
[Автобиография]	338	471
Письмо М. Цветаевой к А.Л. Бему	341	472
Протоколы допросов Марины Цветаевой в Министерстве внутренних дел Франции	342	472

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо А.Л. Бема А.А. Тесковой, 13 февраля 1942	352 474
Письмо А.А. Тесковой А.Л. Бему, 15 февраля 1942	353 475
Комментарии	355 –
Литература и архивы	476 –
Библиография	479 –
Указатель имен	482 –
Указатель произведений М.И. Цветаевой, упоминаемых в книге	501 –

Ц25

Цветаева М.И.

Письма к Анне Тесковой. – Болшево. Моск. обл.: Муниципальное учреждение культуры «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве». – Типография «Новости», 2008. – 512 с., ил.

ISBN 978-5-88149-326-4

Издание впервые представляет полный текст писем М.И. Цветаевой, адресованных чешскому писателю, переводчику и педагогу А.А. Тесковой. Восстановленные в текстах купюры, выделенные специальным шрифтом, воссоздают условия и малоизвестные обстоятельства творческой и личной драмы поэта в годы эмиграции.

В текстах сохранены особенности орфографии и пунктуации М.И. Цветаевой.

ББК 4Р3

ЦВЕТАЕВА МАРИНА ИВАНОВНА

ПИСЬМА К АННЕ ТЕСКОВОЙ

Корректор Г.Л. Мазалецкая

Подписано в печать 01.09.08. Формат 84×108/32.

Бумага офсетная. Печ. л. 16 + вкл.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2062

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ISBN 978-5-88149-326-4

9 785881 493264

ISBN 978-5-88149-326-4

9 785881 493264